

Григорий
КАЗЫДУБ

СЕМЬ ГЛАВКОМОВ

РВСН БЕЗ РЕТУШИ И ГРИМА

Главкомандующие РВСН

*Герой Советского Союза,
главный маршал артиллерии
Неделин М. И.*

*Дважды герой Советского Союза,
Маршал Советского Союза
Москаленко К. С.*

*Герой Советского Союза,
Маршал Советского Союза
Бирюзов С. С.*

**Дважды герой Советского Союза,
Маршал Советского Союза
Крылов Н.И.**

**Герой Социалистического Труда,
главный маршал артиллерии
Толубко В.Ф.**

**Герой Советского Союза,
генерал армии Максимов Ю.П.**

**Генерал армии,
Сергеев И.Д.**

Книга Казыдуба Григория, русского генерала, прослужившего в строю 49 календарных лет – это непредвзятый взгляд на историю создания и развития Ракетных войск стратегического назначения. Пройдя путь ракетчика с первых дней создания РВСН он, как бы изнутри, рассматривает различные периоды этой истории, анализирует политические и военные ошибки тех лет, зачастую расходясь с официальными оценками военных аналитиков и историков.

Находясь в гуще событий и людей, судьбы которых были связаны с историей войск, он достаточно правдиво описывает сложные условия и значительные трудности первых лет зарождения войск, жизнь первых военных гарнизонов ракетчиков на востоке страны. Автор впервые пытается дать оценку многогранной роли Главнокомандующего, Главного штаба, главков и служб РВСН, частично касается личных качеств военачальников, стоящих во главе армии и в частности Ракетных войск стратегического назначения.

Тема условий жизни ракетчиков, их быта в те первые годы не пользовалась особым вниманием руководства страны и Вооруженных сил. Сегодня достаточно много написано о создании грозного ракетно-ядерного оружия, названного щитом Родины, о конструкторах и ученых, чьими усилиями создавалось это оружие, о военном руководстве. Но очень мало, почти ничего не сказано о тех людях, которые ютились в бараках, частных домах в условиях Сибири, принимали это оружие, выводили его на режим боевого дежурства, содержали в исправности и постоянной боевой готовности.

Автору не надо было искать среди них героев, о которых могла бы слышать страна, они были в тайне секретов, а он их знал, жил среди них, простых русских офицеров и солдат, которые не всегда имели достаточную подготовку, плохо были оснащены, но своим неутомимым трудом и высокой самодисциплиной с честью выполняли свою священную обязанность по защите Родины.

Книга написана на документальной основе, с использованием свидетельств участников событий, а также личных наблюдений автора.

Бесспорно, книга найдет своего читателя и не только среди тех, кто был и находится в Ракетных войсках стратегического назначения.

A handwritten signature in black ink, consisting of several fluid, overlapping strokes.

**Н. Соловцов,
генерал-полковник
Командующий РВСН**

Казыдуб Григорий Иосифович

Родился в 1925 году в станице Копанской Краснодарского края. Родом из потомственных кубанских казаков. Отец в 1937 году был арестован по ложному обвинению и погиб в ГУЛАГе.

В 1956 году его дело было пересмотрено, и он был признан невиновным.

В 1942 году Григорий Иосифович Казыдуб закончил педагогическое училище и был мобилизован в армию. С этого года и до конца Великой Отечественной войны был на фронте. Закончил войну в офицерском звании в Праге. До 1952 года проходил службу в Центральной группе войск, в Австрии, а затем – в Северо-Кавказском военном округе. В 1960 году окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе. С этого же года – в Ракетных войсках стратегического назначения на командных и штабных должностях.

В 1991 году ушел в отставку.

Григорий КАЗЫДУБ

СЕМЬ ГЛАВКОМОВ

РВСН БЕЗ РЕТУШИ И ГРИМА

Москва
2004

ББК 68.52+84

К 14

ISBN 5-7281-0799-0

Глава первая

РАКЕТЫ ВМЕСТО ХЛЕБА

В декабре 1959 года в составе Вооруженных сил стали создаваться ракетные войска стратегического назначения. Руководство страны получало в свое распоряжение наступательные ядерные силы громадной мощности. Создавались условия, при которых волей одного-двух маньяков прекрасная наша планета Земля могла быть превращена в безжизненную пустыню.

Тридцать один год я отдал этому виду Вооруженных сил из всех сорока девяти, проведенных в строю.

В ракетных войсках я оказался с первых лет их зарождения и становления. В памяти свежи невероятные трудности и немалые испытания тех дней. Урал, Сибирь, Дальний Восток, глухие, необитаемые уголки России, где быстро стали возникать ракетные базы, для первых ракетчиков, их семей превратились в места лишений, страданий, больших разочарований и краха надежд. Мало об этом писалось в газетах, молчало телевидение. Доступ туда всем был наглухо перекрыт. Грандиозность и размах тех событий поражает количеством вовлеченных людей, громадностью территории, на которой развернулось сооружение таких баз.

Сотни тысяч таких, как я, представителей различных видов и родов войск в те годы были направлены в Ракетные войска стратегического назначения.

Последний курс в академии. Все наши мысли о том, куда пошлют после учебы. Кадровая возня, вызовы для бесед в связи с этим в жизни выпускников стали главным. В числе двадцати я попал в список кандидатов в Ракетные войска. Хотя академия непосредственно специалистов для этого рода войск не готовила, однако в течение всего срока обучения отводился довольно обширный курс по ракетной технике и способам боевого применения ракетных войск.

Все мы видели себя в роли общевойсковых начальников, поэтому такая крутая ломка нашей дальнейшей карьеры, вызывала противоречивые чувства. С одной стороны, – незнакомая область военного дела, с другой – заманчивая перспектива, как это нам преподносилось. Но нашего согласия не спросили, вопрос о нашем назначении был решен с новым командованием ракетчиков. Меня назначили начальником штаба ракетного полка.

Нас переодели в артиллерийскую форму и пригласили в главный штаб Ракетных войск стратегического назначения. Уголок Подмосковья, в пятнадцать километров западнее Москвы... живописные холмы, три пруда на разных

уровнях, липовые аллеи. Трудно представить, что это средняя Россия. Красивейшие леса вокруг небольшого села Одинцово нам были знакомы, здесь с первых дней учебы в академии проводилась лыжная подготовка.

В этом районе, теперь в закрытом городке, разместился только что сформированный главный штаб и другие управления главкомата. Деревянные бараки, небольшие дома старой постройки – все приспособлялось под служебные и жилые помещения.

В одном из кирпичных особняков разместились главнокомандующий и начальник главного штаба со своими канцеляриями. Вначале нас принял начальник главного штаба генерал-лейтенант Никольский М.А. На втором этаже нас представили главнокомандующему Ракетными войсками стратегического назначения главному маршалу артиллерии Неделину М.И.

Оба начальника разговор с нами вели, в основном, о секретности нового оружия. С этого момента нам запрещалось делиться с кем бы то ни было о том, что мы слышали и особенно о местах, куда мы получим назначение. Главком, кроме того, уделил внимание огромной важности Ракетных войск стратегического назначения во всей системе обороны страны и большой заботе партии и правительства, лично Н.С. Хрущева о новом виде Вооруженных сил.

Однако мы так и не услышали о том, что нас волновало больше всего: о наших задачах, об условиях, в которых развертываются войска. Хотя все вокруг нас было необычно новым, мы были удивлены скудностью того, что услышали. Трудно было представить, что на таком высоком уровне так чрезвычайно мало информации об обстановке в войсках. В этом мы убедились позже. Среди многих работников аппарата витал дух романтизма, царил оптимистическое настроение, оно было оправданно тем, что большинство получило большие посты, ждали высоких званий. Небольшой по своему составу штаб инженерно-ракетных частей разросся в орган с многочисленными главками, управлениями, службами, научно-исследовательскими учреждениями.

На западе страны были развернуты и несли боевое дежурство две большие ракетные армии. С начала года ракетные войска стали пополняться семью ракетными корпусами, которые начали развертывание на остальной территории страны. Динамичная обстановка, безусловно, требовала высокой организации, невероятных усилий по поддержанию порядка и титанической работы по испытаниям оружия и ввода его в строй.

Поезд мчится на восток. В одном вагоне мои однокашники по академии, тоже, как и я, получившие назначение в Сибирь. Я еду с семьей в Новосибирск. Но друг другу об этом не говорим. По пути узнаем, что нас разбросали от Владимира до Хабаровска. Вместе со мною вагон покинули подполковники Еремеев И.М., Сисин Н.П., Сержантов Ф.Н., Лукманов Ш.Ф. Незнакомый город... Конечно, нас никто не встречал. С семьями, немудреным своим скарбом мы оказались на вокзале. Мы знаем номера своих частей, но такие части не числятся даже в комендатуре. После длительных поисков нашли

штаб военного округа, где нам рассказали, как найти городок нашей части. Перед нашими глазами предстал полуразрушенный городок, заброшенный, как нам сказали, еще со времен войны. Картина страшного запустения, так называемые николаевские казармы в последний раз были покинуты воинами-сибиряками, ушедшими на защиту Москвы. Обвалившиеся кирпичные казармы зияли проемами окон и дверей. Водопровод бездействовал, электричество не подведено, об отоплении речи не могло быть. Весь двор в бурьяне выше человеческого роста. Лучшего места для размещения новой ракетной части, видимо, в округе не нашлось. Известно ли об этом там, в Москве, где в ярких красках описывали прелести нового вида войск? Ничего другого нам не оставалось делать, как только возмущаться теперь уже вслух, без страха быть услышанными высоким начальством.

В глубине двора в сохранившемся, здесь кто-то жил, одноэтажном здании нас приняли начальник 47-го полигона (в действительности командир ракетного корпуса) полковник Захаров К.И. и командир ракетной бригады, в которой нам предстояло служить, полковник Зайков Н.И. Мы услышали довольно обстоятельный рассказ о том, что нас ожидает. Квартир для наших семей нет, оказывается мы поторопились с ними. Нам дали один день на их устройство. Никакой помощи даже в поисках частных квартир нам не предложили. Опять мы одни перед нашими проблемами в большом, таком не уютном для нас, городе. Но семьи на вокзале, ждут нас с надеждой, они тоже в числе обманутых.

Начались мучительные поиски хоть какого-либо жилья. В приличных домах с нами никто не хочет говорить, никаких справок на этот счет никто тогда не давал. Оставался один путь – залезать в трущобы.

В Новосибирске в те годы еще была знаменитая Каменка – трущобы, разбросанные по громадному оврагу, который делил город на две части. В этом овраге с большим трудом мне удалось найти маленькую комнату в покосившемся домике. Моя семья состояла из четырех человек. Кроме нас с женой и маленького ребенка с нами приехала мать жены. Все еще было впереди, нас ждали в этой халупе сибирские морозы.

В эти же дни в полк прибыли командир – подполковник Жуков В.А. и его заместитель по тылу подполковник Мукомол И.С. В штаб бригады, кроме командира, прибыли начальник штаба подполковник Нусинов М.С. и начальник политотдела подполковник Валов Г.Т.

Вскоре начали поступать офицеры и солдаты. Летчики, флотские офицеры, в основном подводники, танкисты, артиллеристы – представители всех видов и родов войск заполнили весь двор городка. Такую же мозаику представляли солдаты и сержанты, поступающие с Урала, Дальнего Востока и местного Сибирского военного округа. Долго мы еще потом не могли понять, в чем был замысел создания этого нового вида вооруженных сил. К традиционным сухопутным, морским и военно-воздушным войскам присоединялись ракетные. Правильно ли это?

Думается, что нет. Пехота – суша, моряки – море, летчики – воздух. А где ракетчики? В космосе! Нет, все виды войск оснащены ракетами, в том числе стратегическими. Так для чего же были созданы новые войска? Это не чисто военный вопрос, более того, с точки зрения военного это не обосновано. В этом существует элемент демонстрации, еще один из способов создания обстановки для политического накала.

Есть решение – есть исполнители. Мест для квартирования войск нет, роты, батареи, дивизионы все более пополняются. В этих условиях первой нашей заботой стала не боевая подготовка подразделений, не сколачивание их, а самая насущная – забота о хлебе, тепле, войсковом жилище.

Среди офицеров все сильнее раздавался ропот недовольства. При направлении в ракетные войска им сулили всякие блага, продвижение по службе, повышенное денежное содержание. Все оказалось дутым, неприкрытым обманом. Часть офицеров, особенно моряков и летчиков, привыкших к служебному комфорту, отказывались выполнять свои обязанности и требовали возвращения в свои части. Участились случаи прямого неповиновения. Это не могло не сказаться на поведении рядового и сержантского состава.росло количество нарушений порядка, процветали самовольные отлучки и даже оставления частей. Пьянство стало обычным явлением.

Главные трудности были впереди, когда подошло время переселять – в леса, на необжитые места, где развертывалось строительство боевых стартовых позиций.

Шла зима 1961 – 1962 гг. Морозы в районе Новосибирска достигали 40–45 градусов. В палатках, деревянных сборных казармах температура постоянно держалась ниже нуля. На стенах – снег, в умывальниках – лед. Спали в чем ходили, не раздеваясь и не разуваясь. Семейных офицеров в город отпускали не более одного раза в месяц, остальные безотлучно находились в поле. Питались очень плохо. Мяса, яиц, масла, молока не видели. Консервы, супы и каша – постоянная пища. Это потом, через несколько лет, когда были созданы сносные условия для боевого дежурства, офицерам ввели летный паек и была усилена норма питания солдатам.

Семьи офицеров были не в лучших условиях. Ежедневно с утра за черным хлебом выстаивались очереди, белого хлеба не достать. Магазины были пусты, а базаров в Новосибирске практически не было.

Если что привозили из ближайших сел, то еще на подступах к рынку все расхватывалось по любой цене.

Это были 60-е годы, годы наибольшего расцвета правления Н.С. Хрущева, пообещавшего людям через двадцать лет рай коммунизма.

С первых дней формирования ракетных частей проводился выбор мест для размещения боевых позиций. Эти работы велись скрытно, главным образом, от самих же ракетчиков. Кроме командира полка в этом «сверхважном» деле принимали участие представители высших штабов и служб.

Однако подразделения и в целом полк, были еще далеки от того состояния, чтобы им можно было вручать ракетно-ядерное оружие. Моральный дух людей полка, особенно офицеров, оставался низким.

Еще более тяжелым было положение военных строителей. Развернулись строительные работы на боевой позиции первого дивизиона. В скальном монолите началась проходка трех шахт для монтажа пусковых установок межконтинентальных ракет. На этой площадке круглосуточно трудились свыше пяти тысяч человек. Проходка шахт велась вручную. Бурились шурфы, местными взрывами разрушалась порода, которая вручную бадьей поднималась наверх. В жестокий мороз полуодетые солдаты-строители, главным образом из южных республик, существовали одной мыслью, где бы обогреться и поесть.

Сроки ввода сооружений в строй были сжаты до предела, а работы продвигались медленно. На глубине двадцати метров в шахтах воду не успевали откачивать. В скальные трещины тоннами закачивалось дорогое жидкое стекло, но вода продолжала поступать. Постепенно в эти работы втягивался весь полк, личный состав которого жил, как и строители, в лесу в палатках и приспособленных строениях.

По единому графику теперь трудились военные строители, промышленные предприятия и ракетчики для единой цели – в указанные сроки доложить руководству страны о постановке на боевое дежурство первых трех ракет в районе Новосибирска.

Бесспорно, что многие понимали тогда государственную важность этих работ. Но не более того. Как всегда в те годы желаемое выдавалось за действительное. Рабский, дешевый труд военных строителей, жуткие бытовые условия первопроходцев-ракетчиков – все это сопровождалось громадными материальными затратами, ужасающей бесхозяйственностью и неприкрытой безответственностью. Никто сегодня, а тем более в будущем, не может сказать, сколько было затрачено впустую.

По этому высокому графику на стройку стало поступать промышленное и технологическое оборудование для первых трех шахт. В основном, это были крупногабаритные конструкции весом в сотни тонн каждая. Боевая позиция, для которой все это предназначалось, находилась от железной дороги более чем в двадцати километрах. Возникла еще одна проблема – как это доставлять к местам монтажа. Выполнение этой задачи возложили на так называемого заказчика, то есть на полк, в котором к этому времени ничего, кроме людей, не было, не говоря уже о каком-либо опыте.

Помнится, я был заместителем командира полка, когда мне предложили возглавить и организовать всю эту работу. В помощь мне назначили помощника – главного инженера полка капитана Буковникова. Стали мы думать, гадать, как выполнить эту несвойственную для военных людей задачу. Пришли к выводу, что нужны специальные сани. Сварили из массивных металличе-

ких труб каркас таких саней длиной свыше 30-ти метров, впрягли в них пять мощных тракторов.

Громадный поезд, нагруженный наиболее крупными конструкциями пусковых установок – стальными стаканами – медленно двигался по лесным дорогам только ночью, чтобы никто не видел. Строительство в таких масштабах на большой территории, где было немало населенных пунктов, провести скрытно было невозможно. Можно ли было проехать на таких санях под грохот тракторов незаметно для местных жителей? Каждому из нас было понятно, что это не только смешно, но и глупо. Однако на соблюдение скрытности, на маскировку всех наших работ мы затрачивали массу усилий и времени. Разрабатывали сложные легенды, хотя знали, что они легко раскрываются.

В этом отношении мне припоминается характерный эпизод. На первых порах, для первоначального обучения все полки получили подвижные комплексы с небольшой оперативно-тактической ракетой 8Ж38. Занятия с использованием этой ракеты проводились непосредственно в военном городке в специальных палатках. Перед поступлением штатных стратегических ракет с целью легендирования полк получил артиллерийские пушки, которые демонстративно надо было возить по населенным пунктам. Этим мы должны были всех убедить, что мы артиллеристы.

Среди местных жителей по этому поводу пошел слух – ракетчики малые ракеты будут менять на большие, а охранять их будут пушками. Так что все наши усилия были напрасны. В громадном городе все жители знали, что вблизи обосновались ракетные части и по-другому, как ракетчики, нас не называли.

Но тяжелые санные поезда с громадными конструкциями продолжали двигаться только ночью с потушенными фарами.

Помню, тянули мы поезд через железнодорожное полотно. Когда сани своей серединой были уже на рельсах, за поворотом показался тепловоз, наш военный, управляемый солдатами. Сигналы нашего поста машинист не увидел и случилось то, чего мы опасались, страшный удар по самой середине саней, лопнули тросы, многотонный стакан полетел под откос. На наше счастье люди не пострадали.

Не знаю, как у других, но у меня вся эта работа вызывала какое-то чувство несерьезности. Я тогда часто задумывался над тем, почему такие большие задачи решались как бы на ходу, наспех. Вели изыскательские работы одновременно с проектированием и выполнением заказа. Мы постоянно встречались с большими погрешностями в проектах, с несоответствием поступающего из промышленности оборудования проектной документации. На местах, на ходу велось согласование, проводились доработки. Срывались графики, ломался ритм работы. Такие ошибки дорого стоили. Но тогда с этим никто не считался. Затраты никто не учитывал. Шла безудержная, пресловутая

гонка вооружений, которая требовала все больших затрат и новых жертв. Все это вряд ли вызывалось острой необходимостью нашей обороны, нашей безопасности. Набирала темп гонка неравных партнеров. На третьем, на четвертом дыхании мы всеми силами старались удержаться на «беговой дорожке», зная, что финиша в таком «соревновании» не существует.

С такими мыслями и делами мы рыли первые шахты для ракет, готовили первый дивизион на боевое дежурство. К началу 1963 года первые шахтные пусковые установки были готовы для приема ракет.

В начале лета этого же года в дивизию приехал первый заместитель министра обороны генерал-полковник Гречко А.А. Был слух, будто он курировал вновь созданные ракетные войска.

К этому времени ракетная бригада была развернута в дивизию. На должность командира был прислан после окончания Академии генерального штаба полковник Артюх М.Е., бывший артиллерист. Зенитчик Зайков, до этого командовавший бригадой, стал его заместителем по тылу.

В составе Омского ракетного корпуса и нашей новосибирской дивизии первым на боевое дежурство выходил шахтный дивизион 357-го ракетного полка. Вполне понятно, что все внимание начальников всех степеней было сосредоточено на этом дивизионе. Командир корпуса генерал-майор Медведев Д.А., назначенный вместо Захарова К.И., командир дивизии Артюх М.Е. постоянно находились на позиции.

Приезд А.А. Гречко, конечно же был большим событием для ракетчиков. Мы, полковое начальство, во главе с командиром Жуковым В.А. в эти дни буквально не покидали позицию, часто сутками оставаясь без сна.

В один из погожих летних дней на позицию дивизиона въехал огромный кортеж черных лимузинов, из второй машины вышел высокий стройный генерал в белом кителе. Важно, с каменным выражением лица, он заслушал рапорт командира полка и тут, повернувшись к командиру корпуса, раздраженно начал сыпать замечаниями. Не взглянув на командира полка и его заместителей, он приказал вести его в первую шахту. Толпа генералов местного Сибирского военного округа, москвичей во главе с длинным, отутюженным Гречко медленно стала заползать в потерну первой шахты. Первым замечанием А.А. Гречко было: «Почему в сооружении полутемно?» Что-то невнятно пытался ответить командир корпуса Д.А. Медведев, но вдруг Гречко рукавом своего белого кителя цепляется за металлическую закладную.

– Где командир полка? – взбешенным голосом закричал Гречко, на какой-то миг наступила гнетущая тишина.

– Вы что здесь не бываете? Почему вокруг торчит железо? Как люди здесь будут бежать по тревоге? – сыпал, не ожидая ответов, высокий гость. – Срезать все железо сейчас же!

С высоты такого положения позволительно давать любые указания, в том числе и подобные, хотя на этих закладных уложена масса технологического

кабеля. Все выполнено по проекту. Но командиру полка, который своими руками ощупывал каждую деталь во всех шахтах, буквально сутками не выходил из-под земли, ничего не оставалось, как громким голосом ответить кратко: «Слушаюсь!»

Приходится, к сожалению, говорить о том, что как нигде больше, в ракетных войсках наиболее явно проступает дилетантизм верхов, полная, бросающаяся в глаза, некомпетентность руководства в самых простых вопросах ракетного дела. Поэтому при посещениях ракетчиков все замечания, указания сводились к внешнему виду солдат, мусору в городках и пыли на тумбочках в казармах.

Так обстояло и в этом неприятном случае. И другое нередко приходилось из уст больших начальников слышать – площадную брань, грубость. Мы не дождались какого-либо дельного указания, а тем более помощи, в которой так нуждались полк и Новосибирская дивизия.

В июне 1963 года мне вручили телеграмму с вызовом в Москву на беседу с главнокомандующим ракетными войсками. Для меня это было неожиданностью. Местное руководство по этому поводу разговоров не вело. Правда, однажды начальник штаба корпуса генерал-майор Шевченко П.И., высказался о том, что я являюсь одним из первых кандидатов на должность командира полка.

Накануне этого вызова на мое место, заместителя командира полка, прибыл на стажировку преподаватель военно-политической академии. Я на целый год должен убыть на его место, в ту же академию, на ракетный факультет. Все же есть какая-то судьба. Я не сомневался, что если уеду в академию в качестве стажера, то останусь там навсегда. Но судьба распорядилась по-своему. Горевать по этому поводу глупо. Оставшись в войсках, я делал все от меня зависящее, чтобы быть полезным. Хотя судьба действительно уготовила мне немалые испытания. Армейская жизнь всегда была нелегкой. Постоянная готовность выполнить любой приказ. Непрерывающаяся боль за состояние дел в подразделении части, непрерывные малые и большие стрессы, особенно во время происшествий, гибели людей, выводе из строя вооружения и боевой техники и многое, многое другое никогда не становилось привычным, обыденным.

Не боюсь ошибиться, все это на порядок выше навалилось на командиров ракетчиков тех дней. Становление первых полков проходило тяжело. Неласковая Сибирь, необустроенный быт в холодных палатках, недоедание, отсутствие теплой одежды – все это сопровождалось постоянными простудами, инфекционными заболеваниями. Солдатская, да и офицерская шинели были придуманы не для Сибири. Полушубков не хватало караулам.

Незавидной была судьба офицеров. Большая часть их оставалась без семей, жилье не строилось. Все силы были брошены на строительство стартовых боевых позиций для ракетных комплексов. Офицеры, как и солдаты,

размещались в палатках или деревянных бараках без элементарных удобств, в антисанитарных условиях. Моя семья, продолжала ютиться на частной квартире. К этому времени в армии я прослужил более двадцати лет, служил в Австрии до 1952 года, в Северо-Кавказском военном округе, учился в академии. Но, как и большинство таких же офицеров, своей квартиры я никогда не имел. Каждый новый перевод по службе на другое место, а их трудно перечислить, сопровождался мучительными поисками какого-нибудь угла, рад был любой частной халупе, хотя за нее всегда надо было отрывать от нищенского жалования солидную часть.

Что говорить, нелегко жил наш народ, всегда нищенствовала моя мать, бедно жили на Кубани братья-учителя. Тогда, на фоне общей нищеты, офицеры выделялись своей обеспеченностью, красивым внешним видом, но это была только внешняя сторона. Я очень долго не имел никакой другой одежды, кроме военного костюма, шинели и сапог. Зарплаты еле хватало на питание, оплату жилья, особенно в таких курортных местах, как Анапа, Новороссийск, где к каждой весне, началу курортного сезона цены еще больше взвинчивались на жилье и на продукты. Офицеры вынуждены были забирать семьи с собой, в летние войсковые лагеря, где они продолжали ютиться в глиняных мазанках или деревянных будках.

Но я не помню, чтобы среди офицеров возникало брожение или открыто высказывалось недовольство.

Впервые с таким непривычным явлением мне пришлось столкнуться здесь, в ракетных войсках. Несомненно, мы всегда ощущали несправедливость, не видели свое убожество. Многие из нас, были на Западе, прошли Европу и невольно сравнивали. Нужно было быть безнадёжно слепым, чтобы не видеть разницы, рабского, скотского положения наших людей. И можно теперь сколько угодно удивляться тому, что люди оставались покорными, мирились. И тогда еще приходилось задумываться, в чем же загадка всему этому. Почему вольный, по крайней мере, помнящий, что такое воля, народ той же Кубани не взбунтовался еще в 1933 году, когда существующая власть учинила страшный мор этим людям. Как мог спокойно смотреть отец на своих детей, умирающих от голода. Да мало ли потом было подобных событий, взять хотя бы 1937 год. Но люди продолжали терпеть, покорно несли эту тяжелую ношу. Думаю, что это был какой-то феномен во всей истории человечества.

После войны многие офицеры беспробудно пьянствовали, находили выход в бесшабашном, бездумном проедании своих крохотных зарплат. А получали на руки офицеры очень мало. В те пятидесятые годы, я командир роты, получал 800 рублей, что после хрущевской реформы 1961 года составляло 80 рублей. Но из этой крохотной суммы ухитрялись вычитать подоходный и налог на холостяков, немало отхватывали по государственному займу. На оставшиеся копейки надо было как-то жить, а партийному – еще и выделять на взносы.

Возможно, сейчас это выглядит не так драматично, но, чтобы понять, надо через это пройти, испытать на себе. Так было.

Может быть, поэтому не всегда понятно непрерывное кликушество, главным образом журналистов о так называемой социальной защите военнослужащих. Можно ли сравнить обеспеченность офицера сегодня с тем временем, о котором я говорю. Офицер тех лет имел в буквальном смысле один-два чемодана. Сегодня выпускник военного училища везет с собою мебель, холодильник, телевизор и прочее. Денежное же содержание во много раз превышает то, что получали офицеры 50–60-х годов.

Конечно, неправомерно проводить аналогию этих двух совершенно разных периодов. Многое изменилось в стране, несомненно, богаче стали жить все люди. Так оно и должно быть. Но никто и никогда так открыто не заигрывал с армией, как это происходит сейчас. Это не только вредно для армии, но и опасно для общества.

Демагогия вокруг армии, втягивание офицеров в политические разборки – это путь ее развала, опаснейший путь превращения армии в монстра, способного повернуться против закона, против конституции. Кому это надо?

С другой стороны, армию изолировать от общества невозможно, существует теория, по которой армия – это инструмент государства, самое послушное и надежное его орудие. Бесспорно это так, когда речь идет о долге. В армии служат люди, которым все человеческое не чуждо. Как бы наша старая система не скрывала от нас уклад жизни в русской армии взаимоотношения военных чинов, дух русского офицерства – мы знали какой там витал дух демократизма, товарищества, как презиралось угодничество, подхалимство, хамство, грубость.

Увы, в нашей советской армии все это поощрялось, процветало и хорошо приживалось. И если этому были не прямые поощрения, то пример большинства, старших начальников был очевиден. Но, видимо, по-другому и не могло быть. Ведь армия родилась и действовала по подобию партии, ее создавшей, той системы, которая вселила единоначалие в обществе, в государстве. Культ личности был пронизан весь уклад армейской жизни.

В кадрах прочно нашел место лозунг Сталина: «У нас незаменимых нет!». Следуя этому бесчеловечному утверждению, человека в армии действительно превращали в робота, лишенного творческих начал.

После смерти Сталина в обществе на каких-то этапах допускались разговоры о вреде культа личности, стали появляться разоблачительные статьи, высказывания. Более того, среди молодежи, интеллигенции начали витать мысли о несостоятельности всей системы тоталитаризма, об утопичности идей коммунизма.

В армии продолжали оставаться и укрепляться идеи культа партии, идеи всеисилия учения Маркса – Ленина. Живой «БОГ» – как олицетворение сверхчеловеческих качеств теперь приписывался не отдельной личности (Стали-

ну), а партии и ее вечному учению. Прикрываясь своеобразием армейской среды, требованиями устава, необходимостью укрепления безопасности и усиления обороны страны в условиях постоянно нарастающей угрозы, в армии не допускались общественные организации подобные старым русским офицерским собраниям, солдатским митингам, а тем более – профсоюзам. Человек в погонах продолжал оставаться бесправным. Беззащитность личности в армейской среде особенно выросла после войны.

В армии не меньше, чем в обществе, развивалось подхалимство, стукачество, угодничество, а в последние годы, годы так называемого застоя – пьянство и взяточничество. Этим в первую очередь, поразились верхи.

Как нигде больше, в армии все было ориентированно на центр. Соблюдение полной и безоговорочной субординации, превращение личности в послушного раба.

На вершине армейской пирамиды возвышается всезнающий министр обороны, в последние годы – член политбюро. Все, что изрекал министр, становилось аксиомой, истиной из первых рук. И не только для командиров, штабов всех степеней, но и для военной науки. Расширяющееся вниз подножие пирамиды, заканчивалось «подошвой» – дивизионным и полковым звеном. Это безропотные исполнители, слепо выполняющие директивы, указания, чужую волю. Вся эта система связана жесткой зависимостью, главным образом экономической, низших от высших. Всякая обратная связь отсутствует, более того, считалось, что она вредна.

Многие мне могут возразить, такого рода рассуждения ведут только к подрыву основ строительства и организации всего воинского уклада. Да, это так, когда эта организация не существует по принципу: «Я начальник – ты дурак, ты начальник – я дурак».

Более того, с этим принципом, можно было бы согласиться, если бы отбор в начальники проводился по деловым и моральным качествам. Над нами и вокруг нас было немало таких, кто поднялся по служебной лестнице благодаря родственным и, более того, просто «банным» связям. Помнится, в академии нас окружали сыновья, племянники Баграмяна, Конева, Галицкого, Крылова и других видных военных. К нашему огорчению, только что созданные ракетные войска оказались пораженными этим злом. Вопиющая некомпетентность, невежественность, незнание положения дел во вверенных войсках и, более того, показное пренебрежение всем этим со стороны верхов приводило к тому, что управление войсками и действительное положение дел находились как бы на разных уровнях. Нередко директивы, приказы, которые слались в войска изначально были невыполнимы и даже вредны. Не выполнять такой приказ опасно, а выполнить – невозможно. Нет средств, необходимого ресурса времени и прочее.

И тогда – а это было повсеместно – делался вид, что приказ или директива в основном выполнены и посылался лживый доклад. Последующие прика-

зы, как правило, базирующиеся на предыдущем, еще более усугубляли положение. Опять доклад, донесение летит вверх в установленные сроки. Идет неприкрытая ложь. На этой лжи зачастую создается прецедент, на обмане, лжи создается видимость, мистическая, нереальная обстановка благополучия, появляются ложные авторитеты.

Во второй половине 70-х годов и особенно в 80-х, в армии распространились такие вредные и опасные явления, как лакировка состояния дел, приписка и все более распространяющаяся ложь. Это усугублялось тем, что на высшие должности, как правило, назначались офицеры и генералы, наиболее склонные ко лжи, подхалимству. Наибольшего расцвета достиг протекционизм.

В среде младших офицеров это порождало безразличие к службе, исчезал старательный, болеющий за свое дело, офицер. Общество офицеров все больше расслаивалось на кастовые группы по иерархической лестнице, рос отрыв офицеров от солдатской массы. Это был самый мощный толчок такому уродливому явлению, как «дедовщина», которому до сих пор не дана истинная социальная оценка, не сделан наиболее правильный и глубокий вывод.

Это уродливое явление порождено той пресловутой кадровой политикой и социальным положением офицера, его незащищенностью, потерей веры в правду и перспективу. Наибольшего расцвета оно получило в годы, когда министрами обороны и одновременно членами политбюро стали назначаться люди не по-своим деловым, моральным, а тем более профессиональным данным. Появление на посту министра обороны Д.Ф. Устинова военными было встречено с безразличием, ибо к тому времени, когда подбор кадров принял довольно сильно искаженные формы, офицерами было окончательно утеряно стремление к службе, интерес к своей карьере.

Политорганы, совместно с так называемыми особыми отделами, свои основные усилия направляли на поддержание в армейской среде подсистему страха, с постоянно висящим дамокловым мечом – различного рода репрессалий в виде выговоров, главным образом по партийной линии, которые автоматически вели к снижению в звании, в должности, а в последующем – к увольнению в запас. Наиболее эффективно это использовалось в среде старших офицеров, прослуживших в армии 15–20 лет и прочно связавших свою судьбу с армией.

Страх. Страх.

На страхе жило общество. Оно было сковано им. Зародился и существовал он в людях, видимо с первых лет советской власти. Страх вселялся и поддерживался любыми методами, вплоть до варварских, бесчеловечных. Были расстрелы, репрессии, устраивался мор людей – голод на огромных территориях.

Я и мои ровесники, станичники, остаемся свидетелями того страшного времени. Мы не имеем права об этом не говорить.

Глава вторая

ГОЛОДНЫЙ СТОН КУБАНИ ЖАТВА СКОРБИ

До чего же хороша была станица Копанская, окруженная плавнями и лиманами Азовского моря. С ранней весны и до глубокой осени она утопала в зелени садов. На прямые и широкие улицы свешивались кроны громадных акаций, кустов сирени, раскидистые ветви жерделей и черешен. Во дворах росли громадные шелковицы, под тенью которых казачки копошились у летних печек, кормили детей и стариков.

Летом в полуденную жару станица замирала. Люди прятались в прохладных хатах, под тенью деревьев, но большей частью трудились в степи. Изредка, поднимая пыль, по улице медленно плелись волы с громадными рогами. Кое-где можно было увидеть старого казака в соломенной шляпе (брыле), да проходящую молодичку с ведрами воды из общественного колодца.

А какая была дичь, рыбалка в этой станице. Весной, когда, в плавнях и лиманах поднималась вода, через протоки (гирла) в них устремляется рыба на нерест. Все, кто только не ленился, был с рыбой. В каждом дворе под крышей (стрихой) хат вывешивалась просоленная, жирная, просвечивающаяся на солнце тарань, сазаны, судаки.

Весной и осенью плавни наполнялись криками, гомоном бесчисленных стай птиц. Гуси, лебеди, утки, кулики, парящие мартыны обживали камыши, кугу, выводили потомство, отъедались в богатой воде.

Но, бесспорно, царицей плавен была величественная, гордая серая цапля. Часами она могла неподвижно стоять в воде на одной ноге.

Лучшего герба станице и не придумать, на котором была бы изображена эта птица. Она чем-то напоминает покой, мир и достаток казачьей станицы.

Где мне только ни приходилось бывать за свою длинную армейскую жизнь, всегда, когда я видел эту птицу, а это было не часто, во мне поднималась волна воспоминаний о родной, далекой станице.

Но сегодня нет той станицы, о которой я говорю, нет ее на кубанской земле, как нет и других станиц, стертых коммунистической метлой, бесправием людей, жестоким обращением с бесценной землей, природой.

И страшным началом этому была не столько гражданская война, а страшные годы коллективизации и последовавшего за нею небывалого, чудо-

вищного явления для этих богатых мест – голода. Осенью 1932 года на Кубани был организован властями и проведен в жизнь массовый голод.

Пленум центрального комитета, ВКП(б) по инициативе Сталина одобрил решение Политбюро по разгрому «кулацких организаций» на Украине и Северном Кавказе и рекомендовал при этом применить самые жесткие меры. Юридически эти указания на организацию голода были закреплены законом ЦИК и СНК СССР 7 августа 1932 года. В этом законе предусматривалась в частности, за припрятывание в личных или колхозных карманах зерна высшая мера наказания – расстрел с заменой при смягчающих обстоятельствах лагерным сроком на 10 лет. Амнистия по таким делам была запрещена. Закон не отличал злостного расхитителя, вора от голодного, взявшего горсть зерна, человека.

Непосредственным автором этого закона был Сталин. Для проведения его в жизнь и организации заготовок на Украину был послан В. Молотов, на Северный Кавказ – Л. Каганович, который возглавил комиссию в составе: М. Шкирятова, члена трибунала, палача, Г. Ягоды, главы СГПУ (нынешнее КГБ), Я. Гамарника, начальника политуправления Красной армии, А. Косарева, генерального секретаря комсомола, М. Чернова, члена оргбюро ЦК ВКП(б). Позже в состав этой комиссии вошли А. Микоян и Б. Шеболдаев, первый секретарь Азово-Черноморского крайкома партии (так тогда назывался этот край).

На пленуме ЦК партии в январе 1933 года Сталин обвинил в неудачах хлебозаготовок не только крестьян. Он сказал, что ответственность целиком ложится на местных коммунистов. Через некоторое время, в ответ на письмо М. Шолохова, он выразился недвусмысленно – саботаж хлебобобов направлен против рабочих и Красной армии.

«Тот факт, что саботаж был тихий и внешне безобидный, без крови – это факт не менее того, что уважаемые хлебобобы по сути дела вели тихую войну с советской властью, войну на измор, дорогой товарищ Шолохов...» – такой был ответ вождя.

А если так, то на войне как на войне.

Урожай в этот год был несколько ниже среднего. В короткие сроки хлеб из колхозов был забран подчистую, в том числе семенной. Часть этого хлеба тут же вывозилась за границу.

Специальным указом от 7 августа 1932 года устанавливалось, что колхозная собственность, в том числе зерно, скот, приравнивалась к государственной, священной и неприкосновенной. Колхозники теряли все права как собственники. Виновные в посягательстве на эту собственность рассматривались как враги народа и трибуналами должны приговариваться к расстрелу. По этому же указу крестьянин, подобранный несколько колосков пшеницы на колхозном поле, приговаривался к десяти годам тюрьмы.

На Кубани были распространены репрессии на целые станицы, хутора. Станица, где выявлялся «злостный саботаж», заносилась на так называемую «черную доску». А это означало, что в станице немедленно прекращалась государственная и кооперативная торговля, вывозился весь товар, колхозникам запрещалась торговля на рынках.

Первыми на эту доску были занесены станицы Полтавская, Медведовская, Уманская, Урупская. Оттуда началось поголовное выселение людей на крайний Север. Станицы буквально обезлюдели. На, место выселенных размещали красноармейцев, демобилизованных из армии. Эти станицы получали новые наименования: Урупская стала называться Советской, Уманская – Ленинградской, Полтавская – Красноармейской.

Небывалой жестокостью отличался Л. Каганович в том числе и по отношению к местным коммунистам, проявившим «мягкотелость» в выполнении указаний высших властей.

На «черной доске» оказались 15 станиц с населением до 10–15 тысяч каждая. У людей был отобран весь хлеб, начался небывалый падеж скота, особенно лошадей. Угроза голода нависла над огромной территорией Юга страны.

В конце 1932 года Сталин беседовал с секретарем Центрального комитета партии Украины Р. Тереховым, который пытался докладывать ему о начавшемся голоде. Сталин со свойственным ему коварством тогда заявил: «Нам (о себе только во множественном числе) говорили что вы, товарищ Терехов, хороший оратор. Оказывается вы хороший рассказчик – сочинили такую сказку о голоде, думали нас запугать, но не выйдет. Но лучше вам оставить посты секретаря обкома и ЦК партии Украины и пойти работать в Союз писателей. Будете сказки писать, а дураки будут слушать». Впоследствии Р. Терехов был расстрелян.

Мрачные дни наступали в станицах Кубани. Хотя открытых выступлений не было, но напуганные люди кое-где пытались сохранить хоть немного зерна. Прятали в колодцах, печах, в стенах домов, зарывали в садах.

Власти организовали повальные обыски. Все припрятанное, как правило, находили, и тогда «виновников» ожидала суровая кара – расстрел или, в лучшем случае, 10 лет тюрьмы. Обыски проводились без ордеров, в виде облав. Для этого привлекались, кроме милиции, специальные поисковые группы из работников МТС (машинно-тракторных станций) и активистов колхозов.

В станице Копанской, где я родился и жила наша семья, для обысков привлекали рабочих и военных из летного военного училища города Ейска.

Этим группам давались большие права. Инструктажи они, как правило, получали в райкоме партии. В ходе обыска они вели себя как отъявленные мародеры, не гнушались у людей брать все, что находили нужным, избивали, выгоняли зимой из хат, в том числе детей и стариков.

Члены групп, кроме оружия, имели специально изготовленные щупы – стальные пруты длиной до полутора метров.

Это изобретение для поиска зерна поистине «гениально». Говорят, что изобрел его какой-то председатель сельсовета в Воронежской области. И особенно, драматично то, что его же двор оказался первым полигоном, где решили испытать им же придуманное орудие. Тогда же нашли этому изобретению удивительно точное название – ЩУП. ...Все гениальное просто, изрек какой-то философ. Воронежское детище окончательно утвердило бы его в такой мысли. Представьте себе длинную, похожую на трость, толщиною с мизинец, металлическую палку с рукояткой на одном конце и заостренную на другом. Повыше жала с помощью пробоя или какого-либо другого инструмента (хитрость кузнеца) наискось выщерблена величиной с крохотный наперсток выемка – она и есть наиковарнейшая часть этой невинной с виду железяки. Погружаясь в землю, стену хаты, в стог соломы, щуп своей выемкой обязательно зачерпнет, если там есть, несколько зернышек. Хозяин хаты может навсегда распрощаться с детьми, с семьей.

Я хорошо помню, как такие обыски проводились в нашей хате. В один такой приход, они ввалились в хату в тот момент, когда наша мать пекла оладьи из свеклы. Хата была наполнена запахом горелого бурака. Один из них воскликнул: «Да здесь целая пекарня!». Мать с ватагой детей, напуганная, стояла в углу хаты. Когда услышала возглас сыщика, бросилась совать каждому в руки оладьи, чтобы они убедились, что изделие не из хлеба. Стоявший ближе всех к нам в невиданной для нас кожаной куртке, сунул себе кусок оладьи в рот и тут же выплюнул. После их ухода, остались исковырянные стены, разломанная печка, перевернутые лавки и топчаны. Но у нас они ничего не нашли, и отец остался с нами. Сыщики особенно придиричиво искали в тех семьях, где не было умерших от голода.

Мы своего отца в эту зиму видели очень редко. Он скитался по полям, хуторам в поисках съестного для семьи. Как-то он вместе с соседом Марком Латушем вышли в поле к стогу соломы. Несколько суток они жили в стоге, искали колосья пшеницы и выбивали из них зерна. Когда он пришел домой, то мы его не узнали. Он был весь пухлый от голода. Он принес килограмма два-три пшеницы, не взяв в рот ни одного зерна. Помню, мама в страхе, в ночь запарила эту пшеницу в чугуне, разбудила детей и заставила есть.

Она боялась, что об этом могут узнать соседи. Этого было достаточно, чтобы не стало нашего отца.

Утром, когда было еще не так светло, а это было зимой, к нам пришла соседка Марфа Регеда. Она была чистокровной украинкой и говорила на своем языке.

– Манько! (мать звали Марией) Та шо цэ у тэбэ на снигу, биля жердели? – закричала она с порога.

Мать сразу же пронизала, страшная догадка. Съеденная нами ночью пшеница в желудках не переварилась и в чистом виде оказалась на снегу. Это уже прямая улика против тех, кто прячет зерно от государства.

В тот год на Кубани, как никогда, была снежная, морозная зима. Меня отправили в первый класс. Помнится, из-за глубокого снега отец иногда носил меня к школе на руках.

Но особенно страшной была весна, такая радостная и долгожданная в другие годы. Станица буквально обезлюдела, на улицу жутко было выходить. Иногда можно было увидеть медленно передвигающегося человека, всего синего, со вздутым животом, с пустыми, будто стеклянными, глазами. Можно было видеть мертвых с голыми ногами.

Люди теряли человеческий облик. В станице стояла гробовая тишина, исчезли все привычные звуки. Ни ржания лошадей, ни мычания скота, ни крика петухов, ни лая собак. Все уже съедено вместе со шкурами и костями.

А сколько веселья было раньше с наступлением тепла, приходом весны. Станица оживала в песнях, смехе, шутках. Но сейчас она мертва.

Сталин и его подручные продолжали давить на руководство края, а те, в свою очередь, – на районы, станицы, хутора.

На пленуме ЦК партии в январе 1933 Л. Каганович утверждал, что в станицах и селах Северного Кавказа есть еще кулаки, которых не депортировали, зажиточные крестьяне, тяготеющие к кулачеству, и кулаки, избежавшие ссылки, спрятанные родственниками, а иногда и мягкосердечными членами партии. Наконец, есть еще белогвардейцы, белые казаки, социально опасная интеллигенция....».

Я помню эту интеллигенцию. Это самые уважаемые люди в станице, старые учителя: Кошечкина, Журбины, Серпокрылов, Педан и другие.

Но злобные слова Кагановича означали, что чистки и дальнейшее удушение будут продолжаться.

С еще большей жестокостью возобновились обыски и изъятие зерна, принимали все более угрожающие размеры.

Обыски не прекращались, но зерна в станице не было. Всю зиму люди умирали от голода. Но, как уже говорилось, смерть буквально начала косить людей с наступлением весны. Сошел снег, появилась трава. Оставшиеся в живых, люди с отеками на лицах, бродили по улицам, съедали все подряд, что освобождалось из-под снега: падаль, дохлых кошек, собак, траву. У кого еще оставались силы, тащились в поле в надежде поймать хомячков. Из заброшенных колодцев доставали разложившиеся трупы лошадей, погибших от сапа – страшной инфекционной болезни животных.

Но чем больше люди на это набрасывались, тем больше их умирало, на улицах все больше оставалось неубранных трупов. Похоронные команды

на специальных арбах не успевали подбирать мертвецов. Жутко было смотреть, как такая арба медленно тащилась одной или двумя худющими лошадьми. Около каждого двора в гробовой тишине раздавался голос: «Эй, у вас есть мертвяки?». Можно было видеть, как по грязи или мокрому снегу тянули трупы и с трудом сваливали в скорбный «катафалк». Арба продолжала свой путь и продолжал слышаться зловеющий голос гробовщика. Через некоторое время, наполненная доверху арба, тащилась за станицу, где трупы вываливались на землю и засыпались землей.

Однажды я стал невольным свидетелем, как на такую арбу тянули мертвого соседа, доброго деда Охтыза Якубу. С криком ужаса от увиденных открытых глаз мертвецов, голых ног я побежал к своей хате. Долгие годы я страдал галлюцинациями, которые каждый раз возобновлялись с приступами лихорадки. А эпидемия лихорадки в тот год стала второй бедой. Немало жизней унесла лихорадка или, как ее называли, малярия. Никто тогда с этим страшным бедствием не боролся.

Голод усиливался и все больше уносил жизней. Первыми в семьях умирали мужчины, старики и дети. Женщины наиболее стойчески переносили страдания и оставались опорой в семье.

Каждый раз, перед смертью, люди теряли рассудок. Наступало безразличие, глаза становились злыми, настороженными. Человека раздирало одно единственное желание – что-нибудь съесть.

После тех страшных лет мне приходилось не один раз и самому испытывать недоедание. Голод был на фронте, особенно под Туапсе в 1942-м. Но мы знали, что наш голод вынужденный, голод на людях, голод с товарищами по оружию, он был несравним с тем, когда люди умирали по своим хатам, в одиночестве, медленно, страшно и бесцельно. У этих людей еще вчера было все, была пища, была жизнь, а сегодня у них все это отняли и оставили наедине с голодной смертью.

Особенно жутко было видеть умирающих детей. Я на всю жизнь запомнил, как на моих глазах умирал мальчик, друг моего детства.

Как-то к нам зашла соседка, родственница нашей матери Матрена Козицкая и обратилась ко мне:

– Гриша, хочешь посмотреть, как Марочко умирает?

Марочко – это ее сын, на два года старше меня. Когда я вошел к ним в хату, то сразу же увидел страшную картину. На нарах сидел незнакомый мне мальчик с неимоверно вздутым животом, тонкими ногами. Остановившись стеклянными глазами он смотрел куда-то в сторону, мимо меня. Я весь задрожал и не знал, что говорить, что делать. Возникло непреодолимое желание убежать. Утром на другой день Марочко и многие другие знакомые мне мальчики и девочки оказались в страшной арбе.

Наша станица, как и все другие, была оцеплена войсками. Было принято специальное постановление, по которому запрещалось передвижение

между станицами, по железной дороге без специальных документов, которые мог дать только председатель колхоза. Председатель же сам боялся не меньше, ибо в любое время мог быть объявленным «врагом народа». Возможно где-нибудь есть данные о количестве умерших от голода на Кубани в тот год. Но судя по тому, как выглядела станица после того страшного времени, то вся Кубань обезлюдела не меньше, чем на одну треть. Мы знали, что были такие станицы, где люди вымерли поголовно.

В нашей некогда густонаселенной станице Копанской в живых остался каждый второй. Подозреваю, что этими цифрами никто не занимался, более того, они просто скрывались. Мать мне рассказывала, что факт смерти тогда никто не фиксировал, записи о смерти не велись. Врачей, да и фельдшеров в станице не было.

К весне все дворы вокруг нас опустели. Полностью вымерли большие семьи Якубов, Латушей, Костенко, Коваленко. Во многих домах мертвые лежали неделями, некому было убирать. А если кто оставался, то он так и доживал среди своих близких, ставших трупами. В эти дни станица представляла жуткое зрелище. После таяния снега по улицам, дворам быстро начала расти сорная трава, особенно лебеда. Заросли лебеды выше человеческого роста покрыли все. После мне не приходилось видеть такого гигантского бурьяна. Помню, мы, дети, карабкались по этой лебеде, как по деревьям. В сплошных зарослях стояли хаты с пустыми проемами окон и дверей.

Оставшиеся в живых мало походили на человеческие существа. Это были живые призраки, неподвижно стоящие у обвалившихся заборов или хат. Кожа их была пепельно-серого оттенка, вся сморщенная. Независимо от возраста, все выглядели глубокими стариками. У всех на сморщенном лице были огромные, неподвижные выпученные глаза. Это были скелеты, обтянутые тонкой кожей. Много было и пухлых, с сильно оттеклими лицами, руками, ногами.

В нашей семье от голода опухали все, но отец и наш младший брат Алексей особенно.

Голод – это холодящее душу, мрачное состояние. Те, кто не переживал этого, не смогут представить себе, какие страдания он приносит. Нет ничего ужаснее для отца, главы семьи, кормильца, чем чувство собственной беспомощности. Нет ничего страшнее для матери, чем видеть своих истощенных, изможденных голодом, детей, которые уже не могут не только улыбаться, но и плакать.

На теле голодных людей от отека лопается кожа, появляются гноящиеся болячки, утрачивается подвижность. Любое движение вызывает усталость, организм съедает самого себя. Потом ухудшается дыхание, кровообращение, зрачки расширяются, возникает голодный понос. Малейшее физическое напряжение в таком состоянии может вызвать остановку сердца. Чаше

люди умирали около колодца, на улице – в движении. Идет, идет человек, медленно опускается и умирает.

Такая судьба была не одного человека, не одной семьи, а сотен, тысяч, миллионов несчастных.

Голодные люди черствели, спокойно взирали на смерть соседа, близкого родственника, своей матери, отца и ребенка.

Из наших соседей первым умер дед Регода, потом старый Латуш, старики Коваленки. Позже во всех семьях начали умирать дети. Умер самый близкий сосед, двоюродный брат матери Н. Козицкий, умерли братья нашего отца Афанасий и Михаил, сестра мамы, наша тетя Марфа и ее муж Чмил Даниил. Сколько их? Список этот бесконечен.

На нашем квартале вымерли семьи: Тышківца Ивана Даниловича – 6 человек; Булко Прасковьи Ивановны – 7 человек; Чуш Ивана Васильевича – 7 человек; Шлыка Ильи Ивановича – 5 человек, остался один мальчик; Козицкого Василия Семеновича – 5 человек, осталась одна девочка. Волошина Мария Николаевна съела своих меньших детей, старшая девочка сбежала.

Рядом с нами жила дружная, добрая семья А. Колесника. Кроме стариков и взрослых, в семье было четверо детей. Все они умерли, осталась трехлетняя девочка.

Нередко дети умирали по дороге в школу. В школе в ту зиму иногда давали похлебку. Дети тащились туда в надежде получить ложку такой похлебки. В тот год я только начал учиться. Школа размещалась в небольшом каменном доме, в котором была одна классная комната. Учительница вела сразу две группы. Она тоже, как и ученики, приходила, чтобы покушать. Из-за своей слабости занятия вести уже не могла. К зданию школы примыкала сторожка, дверь из которой вела в класс. Иногда из-за холода детей заводили в сторожку, где они отогревались и получали свой суп.

Однажды, когда мы спустились в сторожку, в нос ударил запах жареного мяса. За столом сидели сторожиха и два незнакомых человека. Это они ели мясо. Как потом нам казалось, мы все увидели на полу отрубленную кисть ребенка. Детей охватил жуткий страх. За столом ели человеческое мясо. В школе все знали дочь сторожихи, ей было около четырех лет. Учительница, напуганная ужасным зрелищем, распустила нас по домам. Это было последнее занятие, вскоре, как говорила мама, учительница наша умерла от голода.

Людоедство повсеместно приняло ужасающие масштабы. Матери ели своих детей, дети ели родителей стариков. Помню, как мы, маленькие дети, боялись выходить из хаты, когда узнали что Волошиха съела своего ребенка. Это была наша соседка, и эту девочку мы знали.

В семьях все напряженно следили друг за другом, надеясь увидеть кого-нибудь за едой припрятанного. Жена набрасывалась на мужа, муж на жену. Мать ненавидела своих детей, как лишние рты.

Но так было не во всех семьях. Все же чаще было по-другому. Обессилившие дети жались к истощенной матери, она их успокаивала, обогревала. В те семьи, где царила ненависть и злоба, смерть приходила чаще.

Люди с неприязнью смотрели на семьи, где умирали реже. Нашу мать упрекали в том, что ее дети все еще живы.

Кто же был виноват в этой беде, в страшной трагедии людей?

Виновата ли мать, поедающая своих детей, потерявшая рассудок, ставшая сумасшедшей?

Долгие годы, до самой войны, пустовало большинство хат, некому в них было селиться. Люди боялись туда заходить, не обживали. Много скорбного, трагического хранили стены этих халуп.

И что поразительно, нигде об этом страшном событии не было слышно, ничего не писали. А если кто пытался об этом вспомнить, его обвиняли в антисоветской пропаганде, а это уже было преступлением. И сегодня можно убедиться, что многие люди, в том числе и старшего поколения, не верят этому, слышат об этом впервые.

В январе 1934 года проходил 17-й съезд ВКП(б). В докладе Л. Кагановича, в речи В. Шеболдаева о страшном голоде в стране не упоминалось. Говорили об успехах, о миллионах погибших – ни слова. В этом была вся «правда» партии.

Сталин уже тогда дал установку на замалчивание «неприятных» сторон своего руководства, находить причины в пережитках прошлого, в росте сопротивления со стороны «врагов народа». Это был съезд победителей, каким его называли в «Кратком курсе истории РКП(б)», а правда в том, что это был съезд на костях народа.

Наши любимые пролетарские писатели Максим Горький, Алексей Толстой, Михаил Шолохов, большие правдолюбцы, ни одним словом не обмолвились в защиту миллионов умирающих от голода соотечественников. Как «правдиво» и трогательно, с каким участием у нас умели описывать страдания негров, рабочего класса Америки и Европы, вьетнамцев, китайцев и других.

Но почему из большой когорты советских писателей никто не описал мучительную голодную смерть нашего русского мальчика Марочко, которому было всего 10 лет, и он тоже погибал не по вине родителей, а уж тем более своей. Почему не описана трагедия миллионов, сброшенных в канавы и до сих пор безвестных?

Впервые я увидел печатный лист об этом кошмарном времени в годы войны, будучи на фронте под Туапсе в 1942 году. Немцы с самолетов сбрасывали листовки, на которых была изображена трибуна мавзолея со Сталиным. Вдоль трибуны колонны скелетов, а внизу надпись: «Парад голодных миллионов» и описание голода 1932–1933 годов. Я был поражен этой правдой, ведь мне пришлось самому пережить этот кошмар. И самое чу-

довищенное в том, что эта правда, была сказана нашими врагами, а не друзьями.

В те годы существовал железный запрет на любое упоминание об этом злоумышленном истреблении своих людей. Скрывать правду, искажать действительность было составной, если не главной, частью генеральной линии партии и политики Сталина. Этим жило не одно советское поколение, этим мы питались до последнего дня, дня своего вынужденного само-ропуска КПСС.

Трудно было вспоминать этот тяжелый период в жизни, тем более – писать об этом. Помогали мне поездки в родные места, письма, воспоминания знакомых мне людей. Но эта страшная страница нашей истории еще ждет своих летописцев. Нет сомнения, что они будут, они скажут правду об этом тяжелом и грустном времени.

Глава третья

РАКЕТЫ НА КОСТЯХ ЗЕКОВ

То время, которое я описывал в предыдущей главе, было временем моего детства. Много утекло воды с тех пор, много произошло изменений в стране, в душах людей. Сегодня можно говорить больше правды, и о многом уже сказано. Приходится удивляться тому, как живучи привычки, как некоторым из нас трудно не врать.

Мне как-то попала в руки книга, написанная бывшим министром обороны Д.Ф. Устиновым «Во имя победы. Записки наркома вооружения». Это из серии военных мемуаров. Скажу прямо, книга вызвала у меня неприятное чувство. Мне не понятен сегодня трепет и восторг, который испытывал автор от встреч с И.В. Сталиным, А.А. Ждановым. Трудно согласиться с человеком, который был министром вооружений в годы войны, делегатом тех съездов партии, на которых была сделана попытка сказать правду о том времени и тех людях. Устинов стал членом политбюро, когда много было сказано о зловещих последствиях культа Сталина. Но Устинов открыто преклоняется перед Сталиным и его соратниками. Стоит ли удивляться этому? Несомненно, все, о чем он говорит, характеризует автора, ему по душе сталинская тирания.

Я не против того, что автор пишет о своих личных переживаниях, видимо, он искренен в этом. Но ведь он тогда был министром обороны, а значит, имел какое-то влияние на умы военных людей, на моральное состояние армии. Более того, Устинов просто не правдив. Он скрывает свою гражданскую, нравственную позицию. Он работал в Ленинграде в 1937-1938 годах, во время массовых репрессий, но ни слова об этом не говорит. Он прекрасно знал о тысячах ленинградцев, без всякой вины вырванных из жизни, отправленных в лагеря. Где честность этого человека, правдивость, о которой он так много говорил в аудиториях военных академий и в воинских частях!

В памяти военных Устинов остался хитроумным царедворцем, демагогом, так и не понявшим армию, нужды военных людей; он ничего, кроме вреда, не принес кадровой политике.

Не менее ощутимый вред армейским кадрам в свое время нанес А.А. Гречко, поднятый на высокий пьедестал Брежневым как человек его «команды» еще с военных лет.

Начало у А.А. Гречко не было оригинальным. Были заменены все, неудобные в верхних эшелонах военной иерархии. В кадровой политике были провозглашены шесть «основополагающих» принципов, пять из которых были до безобразия демагогическими, в духе клятвы в преданности делу партии и советскому правительству. И только один из принципов как будто бы был деловым. Впредь при подборе кадров главным, превалирующим качеством должна стать молодость.

Казалось бы, как можно быть против этого. Молодость еще с наполеоновских времен была важной чертой военачальников. Но все же Наполеон вначале видел талант, ум, а потом уже молодость. У Гречко же этот принцип принял уродливую, гротесковую форму. На старшие должности пришли молодые, главным образом, прошедшие по протекциям. Карьеру начали делать беспринципные, безнравственные офицеры и генералы. В офицерской среде это усиливало напряжение и создавало недовольство. Такие качества, как опыт, ум, деловитость теперь учитывались меньше всего. Выдвигали более глупого, бездарного, но нахального, с извращенными взглядами.

В связи с этим, я хочу все же возвратиться к той телеграмме, которая пришла в полк из Москвы. Я получил приказ выехать для беседы к главнокомандующему ракетными войсками. Шел 1963 год. В это время на этой должности был маршал С.С. Бирюзов, назначенный вместо К.С. Москаленко. Его резиденция находилась на Фрунзенской набережной, хотя, как я уже говорил, главный штаб оставался под Москвой.

В приемной Бирюзова было собрано около пятнадцати кандидатов на должности полковых командиров. Инструктаж мы буквально на ходу получали здесь же, от начальника управления кадров генерала А.Т. Макарова. От нас требовалось отвечать кратко, только по делу, никаких вопросов не задавать, все, что будет сказано маршалом, – записать.

Я добросовестно записывал, а потом еще и еще раз убеждался в том, как далеко было московское начальство от всего того, чем жили войска. С академической скамьи я уверился в том, что военнначальники времен войны, за малым исключением, влюбленные в себя, в свою славу «советских полководцев» не могли понять тех изменений, которые происходят в обществе, в армии, в новом оружии, а значит и в военном искусстве.

На последнем курсе учебы в академии мы, слушатели, были привлечены на крупное стратегическое учение, которое проходило под руководством министра обороны маршала Малиновского.

По замыслу учения «восточные» в составе двух фронтов во взаимодействии с двумя армиями союзников в ходе наступления должны были, прорвав оборону «западных» и форсировав реку Днепр, выйти на Западную Украину. «Западные» в составе нескольких общевойсковых и танковых армий своей задачей имели не допустить этого прорыва. Первым

фронтом «восточных» командовал маршал С.К. Тимошенко, вторым – В.И. Чуйков, в то время командующий Киевским военным округом. «Западными» руководил генерал А.Л. Гетман, командующий Прикарпатским военным округом.

Уже в ходе первых встреч мы начинали убеждаться, насколько старыми, еще военными догмами жили наши полководцы. В ходе выработки решений на операцию – полное пренебрежение атомным оружием, игнорирование военной науки. Высокомерие, давление авторитетом – вот главные аргументы во взаимоотношениях старших начальников с подчиненными. «Восточные» овладели небольшим плацдармом на правом берегу Днепра, так называемым «Букринским». В годы Второй мировой войны – ударная группировка 1-го Украинского, сосредоточенная на Букринском плацдарме, дважды предпринимала наступление, но успеха не добилась, сильно пересеченный рельеф местности затруднял действия войск. Тогда ставка приняла решение о переносе главного удара на другое направление.

На учении ситуация как бы повторялась. Разработчики замысла предугадывали события, которые могут развернуться, учитывая упрямство и нежелание считаться с изменениями в военном деле командующего Киевским военным округом В.И. Чуйкова. На учении командующего 2-м фронтом «восточных» В.И. Чуйкова подчиненные убеждали об опасности сосредоточения больших сил на Букринском плацдарме. Но, видимо, слава не давала ему покоя, он никого не слушал и не принимал во внимание настойчивые предупреждения своего же штаба. Произошло то, что и должно было произойти в этих условиях: А.Л. Гетман нанес несколько атомных ударов по плацдарму, конечно, условно. В реальных условиях – это неминуемый разгром Чуйкова. Но на учении, как на учении, все шло своим ходом. По дну Днепра прошла танковая дивизия, в оперативной глубине «западных» высажен воздушный десант из нескольких воздушно-десантных бригад. Все это проводилось в виде показа по сути никакого отношения к учению не имело.

Мы с нетерпением ожидали общего разбора учения. По нашему разумению, в ходе разбора должны быть показаны грубейшие просчеты в решениях командующих. Более того, мы рассчитывали услышать серьезные выводы, как организационные, так и о развитии оперативного искусства.

Но все наши размышления сказались наивными. Доклад для разбора и замысел разрабатывались одновременно. Министр обороны добросовестно его прочитал. К нашему общему удивлению, В.И. Чуйков вместо полагавшегося ему крупного «разноса» или выговора был награжден золотыми часами.

Это было началом моих размышлений, которые привели к пересмотру всех моих представлений о происходящем. Я все больше убеждался, что

мы существуем в перевернутом мире: все, что для нормальных людей плохо, для нас хорошо. Отсюда наши представления об истории, о героях и вождях, о западе и востоке, о друзьях и врагах.

Потом, когда я понемногу продвигался по служебной лестнице, когда пришлось окунуться в атмосферу высших штабов, для меня становилось привычным наблюдать невежество высших чинов, отсутствие человечности и самой обыкновенной порядочности.

Не стали исключением в этом и ракетные войска. Наоборот, на фоне высокой технической грамотности младшего офицерского состава, общего уровня подготовки органов управления еще более отчетливо бросалась в глаза разница в мастерстве, профессионализме руководящего состава.

Примерно с такими мыслями я находился в приемной главкома в ожидании беседы и дальнейшего решения моей судьбы.

Маршал С.С. Бирюзов небольшого роста, с жидкими рыжими волосами, зачесанными назад, стоял посреди кабинета и поочередно жал каждому из нас руку. После этого он пригласил нас за длинный стол. Сам уселся вдали, за своим рабочим.

Принято такие встречи называть беседой, хотя это было не так. Наша беседа свелась к длинному, нудному монологу маршала. Он так и не поинтересовался, чем живут войска, какие вопросы плохо решаются, наконец, кто мы такие. Не мог я думать, что все это главкома не интересовало. Нам показалось, что он избегал вопросов по простой причине: он не знал на них ответов.

В таких случаях разговор сводится к общеполитическим темам или, как, видимо, полагал С.С. Бирюзов, надо вселять страх в подчиненных, дать понять, что никакой пощады не будет. Этот полководец упорно продолжал придерживаться тактики поведения военных лет. Ведь тогда главным убеждением для подчиненных был мат, палка, а то и пуля.

– Великая Отечественная война была выиграна на миллионах трупов, сегодня нам надо создавать ракетные войска, и мы их создадим тоже на трупах, только на трупах ленивых командиров полков». Эти его слова подтверждают уже сказанное мной.

– Кто сейчас командует полками? – продолжал маршал, – лентяи, чинуши, далекие от людей, от службы. Взрываются шахты, падают ракеты, гибнут люди, а командир полка не соизволит выехать на место происшествия, ограничивается телефонной информацией. Таких мы будем гнать из ракетных войск, а, если потребуется, то и судить, жалеть никого не будем!

Казалось, справедливые слова. Но большая часть из нас видела другое. Произнося эти слова, маршал в действительности выглядел жалким. Новых войск он не знал, он только был назначен вместо Москаленко. Однако этот военачальник полагался только на страх.

Страх был и еще оставался основным побуждающим средством в привычках и поведении больших начальников тех лет. Страхом все еще было пронизано все общество. Той власти казалось, что с помощью страха легче управлять, страх всемогущ, он лишает людей инакомыслия, держит общество в послушании. Трудно возразить, что победу в войне нам принес страх. Кто прошел через испытания войны, помнит страх, и главным был страх не перед противником, немцем. Больше боялись начальников, от командира полка до командующих армиями, фронтами. Привычны были взаимоотношения начальников с подчиненными после войны. Оставался страх.

Помню рассказы слушателей академии о том, каким великим мастером страха был Г.К. Жуков.

Трудно совмещать смекалку, находчивость, мужество, храбрость со страхом. Страх стоит на вооружении не только у военных. Страх – это порождение системы. Жестокость и насилие долго составляли основу нашего строя, нашего государства.

Таким страхом накачивал нас новый главком, довольно известный по истории прошедшей войны.

– Я командовал полком в 1927 году в Пролетарской дивизии, – продолжалось напутствие, – за время моего командования было два чрезвычайных происшествия. Первое – дневальный по конюшне уснул, одна лошадь отвязалась и, бегая по двору, налетела на оглоблю, второе – красноармейцы были отпущены в город, один из них, прыгнув неловко с трамвая, сломал ногу. С каждым случаем я разбирался лично и сделал выводы для себя на всю жизнь.

Мы плохо знали маршала, он для нас – человек новый. Но не было сомнений, этот человек обладает недюжинным лицемерием. Нам казалось, что он не понимает, кого пригласил к себе на беседу, или видит в нас молодых, неопытных «салаг», которым свободно можно вешать лапшу на уши. Нам неудобно было переглядываться, тем более шептаться, но без сомнения каждый из нас отлично понимал, что маршал просто врет и, может быть, он эту байку считает самой удачной для сознания своего величия в наших глазах. В его времена, а тем более сейчас, случаи, о которых он так серьезно говорил, к чрезвычайным происшествиям не относились. Это были несчастные случаи. С.С. Бирюзов прекрасно это знал. Но он хотел показать, насколько он требователен был к себе, насколько выше он тогда был в сравнении с командирами-ракетчиками.

Так эта беседа монологом главкома и закончилась. Нам были вручены предписания, и мы должны были отсюда же, из Москвы, убыть к новым местам своей службы. Я получил приказ выехать в Томск и принять под свою команду полк, в котором два дивизиона с боевыми ракетами стояли на боевом дежурстве, а, третий – шахтный – вел строительство боевой позиции.

Итак, впереди Томск, Итатка, в 80-ти километрах – неизвестность. Семья: жена, сын и теща – в Новосибирске, я еду в Томск.

Рядом с железнодорожной станцией в бывшем концлагере размещен полк. Деревянные полуразвалившиеся бараки за высоким забором из заостренных кольев, полное отсутствие коммунальных удобств, кроме тусклых электрических лампочек. Вода привозная, отопление печное, туалеты наружные, что в условиях сибирской зимы не очень приятно. Дорогой маршал, это – не Пролетарская дивизия на московском асфальте. Но меня волновало другое: что собою представлял ракетный полк, какое состояние его духа, подготовки, как меня встретят офицеры полка?

Еще в Новосибирске я слышал много нелестного об этой, богом забытой, части. Такие же отзывы были и в Москве. Но то, с чем мне пришлось столкнуться, превзошло все мои ожидания. До меня полком командовал полковник Н.В. Лямин. Подтвердилось то, что о нем говорили он: действительно больше «заглядывал» в бутылку, чем в казармы солдат, не заботился о состоянии и нуждах полка.

По моему представлению, по всем показателям (порядок, дисциплина, уровень боевой готовности) полк не мог называться воинской частью. Командиры дивизионов потеряли власть над людьми, командиры групп, рот просто боялись появляться в казармах, офицеры полностью устранились от дел. Бичом полка стали самовольные отлучки. Близлежащие деревни были буквально заполнены солдатами. Кадровому военному, видимо, не надо говорить насколько это опасно. Близкий контакт солдат с местным населением, как правило, сопровождается пьянством, драками.

Офицеры, как и в Новосибирске, прибывшие из всех родов войск, жили без семей в барачных общежитиях, питались плохо. Немало их пребывало в беспробудном пьянстве, проводили время за картами.

Я не считал себя новичком подобных армейских картин, приходилось встречаться с разложением в воинских подразделениях, массовым дезертирством и прочее. Но это был ракетный полк, на вооружении которого были стратегические ракеты.

Разложение солдат и, особенно, растущее недовольство могли привести к взрыву. Офицерам месяцами не выплачивалось жалование, не выдавалось обмундирование, обувь. Внешний вид офицеров и солдат был ужасен. Многие офицеры постоянно находилась в технической форме, без знаков различия. Солдаты просто не признавали офицеров за старших, постоянно пререкались, полностью выходили из повиновения.

Таким был полк, в командование которым мне приказано вступить. По уставу, как вновь назначенный командир, должен быть представлен офицерам и после этого, перед строем всего полка. Но никто из старших начальников из дивизии или корпуса не приехал.

С чего начинать? На кого можно опереться? Все эти вопросы я задавал

себе, и сам же должен был находить ответы. Больше вопросов, меньше ответов. Одно я понимал однозначно – во что бы то ни стало нужно наладить контакт с людьми, необходимо сблизиться с офицерами. И при всем этом, не потерять своего лица. Справедливость и высокая требовательность – это то условие, при котором я не буду отторгнут коллективом и получу право приказывать людям. Если этого сделать не смогу, я не завоеую уважение людей и должен буду уехать.

С первых минут своего прибытия я столкнулся с массой проблем, главным образом повседневных: водовозные машины завязли в пяти километрах, вышел из строя энергопоезд, прекратилась подача электроэнергии, встал хлебопекарный завод, отравились два солдата парами окислителя на станции выгрузки... Мог ли я не реагировать на все происходящее, мог ли спокойно взирать на это из своего обшарпанного кабинета, как это представлялось московскому маршалу? Вместе с тем, если я с головой уйду в решение этих повседневных неурядиц, завтра меня никто не будет признавать в полку.

Не менее важным было установить правильные взаимоотношения со строителями. Приказом по военному округу, одновременно с принятием полка я вступал в должность начальника гарнизона. Это означало, что не только за более одной тысячи личного состава полка, я должен нести ответственность, но и за более чем пять тысяч военных строителей, таких же офицеров, солдат, как и своих штатных. На, позициях полка размещалось управление инженерных работ (УИР), что в переводе на наш военный язык приравнивалось примерно к линейной дивизии. Командовал строителями полковник Шкитырь Н.П.

Строительство в позиционном районе полка начиналось с возведения временных сооружений. Поэтому строительные части размещались в более сносных условиях, чем подразделения полка. Для штаба УИР были приспособлены сборные казармы с отоплением, светом и другими удобствами. Хотя строительство велось уже более трех лет, но за это время не было построено ни одного жилого дома, ни одной казармы, а тем более столовых или других помещений быта. В этом, конечно, не было никакой вины строителей. Тогда примерно так было везде, где было развращено строительство для Ракетных войск стратегического назначения. О людях заботились меньше всего, главным оставались «задачи обороны, безопасности страны». Люди, которым вверялось такое грозное оружие, ютились в ужасных условиях. Семьи офицеров более трех лет скитались по прилегающим деревням в ожидании квартир. В первые же дни для меня это стало одной из самых больных проблем. Каждый день жены офицеров буквально осаждали меня, где бы я не появлялся. Я был бессилен что-либо сделать, в моем распоряжении не было ни одного свободного общежития, чтобы хотя бы временно разместить там наиболее нуждаю-

щиеся семьи. Но я был самым старшим начальником, а значит должен что-нибудь сделать. Но это не в моей власти.

План строительства на каждый объект утверждался главнокомандующим, ракетными войсками, план же постановки пусковых установок на боевое дежурство для стратегических ракет – министром обороны на основании постановления ЦК КПСС и Совета Министров. Но далеки были эти инстанции от нужд людей, заброшенных их волей в необжитые таежные места.

Спокойно на это взирать я не мог. Обстановка в полку была накалена до предела. Недовольство офицеров перерастало в брожение, в открытые угрозы посылки делегации жен в центр и предъявления требований по благоустройству семей офицеров. Насколько это реально, я видел сам и по докладам начальника политотдела полка (такой орган был создан после вывода полка из состава Красноярской ракетной дивизии и некоторое время был как бы отдельным). Жены офицеров буквально пикетировали штаб полка, приносили своих детей, некоторые даже оставляли их в кабинете командира полка.

Мои доклады старшим начальникам, шифровки в центральные управления, достаточно широко отражали состояние дел в полку, и в том числе наиболее острые проблемы. Мне приходилось убеждать руководство ракетного корпуса, доказывать, просить о поставке сборных сооружений, чтобы переоборудовать их под временное жилье для семей офицеров. Но меня не слышали, более того начали обвинять в малодушии, в непонимании политики партии по обеспечению безопасности страны и тому подобное.

Я все больше начинал понимать, что становлюсь неудобным для начальства, не таким послушным, как это представлялось перед моим назначением.

Однако я настаивал на том, в чем был уверен, что считал со своих позиций справедливым и правильным. Полк готовился встать на боевое дежурство с ракетами межконтинентальной дальности. Офицеры на пусковых установках, на командных пунктах должны быть уверены, что их семьи, их дети накормлены и находятся в тепле. По себе знаю, офицеры готовы терпеть любые лишения, лишь бы их семьи были более или менее устроены.

Мог ли я как командир, в подчинении которого морально подавленные офицеры, находящиеся у пусковых кнопок, быть спокойным и уверенным в надежной безопасности?

Я очень хотел, чтобы в подобном положении оказался новый главком Крылов Н.И., который руководил в стиле своего предшественника – под влиянием личных эмоций снимал с должностей, выгонял из армии.

Не хотелось бы, чтобы читатель подумал, что это только мои мысли. Но, тем не менее, они не имеют никакого отношения к жизни полка. Несмотря

У входа в Дом-музей Шукшина В.М.

В первом ряду слева направо: *Балыбин Г.В. (второй), Дмитренко В.Д. (третий), Мелешко В.Н. (четвертый), Дворкин В.З. (пятый), Никитин В.А. (шестой), Сергеев И.Д. (восьмой)*

Посещение группой главнокомандующего РВСН РФ ракетной базы США

Слева направо: *Дмитренко В.Д., Сергеев И.Д., командующий ракетной армией США*

Работа в войсках, Нижний Тагил, слева направо:

Максимов Ю. П. — главнокомандующий РВСН; Казыдуб Г. И. — генерал Главного штаба;
 Леонов А. И. — заместитель начальника направления ГШ РВСН;
 Терехов А. Н. — командир полка; Кудрин С. П. — командир дивизии

Работа в войсках, в центре слева направо:

Сергеев И. Д. — генерал-лейтенант (ныне маршал России);
 Казыдуб Г. И. — генерал-майор;
 Носов В. Т. — полковник

ря на все эти трудности, полк продолжал подготовку к заступлению на боевое дежурство. Два дивизиона с двумя наземными пусковыми установками были приведены в установленную готовность. Для третьего – долбили три шахты под пусковые установки.

На станцию выгрузки ежедневно поступали ракеты, комплектующее оборудование, жидкие компоненты ракетного топлива. По положению, на каждой выгрузке должен быть командир полка, а они производились каждую ночь. Но меня больше беспокоила общая обстановка в полку, настроение офицеров. Трудно было смириться с тем, что офицеры вместе с семьями жили и питались по деревням. Магазинов не было, продукты, которые никем не проверялись, покупали у крестьян. Могло произойти отравление или массовая эпидемия. Постоянные мои доклады об этом в какой-то момент были услышаны, пришло разрешение выдавать офицерским семьям солдатские пайки из полковых складов. Немудреный набор продуктов оказался радостью для этих людей.

При каждом посещении семей офицеров в деревнях приходилось слышать и слова благодарности, и бесчисленные упреки. Нельзя было не понимать многих из них, приехавших из больших городов, от обеспеченных родителей.

В глухих, полузаброшенных деревнях остались одни старики. Они сами еле держались на своем скудном рационе. Хлеб привозили один-два раза в неделю. Нужда была во всем, не во всех деревнях было электричество, радио.

В нескольких километрах от полка, на берегу речки раскинулось большое село Соколовка. Не в пример другим, в этом селе было весело, даже буйно. Половина села была заселена так называемыми стилигами. В основном это были девушки, «запятнавшие» себя беспутным поведением в дни фестиваля молодежи и студентов в Москве. Высланные в этот глухой угол для трудового перевоспитания, девицы не работали, по ночам устраивали оргии, а днем отсыпались. Испытывая несправедливость, они демонстративно вели себя вызывающе похабно, поголовно все курили, нецензурно выражались, в теплые дни по селу бродили в одних трусиках. Все они были пострижены наголо, как говорили, еще до отправки в эти места.

Вблизи села размещалась боевая позиция первого дивизиона. Для командира дивизиона майора Ивановского М.С. это стало непреодолимым препятствием удержать солдат, да и офицеров, от такого доступного соблазна он не мог. Каждое посещение села сопровождалось пьянками, драками, нередко поножовщиной.

Но то, что происходило в строительных частях не могло идти ни в какое сравнение с полком. Редкая неделя проходила без гибели или дезертирства солдат. Гибли на стройках, в казармах, в селах. Гибли от холода, от

пьянства, в драках. Гибли под током, под кранами, под колесами машин. Строительная техника эксплуатировалась на износ, с нарушением самых элементарных правил безопасности. Не ошибусь, если скажу, что все первые ракетные комплексы возводились на костях и страданиях людей и, в первую очередь, военных строителей.

Я как начальник гарнизона нес ответственность не только за свой полк, но и за все строительные части, привлеченные на стройку позиционного района полка. Не переставали мне об этом напоминать руководители Сибирского военного округа. Непосредственно округу были подчинены военные строители, за все, что творилось в этих частях, окружное начальство отвечивалось перед центром. А потому в Новосибирске непрочь были найти козла отпущения в лице начальника гарнизона-ракетчика. Ракетные войска создавались как войска центрального подчинения. Полк непосредственно был подчинен командиру корпуса, штаб которого размещался в Омске. Но как начальник гарнизона я был подчинен командующему военным округом. Вот тут-то и была зарыта собака, причем дохлая.

Уже через месяц после своего назначения я был вызван на военный совет округа, где в потоке брани, оскорблений мне однозначно указали на то, что я не работаю в строительных частях, влез по уши в проблемы полка, которых, по их мнению, просто не может быть, так как ракетчики «зажирели», закрылись своим режимом. Меня предупредили, что если я не наведу порядка в строительных частях, я буду снят с должности.

Если полк, которым я командовал, был один, то строительных частей не меньших по своей численности, – не менее десяти. Это была полнокровная стрелковая дивизия.

Происшествия среди строителей не прекращались, более того они росли. Большая часть времени командира полка ухилила на разбирательство каждого происшествия, установление причин, виновных лиц. Наряду с этим руководители УИР, непосредственные начальники командиров строительных частей, занимались, в основном, техническими вопросами, далеки были от людей.

Как-то раз поздно ночью мне позвонил командир 2-го дивизиона и тревожным голосом попросил, чтобы я приехал в село, расположенное вблизи боевой позиции.

Пришла весна, снег почти весь сошел, речки очистились ото льда. Дороги были в непролазной грязи. В такое время года села бывают отрезанными от мира, связь с ними прекращается. Я выехал на гусеничном тягаче. Большое когда-то село, вытянувшееся вдоль озера, было в сплошной темноте, ни одного огонька, ни одного звука.

На окраине села мы услышали приглушенные голоса и вскоре в густом тумане увидели очертания небольшой группы людей. Среди местных жителей я увидел командира 2-го дивизиона, подполковника М.П. Савина, и

двух офицеров. Командир дивизиона попросил отойти меня в сторону и начал рассказывать.

Днем вблизи кустов, на берегу озера играли дети. Вдруг они увидели собаку, которая тащила из кустов руку человека. Дети со страху убежали, но это неприятное известие поплыло по селу. Когда об этом узнал М.П. Савин, он тут же выехал в село и позвонил мне. В сельсовете дождались рассвета и снова выехали к месту страшной находки. По одной руке – на ней сохранились остатки солдатской гимнастерки и наручные часы – можно было без труда установить, что где-то поблизости труп солдата.

Утром в ивняке был найден труп солдата-строителя. По словам прокурора, который присутствовал при поисках, этого солдата командование строительной части считало в бегах, был объявлен всесоюзный розыск. Из части он исчез осенью прошлого года. Теперь предстояло прокуратуре установить обстоятельства гибели этого солдата: или его убили, или он спяну утонул. Но мне опять надо писать шифровку командующему военным округом и командиру корпуса. Где-то живут родители погибшего, ждут его. А его уже несколько месяцев, как нет в живых. Для гарнизона еще одно происшествие, еще одна неприятность на головы командиров.

И сколько еще таких бессонных, тревожных ночей, безрезультатных поисков, неприятных докладов. Сколько матерей, жен, братьев, сестер получают черные вести о трагической гибели родного человека. Как остановить эти бессмысленные смерти, как уберечь жизни молодых, полных сил людей. Наверху видели только одного виновника – командира полка. Непрерывные смещения командиров полков в то время не просто были характерны, они были модны, особенно при маршале Крылове Н.И. до тех пор, пока его не лишили этого права. От командира полка требовалось с первых же дней, чтобы он показал товар лицом или – до свидания. Командиров дивизионов, полков снимали в срочном порядке не только за происшествие, но и за недостаточно понравившийся доклад, за непринятие крутых мер и прочее. Такая взыскательность по отношению к этой категории командиров, по-видимому, испарялась, дойдя до командира корпуса, а тем более командующего армией. Здесь главком всегда обращался несравненно мягче, вероятно, исходя из того, что если такой командир и виновен, то значительно меньше, да и признать ошибочным назначение на такой высокий пост – значит уже часть вины взять на себя. Я мог бы назвать не один десяток командиров, достойных более высоких должностей, но снятых в пылу эмоций, или ошибочных выводов. Приходится только сожалеть, что так мало способных, честных командиров получили шансы выдвинуться.

В правоте этих своих суждений я смог еще раз убедиться, когда наш гарнизон посетил командующий Сибирским военным округом генерал-полковник Бакланов Г.В.

Шел апрель 1963 года. Запах весны, накануне буйного сибирского лета. Снег уже местами сошел и еще больше обнажил убогость наших военных городков, беспорядок на строительных площадках. Прошло почти два года, как в глухой тайге северо-восточнее Томска развернулось грандиозное строительство большой ракетной базы. Еще недавно в этих местах царила тишина, стояли вековые сосны, все было в непроходимых зарослях. И зверю, и вольному человеку было сытно и вольготно в этой безбрежной, суровой стороне. Пришел другой человек, подневольный, не с этих мест, изрыл, искорежил всю красоту этих мест.

На огромных площадях выкорчеван лес, непролазные тракторные дороги, как глубокие сабельные удары, изуевичили изумительную, нетронутую гладь земли. Из-под снега торчат брошенные железобетонные конструкции, бетонные плиты, колеса, гусеницы и ржавые, полузатонувшие в трясине, тракторы. Сколько же надо усилий, чтобы все это убрать и куда-нибудь вывезти?

Ко всему этому надо добавить неимоверное количество военных строителей в своей гулаговской одежде, разбросанных по всей территории. При первом взгляде бросается картина бессмысленных передвижений, каких-то непонятных работ, бесчисленных костров. И везде лица землистого цвета с горящими глазами.

Таким должен предстать подчиненный мне гарнизон перед взором этого довольно высокого военного чина, как я знаю, любителя блестящих парадов, спартакиад и других военных празднеств.

Г. В. Бакланова я знал еще по службе в 13-й гвардейской механизированной дивизии. Он был командиром этой дивизии после прославленного А.И. Родимцева, героя Сталинградской битвы. Вскоре он был назначен командиром корпуса в составе 5-й гвардейской армии. О Бакланове в дивизии ходили легенды, связанные главным образом с его спортивными успехами, умением мастерски владеть штыковым боем.

Но теперь мне предстояло встретиться далеко не с молодым, некогда спортивным генералом. В округе о нем ходят другие легенды, были и были. Сухой, бессердечный, не понимающий людей чинуша, но в верхах слышущий способным военачальником.

В эти времена, Н.С. Хрущев уже заявил с трибуны ООН, что в стране поставлены на боевое дежурство первые межконтинентальные ракеты, во всю об этом шумела наша печать.

Но мало кто из этих «трубадуров» знал, в каких условиях начали боевое дежурство ракетчики, какое настроение у офицеров, все ли они морально готовы по первому приказу нажать на кнопку «ПУСК». Далеко от всего этого и военный совет округа, его командующий. Правда, Ракетные войска стратегического назначения оставались в центральном подчинении, военный округ за них, практически, не нес ответственности, хотя его си-

лами велось строительство не только боевых позиций. Зная об этом, я в первую очередь готовил интересующие его вопросы, главным образом, о ходе строительства жилья для офицеров и всех объектов социального и культурного назначения.

Я понимал, что за чужой щекой зуб не болит. У командующего свои войска, свои заботы, да и едет он сюда, чтобышний раз доложить министру обороны о том, что он лично вникает в нужды ракетчиков.

Мне никто не давал права выступать в качестве обвинителя людей, с которыми мне пришлось вместе работать в те годы. Не всегда бывает приятно видеть, слышать людей, выступающих судьями других, знатоками тончайших движений их душ. Как часто мы ошибаемся, присваивая себе это право, опираясь только на собственные чувства.

Мне всегда казалось, что писать о других людях – это всегда проигрышная затея. Приходится часто встречаться, особенно в мемуарной литературе, когда автор легко судит обо всем, что было, находит ошибки там, где сам не был, или поверхностно владеет материалом для суждений. Сегодня многие мнят себя стратегами, видя все со стороны, а тем более через многие годы. К сожалению, мало кто написал в своих мемуарах о своих ошибках и неудачах.

Большинство военачальников, а тем более полководцев, находящихся в фимииае славы, не нашли мужества сказать о себе правду. Не сделал этого и Г.К. Жуков. Все они выставляли напоказ свои достоинства и успехи, боясь, что от правды убудет их слава.

Не хотел бы я ошибиться, но сейчас мне предстояло встретиться с одним из таких военачальников.

Высокомерие, необузданность этого человека были вне всяких границ. Не думаю, что его высокий воинский чин мог быть оправданием его самодурства, грубости и несправедливости.

Из управления округа мне позвонили, что командующий будет в гарнизоне утром 25 апреля. На станцию Итатка он приедет персональным поездом. Это тоже для меня было неожиданностью. Все начальники, как правило, прибывали самолетами до Томска, а оттуда, в зависимости от занимаемого положения, транспортом полка или обкома партии.

Апрель в этих местах – время начала таяния снега. В тот год весна пришла несколько раньше обычного, снег оставался только в лесу и глубоких оврагах. Все дороги очистились от снега, но оставались покрытыми водой. От железной до нашей бетонной дороги можно было добраться только на тракторе или гусеничном тягаче. Проложить лежневку или просто положить бетонные плиты, мы не успевали. Решали высокого гостя от станции до бетонной дороги везти на гусеничном тягаче, но надо было еще готовить жилье. Я так и не смог узнать, на какой срок прибывает Г.В. Бакланов к нам в полк. Кроме двух невзрачных деревянныхдоми-

ков я ничего другого ему предложить не мог. Мы не знали численности его свиты, в каких они чинах.

Утром 25-го мне передали, что поезд командующего убыл из Томска на Итатку. На тягаче, волочащем на буксире легковую машину командира полка, я прибыл на станцию. Перед выездом переговорил с командирами дивизионов, начальником строителей полковником Н.П. Шкитырем, напомнил ориентировочное время посещения боевых позиций и строительных площадок. Я имел на руках детальный график работы командующего в полку, который был согласован с командиром корпуса генералом Д.А. Медведевым.

Станция по моему приказу была оцеплена караулом, на платформе был оставлен начальник станции в красной фуражке. В общем, мы постарались все обставить так, как это делается при встречах самых высоких особ.

Поезд из тепловоза и трех вагонов медленно подошел по первому пути к зданию станции. Двери во всех вагонах закрыты, окна зашторены. Из какого вагона должен выйти командующий, я не знал, поэтому стоял на платформе в ожидании, какая дверь откроется первой. Такая пауза, видимо, тоже была предусмотрена каким-то ритуалом, которого я не знал. В среднем вагоне отворилась дверь, и на платформу соскочил молодой майор. Не торопясь, довольно вальяжно подошел ко мне и спросил, где командир полка. Попросив меня ожидать на платформе, он полез в тот же вагон. Через несколько минут он появился в двери вагона и взмахом руки позвал меня к себе и пригласил в вагон.

Как я позже узнал, поезд из трех вагонов составлял единый комплекс. В первом вагоне была комната для отдыха. Средний вагон предназначался для совещаний, оборудованный необходимыми средствами связи. Его интерьер поразил меня невиданной роскошью.

Вагон представлял собою большой зал, стены которого были отделаны дорогим деревом, на них – тяжелые бронзовые светильники. На полу лежит толстый ковер. В центре – зала резной стол, покрытый зеленой скатертью.

Вдоль стен стулья с такими же витыми ножками, справа диван, накрытый белым чехлом. По углам голубые вазы, расписанные цветами, здесь же невысокий шкаф с хрустальной посудой. Ручки на дверях и поручни вдоль окон, видимо из бронзы, вычищены до блеска.

Потом я слышал, что этот поезд принадлежал адмиралу Колчаку, а изготовлен был для сибирского губернатора. Нет сомнений, что за всю свою историю он стал свидетелем не одной трагедии.

За роскошным столом, где сейчас восседал в белом кителе Г. В. Бакланов, в свое время сидел последний сибирский губернатор Муравьев, а возможно царь или кто-нибудь другой из его круга.

Но сейчас все мое внимание было сосредоточено на человеке с седой головой, склонившегося с пером в руке над письменным столом. Гром-

ким голосом, как принято у нас, военных, я доложил: «Товарищ командующий, командир войсковой части 44099 подполковник Казыдуб!». Поза Бакланова не изменилась, он продолжал что-то писать. Я помялся немного и еще более громко повторил доклад. И опять никакого внимания. В сильном смущении я не знал, что мне делать дальше. Повернув голову назад и поискав глазами порученца командующего, я увидел, что он меня зовет в тамбур. Но это еще больше осложнило мое положение: по уставу без разрешения старшего выйти я не могу. А старший здесь – командующий. Меня начала раздражать эта глупая ситуация, в третий раз кричать о своем прибытии мне казалось сверхглупо. За моей спиной майор продолжал настойчиво просить меня выйти из вагона. Теперь уже ничего большего не оставалось, как выйти. Медленно я стал пятиться назад. В тамбуре адъютант на ухо мне прошептал, чтобы в докладе я назвал истинный номер полка, а не номер войсковой части.

В ракетных войсках категорически запрещалось вслух называть номера полков, дивизий. Такие номера можно было вписывать только в боевые письменные приказы. Такой приказ с номером полка считался совершенно секретным, т.е. составлял государственную тайну. Объяснять это командующему было нелепо, он по положению был допущенным до таких сведений, но в вагоне могли быть посторонние, в том числе его же адъютант. Так впервые мне пришлось вслух назвать номер полка, которым командовал уже несколько месяцев.

Услышав номер полка, Г. В. Бакланов медленно поднял голову и как бы удивленно посмотрел в мою сторону. Рукой указал мне на стул и только после этого спросил: «Кто ты такой?». Я вскочил со стула и намерился еще раз прокричать свой доклад. Он махнул рукой, чтобы я сидел. Но на вопрос надо было отвечать. Я начал кратко рассказывать свою биографию. Когда я сказал, что проходил службу в 13-й гвардейской механизированной дивизии (признаюсь, что сделал это намеренно), он опять поднял голову и, как мне показалось, впервые посмотрел на меня. Теперь он больше не писал и смотрел на меня до конца моего доклада.

– Доложите состав полка и строительных частей, – был его второй вопрос. К этому я был готов и кратко ему ответил. После этого, не ожидая следующего его вопроса, я положил на стол заранее подготовленный план его работы в гарнизоне. Даже не взглянув на него, он сказал: «То, что вы мне тут написали – это для вас. Повезете меня туда, куда я захочу. Я сразу понял, как ракетчики умеют утирать носы, – продолжал он. Я не сомневался в том, что он знал каких масштабов достигло очковтирательство, да и все знали, что он сам в этом был не последним мастером.

Мы уже давно живем во лжи и так к ней привыкли, что нередко путаем ее с правдой.

Может быть, такое произошло и сейчас, в моей правде начальник увидел ложь и не постеснялся в этом уличить весь новый вид вооруженных сил.

Правду говорить всегда было опаснее, чем сеять ложь. Многим хотелось и сейчас хочется, чтобы о тебе думали и говорили лучше, чем ты есть в действительности. За свою службу неоднократно приходилось наблюдать, когда высокий чин прекрасно знает, что ему говорят неправду, врут, молча все воспринимает лишь потому, что ему так больше нравится, ему хочется, чтобы так было.

Все мы в той или иной мере дружки. Коли надо, мы будем врать, а дома «смело» скажем правду. У себя на кухне мы все правдолюбцы. Но не далее. Не знаю, может быть, это загадка русской души?

Говорят, что царь Александр II, освободивший крестьян, если бы его не убили террористы, ввел бы в стране конституцию. Он видел и верил в правду. Но был случай, когда он в окружении придворных неожиданно спросил, нет ли у кого-нибудь случайно журнала «Колокол» последнего выпуска, хотелось бы почитать. Все спрятали глаза. Как же можно было им читать запрещенное. Хотя все читают этот журнал, но царю они могут сказать только «нет». В этом была правда этих сановников.

А вот у Александра I на столе лежал устав тайного общества и лежал, как все понимали «тайно», все делали вид, что ничего не видят. И тогда, как сегодня, двойственность, как способ спасения души.

Мне было обидно, что этот генерал, впервые видя и слыша меня, не задумываясь, обвиняет в попытке его обмануть или в преднамеренной лжи. Одновременно я никак не мог взять в толк: как этот чистенький, выутюженный генерал в белом кителе, действительно, появится в нашем грязном, полуголодном, полуодедом гарнизоне?

В конце беседы со мной, если ее так можно было назвать, он также неожиданно сказал: «Вы свободны, можете идти». Я не мог понять, чтобы это могло означать, не мог же такой важный начальник приехать в такую глушь лишь за тем, чтобы поговорить со мною меньше часа.

Он играл со мной, как, видимо, со всеми такими же, как я. Я все больше убеждался, что в этом генерале больше от актера, чем от профессионального военного. По-моему, он обладал даром перевоплощения, и такой скетч он разыграл в моем присутствии.

В тамбуре, на выходе из вагона меня ожидал адъютант «его превосходительства» и все прояснилось. На все свои вопросы я получил исчерпывающие ответы. Г. В. Бакланов планирует пробыть у нас не менее двух суток. Отдыхать, питаться он будет только в своем вагоне. В этом была главная радость для моего заместителя по тылу А.И. Власкина.

За зданием станции моих распоряжений ожидали начальник штаба полка подполковник И.Е. Дапин, начальник политотдела Н.В. Нетесов и представитель от руководства строительных частей. Здесь же крутились

связисты полка, налаживали связь между штабом и поездом командующего. Но я не знал главного: когда командующий поедет по частям и на строительные объекты. Поэтому тоже кручусь вокруг его поезда. Подошло время обеда, может быть, он имеет привычку в это время отдыхать.

Вдруг распахнулась дверь вагона и появился командующий в полевой форме и сапогах. Легко соскочив с подножки, он широким шагом направился мимо меня к машине. Рядом с ним был уже знакомый адъютант и еще один офицер. Все они разместились в машине, а я взобрался на тягач в ожидании команды. Из машины вышел адъютант и позвал меня. «Куда ты собрался меня везти? Садись в машину», – услышал я голос Бакланова. Благополучно преодолели участок бездорожья, на бетонке стояла целая кавалькада машин. Командующему представились начальник УРВ полковник Н.П. Шкитырь, начальники политотделов: полка – подполковник Н.В. Нетесов и строительных частей – полковник А.А. Гоплевский. Я надеялся, что командующий главное внимание уделит строителям, они были в его подчинении, да и вопросы строительства меня беспокоили больше. Но мои ожидания не сбылись: Г. В. Бакланову по складу его характера и по многолетним привычкам ближе были строевые войска, в чем я убедился в первые же минуты. Он приказал везти его в ракетные дивизионы. На первых же километрах пути он приказал остановить машину. Сквозь зубы, не глядя на меня, он резким голосом спросил: «Кто здесь начальник гарнизона, почему вашей машине не отдают честь офицеры и солдаты?». Вслед за этими вопросами, на которые я и не должен был отвечать, был учинен настоящий разнос с грубостью, ругательством. Он вышел из моей машины и пересел к начальнику строительства. В эту машину он приказал перейти и мне. Брань его теперь уже не прекращалась. На проходной 1-го дивизиона майор Ивановский М.С. после представления командующему отозвал меня в сторону и доложил, что на неохраняемом перегезде машина строителей с людьми на борту сбита дрезиной, погибли два человека. Это – чрезвычайное происшествие, и весь ужас в том, что случилось это в присутствии того, кто считает, что все армейское зло исходит оттуда, где командиры бездельники и лодыри, те, что внизу, непосредственно у дела. Сейчас таким был я. Но ЧП произошло у строителей, и их руководство должно в первую очередь расследовать его причину. Я передал все сведения о ЧП полковнику Шкитырю Н.П. и попросил его здесь же доложить о случившемся командующему. Шкитырь, опасаясь личных неприятностей, начал меня упрашивать, чтобы доклад в округ послать шифровкой. Я вынужден был сам докладывать о ЧП командующему.

Мы стали невольными свидетелями того, как этот боевой генерал буквально изменился на наших глазах. Его смуглое лицо стало красным, глаза расширились, понеслась открытая площадная брань.

За свою службу мне приходилось видеть невменяемых, яростно-бешенных начальников. Особенно запомнился И.С. Конев еще в годы войны

на переправе через реку Одер. На моих глазах этот маршал лично избил палкой командира 58-й стрелковой дивизии генерала Самсонова И.Н., тут же по его приказу отвели в сторону и расстреляли двух офицеров. Но тогда была война, в какой-то степени такие действия были оправданы.

Такого мастерского мата я еще не слышал. Более получаса генерал свою брань направлял, главным образом, в мой адрес. Смысл его упреков был в том, что матери солдат доверили мне детей, я же оказался их убийцей. Я был вынужден слушать эти незаслуженные выговоры и ждать, когда Бакланов остынет. Но он умел себя воспламенять, в нем быстро просыпался актер. За долгие годы он привык видеть не равных себе, а безответных, а значит, виноватых.

– Я прекращаю у вас работать до тех пор, пока вы все не наведете здесь порядок, – были последние его слова в этот день. Говорят, что это был его излюбленный прием. Мне приходилось слышать, что в округе он слыл непревзойденным организатором, знатоком военных душ, солдатской психологии. В свое время в войсках округа ходила брошюрка «Психология советского солдата» под его авторством. Это был сборник всем известных постулатов марксизма-ленинизма по военным вопросам. Она была принадлежностью каждой ленинской комнаты и штудировалась на политических занятиях. Ходил даже такой слух: когда он выезжал в войска, то в этих частях надолго прекращались всякие неприятности с порядком и дисциплиной. Можно полагать, что даром такого внушения мог обладать только «высокоталантливый» начальник.

Но к нашему несчастью наш гарнизон не оправдал высокого доверия. Бакланов в своем бешенстве грозил мне и Шкитырю всеми возможными и невозможными карами. Он тут же уехал к себе на поезд и на следующее утро, не вызывая нас, уехал в Новосибирск.

Мог ли я, а тем более руководители строителей, рассчитывать в таких условиях на какую-нибудь поддержку? Помощь жаждали получить и семьи офицеров. К приезду Г. В. Бакланова кто-то организовал жен офицеров, живущих по деревням, были подготовлены почти ультимативные требования. Такая встреча для Бакланова не сулила ничего хорошего, и я не исключаю, что, получив такую информацию, он нашел повод, чтобы «достойно» ретироваться.

Возможно, у читателя возникает и такой вопрос: а зачем об этом писать? Ведь в этом нет ничего экстраординарного, все это присуще не только вчерашнему дню, но и сегодняшнему. Да, это так. Вместе с тем, это правда тех дней, когда мы, мучаясь в своем бессилии, создавали так называемый паритет, тот самый, который приведет к обнищанию страны и, в конечном счете, к ее развалу.

Гостили в полку и другие военачальники. Некоторые по несколько раз, в отличие от командующего Сибирским военным округом генерал-полков-

ника Бакланова Г. В., побывавшего в нашем ракетном гарнизоне первый и последний раз.

В те же дни, через две недели, я встречал в Томске первого заместителя главнокомандующего ракетными войсками генерал-полковника В.Ф. Толубко. Это такой же заслуженный генерал и не менее талантливый актер. Военная судьба свела меня с этим человеком близко. О нем стоит рассказать подробнее.

Его первый приезд последовал сразу же за посещением Бакланова, и мы особо ощутили большое различие в их характерах, манерах общения с людьми, деловитости и, наконец, в самой простой человечности и справедливости.

В.Ф. Толубко в полку был три дня, но я не ошибусь, если скажу, что за это время он решил массу накопившихся за все годы вопросов. В.Ф. Толубко в эти дни сам искал встречи с людьми, хотя знал, что будет много жалоб, просьб, что все их тотчас решить невозможно.

Вполне понятно, что к его приезду полк готовился. Что было в силах командира полка, командиров дивизионов, мы старались сделать. Приукрасили военные городки, боевые позиции, людей привели в порядок, чтобы они тоже выглядели получше. Ведь приезд в гарнизон такого высокого начальника – далеко не рядовое событие.

Из тыла корпуса непрерывно шли тревожные звонки, беспокоились, главным образом, за состояние столовых. Здесь наиболее заметно было наше убожество. Офицеры питались в столовых на боевых позициях. Во всех трех дивизионах они размещались в деревянных бараках, кухонное оборудование было примитивным, обеденные залы обшарпаны, на столах не доставало ложек, вилок. Сначала все хорошо вымыли, кое-где подкрасили. По моему совету официантки поставили на каждый стол полевые цветы.

Толубко в первый день обедал вместе с солдатами, на второй день пришел на обед к офицерам. Здесь же завязалась непринужденная беседа, он терпеливо слушал офицеров, старался перевести разговор на то, как все будет улучшаться по мере развертывания строительства, обустройства полка и всех ракетных войск. Один из офицеров, кажется из РТБ (воинская часть, обслуживающая ядерные боевые заряды) сказал: «Товарищ генерал, а как вы смотрите на очковитительство командира полка? Не думайте, что так всегда выглядит эта столовая». В столовой установилась полная тишина, все с интересом ожидали ответа.

В.Ф. Толубко тут же, обращаясь ко всем офицерам, сказал: «А я в этом не вижу ничего плохого. Я сам из Украины и стараюсь ежегодно бывать у матери. Так, что вы думаете? Каждый раз она к моему приезду белит хату, печку на улице, на пол постилает пахучую траву, она у нас называется щецбець, по-русски, кажется чабрец. На стол и на стены вывешивает чистые рушники. Она радостно ждет не высокого гостя, а своего сына. И

что же вы это тоже относите к очковтирательству? Я думаю, что это что-то другое. Конечно, это не оправдание тому, чтобы ежедневно не поддерживать порядок и чистоту не только в столовых, но и в жилых помещениях, везде, где бывают люди».

Но один на один он мне все-таки сделал замечание, поскольку, как он сказал, я его подставил. Он не считает, что для полка Толубко В.Ф. высокий гость, это его работа и он сожалеет, что не смог раньше побывать в этом гарнизоне.

Действительно, наш гарнизон не просто один из самых удаленных, он не удобен для посещения, особенно высокопоставленных особ.

Кто бывал в этих местах, тот знает, что до Итатки или следующего за нею Асино по железной дороге от Томска 80–100 километров, другого пути не было, а по этой ветке железной дороги пассажирского движения не было. К селам и деревням, с которыми мы оказались по соседству, добираться можно было только зимой, когда открывался санный путь или летом в течение одного-полутора месяцев. В остальное время эти люди отрезаны от остального мира.

В.Ф. Толубко после нашей встречи в Томске до полка добирался на двух машинах около двух часов. Мы ему советовали ехать поездом, специально для этого держали на станции Томск свой тепловоз с двумя вагонами. Но он отказался. «Я должен лично испытать то, чем живут люди, мне тогда легче будет с ними говорить», — ответил Толубко на наше предложение.

В его присутствии ежедневно в Москву летело до десяти шифровок.

Нам было приятно, что в них были не наши прежние слезы, мольбы, а требования и приказы. В них были сроки, конкретные меры, главным образом по строительству жилья, объектов быта и то, что нас особенно беспокоило, — по строительству дорог.

Видимо, неправильно винить тех людей, от которых зависел выбор этого места для размещения ракетных частей. Но, безусловно, это было ошибочно.

Весь позиционный район полка размещен в сплошных болотах. Никогда не будут опубликованы сведения о денежных затратах, вложенных в строительство этой ракетной базы, но какими неимоверными были усилия тысяч людей, знают многие.

Дорого стоило здесь все, но каждый метр дороги был золотым. В плотно дорог укладывались дорогостоящие аэродромные плиты. Дешевый бетонный монолит пучился, выворачивался и дорога становилась непроходимой. Но и аэродромные плиты постепенно уходили в болото, дорога становилась ребристой, по такой дороге опасно было перевозить не только ракеты, но даже обычные грузы.

Неоднократные мои доклады в самые высокие инстанции оставались без внимания. Ошибки и даже промахи в проектной документации, не-

достаточно обоснованные сведения, принимаемые сверху, здесь, на месте мы исправлять не имели права. Мы видели, что дороги можно было проложить по более коротким маршрутам, на лучших грунтах.

Пребывание В.Ф. Толубко помогло решить то, что нам не удавалось сделать за все годы.

Мне не хотелось сравнивать этих генералов, они действительно разные. Но мы из одних школ, мы мало разнимся по происхождению, живем под одними законами, наконец, руководствуемся одними уставами, более того, несмотря на жестокий тоталитарный режим в стране, мы воспитывались на человеколюбии. Но как много сухих, бессердечных чинуш в аппарате партии, государства, особенно, в армии.

От таких часто можно было слышать: «Я был и остаюсь солдатом партии». Продолжая эти слова – имелось ввиду, солдат создан для боя, а не для мира, есть одна команда: «Вперед!»

Такие, спокойно устлали трупами людей поля сражений прошедшей войны, посылали голод миллионам, спокойно взирали на невзгоды и страдания подчиненных. По их меркам было естественным одним брать от жизни все, что можно, пребывать в сытости и довольстве, а другим – оставаться в грязи и нищете.

В этом разнились эти генералы. Один ничего не хотел знать, только вперед, другой принимал все близко к сердцу, стремился облегчить условия, помочь людям.

Был и третий тип начальников в то время. Они обладали качествами и первых, и вторых. Но их бедой было пьянство.

Расскажу об одном из них. Не хотелось наносить обиду, может быть, уже старому человеку, завершающему свой жизненный путь. Но это было, это факты истории, истории ракетных войск, истории людей того поколения.

Шагал по томской земле май 1963 года. Весна в Сибири – это поистине волшебное время. Даже мы, занятые днем и ночью своими немирными заботами, не могли не видеть этого земного чуда, буквально на глазах преобразался лес, особенно его опушки и поляны. Буйно оживала природа, все дышало ароматом добра, любви, покоя. Мне до этого нигде не приходилось наблюдать такое стремительное пробуждение природы. Травы поднимались на глазах, одевались морем неописуемых красок. В лесу стоял пьянящий запах смолы, аромата цветов.

Но мы были заняты своими, наверное, чуждыми для природы заботами. Пришло время принимать прибывшие железной дорогой грозные ракеты. Нам предстояло проверить их исправность, привести в боевую готовность, нацелить на далекие, незнакомые, мирные города, на простых людей, их детей. Мы добросовестно выполняли приказ партии, приказ «родины».

На вооружение полка поступали первые межконтинентальные, баллистические ракеты 8К64, или как их еще называли Р-16-е, на жидкостных высококипящих компонентах топлива.

Все ракетчики, да и многие наши соотечественники помнят взрыв такой ракеты на ракетно-космическом полигоне Байконур в октябре 1960 года, когда на заключительном этапе подготовки ракеты к пуску возник пожар и произошла катастрофа с гибелью десятков людей. Тогда же погиб первый главнокомандующий ракетными войсками М.И. Неделин. Правда, наша печать, как всегда врала. В официальном сообщении было передано, что гибель произошла в результате авиационной катастрофы. Летные испытания были приостановлены и только к концу 1961 года ракета была принята на вооружение.

Такой ракетой вооружался наш полк, как и другие дивизии, полки на Урале и в Сибири.

Все ступени ракеты транспортировались по железной дороге, каждая в своем вагоне, а на стартовую позицию – на двух отдельных тележках.

Мы должны были выгрузить две ракеты и в эту же ночь перевезти их в дивизион. Такая работа была необычной, полк опыта не имел, но как всегда начинать надо было, за нас это никто не выполнит. Мы понимали, что за нашей работой будут следить Новосибирск, Омск, Москва. Таких ракет в стране были единицы, количество их, поставленных на боевое дежурство, учитывалось в самых высоких инстанциях, в том числе в ЦК КПСС. На командных пунктах получали доклады за каждый час движения по железной дороге, теперь контроль переносился на территорию полка.

Для организации работ с ракетами в полк был направлен заместитель командира корпуса генерал-майор Клименко Ф.В. Я плохо знал этого генерала. Слышал, что до назначения в ракетные войска он командовал стрелковой дивизией. При посещении войск в основном интересовался внутренним порядком, состоянием дисциплины. Это можно было понять. Ракетное оружие – новое, сложное оружие, чтобы в нем разбираться, надо хорошо подучиться. А времени на это было не у всех.

Явной слабостью первых лет ракетных войск было то, что руководство от дивизии и выше – ракетного оружия не знало, в состоянии технической подготовки вникало мало.

Накануне приезда Ф.В. Клименко, заместитель командира полка по тылу подполковник Власкин А.И. как-то сказал, что в домике, где мы решили разместить гостя, надо в графин и чайник налить не воду, а спирт. Я усомнился в этом, зачем такая злая шутка, она может обернуться для нас неприятностью. Но Власкин стоял на своем, утверждал, что он с Ф.В. Клименко встречался. На это я ему сказал: «Вы несете ответственность за бытовое обслуживание, поэтому делайте, что найдете нужным».

Из вагона вышел человек среднего роста в генеральской форме, полноватый, с крупным розовым лицом. Когда он снял фуражку, в глаза бросились ярко-рыжие волосы. По его лицу были разбросаны коричневые пигментные пятна. Это и был генерал Клименко.

Он бодро вышел на перрон, я ему представился, и с первых минут мне стало казаться, что этого человека я уже знаю давно. Он никому не давал говорить, сам, не переставая, сыпал словами. Но не слышалось наставлений, указаний, говорил без всякой злобы. Он всем нам показался добродушным, таким покладистым дядькой.

Когда мы вошли в домик, где он должен разместиться, он первым делом открыл чайник, как я понял, убедился, что там налит спирт. Он как будто еще больше подобрел и начал раздеваться, хотя намеревался до этого идти в штаб полка. Меня устраивало, чтобы он сейчас не шел в подразделения или штаб.

До начала транспортировки ракет оставалось около четырех часов. Накануне, оценив условия, в которых будет проводиться эта важная работа, совместно с начальником штаба полка подполковником Дапиным И.Е., главным инженером полка, майором Долгиным М.И. и начальником автослужбы капитаном Голобовым А.Д., я вынес решение на организацию работ и, как это требовалось по нашим документам, оформил его письменным приказом. Тщательно подобраны участники, проведены занятия в классах и на местности с макетами агрегатов, проверен каждый метр бетонной дороги, наконец, в полном составе поезда с тележками проведены по маршруту. Все, как-будто, предусмотрено. Оставалось доложить на вышестоящий командный пункт и дать сигнал на начало работ.

Присутствие названного гостя несколько путало наши карты. По уставу теперь я должен докладывать ему как старшему обо всем, что происходило в полку. При первом же моем появлении у него в домике он приказал сесть за стол и налил мне стакан спирта. Я попросил у него извинения, сославшись на то, что в штабе собраны офицеры для получения последних указаний по перевозке ракет. Конечно, я слукавил. Все, кто привлекался к этой работе, были на местах и ждали команду на ее начало. Он отпустил меня, но велел после совещания прибыть к нему. Еще и еще мы проверяли себя в готовности, ждали назначенного времени. День медленно клонился к вечеру.

Через некоторое время А.У. Власкин передал, что генерал ждет меня в домике. Я нашел его уже в сильном подпитии, язык его изрядно заплетался. Он указал мне на стул и наполненный стакан. Я никогда не пил такими дозами, а сейчас я не мог даже прикоснуться губами. Я должен уйти от этого настойчивого гостя, время подходит для подачи команды.

Опять, как и в первый раз, я вынужден был говорить ему неправду: «Товарищ генерал, перед штабом выстроены офицеры. Разрешите мне от-

дать приказ, и я сразу же вернусь сюда». Клименко посмотрел на меня мутными глазами. Может быть, ему впервые встречается офицер, так ловко уворачивающийся от такого любезного приглашения, от чести при-
нять стакан из рук высокого начальника.

Видя, что меня надо отпускать, генерал попытался включиться в наши заботы: «Товарищ подполковник, мне этих ракет за свою службу пришлось перевезти не одну сотню, я знаю, как это организовывать. Главное в этом деле не струсить. Я тебе приказываю выстроить офицеров штаба в две шеренги. Одну шеренгу поставь с одной стороны ракеты, другую – напротив. Мы с тобой будем идти сзади с пистолетами. Когда ракета качнется в какую-либо сторону и какая-нибудь сволочь попытается бежать – стреляй без предупреждения. Иди организовывай и, когда будешь готов, доложи».

Всю эту чушь он излагал серьезно, командирским голосом. Я не подавал вида и с такой же «серьезностью» слушал его. На выходе из домика я попросил А.И. Власкина безотлучно находиться с генералом, сделать так, чтобы он больше меня не беспокоил. Если надо, то пей с ним столько, сколько он потребует. Но Ф.В. Клименко, видимо, был в таком состоянии, что уже больше не беспокоил.

Ракеты были перевезены, о чем я доложил командиру дивизии генерал-майору Артюху М.Е. Ночь ушла на эту важную работу, но я знал, что отдохнуть мне не придется. Я ожидал вызова от Клименко, который по докладу офицера тыла, к началу работ вместе с Власкиным были в таком состоянии, что их пришлось тащить на кровати и укладывать, как тюки с соло-
мой.

Вскоре, действительно, от Ф.В. Клименко последовал вызов. После моего доклада о завершении транспортировки ракет, он уточнил, выполнили ли я его указание. Значит все то, что он говорил ночью, был не бред пьяного, он верил, что таким способом наиболее надежно можно было выполнить эту работу. К своему удивлению, я услышал, что он меня отпускает, не приглашая за стол. Я облегченно вздохнул, ибо опасался повторения ночной оргии.

Власкину он потом сказал, что из этого подполковника хороший командир не выйдет, не быть ему генералом, уж больно он уходит от не такой уж частой возможности выпить с большим начальством.

Около трех дней Клименко оставался в полку, но так до своего отъезда и не вышел из домика. Я так и не узнал, что он докладывал командиру корпуса генералу Медведеву Д.А., но М.В. Артюх через несколько дней по телефону мне сказал, что Ф.В. Клименко остался доволен высокой организованностью и порядком в полку. Пусть это будет на совести генерала, который должен был оказать полку помощь, но которой так и не получили.

Я не в праве его винить. Немало было подобных руководителей. Страна медленно заползала в период так называемого застоя. Все больше высокие посты доставались тем, кто умел выпить и закусить со старшим, ублажить его. Я надеюсь еще сказать об этом, о той «незабываемой» встрече с генеральным секретарем ЦК КПСС, но это будет позже, когда я попал в центральный аппарат ракетных войск.

Хвост пьянства в армейской среде тянется еще со времен войны. Избавлялись в армии от алкоголиков и пьяниц, но они задерживались в высших эшелонах армейской власти.

Был в моей службе эпизод еще до учебы в военной академии. Служил я тогда в 73-й горнострелковой дивизии в должности командира роты. В те годы только некоторые младшие офицеры не были участниками войны. В среде офицеров процветало пьянство. Но особенно этим увлекались старшие чины. Редко можно было видеть в трезвом состоянии командира батальона подполковника Тарасова Ю.И. В свое время, когда вся дивизия вышла в летний лагерь в районе Новороссийска на так называемой Малой Земле, для строительства казарм в станице Славянской формировалась сборная рота. Командовать этой ротой было приказано мне как одному из требовательных офицеров полка. Так, по крайней мере, объясняли мне в штабе дивизии. Не понимая, что мне предлагают, я дал согласие. Роты нет, ее надо формировать. И вот только теперь я стал понимать, на что у меня вырвали согласие. С двумя чемаданами и женой я выехал в станицу, которая раскинулась на одном из рукавов реки Кубани. На западной ее окраине старый, еще с казачьих времен, военный городок. Трехэтажная казарма, небольшое здание клуба, две конюшни – вот собственно и все постройки в этом городке. Предстояло построить еще одну казарму и штабное помещение. Где размещать людей, где и чем их питать – эти и другие вопросы я должен был решать сам.

Может быть кому-то покажется смешным все то, что я считал для себя такой проблемой. Но в данном случае разницы для меня не было, снабжение полка, роты или одного солдата должно организовывать на законных, государственных началах. У меня таких начал не было, у меня не было аппарата снабжения, кроме одного старшины.

Но эти трудности отошли на задний план, как только начали прибывать солдаты. Я так и не мог узнать, по чьему указанию направлялись люди во вновь формируемую роту, но не без согласия штаба дивизии. Со всех частей дивизии отбирались самые недисциплинированные, это в лучшем случае, а в действительности те, кто совершил преступление, освободились от следствия и отправлялись в эту, как бы штрафную роту. Обосновывалось это тем, что в полках, батальонах оздоравливалась обстановка, снижалось количество происшествий, в дивизии в целом улучшалась дисциплина.

Насколько это был опрометчивый шаг и результат поверхностной оценки, вскоре пришлось убедиться авторам такого решения.

В роту поступило до двухсот солдат из самых различных частей дивизии. Командиров взводов не было, сержантов не хватало. Уже через несколько дней произошло первое происшествие. В один из вечеров на танцевальной площадке в центре станицы произошла драка солдат с местными жителями. В драке кто-то пырнул ножом гражданского парня, вина пала на военных. В станице, кроме моей роты, военных не было, все пути вели к нам. Из Новороссийска прибыл военный прокурор. Вскоре преступник был найден, им оказался солдат роты Иван Кобицкий.

За первым происшествием потянулась череда новых. Рота была укомплектована солдатами многих национальностей, значительную группу составляли грузины. Им удалось сплотиться вокруг двух вожаков. Они расшатывали роту, отказывались выходить на работу, на физическую зарядку, вечернюю проверку. Это было похоже на тихий бунт. Вслед за ними начали «тусоваться» азербайджанцы, узбеки. В роте вспыхнули драки между солдатами разных национальностей. В одну из ночей был убит солдат грузин. Я жил в роте, спал не более двух-трех часов в сутки. Оружия в роте, кроме трех армейских ножей, не было, но в ход были пущены ломы, лопаты. Моя стрельба вверх из пистолета и помощь сержантов, прибывших со мною в роту, позволили приостановить дальнейшую эскалацию событий. После этой тяжелой ночи мне пришлось расселить солдат по разным помещениям, в каждом помещении безотлучно находились командиры взводов, которые к этому времени были присланы в роту. Грузины были разбросаны в разные подразделения роты, это несколько охладило их пыл и «ватажную» храбрость.

Среди солдат русских и украинцев драк было меньше, но процветали пьянки и самовольные отлучки. Пьянство среди солдат становилось настоящим бичом. Я был беспощаден к сержантам и вновь прибывшим офицерам, склонным к этому злу.

В роте были представители всех частей, поэтому в своей работе я постоянно обращался к авторитету командира дивизии, командиров полков. Но позже мне пришлось пожалеть об этом. Однажды, в один из летних дней, я вел роту строем на работу, навстречу выехала автомашина, которая резко остановилась перед строем. Из машины вышел командир дивизии генерал-майор Орлов П.Н. и командир местного полка полковник Федоров Н.И., герой Советского Союза. Для меня это было полной неожиданностью, меня никто не предупредил о прибытии такого высокого начальства. Потом я узнал, что это было чистой случайностью, в станице они были по личным вопросам и ротой не интересовались.

Когда я остановил роту и подал команду для рапорта, к своему ужасу увидел, что оба эти высокие военные чины были во невменяемом состо-

янии, они еле стояли на ногах. Единственную фразу заплетающимся языком он произнес перед ротой: «Полковник, займитесь этим капитаном».

Н.И. Федоров буквально по слогам произнес: «Слу-ша-юсь!» Я был вчистую посрамлен перед своими солдатами. Чины еле втиснулись в машину, а я остался наедине с солдатами, многие из которых по-своему радовались этой неожиданной встрече.

Так было тогда, увы, так остается и теперь.

Посещали наш гарнизон большие начальники редко и, видимо, неохотно, людей полка продолжали давить бытовые проблемы, решить которые могло только время. Но ждать никому не хотелось, годы идут, дети растут.

Но вернемся к нашему знакомому ракетчику, который так ловко оказал полку помощь в принятии первых межконтинентальных ракет и организации перевозки их на стартовые позиции.

Не пришлось больше мне встречаться с Ф.П. Клименко. Работая в штабе армии, в Смоленске, я слышал, что бесславно закончилась служба этого генерала в ракетных войсках. Не знаю, за какие заслуги он был переведен в центральный аппарат ракетных войск, в управление боевой подготовки.

Одним из бесспорных условий надежной боевой готовности полков, дивизий была подготовка людей. Нужно сказать, этому уделялось большое внимание с первых дней формирования соединений и частей ракетных войск. Кроме военных академий и значительного количества высших военных училищ, ракетчиков готовили во вновь созданных учебных центрах, на краткосрочных курсах, на заводах оборонной промышленности, связанных с выпуском продукции для ракетных войск.

На завершающем этапе подготовки полков, дивизионов для заступления на боевое дежурство их привлекали для проведения учебно-боевых пусков на полигонах. Полки, вооружаемые межконтинентальными ракетами такие пуски проводили на ракетном полигоне Байконур.

Вот для организации одного из таких учебно-боевых пусков на полигон был направлен генерал-майор Ф.П. Клименко с группой офицеров центрального аппарата.

Выполнив задачу, не знаю только с каким результатом, Ф.П. Клименко в сопровождении двух офицеров с секретными документами поездом выехал в Москву. В те годы ракетные войска своей авиации еще не имели, самолетами Аэрофлота перевозка секретных документов и приборов была запрещена.

Генерал и сопровождающие его офицеры, как и требовалось инструкцией, разместились в отдельном купе вагона. Как рассказывал потом один из этих офицеров, Клименко, как только разместились в вагоне, подробно проинструктировал о порядке перевозки секретных докумен-

тов по железной дороге, о действиях офицеров при угрозе нападения и прочее, прочее.

Чемодан с документами он приказал привязать брючным ремнем к руке одного офицера, и не отвязывать до конца дороги. Все бы ничего, но другого офицера он послал за спиртным. Вскоре все были в таком состоянии, что могли только спать. В одну из ночей офицер с чемоданом пошел в туалет, а так, как чемодан мешал ему, он его отвязал и оставил в туалете. Утром узнали о потере. Но документов так и не нашли. Позже они попали в руки КГБ и Клименко был уволен.

А проблемы в полку тем временем росли, и главными были – моральное состояние офицеров и быт людей.

Глава четвертая

ОТ ФАУ ДО СТРАТЕГИЧЕСКИХ

Ракетные войска как вид Вооруженных сил в те годы состояли как бы из двух родов войск: войска межконтинентальных ракет и войска с ракетами средней дальности. Причем на первом этапе, где-то до конца шестидесятых годов, это разделение было четко очерчено и в организационной структуре. Две значительные по своей численности армии и один ракетный корпус на западе и на Дальнем Востоке были нацелены на объекты в Европе, Японии, Южной Корее, а в последующем – и в Китае.

Дивизии МКР и РСД разнились не только своим вооружением, но и организационной структурой, порядком дислокации, укладом жизни, традициями, а в первые годы зарождения войск МКР, и уровнем боевой готовности.

Моя ракетная биография начиналась в войсках МКР. Но судьба уготовила мне пройти испытания также в войсках РСД.

Во второй половине 1963 года с должности командира ракетного полка я получил назначение в самую западную дивизию ракетных войск, размещавшуюся на территории Калининградской области. Там я оказался в совершенно иных условиях. Первое, что бросилось в глаза, это то, что в отличие от дивизии МКР, которая всем своим составом размещалась в одном городке, дивизия РСД была разбросана в нескольких городках, по числу своих полков.

Специфика оружия и, особенно, принятая позже новая схема боевых порядков в дивизиях МКР, в связи с появлением отдельных стартов, подтвердили правильность именно такого варианта размещения для этих дивизий.

В войсках РСД дивизионное звено не было отягощено тылами, техническими и другими частями обслуживания. Все проблемы, связанные с хозяйственной деятельностью, устройством быта, снабжением решались в полках. Таким образом, ракетный полк практически являлся автономной, законченной организационной единицей, независимой от верхних звеньев, кроме сферы боевого управления. Каждый полк имел свой позиционный район с жилым городком, как правило, в городе областного подчинения. Семьи офицеров и прапорщиков пользовались более благоприятными условиями, имели лучшие возможности по трудоустройству семей. Такое размещение полков способствовало максимальному использованию имею-

щейся дорожной сети и достижению широкого маневра подвижными пусковыми установками.

Когда с семьей поездом я приехал в город Гвардейск, где размещалось управление дивизии, я был поражен не столько европейским стилем архитектуры, благоустроенностью города, сколько, как человек военный, был ошеломлен простором, роскошью и даже некоторой помпезностью аппаратов, которые занимали штаб, политотдел, службы дивизии. Это не шло ни в какие сравнения с теми условиями, в которых находились ракетные войска на Востоке страны. Дивизионы во всех полках размещались в полностью отстроенных городках, к ним примыкали боевые стартовые позиции. Все это поддерживалось в приличном состоянии.

Дивизия в своем составе имела пять ракетных полков: 331-й базировался в Гвардейске, там же, где и штаб дивизии, командовал полком подполковник Фальков Сергей Корнеевич: 330-й – в Знаменске, под командованием подполковника Оспина Алексея Алексеевича: 25-й, считающийся по традиции лучшим, во главе с опытным командиром полковником Евсеевым Филиппом Федоровичем, размещался в городе Советске (бывший Тильзит); 308-й, которым командовал полковник Шафаренко Константин Иванович, постоянно соревнующийся с 25-м полком. Наиболее удаленным от штаба дивизии был 323-й ракетный полк, размещенный в городе Гусеве (бывшем Гумбиннене). Этим полком руководил подполковник Иванов Александр Петрович.

В штабе я представился командиру дивизии генерал-майору Акимову Борису Антоновичу. Нижесреднего роста, подтянутый, в безупречно подогнанном военном костюме, с холемым, я бы сказал, несколько надменным лицом, принял он меня натянуто сухо. Хорошо отточенным военным языком он кратко обрисовал состояние дивизии, опустив характеристику руководства полков и начальников служб дивизии. Однако вставил фразу о том, что я могу у него всегда найти поддержку.

У меня с первых встреч сложилось о нем мнение, что он принадлежит к тому типу военных, судьба которых складывалась без особых усилий, как принято в таких случаях говорить, шел по ковровой дорожке. До этой дивизии, службу он проходил в войсках ПВО страны, пригретый маршалом Бирюзовым С.С. В дивизии знали, что после окончания академии генерального штаба Акимов Б.А. по рекомендации покровителя был определен на ракетную дивизию. Не знаю, чем это было вызвано, то ли необходимостью прохождения такой ступени, но этого можно было достичь и в войсках ПВО, то ли возможным назначением самого Бирюзова С.С. на ракетные войска стратегического назначения.

Манера поведения Акимова Б.А. могла быть отпечатком характера его службы. Все были свидетелями того, как умел преображаться в зависимости от того, с кем он общался. Холодный, чисто служебный – это с подчинен-

ными, угодливый подобострастный и даже – со старшими по званию. Не могу утверждать, что это были черты подхалимства, но он умел создавать обстановку гостеприимства и хлебосольства, особенно при посещении дивизии такими начальниками, как командарм Добыш Ф.И. или член военного совета армии Павельев Н.В.

У меня не было причин быть недовольным новым своим начальством. Я трудился, сколько позволяли силы, видел, что мои старания не остаются не замеченными, особенно со стороны Б.А. Акимова. Мне тогда казалось, что он неплохо разбирается в людях, не лишен ума, твердо поддерживал порядок и боевую готовность дивизии.

Однако военная судьба, как это часто бывает, не была так уж ласкова к нему. В авиакатастрофе гибнет начальник генштаба, бывший главнокомандующий Рaketными войсками стратегического назначения маршал Бирюзов. Мы, подчиненные стали свидетелями того, как звезда Б.А. Акимова стала закатываться с той же скоростью, с какой и поднималась до этого.

Не хотел бы ошибиться, но думаю, что Акимова в дивизии не любили. Нам уже тогда было известно, что в верхах, и в Москве, и в Смоленске заместители главнокомандующего и командующего армией его особенно не жаловали, а на первых порах остерегались. С приходом на армию Герчика К.В., а на ракетные войска – Толубко В.Ф. на военной карьере Акимова Б.А., можно сказать, была поставлена точка. Самое многое, на что он теперь мог рассчитывать – это плавное завершение службы в каком-нибудь из arsenалов или в военном училище. Так в последующем и произошло. Б.А. Акимов ушел в отставку с должности начальника Ростовского высшего военно-инженерного училища.

А пока под началом этого, надо сказать, незаурядного генерала мне предстояло продолжать службу в ракетных войсках.

Как и требовалось по военному этикету, я обошел кабинеты заместителей командира дивизии. Полковник Тamarлаков Виктор Константинович, бывший танкист, сейчас первый заместитель командира. Человек не без личных амбиций, претендующий на более высокую роль.

Подполковник Иванов Валентин Дмитриевич, заместитель командира по ракетному вооружению, или, как тогда принято было называть, главный инженер дивизии. В памяти этот человек остался скромным военным труженником, представителем той когорты военных инженеров, на плечи которых легла главная и самая тяжелая ноша. Он ее нес добросовестно и достойно. Вскоре он ушел на должность главного инженера ракетного корпуса на Дальнем Востоке.

Начальником штаба дивизии долгое время бессменно был Безук Георгий Иванович. На характеристике этого человека я хочу несколько задержать внимание читателя не только потому, что он был моим непосредственным начальником, но как на неординарной, интересной личности. Он обладал

живым общительным характером. Благодаря своей открытости, доступности, он пользовался в дивизии, если не всеобщей любовью, то довольно широким уважением среди офицеров. Душа дружеских компаний, весельчак, танцор, он постоянно выступал в первой роли среди организаторов офицерских вечеров, встреч и различного рода коллективных мероприятий. Это один из ветеранов дивизии, на памяти которого весь ее путь от инженерно-ракетной части до одного из мощных соединений ракетных войск.

Естественно, что у него были широкие знакомства среди коренных ракетчиков, разбросанных по всем армиям, управлениям и штабам. Особо он подчеркивал свое личное знакомство с теми, кто оказался в главном, или генеральном штабах. Среди них был тогда полковник Устинов Георгий Иванович, в последствии генерал-лейтенант, служба которого завершилась в главном оперативном управлении генерального штаба.

Георгий Иванович Безук мучился тем, что так и не смог получить высшего образования. Однако уже то, что он был назначен на сравнительно высокую должность без высшей подготовки, говорило о незаурядных его личных способностях. Он понимал, что путь на более высокие должности ему по этой причине был заказан и поэтому всегда пребывал в неприятном ожидании, что на его место может придти другой.

Мое назначение его насторожило. Когда из управления кадров ему сообщили, что его заместителем назначен командир полка из Омского корпуса, он воспринял это как последнее предупреждение о его замене.

В те годы было принято пресловутое постановление, по которому срок службы офицеров в чине полковника исчислялся предельным его возрастом в сорок пять лет. Наиболее опытные, полные сил, прошедшие горнило Отечественной войны офицеры, в соответствии с этим решением подлежали увольнению в запас. Так продолжало рушиться армией шестое требование А.А. Гречко. В дивизии в числе кандидатов, подлежащих увольнению, оказались в основном заместители командира дивизии, такие как Тамарлаков В.К., Безук Г.И., Крючков В.М., Шафаренко К.И. и другие.

С первых дней работы на новом месте я почувствовал холод не только со стороны Безука Г. И., но и его многочисленных прихлебателей.

Наблюдательный Б.А. Акимов, не жалующий Безука за его некоторую поверхностность и скоропалительность, не замедлил этим воспользоваться. Через некоторое время мне все больше приходилось выполнять прямые поручения командира дивизии, минуя моего непосредственного начальника. Более того, Акимов неоднократно, особенно на совещаниях, заявлял о моем предстоящем назначении на должность начальника штаба. Но мне так и не пришлось поработать с ним в этой роли. Вскоре меня перевели на должность начальника штаба 49-й ракетной дивизии в Белоруссию.

Все полки в дивизии, кроме одного, имели на вооружении ракеты средней дальности Р-12 с подвижным наземным оборудованием. Эта техника была

довольно громоздкой. Для подготовки ракеты к пуску привлекалось до 70 человек, которые составляли стартовую батарею. Четыре стартовых батареи сводились в дивизион. Ракетный дивизион был внушительной боевой единицей как по количеству личного состава, так и по вооружению. Технология боевой работы по подготовке ракет к пуску имела в дивизионе законченную цепочку. Во главе дивизионов в то время были опытные офицеры, как правило, выходцы из инженерно-ракетных частей. Ракетный полк в составе двух-трех дивизионов замыкал на себя все виды снабжения и технического обеспечения.

Пятый полк имел на вооружении устаревшую систему ракет 8КБ1 (Р-5 м) с дальностью стрельбы до 1000 км. Ракеты на жидких компонентах ракетного топлива после пуска на заданную траекторию выводились при помощи радиокоррекции. Вскоре эти ракеты были сняты с вооружения, полк был переведен в состав другой дивизии, где был вооружен межконтинентальными ракетами с отдельными стартами.

Вместе с полками размещались специальные части, предназначенные для хранения и поддержания в заданной готовности головных ядерных частей. Для скрытности их называли ракетно-техническими базами (РТБ).

Руководители этих частей – полковники Добрынин Алексей Николаевич, Березин Абрам Ильич, Звиглянич Николай Яковлевич, Митин Павел Денисович, Мельничук Андрей Ананьевич уже тогда заложили твердые традиции по обеспечению надежной безопасности эксплуатации этого грозного оружия.

Иногда возникали небольшие трения между офицерами ракетных дивизионов и бригад РТБ, проскальзывали претензии друг к другу у командиров полков и начальников этих баз. Но большей частью это случалось из-за жесткого режима и скрытности в работе последних, которая была связана с сохранностью государственных тайн.

Вместе с тем офицеры этих специальных частей находились в постоянной опасности, в любой момент работы они могли быть подвергнуты воздействию этого специфического оружия.

Таким образом, дивизия имела в своем составе сорок пусковых установок и боевого запаса ракет на два-три пуска.

Все полки были заняты боевой учебой в довольно размеренной, спокойной обстановке. Периодические контрольные проверки, которые проводились командующим ракетной армией, или главным штабом ракетных войск, вносили некоторое оживление, а иногда и беспокойство, а потому нарушали размеренный ритм повседневной, будничной жизни ракетчиков. По крайней мере, так все это мне показалось при первом знакомстве.

Но при более глубоком изучении жизни полков, оказалось, что не все обстоит так гладко. Между полками поддерживалась атмосфера здорового соревнования за более высокую боевую готовность, командиры полков ревниво относились к оценке своей деятельности. Из года в год лауреаты пер-

венства доставались 25-му ракетному полку под руководством полковника Ф.К. Евсеева и его приемника А.Ф. Швырева. Иногда это почетное место завоевывал не менее опытный командир 308-го ракетного полка полковник Шафаренко К.И. 330-й ракетный полк был постоянным поставщиком чрезвычайных происшествий и грубых проступков. 323-й Гусевский полк вызывал у командира и штаба дивизии постоянное беспокойство. И не только потому, что командир полка подполковник Иванов А.П. чаще других заглядывал в рюмку, но, видимо, низким состоянием боевой готовности, срывами в дисциплине. Традиционно в полку ниже была подготовка батарей и дивизионов, больше было поломок техники. В общем, трудный был полк. Это подтверждает и то, что заменивший Иванова А.П. подполковник Боганский А.И., способный командир, так и не сумел вывести полк из этого состояния.

К немалому удивлению, я встретился в дивизии с повальным увлечением рыбной ловлей. К слову сказать, для этого здесь были идеальные условия. Чистые реки, озера и, особенно, богатый рыбой Куршский залив – и все это вблизи мест размещения ракетных полков – притягивало офицеров и прапорщиков. Да и сам командир дивизии Акимов Б.А. был не просто любителем, а рыбаком-фанатиком. Он уже давно перешагнул любительский уровень, стал непревзойденным мастером и знатоком премудростей рыбной ловли.

К концу каждой недели на его стол ложилась сводка с самыми последними сведениями о том, в каком водоеме, какую наживу берет та или иная рыба. Отдавались необходимые указания по организации очередной рыбалки, и в сопровождении постоянного состава рыбаков-любителей во второй половине дня каждой субботы – выезд на рыбалку. Нередко в таких мероприятиях принимали участие высшие военные чины или первый секретарь Калининградского обкома партии Коновалов С.М.

Меня удивило то, что за свою довольно продолжительную службу я впервые встретился с таким массовым увлечением. И скажу, не греша, что всегда к этому откосился немного скептически, причем с детства. В нашей казачьей станице, раскинувшейся на азовских лиманах, где рыба чуть ли не по улицам плавала, охотников, рыбаков-любителей принято было считать лодырями. Хотя я сам в свободное время не прочь был порыбачить.

Акимов Б. А. неоднократно пытался втянуть меня в свое общество рыбаков-охотников. Помнится случай, когда в сопровождении майора Прусса Моисея Артемовича мы выехали на рыбалку на Куршский залив. Тогда я впервые познакомился со способом ловли, который рыбаки называют «дорожкой». А суть его в том, что в моторную лодку усаживаются два-три рыбака, один из них за рулем, Лодка разгоняется вдоль залива. За борт выбрасывается блесна. Тут же один за другим в лодку летели морские окуни, сиги и др.

И вот в один из таких заездов мой спиннинг, раскатав всю леску, блесной зацепился за что-то в воде. На втором заезде то же происходит у Акимова. Многие знали, что он пользуется блеснами из серебра и даже из золота. Такую блесну терять нельзя. Развернув лодку, мы стали тянуть притопленную сеть. Улов, даже в представлении Б.А. Акимова, оказался неслыханным. Огромные сиги, окуни, несколько тунцов весом до 16 кг каждый нашу лодку заполнили доверху. Но на берегу нас ожидали какие-то личности, как мы потом поняли, это были хозяева сети и, как видно, они ожидали улова. Нам было ясно, что эти люди способны на все, у моих напарников подобные встречи были.

Мы были одеты в полевую форму, но без погон. У Б.А. Акимова был пистолет, который он всегда брал в такие поездки. Решительный наш вид, громкий разговор о вреде браконьерства, видимо, образумили их и внушили даже страх: они быстро стали уходить. Всегда по заливу таких сетей было разбросанно немало, рыбнадзор в основном кружился в устье Немана, где шел рыбец, наиболее ценная промысловая рыба. Конечно, такие выдающиеся выходные дни для меня и офицеров оперативного отделения были большой редкостью.

Б. А. Акимов, всегда, как говорится, державший руку на пульсе, был неплохо осведомлен о боевой готовности полков. Постоянной заботой была подготовка боевых расчетов пуска. Штаб отвечал за боевую готовность боевых частей и систему боевого управления. Поэтому большую часть времени я с группой офицеров находился в полках и дивизионах.

Командир дивизии уже в то время ввел в практику внезапные проверки организации боевой подготовки и состояния выучки стартовых батарей. Из состава штаба и служб была создана, так называемая, инструкторская группа, в которую входили наиболее грамотные и опытные офицеры. Такая группа, возглавляемая одним из заместителей командира дивизии, постоянно находилась в дивизионах.

Сравнивая боевую готовность с высоты последних лет, смело можно утверждать, что ответственность руководства полков и дивизий тех лет была на должном уровне.

Стратегические ракеты первого и второго поколения требовали от ракетчиков хороших знаний. Значительный объем работ выполнялся вручную, автоматическая работа системы управления полетом ракеты начиналась с момента срабатывания контактов подъема, т.е. с отрывом ракеты от пускового устройства. Особенно высокая подготовка требовалась для офицеров третьих отделений стартовых батарей, несущих ответственность за электронную программную часть ракеты и наземного оборудования. Каждый офицер должен был отлично знать электронные схемы, а это одиннадцать больших листов. Не меньший объем выполняли офицеры и солдаты других отделений стартовых батарей, при этом немало операций было связано с

опасностью (например, установка ракеты на пусковое устройство, заправка компонентами ракетных топлив). Все применяемые компоненты топлива были высокотоксичными, при обращении с ними требовалась специальная защита и наличие хороших навыков. Не всегда операции по заправке ракет заканчивались благополучно. Были случаи опрокидывания ракет при их транспортировке, падения с пусковых устройств, отрыва головных частей, значительных проливов и даже возгораний ракетного топлива. К сожалению, это нередко сопровождалось гибелью людей.

Все занятия на ракетном вооружении, а тем более учения с выходом на полевые позиции, проводились только ночью. Можно с уверенностью сказать, что ни в каком другом виде вооруженных сил такого количества ночных занятий, как в ракетных войсках, не было. Все перевозки ракет, головных частей со станций выгрузки или между полками, дивизионами проводились в ночное время. Это требовало высокой натренированности личного состава и хорошей организации.

Мне припоминается событие, происшедшее в первом дивизионе 351-го ракетного полка во время комплексного занятия по имитации пуска ракеты.

В дивизион мы приехали к концу занятия, чтобы проверять полноту и качество выполнения заключительных операций и приведение дивизиона в исходное состояние постоянной боевой готовности. Занятием руководил командир полка С.К.Фальков, который находился на командном пункте. На стартовой позиции работами руководил командир дивизиона майор Климов Андрей Федорович, один из опытейших ракетчиков полка.

Помню, была тихая безветренная ночь. Небо, усыпанное звездами, уже начало светлеть в преддверии утренней зари. Когда мы въехали на боевую позицию, нас встретила необычная тишина. Не слышно было обычных команд, шума двигателей. Это нас насторожило и порядком обеспокоило. На первом старте мы увидели жуткую картину. Вся позиция была погружена в белую пелену. По ее поверхности, как по воде, двигались головы людей. Сразу же пронзила догадка: произошел крупный разлив жидкого кислорода. Каждый из нас хорошо представлял, чем это грозило. Я не мог понять, почему командир батареи или дивизиона не эвакуировали людей, как это предусматривалось технической документацией и требованиями мер безопасности. Любой неосторожный удар по металлу, а тем более электрическая искра, грозили взрывом огромной, разрушающей силы. Правда, догадались все двигатели заглушить. Первое, что мы сделали, убрали людей в безопасное место. Командир дивизиона пытался объяснить нам, что он прежде всего решил предотвратить разлив кислорода. Но для этого не требовались люди всей батареи. Дали команду на отключение всех потребителей тока.

Сам по себе кислород не токсичен, но у людей, находящихся в зоне его большой концентрации, вначале возникает возбуждение, безудержный

смех, а уже после наступает вялость и сильная головная боль. Видимо пребывание в кислородной среде явилось причиной той беспечности, а может и преступности, которую проявили офицеры батареи. К счастью, взрыва не произошло, люди и техника не пострадали.

Много было подобных случаев и, к сожалению, с потерями людей и выводом из строя дорогостоящей техники и вооружения.

Должен сказать, что в дивизии неплохо был подготовлен штаб. Коллектив управления был сплоченным и отличался высокой работоспособностью. Ядром штаба было оперативное отделение, в составе которого были грамотные, с высокой практической подготовкой, офицеры: Суровцев Григорий Иванович, Гулай Борис Михайлович, Солохин Евгений Михайлович, Пастухов Юрий Алексеевич, Кузьмин Николай Васильевич, Морозов Иван Федорович, Петров Юрий Дмитриевич, Заскалько Николай Павлович и другие.

В будущем они возглавят полки, штабы и управления. Высокой подготовкой обладали офицеры командного пункта Ракель Дмитрий Леонтьевич, Басманов Борис Васильевич, Шмаров Валентин Павлович, Фрольцов Николай Степанович, Москаленко Виталий Васильевич.

Дивизию постоянно посещали различного рода комиссии, как со штаба армии, так и от главкома. Любили здесь бывать и представители генерального штаба. Не ошибусь, если скажу, что причиной этому было не беспокойство за состояние боевой готовности, а более прозаические мотивы: неплохое торговое обеспечение тех мест, богатая рыбалка. Б.А. Акимов и командиры полков, особенно Евсеев Ф.Ф., Шафаренко К.К., Спрысков Б.М., командовавшие дивизионами, полками, бригадами, еще до создания ракетных войск, умели принять и ублажить гостей. К сожалению, это часто делалось на глазах офицеров. Хотя, кажется, это было привычным, но люди на это реагировали отрицательно. Уже тогда зарождалось то зло, которое позже станет привычным в войсках. Все более распространяется очковтирательство, ложь и пр. Разложение верхов, местных партийных и советских функционеров не могло не коснуться армии. Низкопоклонство, подхалимство, взяточничество, к стыду, начало поражать руководство полков и дивизий. Особенно это было заметным во взаимоотношениях командира дивизии с обкомом партии.

Б.А. Акимов, который, как я уже говорил, был мастером в организации охоты, рыбалки, пользовался доверием руководства области и неизменно избирался членом бюро обкома партии.

Помнится, первый секретарь обкома С.М. Коновалов отмечал свой юбилейный день рождения. Как всегда в таких случаях, его помощники потихоньку позванивали об этом в районы, предприятия, учреждения и, конечно, в воинские части.

Акимов подготовку к этому событию начал заблаговременно. На одном из совещаний руководящего состава дивизии он назначил сумму необходимо-

го денежного сбора для закупки подарков юбиляру. Еще раз было сказано о том, сколько хороших дел обком делает для ракетчиков. Конечно, все понимали абсурдность этих слов. Но уже тогда все больше говорили одно, думали второе, а делали обратное. И, как казалось, все были единодушны в сказанном. Б.А. Акимов все же предупредил, что было бы нежелательным об этом громогласно говорить в частях, а тем более в приказном порядке взимать у офицеров необходимые для этого средства.

Но как часто в таких случаях бывает, находятся «благожелатели», готовые ради своей карьеры сотворить личное преподношение большому человеку. Вот так и поступил начальник РТБ полковник Березин А.И., воинская часть которого в течение нескольких лет награждалась переходящим знаменем обкома и облисполкома.

Подарки закуплены, и в торжественный день Б.А. Акимов с группой офицеров, представителей от всех частей, выехал в Калининград. В состав этой группы попал и я. Обком занимал самое фешенебельное здание в центре города, говорили, что у немцев там размещался городской магистрат. Нет сомнений, если бы сохранился дворец прусских королей, то обком правящей партии, не задумываясь, обосновался и там.

В приемной толпился народ, некоторые уже были навеселе. Чувствовалась нерабочая, праздничная обстановка. Когда мы туда вошли, из-за стола нам навстречу выскочил помощник секретаря и тут же проводил к юбиляру. Огромный кабинет, обитый, как это заведено со сталинских времен, дорогим деревом, уставленный массивной, темной мебелью. В глубине кабинета под огромным портретом Ленина за полукруглым столом сидел С.М. Коновалов. Слева, вдоль стены, стояли столы, уставленные дарами, часть их лежала на полу, столы были загромождены. В одну шеренгу мы выстроились перед столом именинника. Акимов произнес «коронную», заранее подготовленную речь. Юбиляра все это тронуло, он встал и наклонил голову. После вручения подарков, целований и рукопожатий, хозяин широким жестом пригласил в соседнюю комнату, где стояли накрытые столы. Несколько тостов за юбиляра, партию и армию. Коновалов говорил, что постоянно звонят из секретариата ЦК. Орден Ленина вручили раньше, а сейчас настаивают, чтобы шел домой. «А как уйдешь, если люди идут и идут», – были его слова. Нам показалось, что произнес он это так, будто такое с нами тоже случалось.

Все было бы хорошо, если бы эта сердечная церемония не была омрачена с нашей стороны неожиданно для Коновалова. А случилось вот что. Офицеры «отличной» РТБ, командир которой на подарки сорвал с офицеров приличную сумму, написали коллективное письмо прямо в ЦК партии. Это уже скандал. Партия своим сынам все позволяла. Но все это было за семью печатями, простые ее члены, а тем более народ, ничего не знали, они должны были верить.

По своей наивности, мы думали, что Коновалову С.М. грозит большая неприятность. Но первый есть первый. Еще длительное время он оставался на этом посту и успешно продолжал валить хозяйство области.

В нашей советской печати иногда проскальзывало упоминание о том, как богата была Восточная Пруссия, о немецких помещиках (юнкерах), бюргерах, о том, что этой землей кормилась вся Германия. Даже сейчас, через много лет, как немцев отсюда выгнали, можно представить, что было до нашего прихода. Надо признать, всегда при поездках по городам и селам этой области становилось стыдно за наших людей. Рассказывали, что в свое время, после войны, область заселялась людьми, пожелавшими получить «рай», сотворенный чужими руками. Это были бывшие уголовники, люди не привыкшие к труду, много наехало цыган. Когда я туда приехал, а это было в 1963 году, все уже было в полуразрушенном состоянии. Прекрасные каменные дома, коттеджи, хозяйственные постройки стояли с провалившимися крышами, во дворах непролазная грязь, кучи разбросанного навоза.

Отличные шоссейные дороги разрушались. Перед глазами была картина сплошного запустения. Создавалось впечатление, что люди не собирались здесь задерживаться, все было как бы временно. Видимо, так оно и было. Восточная часть Калининграда (Кёнигсберга), наиболее пострадавшая в годы войны, не только не восстанавливалась, но и не расчищалась. Прекрасные луга, пашни постепенно заболачивались. У немцев вся территория края дренажировалась, в ходе полевых занятий нередко нам попадались простые, но добротные сооружения по регулированию грунтовых вод. В одно время пытались их восстановить, проводились даже спектрозональные аэросъемки. Но, видимо, нам не хватало немецкого трудолюбия и настойчивости. Помнится, ходили слухи, что будут приглашены специалисты из ГДР. Может быть, у какого-то руководителя хватило ума, чтобы этого не делать. Для нас это стало бы позором на весь мир, позором горе-победителей.

Но, несмотря на это, грудь первого секретаря за эти годы украсилась не одним орденом Ленина. Ракетчики ввели главного шефа области в небольшой конфуз и не более. Коновалов прервал всякие взаимоотношения с дивизией. А оконфуженная войсковая часть под командованием А.И. Березина навсегда лишилась переходящего знамени обкома и уже, на моей памяти, никогда не числилась «отличной».

24-я гвардейская Гомельская ракетная дивизия, награжденная пятью орденами, – одно из старейших соединений ракетных войск. В 1946 году бригада особого назначения (впоследствии дивизия) была сформирована в Восточной Германии, вблизи города Зондерхаузен. Бригада получила задание на освоение немецкой ракеты ФАУ-2. Первый пуск одноступенчатой баллистической ракеты личным составом бригады был проведен на полигоне Капустин-Яр, вблизи Волгограда, 18 октября 1947 года, что стало нача-

лом бурного роста ракетостроения в нашей стране. Передислоцированная в город Лугу, бригада получила на вооружение ракету Р-1.

Шли годы. Первая ракетная бригада, размещенная в Калининградской области, разворачивается в дивизию и вооружается ракетой средней дальности стратегического назначения Р-42 (8К63).

С 1980 года по договору между СССР и США начали сниматься с боевого дежурства ракеты средней дальности. Некоторые полки и дивизии, снимаемые с боевого дежурства, переводились на восток страны (Барнаул, Канск, Иркутск). Решалась в эти годы судьба и 24-й ракетной дивизии.

Главкомандующий ракетными войсками Толубко В.Ф. стремился сохранить в боевом составе это старейшее соединение. Оперативным управлением главного штаба неоднократно разрабатывались варианты перевооружения этой дивизии и переводом ее в восточные районы. Одно время прорабатывалось предложение, в том числе и в генштабе, о размещении дивизии в районе города Рославля Смоленской области. Главной причиной, почему этого не произошло, – чрезмерно высокая стоимость строительства на новом месте и нежелательное соседство с атомной электростанцией.

В 1989 году дивизия была снята с боевого дежурства и расформирована. Боевое знамя сдано в музей, документы – в архив, оружие отправлено на уничтожение. А люди – кто ушел в запас, кто пожелал продолжить службу в других соединениях ракетных войск.

Так завершилась история этого необычного соединения, боевой путь которого опален залпами «катюш», грохотом первой советской ракеты и, наконец, многолетним несением боевого дежурства с ракетами новых поколений. Много было в этой истории трагического, как и во всей истории советских вооруженных сил, но, безусловно, всегда присутствовало мужество, стойкость, были пот и кровь, был тяжелый ратный труд, сопряженный с освоением совершенно нового оружия, невиданной разрушительной силы.

В Главном штабе РВСН, слева направо:

*Казыдуб Г.И. – генерал-майор; Махоненков К.И. – генерал-майор;
Ляшик В.В. – генерал-лейтенант; Дмитриев А.А. – генерал-майор;
Сальницкий И.Т. – полковник*

В гостях в 7-й ракетной дивизии

Командование и начальники служб ракетной армии (г. Смоленск)

Сидят слева направо:

Гуров В.А – заместитель главного инженера;

Широков В.И. – заместитель командующего армией;

Герчик К. В. – начальник штаба армии;

Добыл Ф.И. – командующий армией;

Хренов С.М. – член военного совета армии;

Казыдуб Г.И. – заместитель начальника штаба армии;

Макаров И.И. – помощник командующего армии по строительству

Посещение министром обороны России Грачевым П.С. ракетной дивизии с подвижным грунтовым ракетным комплексом

В первом ряду справа налево: Сергеев И.Д., Грачев П.С.

во втором ряду: Дмитренко В.Д. (второй справа)

Глава пятая

РАКЕТЧИКИ БЕЗ МИРНЫХ БУДНЕЙ

Но все это будет значительно позже, в восьмидесятые годы, когда по договору с американцами мы начали массовое сокращение ракетно-ядерного оружия, главным образом на западе страны, из состава первых двух армий.

Моя ракетная биография все больше расширялась, мои перемещения по службе как бы не имели конца. Я прибыл в 49-ю гвардейскую дивизию, разбросанную в густых лесах Белоруссии. На ее вооружении были ракеты средней дальности. Немало подобных дивизий, с такими же ракетами, было размещено вдоль старой и новой государственной границы на западе СССР.

Дальность стрельбы этих ракет позволяла накрывать объекты в Европе и на Ближнем Востоке. Дивизия в своем боевом составе имела четыре ракетных полка, сорок пусковых установок. В отличие от 24-й ракетной дивизии, дислоцированной на территории одной области, позиционные районы полков этой дивизий охватывали три области: Минскую, Брестскую и Гродненскую. Жилые городки офицерских семей размещались в Слуцке, Лиде, Новогрудке и Гезгалах. Штаб дивизии находился в городе Лиде. Несколько уступая по комфортности полкам, размещенным в Восточной Пруссии, все ракетные воинские части в Белоруссии имели неплохие условия для несения боевого дежурства.

Новая среда, новые условия, другие люди со своими традициями и привычками. Я должен с этим считаться, уважать, мне надо вживаться.

Командир дивизии генерал-майор Глуценко Андрей Иванович – настоящая военная косточка. Сух, строг, немногословен, пунктуален, чистоплотен. Но как нередко бывает, его дополняет довольно развязная, сующая везде свой нос жена – душа компаний, вечеров, встреч, источник и постоянный разносчик сплетен и слухов.

Как нигде больше, между командованием дивизии и местным и партийными властями сложились тесные взаимоотношения. Основную скрипку в этом играл начальник политотдела. Опасность этого человека я почувствовал с первых дней работы.

Однажды командир, как бы по-приятельски, сказал мне, чтобы я не терял осторожности при столкновениях, а они неизбежны, при общении с на-

чальником политотдела. Я ему был благодарен, но вместе с тем, это было предупреждение о том, что командир вряд ли всегда будет на моей стороне, в лучшем случае он займет нейтральную позицию. Тем не менее, его советом не воспользовался, не прислушался, может быть, к мудрым словам.

Не мог я кривить душой, поступаться своей совестью, не мог я таиться от людей, всегда старался быть на виду у тех, с кем делил тяготы службы. Так и не смог я побороть себя, сближение наше с начальником политотдела не произошло. Слишком по-разному мы понимали все происходящее, разные у нас были дороги.

В те годы, когда в армии окончательно была создана каста политработников, закрытая так же для остальной массы кадровых военных, как и КГБ, явление если не конфронтации, то неприязни, было типичным, в армейской среде. Там, где командир или начальник штаба уходил из-под влияния политоргана, атмосфера накалялась, возникали трения, в ряде случаев – борьба, исход которой всегда был предreshен – превыше партии никого не должно было быть. Политработники открыто выставляли себя единственными посланниками ЦК, все остальные члены партии, независимо от занимаемых должностей, представляли так называемую многомиллионную партийную массу.

Это особенно проявилось в период событий в Чехословакии в 1969 году. Видимо, в то время офицеры ракетных войск находились в наибольшей изоляции от общества, от жизни страны, это обстоятельство имело свою предысторию, начало которой относится к тем временам, когда создавались батареи, полки первых реактивных установок, или, как привыкли их называть, «катюш». Несмотря на массовое развертывание ракетных войск в сравнительно короткие сроки, тем не менее, офицерский состав отбирался под контролем партийных органов и КГБ. Среди них исключалось в любых проявлениях диессидентство, проникновение «самиздата» и любой «крамолы».

Но в эти годы, годы «хрущевской» оттепели, полностью закрыться уже было невозможно. Информация проникала по командным инстанциям, через семьи и т. д.

Насколько в эти дни была накалена обстановка, как далеко зашло руководство нашей страны, мы понимали из того, что Ракетные войска стратегического назначения были приведены в повышенную боевую готовность: к боевым ракетам пристыкованы боевые головные части с ядерными зарядами; офицеры, отозванные из отпусков, безотлучно находились на боевых стартовых позициях. Покидать позиции всему личному составу было запрещено. Были уточнены планы эвакуации семей военнослужащих. Многие из нас в те дни все же считали, что проводимые в ракетных войсках меры не имели военного аспекта, это были, с одной стороны, пропагандис-

тская шумиха, главным образом для запада, с другой – стремление наглухо закрыть ракетные войска от проникновения правды, от нарастающего недовольства в обществе действиями московских властей.

Политработники усиленно нагнетали обстановку, без устали повторяли сказку о «гуманных» целях ввода войск в Чехословакию. В ленинских комнатах демонстрировались снимки, показывающие «зверства» антикоммунистических сил, освещались эпизоды героизма, наших солдат и офицеров.

Довольно прозрачная лож вызвала далеко не однозначную оценку этих событий в офицерской среде. Но одна лож рождает другую. Так происходило тогда. Политработники так увлеклись, что совместно с местными партийными органами начали распространять среди военных и гражданских слухи о том, что пропольски настроенные хуторяне поделили города на кварталы для удобства дележа имущества семей военных и местного актива в случае ликвидации советов и бегства семей. Все это делалось с одной целью: убедить офицеров, и солдат в той угрозе, исходящей из Чехословакии, в наличии врагов в Западной Белоруссии. Руководство дивизии и полков ежедневно обеспечивалось сводками КГБ об оперативной обстановке среди местного населения. В таких сводках делался анализ социального состава жителей, обращалось внимание на большое количество сотрудничавших с немцами, число бывших репрессированных. На основании этого делались выводы о возможном числе людей, потенциально способных выступить против советской власти.

Командиры и штабы обязаны были реагировать на этот бред. Разрабатывались контрмеры, усиливалась охрана, сокращалось движение за пределами позиций, более того, в штабах, были разработаны планы по подрыву ракет и головных ядерных частей на случаи угрозы их захвата. Как можно было не верить в реальность нависшей угрозы над нашей дивизией?

Лож искусно рядилась в правдивые одежды: радио, газеты усиливали эту веру. Однако чем больше неправды, чем она становится все более настойчивой, тем меньше в нее веры. Большая часть офицеров оставалось мало активной, не только без энтузиазма, но и без интереса воспринимала происходящее, без нажима никто не выражал поддержки решений руководства страны, а также открытых осуждений событий в Чехословакии.

В эти дни и месяцы, как никогда, расцвело стукачество, как быстро доходило до «компетентных органов» необдуманное слово солдата или офицера. Широко этим пользовались и политорганы, назвав это действие более благостным словечком – осведомительством. Осведомители из среды офицеров и солдат тщательно подбирались и оберегались политсоставом. Любой политработник считал себя на коне, если первым узнавал о крамоле в коллективе и своевременно информировал об этом старшие органы.

Довольно странно сейчас слышать, когда некоторые из наиболее рьяных либералов требуют огласки тех, кто был связан, или лучше «повязан» в свое время КГБ. Многие знали, что это было массовым явлением. Много людей, совершающих такие мерзкие поступки, как доноительство, в душе считали, что это патриотический долг каждого советского человека. Трагическое заблуждение этих людей можно объяснить тем прессом пропаганды, который постоянно на них давил и не каждый мог в таком положении достаточно верно оценить глубину своего морального падения. Политический сыск, КГБ умело отбирал кандидатов в стукачи. Интеллектуалы, как сейчас говорят, люди, имеющие хотя бы малейшие признаки ненадежности, что определялось не по деловым качествам, а главным образом вычитывались из биографии: кто был твой дед, твой отец.

В свое время, когда я проходил службу на территории Австрии, мы, младшие офицеры, легко вычисляли тех, кто был связан со «смершем». Не могу сказать, что они были ущербны, но, несомненно, тяготились этим, особенно в офицерских попойках, в тесном кругу друзей.

В то время я на себе испытал оскал «смерша», наяву столкнулся с этим омерзительным явлением в нашей среде.

Глава шестая

В ВЕНСКИХ ЗАСТЕНКАХ КГБ

Отдалились годы войны, но основная часть офицеров, да и солдат в полку, была фронтовиками. 1948 год для нас, служивших за границей, был особенным.

Вена, столица Австрии, как и Берлин, была разделена на четыре оккупационных зоны. Восточную, самую большую часть, занимали мы, советские войска. Прекрасный Венский лес с дворцами и виллами отошел англичанам. Небольшие зоны были у американцев и французов. Разделение это было условным, жители города, как и мы, свободно передвигались между зонами. Город жил своей жизнью, работали магазины, театры. Но это было только внешне. Венцы голодали, процветала спекуляция, в которой первую скрипку играли американцы. Но и среди наших находились любители нагреть руки на бедах людей. Особенно в этом преуспевали снабженцы всех рангов.

Комендантом Вены, а позже только ее советской зоны, был один из «прославленных» генералов войны, герой Советского Союза, Лебеденко Н.Ф. «Вечная» его слава была в том, что он собственноручно расстрелял более семидесяти наших солдат и офицеров. Этого он сам не скрывал.

Кровь безвинных людей была на совести многих наших полководцев прошедшей войны. Мне мало встречалось в годы войны начальников, которые бы жалели людей, избегали напрасных жертв. Значительно позже, в мемуарах они сочиняли легенды о том, как дорожили жизнями своих солдат. Как часто приходилось видеть, когда в пьяном угаре гнали людей на верную гибель, лишь бы к утру доложить о взятии высоты или села, которые к вечеру с легкой руки отдавали немцам, ибо ни в оперативном, ни даже в тактическом отношении они роли не играли.

Мертвые молчат, живые не хотят беречь старые раны, а беспристрастные историки еще не появились. Тех, кто смотрел правде и смерти в глаза, все меньше. Меньше и меньше надежд на объективную оценку того, что было, на объективный взгляд на те годы, события, на миллионы безвестных и на дела прославленных полководцев.

Мне не пришлось в годы войны встречаться с Г.К. Жуковым, но не всегда воспринимается раздутая шумиха вокруг его имени, особенно в последнее время. Но вот И.С. Конева мне пришлось видеть не один раз, в том числе и

в боевой обстановке. Палку, а зачастую и пулю, для «поощрения» подчиненных генералов и офицеров он применял, не стесняясь, на глазах многих людей. Был свидетелем такого безобразного зрелища и я на правом берегу реки Одер. Его примеру следовали командармы, командиры всех рангов.

1948 год стал годом всеобщего «похолодания» в мире, началом целой эпохи «холодной» войны. Говорят, начало этому положила речь У. Черчилля в Фултоне. Не думаю, что наша сторона приложила к этому меньше усилий.

К нам, остававшимся далеко за пределами страны, ветер новой войны еще не доходил. Мы продолжали дружеские встречи с союзниками. Больше всего мы симпатизировали американцам, которые отличались простотой, грубоватостью, любили выпить, чем-то походили на нас. Уже привычным становилось встречаться нашим офицерам с американскими у одних и тех же девушек, в ресторанах, в театрах. Американцы постоянно предлагали что-нибудь на продажу, любили меняться часами. К нашей гостинице в десятом районе города они приезжали, как к себе. Привычным было видеть, как они навязчиво предлагали для продажи еще новенькие, по нашим меркам, джипы, причем за сравнительно небольшую цену. Некоторые наши офицеры покупали, что становилось одной из любимых тем для совещаний нашего чудака, командира полка.

Англичане с нами общались мало, видимо брезговали. Мы их тоже недолюбливали за гордость и жадность. Французы были какие-то тихие, незаметные. Наш внешний вид никогда не отличался лоском и щегольством. Французы же в своей синей форме из грубого сукна, в ботинках и белых гетрах, беретиках явно уступали даже нам. По бедности их офицеры мало уступали нашим. Нередко случалось, что американцы угощали за свой счет в совместных кампаниях наших и французских офицеров.

Но вот подул холодный ветер. В 1948 году у американцев произошла замена всего состава. Вместо фронтовиков прибыли не нюхавшие порошу новички. Наши общения, общие попойки прекратились. Все больше возникало стычек. Помню, в конце лета этого же года произошла крупная драка в Курсалоне (Штадтпарк в Вене) между нашими и американскими офицерами. Вызванные патрули не в силах были унять разбушевавшихся «союзников». С обеих сторон были убитые и раненные.

Прошли те дни, когда мы могли свободно появляться в любой зоне, гулять по всем районам Вены. Приметы «похолодания» были во всем. Как упомянул я выше, город разделялся на четыре сектора, во главе которых был свой комендант. Для согласования общих вопросов была учреждена межсоюзническая комендатура. Она состояла из четырех комендантов, каждый из которых поочередно объявлялся главным комендантом на три месяца. Смена комендантов проводилась в торжественной обстановке. Перед зданием союзнического коменданта в первом районе города выстраивались в парад-

ной форме с оркестрами две роты торжественного караула. Последние два года службы в Австрии мне выпала честь командовать такой ротой.

Это было довольно красочное зрелище. На площади собиралось много горожан, были и представители от союзников.

По согласованной команде командир рот сходились на середине строя и отдавали друг другу рапорт, обменивались рукопожатиями, и роты – каждая со своим оркестром впереди – проходили торжественным маршем. Наш командир роты во время рапорта салютовал саблей.

В первое время наш ротный после рапорта снимал с правой руки белую перчатку и подавал руки союзнику, а для нас это всегда был американец. Началось «похолодание», поступила команда перчатку снимать только с большого пальца, «холод» усиливался – руки подавать в перчатке, в последнее время – руки вообще не подавать. Нам, офицерам, было стыдно перед американцами, ибо эту игру никто не воспринимал всерьез, это была глупая дипломатия с нашей стороны.

Режим ужесточался, нам запретили посещать в городе театры, рестораны, появляться в магазинах, нарушителей немедленно выдворяли, как тогда говорили в Россию, а не в СССР.

Припоминается такой трагикомический случай. В полк по замене прибыл новый пропагандист. На вокзале его встретил его напарник, вещи отправили в полк, а сами, на радостях, поехали в ресторан нашего дома офицеров, который занимал один из красивейших дворцов Вены–Хофбург.

Новичок, изголодавшийся в России, отродясь не видал кушаний и напитков, которые подали на стол. Он не рассчитал своих тощих сил и изрядно перебрал. Пошел искать туалет. Незнакомый дом, незнакомые люди, спящую бедолага бродил, бродил по многочисленным залам и в одном увидел людей, которые сидели на каком-то собрании, он не знал, что это костел. При дворце был костел, который оставили для австрийцев, и в это время там шла служба. Ничего не понимая, он полез на кафедру и разразился «пламенной» речью в родной марксистско-ленинской манере. Это уже скандал. Вскоре прибыли, кем-то вызванные патрули, и несостоявшийся агитатор утром под охраной был отправлен обратно в Россию.

Вена. Хотя это не та блистательная, пышная, несколько амбициозная столица предвоенной Австрии, но для нас – советских русских – ничего не видевших хорошего в жизни, она была райским уголком. Те из нас, кто служил здесь побольше, хотя и выпивали немало, но глупо не попадались. По Вене в это время начали курсировать патрули смешанной, или союзнической, комендатуры.

Группа из четырех человек – русского, американца, американца и француза – разъезжала по городу на американском джипе. Нарушителя доставляли в ближайшую комендатуру. Если задерживался наш офицер или солдат и проходил через любую комендатуру союзников, то его прямиком вез-

ли на вокзал и под охраной выдворяли в Союз. Патрули пользовались всеобщей неприязнью, хотя им дали нежную кличку «сердца четырех».

Вена, как и наши крупные города, делилась на районы. Первый, центральный, в оккупационные секторы включен не был.

В том месте центрального района, где главная улица Вены Рингштрассе, или просто Ринг, поворачивает в сторону университета, на углу, рядом с парламентом, стоит красивое четырехэтажное здание. Не знаю, что в нем размещается сейчас, а в те времена в нем находилась советская комендатура. Говорили, что в годы войны у немцев там было гестапо. В огромных подвалах этого здания была размещена наша тюрьма. Тюрьма как тюрьма, с камерами, карцерами и даже пыточными. У нас она содержалась в приличном состоянии.

С такой уверенностью я об этом говорю, потому что мне пришлось провести в ее камерах некоторое время. Расскажу об этом по порядку.

Осенью 1947 года, второй раз после войны, мне дали отпуск. Большой радости тогда у нас не было. Ехали домой, в Россию, специальным поездом Вена–Чоп. Ехали вдвоем, вместе с хорошим и близким товарищем – лейтенантом Ляпуновым Г.С., начальником связи батальона. Молодые, полные сил радовались всему в преддверии встречи с родными. На станции Чоп – пересадка на поезд до Львова в вагоны с широкой колеей. Вокзал во Львове переполнен, к кассам не пробиться. Еще более жуткая картина была в Харькове. Здание вокзала разрушено, пассажиры ютятся в соседних полуразрушенных домах. Все сидят на полу, без света, туалетов. Билеты до Ростова мы не могли достать около двух суток. Наконец, билеты у нас на руках, но к вагонам не пробиться, это нам – молодым, сильным военным. Все берется штурмом. Решили, что я с небольшими чемоданами влезаю в окно вагона, а он с большими и двумя билетами в руках идет в дверь мимо проводника. План удался, разместились на двух средних полках, но – о ужас! – у Жоры, моего друга, оба кармана гимнастерки вырезаны. Нет ни денег, ни документов. В отчаянии мы вышли из вагона и опять направились к коменданту. Но кроме сочувствия, мы от него ничего не получили. Ляпунову выдали справку вместо документов и рекомендовали возвращаться в часть.

Я поделился с ним деньгами. Но он не смог преодолеть желания побывать у матери. Мы поехали дальше опять вместе.

Моя мать, братья живут на Кубани, есть такая станица Батуриная, стоящая вдали от железной дороги, в бездорожной глубинке. Была осень. В станицу можно было попасть только на тракторе. Вскоре туда пешком добрался мой старший брат Василий. Так, без всякой договоренности, вся наша семья оказалась в сборе. Не было с нами только отца, о котором мы ничего не знаем с тех пор, как он исчез в застенках НКВД. В тот год было голодно даже на Кубани. Но молодость, радость встречи скрашивали скудность стола. Дни отпуска буквально пролетели, и вот я на обратном пути. Уже хорошо

знакомая станция Чоп, но теперь главная забота пассажиров, а это только отпускники-офицеры, – не билетная касса, а как спустить оставшиеся советские деньги и, конечно, в основном на спиртное. На станции венгры, гуцулы, цыгане суют для продажи только один товар – вонючую водку собственного производства, на эту водку шли не только деньги, но и белье, сапоги, часы и прочее. В Австрии в то время испытывался острый недостаток в продуктах питания, в том числе со спиртным. Поэтому мои попутчики хватали все, что пахнет спиртом, запасались не только на дорогу, но и впрок.

Я разместился в купе, в котором битком набились летчики, из разговора узнал, что все они из одной дивизии, которая стояла под Веной, в ее пригороде Швехате. Мне никто не знаком. Но, как это всегда бывает, где балом правит Бахус, вскоре в купе все становится не только попутчиками, но и старыми друзьями. Когда я втиснулся в купе, там уже многие были навеселе.

Поезд охранялся так называемой дорожной комендатурой, проводниками были в основном венгры. Комендатура эта, мы слышали, подчинялась военной контрразведке.

Вагон бурлил, неслись пьяные голоса, песни. Поезд шел медленно по венгерской земле. Я сидел в темном углу купе, у входа, участия в попойке не принимал. Запах бурака, который издавала гуцульская водка, шел по всему вагону. В голодные годы 1932–1933 мы спасались бураком, с тех пор я его не мог терпеть. Я притворился спящим, и обо мне постепенно забыли. Мне уже казалось, что весь вагон стал пьяным. Пьяные офицеры бегали по коридору, высовывались в окна, орали на стоянках. Патрули упрашивали зайти в купе, но их никто не слушал.

В купе такая же вакханалия, никто никого не слушает, одни поют, другие спят прямо на полу. В купе грязь, невыносимая вонь, дышать нечем. При подъезде к Будапешту в тамбуре вагона завязалась драка. Коридор вагона стал наполняться пассажирами из других вагонов. Патрули позапирали проходы в вагоны, стали буквально загонять офицеров в купе. Послышались крики: «Бей лягавых!». Кто мог еще двигаться, стали выскакивать из всех купе. Драка перенеслась в коридор нашего вагона. Теперь уже и летчики дубасили друг друга. Зазвенели выбитые стекла, кого-то пытались вытолкать в окно. Поезд замедлил ход, вдоль вагонов забегала охрана. Двери вагонов оставалась на запорах. Послышались пистолетные выстрелы, видимо, в потолок, трудно было разобрать, кто стрелял, кто-то из пассажиров или комендатуры. Теперь уже силой, прикладами офицеров заталкивали в купе. Несколько человек вынесли на носилках. Коридор постепенно опустел, но шум не утихал. В нашем купе большинство спали, сидя или лежа на полу.

В это время в купе вошли два офицера комендатуры, за ними были видны солдаты с автоматами:

– Прошу всех предъявить документы!

Я был ближе всех, оба офицера повернулись в мою сторону. Я подал им отпускной билет и удостоверение личности. Не проверяя, комендант положил их в сумку. В купе поднялся шум, никто документов не предъявлял, слышались угрозы, мат. Потоптавшись, блюстители порядка покинули купе, унося мои документы.

Утром поезд подошел к северному вокзалу Вены. Мне надо искать свои документы. На выходе из вагона мне предложили сесть в машину. По бокам уселись два автоматчика, что мне не понравилось. На мои вопросы не отвечали. Подъехали к центральной комендатуре, в одной из комнат обыскали, взяли все вещи, ремни. Начали срезать погоны, я пытался сопротивляться, но все делалось молча. Разрешили взять шинель, уже без погон, повели по бесконечно длинному коридору, перегороженному металлическими решетками. Я ничего не мог понять. Возникла какая-то ошибка, вопиющая несправедливость. Все мои вопросы, просьбы – без ответа. Сопровождающие немцы, и только слышно: «Вперед, стой!».

Поворот, открылась дверь и меня втокнули в комнату, вижу, что это камера. Примерно два на четыре метра, без окон, с одной тусклой лампой под потолком. Потолок высоко вверх, не комната, а склеп. В углу голый топчан, зашарканный с обеих сторон, не разобрать, где изголовье.

Около входа бачок для питьевой воды, без крышки. Глаза привыкли к полумраку камеры, я увидел исписанные стены. Надписи по-немецки, по-английски, больше по-русски. Карандашами, царапанные крупно, красками, может быть даже кровью. Но я не стал их читать, я не мог прийти в себя, трудно укладывалось все произошедшее в голове. Я не знал своей вины, я никогда не был перед следствием, судом.

Правда, я всегда помнил и почему-то сейчас оно мне вспомнилось, это происшествие.

Летом 1942 года наши войска бросили Ростов-на-Дону и в панике бежали к югу, к горам. Немцы беспрепятственно устремились в богатые кубанские степи. Все было захлестнуто отступающими нашими войсками. Нас, семнадцатилетних мальчишек, вчерашних школьников собрали в военкомате, наспех сгруппировали в какие-то команды и погнали вслед за бегущими войсками.

29-го июля 1942 года начался наш смертный исход к морю. От станиц Старо-Леушковской, мимо Березанской, Кореновской к Краснодару, а потом через Лабинскую к Белореченской, Майкопу – по раскаленной палящим солнцем разбитой дороге по колени в пыли брели мы, перемешавшись с отступающими красноармейцами, беженцами. Мимо нас в клубах пыли катили полуторки с командирами разных мастей, дребезжали повозки – это уносилось на юг гражданское начальство колхозов, районов, а потом и края.

И вот в этой разномастной, подавленной отчаянием бесконечной толпе уходили мы, мобилизованные, но не одетые в красноармейскую форму и не

вооруженные вчерашние десятиклассники, студенты училищ и техникумов, не призванные по возрасту пожилые люди, казавшиеся нам глубокими стариками. Шли понуро, кучкуясь в группки по станицам, хуторам, знакомству по учебе, просто симпатии.

Шел так и я, с группой своих ровесников, выпускников школ. Шли в основном ночами, днем свирепствовала немецкая авиация. Днем прятались в зарослях кукурузы или подсолнечников, каждый замкнут в своих тяжелых мыслях. Старшие переживали об оставленных у немцев своих семьях, такие, как я, — о своих матерях, сестрах, братьях и, конечно, о своей судьбе.

До предгорий, где был спасительный лес, еще далеко. «Фрицы» на бреющем полете непрерывно поливали пулеметными очередями изнуренные толпы людей. С появлением самолетов люди бросались в канавы, бежали от дороги в поле. Можно было всегда видеть, как самолеты гонялись за одним, очумевшим от страха человеком. Немец заходил снова и снова так низко, что были видны шлем, очки. Видимо они испытывали удовольствие от охоты за безоружными, беззащитными людьми.

Нет ничего более унижительного, чем чувствовать свое бессилие, свою беспомощность. Неорганизованные толпы грязных, небритых людей медленно продолжали брести к югу. Подошли к перевалу Гойтх, уже недалеко от Туапсе. Многие отстали, разбрелись по домам. С таким предложением ко мне несколько раз подходил мой земляк, хуторянин Р.М. Салий. Он предлагал где-нибудь пересидеть, пока пройдут немцы, а потом идти домой.

Каждый раз я отказывался. Кажется, в последний раз я ему ответил: «Да о чем вы говорите? У меня два брата на фронте, я комсомолец». Больше я его не видел. Но я тогда ему сказал не всю правду. Нас сопровождала повозка, на которой везли кое-какие продукты и наши вещмешки. В мешке у меня был мой рваный пиджак, в кармане которого был комсомольский билет.

Однажды рано утром вблизи Туапсе, в том месте, где дорога поворачивала на Сочи, наша колонна подверглась страшной бомбардировке. Все вокруг было разворочено бомбами, везде лежали трупы людей, лошадей, стояли раненые. Прямым попаданием была разбросана телега, в которой были наши пожитки. Никаких следов не только моего пиджака, но и телеги не было. Исчез мой пиджак вместе с комсомольским билетом. Так я по злой случайности выбыл из комсомола.

Но за этим, казалось бы, безобидным явлением скрывалась угроза моему страшному обвинению. Мне могли приписать трусость, подготовку к дезертирству и все, что угодно. Под Адлером нас свели в маршевые роты для отправки на фронт. Об утрате комсомольского билета я сообщил политруку. Но он мне не поверил, пригрозил расследованием, потому что были случаи, когда отступающие выбрасывали не только комсомольские, но и партийные билеты. Уже начал действовать грозный приказ Сталина № 0227 «Ни шагу

назад», слова политрука звучали реальной угрозой. В этой кутерьме, не разбираясь, могли свободно меня направить в штрафную роту.

Но слава Богу, все обошлось. Через несколько дней мы оказались на передовой и теперь я числился в графе беспартийных. Но память об этом случае еще долго меня преследовала, тревожила.

Помню, в первый свой отпуск после войны меня как-то спросила мать: «Гриша, а помнишь ли ты Салия?». У меня в памяти сразу же возникли картины того тяжелого, жаркого лета. «Ведь он вскоре, как вас взяли в армию, вернулся и говорил, что все вы попали под бомбежку, а он один чудом спасся», — продолжила она. Я не мог понять, почему он думает, что мы все тогда погибли. Решил поговорить с ним. Мама сказала, что он сапожничает в хуторе. Со мною навязался мой брат Василий, большой охотник до всякого рода розыгрышей. Тут у него возник план, как можно напугать этого человека. Сцена вышла больше драматическая, чем комическая.

Два вооруженных военных вошли в квартиру, если ее было возможно так назвать. Полуподвальное помещение с подслеповатыми окнами. Везде скарб, грязь, куча детей и в углу за верстаком обросший, сгорбленный старик. Трудно было в нем узнать прежнего Салия.

Моего брата он не знал. На его вопрос: «Вы Салий? Это вы дезертировали в 1942 году из рядов Красной армии?», у бедного Салия побледнело и перекосилось лицо, затряслись руки. Он все эти годы ждал этого дня. Он буквально свалился на колени и начал что-то бормотать о детях, о том, что он готов искупить свою вину. Мне стало его жаль. Я поднял его на ноги и спросил: «А меня вы помните?». Он со страхом посмотрел на меня и как закричит: «Гриша, дорогой, ты герой, а я подлец!»

Я попросил его подробно рассказать о том, как он ушел и что было потом с ним. Связного рассказа у него не получилось. На радостях он достал самогонку, и мы выпили за победу и благополучный конец. Что можно было ожидать от неграмотного, замордованного тяжелой жизнью и драконовскими порядками человека.

А сейчас я мучительно перебирал в голове все, что могло пролить свет на мой арест. Но я ничего не находил. Ждал, что откроется дверь и меня выпустят. Так прошел весь остаток этого дня.

Спать я не мог. Бункер не отапливался, под шинелью на голом топчане прохладно. Всякие мысли не давали покоя. Часы отобрали, трудно было определить, наступило ли утро. Глазок в двери не закрыт и мне было видно, что в него периодически заглядывали. Я начал стучать в дверь. Через дверь: «Что надо?» — «В туалет», — ответил я. — «А бачок тебе поставили для чего?» Вот тогда я понял, что бак у двери был парашей, впервые я ощутил всем своим существом, что такое тюрьма, за всю свою службу я ни разу не сидел даже на гауптвахте, хотя, как все военные, порядок содержания военнослужащих под арестом знал. Параш там не было, арестованные в уборную соп-

ровождались конвоиром. Мне же, как важному преступнику, подали персональную парашу.

Почувствовался запах пищи, видимо, разносили ее по камерам. Значит наступило утро. Открылась дверь камеры, и меня пригласили на выход. Наконец-то разобрались, промелькнула у меня в голове мысль. Как и вчера, мимо решетчатых дверей повели меня по коридору, и каждый раз одна и та же команда: «Стой, вперед!». Пустая комната, посередине два солдатских табурета. За конвоиром двое, по виду солдат, в фартуках. Приказывают раздеться. Я медлил, для меня это звучало нелепо. Сопровождающий заорал: «Не разговаривать, раздеться!». В комнате было прохладно, под ногами бетонный пол. Я снял сапоги, верхнюю одежду, остался в белье. Опять крик: «Догола!». Солдаты собрали одежду в мешки, туда же запихали мою новенькую шинель, куда-то унесли. На мои вопросы никто ничего не отвечал. Голый я просидел на табурете минут 30-40. Конвойный стоял у двери и не спускал с меня глаз. Его взгляд меня бесил. Вернулись солдаты и вывалили мою одежду на пол. Она была теплой, но страшно измятой и издавала неприятный запах. Я понял, что ее носили на прожарку. Тогда еще дезинфицировали везде, в том числе и на вокзалах. Билет на поезд не выдавали без справки о прожарке одежды.

Но у меня одежда была новая, как говорили, «с иголочки», необходимости в ее дезинфекции не было. Но сейчас она была неузнаваемой. Когда я ее надел, я представил себя: из бравого лейтенанта, каким я был в отпуске, превратился в вонючего бродягу. Я заметил, что и борода растет быстрее в таких условиях. Теперь уже и мой вид не вызывал доверия.

Повели назад, но теперь в другую камеру. Я долго не мог понять, почему меня пересаживали из одной камеры в другую, хотя везде я оставался один. Потом мне сказали, что были специальные камеры, мой разговор с самим собою хорошо прослушивался. Вот меня и гоняли в такую камеру.

Шли вторые сутки моего заключения. Есть не хотелось, хотя мне и не предлагали. Еду подавали в солдатской кружке. Обо мне как будто забыли. Завтра кончается мой отпуск, если в полк не сообщили, то я могу числиться в бегах. Если уже сообщили, то среди офицеров полка быстро распространится слух, что я преступник. Я не сомневался, что найдутся такие, кто обставит этот случай в самых черных красках. Представил совещание офицеров полка, на котором командир полковник Щур А.В. объявит, что лейтенант Казыдуб подозревается в измене родине, я бы уже не возражал, если бы меня без суда выдворили бы в Россию. Мучила неизвестность.

Но все же был уверен, что не дам оклеветать себя под любыми пытками. Я начинал понимать, что меня хотят сделать жертвой какой-то провокации.

Одно время среди офицеров ходил слух, что в танковом полку особистами был схвачен капитан, его судили и расстреляли. А позже выяснилось, что истинный преступник работал в штабе и ушел в английскую зону.

Такой слух преследовался, и где была правда, мы не знали. Вряд ли безвинный будет когда-нибудь прощен. Он останется изменником, и его родные ничего не узнают. Не было гарантий и у меня.

Первый раз мне подали пищу. Открылось окошко в двери и солдат протянул миску с какой-то едой. При этом он сказал, что я на довольствие в тюрьме не поставлен, но рядом сидит какой-то капо, так он от еды отказался. От его слов меня всего передернуло. По природе я не был груб, но здесь не выдержал и разразился площадной бранью. Окошко с треском захлопнулось. Я понимал, что солдат не виновен, наоборот, он проявил ко мне сочувствие. Но есть пищу, от которой отказался фашист, было сверх моих сил.

Шли, видимо, третьи сутки моего ареста. Я потерял ориентировку во времени. Снова на выход. Залязгали замками, опять, уже привычное: «Стой, вперед!». Втолкнули в небольшой бокс, опять на полу табурет. Снова команда раздеться. На мои возражения, что одежда моя прожаривалась и даже запах не ушел, конвоир молча ждал. Опять за конвоиром двое, но по возрасту и по своему виду на солдат не похожи. Все это в какой-то зловещей тишине. В голове возникают всякие мысли, вплоть до кошмарного абсурда – в этом боксе просто расстреливают. Решил драться, без боя не дамся.

Конвоир ногой отбросил мою одежду к стоящим около двери тюремщикам. Медленно, не глядя в мою сторону, они прощупывали каждый шов, карманы моей одежды. Прощупав каждую вещь, они бросали в мою сторону. Что они искали, по их действиям понять было трудно. Одетого меня опять втолкнули в новую камеру. Такие же бетонные стены, вместо деревянных нар металлическая кровать, прикрепленная цепью к стене, в углу ржавое ведро без крышки, видимо, параша.

В старом блокноте нашел записи о параше, наверное, когда-нибудь вспоминал даже об этом знаменитом предмете тюрьмы. Думается, что параша – это наше, отечественное изобретение. По крайней мере, здесь, кроме бачков и ведер, мне ничего более приличное не встретилось. Это особая тюрьма. Вряд ли в ней когда-нибудь пребывали наши классические блатари. Сейчас ее «жителями» были немцы, австрийцы, подозреваемые в военных преступлениях, наши дезертиры и всякие подозреваемые особистами.

Хозяином этой тюрьмы был не комендант Вены, безграничную власть имел здесь особый отдел КГБ. Это я знал еще до моего близкого знакомства с этим учреждением. По доброму отсюда никто не выходил, пуля в лоб или прямая дорога в ГУЛАГ. Как обидно это осознавать, когда не чувствуешь за собою никакой вины.

Первый вызов к следователю, по моим прикидкам, был где-то на третий день моего ареста. Впервые увидел солнечный свет за все это время. Следователь, в погонах капитана, уточнил мою фамилию, имя, отчество. Больше ничего не спрашивая, подал мне чистый лист бумаги и карандаш. Я должен описать все, что помню за время, проведенное в поезде Чоп – Вена.

В памяти были все мелочи, я напрягся изо всех сил, чтобы не написать чего-нибудь лишнего. Когда я дописал последнюю фразу, он забрал листы и приказал писать вновь. Теперь я старался писать так же, как писал до этого, ибо меня могли обвинить во лжи. Так три раза подряд я писал одно и то же. Никаких вопросов следователь больше не задал, вызвал конвоира, и меня увели в камеру. Немного прояснилось в моей голове, арест связан с каким-то происшествием в поезде. Появилась надежда, в моем обвинении не должно быть версии о предательстве или измене. Теперь я снова и снова восстанавливал в голове те сутки, которые провел в купе с летчиками. Но мотивов своего ареста я не находил. Может быть, в той ночной драке жертвой стал работник КГБ, конкретного виновника у них нет, хотя это «пришить» мне.

Но я беззащитен, мне трудно доказать свою невиновность. Из тех, кто со мною ехал, я никого не знал, ни одной фамилией я не располагал. Мой голос одинок, веры мне не может быть. Меня запросто, по обычной клевете могут судить и незаслуженно отправить в лагерь.

Я стал тощ, оброс порядочной бородой. Вид мой, видимо, был ужасен. Но об этом думал мало, моей задачей было сохранить разум, не дать себе наговорить лишнего, избежать лишних слов.

Наконец-то принесли, я надеялся, законную мою еду. В солдатском котелке каша с мясом, съел с хорошим аппетитом. Решил от пищи не отказываться, этим здесь никого не удивишь. Мне надо здраво все оценивать и для этого нужны силы.

Иногда, к своему ужасу, я начинаю замечать, как постепенно свыкаюсь с безысходностью, 3–5 лет лагерей меня уже не страшат. Но я знал, что любое соприкосновение КГБ автоматически вело к двум статьям: 58-й с пунктами, расстрел или 10 лет лагерей. За что?

Второй вызов к следователю внес еще большую тревогу. Все тот же капитан вкрадчивым голосом задал вопрос: «С какой целью вы дважды контрбандой перевозили оружие через границу?». Для меня такой вопрос был полной неожиданностью, вопиющей нелепостью. С возмущением я ему буквально прокричал в ответ: «Кто вам позволил меня провоцировать?». Следователь невозмутимо, как всегда в таких случаях: «Здесь вопросы задаю я, отвечайте!». Мне ничего не оставалось, как сказать: «На явную клевету я отказываюсь отвечать». Меня увели.

Наедине с собою, в камере я думаю, вспоминаю все, что было связано с оружием. Один случай действительно всплыл в моей памяти. В прошлом году, в первый свой отпуск после войны, я ездил со своим личным оружием-пистолетом ТТ. Он был занесен в мои документы и через границу я провожил его на законных основаниях, тщательных проверок на границе тогда еще не было. В то время мы все братья впервые после войны собрались у матери и старшего брата Якова. Василий, наш брат, офицер в чине майора, тоже приехал с оружием и даже однажды из него стрелял.

А было это так. В те годы офицеры, убывающие в отпуск, получали продтаттестат, по которому на ближайшем военном складе можно было получить продукты. Для нас таким складом был пересыльный пункт на станции Тихорецкая, отпуск мы проводили на хуторе возле станицы Павловская. Добирались мы до склада по железной дороге, другого транспорта не было. На товарном поезде вчетвером, все братья, рано утром мы добрались до места. Продуктов оказалось немало, около двух мешков. Таким же порядком поехали обратно, но уже поздно вечером.

Помнится, была прекрасная лунная ночь, летняя, наша кубанская. Трудно описать прелесть такой поры в этих местах. Шли, неторопясь, груз был солидный. Продукты даже по сегодняшним дням были богатые: колбаса, американская тушенка, консервы и даже водка.

Шли от железной дороги к хутору по полям. И вдруг перед нами открылось чудо – все поле было усыпано огромными арбузами. Яркая луна, как в воде, отсвечивалась на арбузах, все поле было как бы посыпано фосфором. Мы буквально оцепенели перед такой фантастической картиной. Первым бросился старший Яков, начал щелкать по арбузам пальцем выбирать самые спелые. Несколько арбузов было у нас в руках, когда мы услышали крик: «Эй, а ну уходите, буду стрелять!».

Еще со старых времен на Кубани любой путник мог утолить жажду, проходя мимо бахчи. Но с организацией колхозов и, особенно с 1933 года, за каждый взятый на поле килограмм зерна, каждый арбуз с колхозного поля можно было угодить в тюрьму. Но мы считали, что сегодня не то время. Трое из нас фронтовики, все были не однажды ранены. И, конечно, неожиданный окрик с угрозой, вызвал не испуг, а только раздражение. Василий, как всегда настроенный на приключения, пошел на крик. Раздался выстрел из ружья. Василий выхватил пистолет и несколько раз выстрелил вверх. Вдали просматривался какой-то сарай, в сторону которого убежал стрелявший из ружья.

Мы положили арбузы на землю и пошли к сараю. Навстречу нам шла толпа женщин. Когда они приблизились к нам и увидели на нас сверкающие погоны, хором обрушились на трусливого сторожа. Пригласили нас к шалашу, где лежала гора собранных арбузов. Мы поделились с ними консервами. Много раз мы потом вспоминали этот комический случай.

Но в памяти был и другой, более свежий эпизод, тоже связанный с оружием. Почти каждый офицер в нашем полку имел трофейное оружие. Вначале это не преследовалось, многие такие пистолеты носили открыто. Сам командир полка всегда носил маленькую кобуру с пистолетом на ширину поясного ремня. Но потом, где-то с 1947 года вышел приказ все трофейное оружие сдать на полковой склад. Многие офицеры отказались это сделать, оружие добытое в бою, не должно отбираться.

Наш полк размещался в Кагроне, пригороде Вены. Офицеры жили вне городка, в комфортабельной гостинице. В одной комнате со мною жил мой

товарищ лейтенант Г.И. Ляпунов. Как-то раз на совещании офицеров полка командир предупредил, что срок сдачи трофейного оружия прошел, будет проверка. На несдавших будет возбуждаться уголовное дело. Ляпунов на совещании не был. Я знал, что у него есть пистолет, более того, я знал, где он его хранит. Распоров его матрац, я вытащил пистолет и положил себе под подушку. Как всегда веселый, пришел Ляпунов, пригласил меня в дом офицеров. Я ему рассказал о совещании и от себя добавил, что сегодня особысты лазили с проверкой по всем комнатам. Ляпунов побледнел, тут же разбросал свою постель и увидел распоротый матрац. Таким Ляпунова я никогда не видел. Губы отвисли, глаза расширились, он начал бормотать что-то бессвязное. Не храброго десятка он оказался, как сам себя представлял. Я испугался за него, поднял свою подушку, где лежал его пистолет. Неописуемая радость сменилась вспышкой ярости, он бросился на меня с кулаками. Но пистолет он не отнес. Он знал, что у меня тоже есть пистолет, и однажды просил его у меня, чтобы пострелять. Скоро отпуск, без пистолета ехать не годится.

У меня был маленький, никелированный бельгийский браунинг. Я тоже им дорожил и сдавать не собирался. Когда ехал в отпуск в последний раз, взял его с собою. Лежал он у меня в заднем кармане брюк. При подъезде к границе в купе завели разговор о предстоящей проверке документов и вещей. Среди попутчиков вряд ли был кто-нибудь, кто с этим встречался. Но, как всегда в таких случаях, нашелся такой, кто с предельной правдоподобностью начал рассказывать о «чудесах» таможенников. Мне стало не по себе, в заднем кармане зажгло. Жаль было пистолета. К нему было тридцать патронов – это же целое богатство. И вот теперь по своей же глупости должен с ним расстаться. С большой болью я открыл окно вагона и выбросил пистолет с патронами.

На границе всего того, о чем говорил болтливый старший лейтенант, не было. Всеми поверили на слово, даже чемоданы не открывали.

Пожалуй, других случаев, связанных с оружием, я припомнить не мог. Обвинение ложное, явная клевета.

Прошли еще одни сутки или, может быть, больше. Угнетала неизвестность. Снова команда на выход, каждый раз надежда на справедливость, на освобождение. Я заметил, что иногда с командой на выход, я вспоминаю о своем внешнем виде, как бы мог я предстать перед полком в таком обличье. Но в этот раз на второй этаж, к следователю, не повели. По подземелью, за поворотом втолкнули в хорошо освещенную комнату. Стол, несколько жестких стульев, в углу мужчина средних лет в синем халате. Рукой он указал мне на стул. Я тут же почувствовал, как по моей голове прошлась стрижащая машинка. От неожиданности я схватился за голову, половина ее уже была голой. Я вскочил со стула, но конвоир резко опустил руку на мое плечо. Соппротивление бессмысленно, я здесь никто. Остальные волосы упали к моим ногам.

В камере я начал осознать, раз остригли, значит я здесь не гость, скоро не выпустят. Я слышал, что стригут тех, кто должен предстать перед судом, а наш суд никого не оправдывает. Однажды уже мне пришлось видеть такими же стриженными своих товарищей на суде военного трибунала.

Был у меня хороший друг, старший лейтенант Николай Берлизов. В то время мы были очень дружны. Родом он так же, как и я, с Кубани, из станицы Советской, бывшей Урюпинской. Все свободное время проводили вместе. Много раз нам приходилось вместе бывать в Доме офицеров, в ресторанах, но пьяным я его никогда не видел, хотя среди наших сослуживцев это было обычным явлением. Он был серьезным не по годам, отличался своей старательностью в работе.

Но вот с каких-то пор я стал замечать, что он постепенно отдаляется. Все чаще его можно было видеть в обществе помощника начальника штаба полка капитана Видешкина В.П., в ведении которого были отпускные билеты, проездные документы, в общем, учет личного состава. Вначале я этому особого внимания не придавал, хотя в душе была обида. Ведь мы с Берлизовым, как говорили в полку, были «не разлей вода».

В один из субботних вечеров они пришли ко мне в гостиницу и пригласили в ресторан «Мария», так мы его называли по имени хозяйки. В то время еще не было такого жесткого запрета, и мы иногда заглядывали в австрийские рестораны. За столом Видешкин, как-то непривычно в офицерской среде, стал угодливо меня угощать за свой счет. Тем более, что в полку всем была известна его замкнутость и жадность. Понятно, что это делалось с каким-то умыслом. Пили в основном хорошее сухое вино. Мы с Берлизовым всегда предпочитали вино, тем более австрийской водке «Лабау», делаемой на каком-то суррогате. Осторожно они перевели разговор на нужную для них тему. Оказывается, они задумали втянуть меня в опасную авантюру. Мне предлагалось в качестве сопровождающего провезти контрабанду через австро-венгерскую границу. Документами Видешкин меня должен был обеспечить самыми надежными. Моя роль сводилась к тому, что находясь в одном из трех грузовиков, я должен был, если потребуются, предъявить документы нашей комендатуре на границе.

Это чистая контрабанда, больше чем воинское преступление. Естественно, я наотрез отказался. Они явно такого исхода не ожидали, деньги за это предлагались немалые, свыше шести тысяч шиллингов за одну поездку. Лица их вытянулись, они просто растерялись, для них это провал. Теперь они горячо начали меня упрашивать, чтобы я забыл об их предложении, хотели превратить этот разговор в шуточный. Я согласился молчать, но посоветовал им выйти из этого дела. Тогда я не знал, что главным организатором этого преступления был капитан Квасов П.А., старший адъютант начальника артиллерии полка. Он был арестован первым.

В один из вечеров, когда я был дежурным по полку, зашел командир батальона капитан Усович Ю.А. (в будущем преподаватель Военной академии имени Фрунзе) и попросил, чтобы я послал посыльного за Берлизовым. Как только Николай зашел в дежурку, его сразу же арестовали. Я все понял, этим должно было закончиться.

На суде военного трибунала их судили показательным судом, их трудно было узнать. Некогда холеные, всегда чисто одетые, в зал суда под охраной вошли худые, со стриженными головами, в солдатском обмундировании, уже бывшие однополчане. Не сомневаюсь, что у всех присутствующих они вызвали только сочувствие, особенно Берлизов, которого в полку уважали.

Все это пролетело в моей голове, когда я стриженный уселся на тюремный топчан.

Дни шли, я не помнил какой день недели, что за число. Попытался узнать через окошко, но никто не отвечал. Я все больше рисовал картину своего будущего, оно теперь безрадостно. Моих братьев наверняка исключат из партии, а Василия, который служил в артиллерии в Днепропетровске, уволят из армии. И это не по моей вине.

Я все больше чувствовал, что начинаю свыкаться с тюремной обстановкой, нарами, пустой баландой, глазом охранника в окне.

Нередко, когда меня вели по коридору, были встречи с такими же узниками. Каждый раз, когда по коридору раздавались гулкие шаги, меня или встречного ставили лицом к стене и мне не удавалось увидеть, может быть, такого же беднягу. Всегда возникало острое желание увидеть, того кого веду. Я даже надеялся встретить знакомого. Вместе с тем встречи чуть успокаивали, казалось, что я все же не одинок. Значит, тюрьма дышала, жила. Я не думал, что тишина может так угнетать. Одно время мне казалось, что во всей тюрьме я один. Я стал понимать, почему заключенные в одиночных камерах говорили сами с собою, пели, хотя им запрещала охрана. Своим голосом они выражали волчье состояние одиночества, когда возникает страстное желание услышать человеческий голос, кроме унижительных окриков охраны.

Я стал по стуку сапог угадывать, когда шли ко мне. И тогда опять вспыхивало желание выйти отсюда, оказаться на свободе.

Так и сейчас, резко открылась дверь, и как всегда: «Ваша фамилия, имя, отчество, год и место рождения, с вещами на выход!». Все мои вещи – мятая, без пуговиц, хлястика шинель. Следовательно все тот же. Напротив офицер с каким-то знакомым лицом. Я напрягал память, но никак не мог вспомнить, где я его видел. Следовательно открыл ящик стола и положил на стол пистолет.

– Этот пистолет отобран у вас. Где вы его взяли? – был его вопрос.

– Я уже вам говорил, что никакой провокации я не поддамся, – ответил я. Заговорил офицер напротив и тогда я вспомнил, это был тот, кто проверял

мои документы в поезде. Голос его я никогда не забуду. Тогда в купе было темно, его лица я хорошо не видел, но голос запомнился. Все, что он сейчас говорил, было полуправдой, полувраньем. Правда то, что в вагоне была драка, правда то, что кто-то стрелял. Но его утверждение, что я ударил патрульного рукояткой пистолета, что потом я же открыл стрельбу из пистолета и только подоспевшая охрана сзади схватила меня, я был обезоружен, кроме пистолета у охраны оказались мои документы. Это было сплошным вымыслом. Но я стал понимать, в чем меня обвиняют, и мне стало намного легче. Я слышал, что кто-то в поезде стрелял, может быть, хозяин этого пистолета. Но охрана не имеет других улик, там просто сговорились свалить всю вину на меня и тем самым закрыть дело. Меня хотят сделать козлом отпущения и «повесить» на меня преступление, которого я не совершал. Вот почему эти два «вертухая» добиваются от меня признания. Но этому не быть.

– Подтверждаете вы то, что здесь было сказано? – спросил меня следователь.

– Нет. Правильно только одно то, что этот офицер забрал мои документы, – ответил я.

– Мы вас заставим признаться во всем, отсюда вы уже не выйдете, у вас один выход – сознаться во всем, что было здесь сказано!

Он подсунул мне исписанный лист и предложил, чтобы я поставил под ним подпись. Я отказался.

– Дело ваше, вас лишат звания, орденов и вы получите по заслугам.

Теперь-то я понимал, что он меня страшит, шантажирует. Им нужно мое признание, и тогда действительно дело будет в военном трибунале, а этот суд никого не оправдывает.

Я опять в камере, но я понял, что его угроза была реальной. Меня перевели в карцер, бетонный мешок, кровать у стены на болтах, присесть не на чем. Я мало в камерах сидел, все больше ходил, так лучше думается. Но сейчас, к концу дня у меня появилось желание присесть. Я прислонился к стене и опустился на корточки. Появился свет в окне на двери и раздалась резкая команда: «Встать, сидеть не разрешается!». Вся ночь прошла как в кошмаре. Кровать не опускали, вся ночь на ногах, жуткий холод, утром начала поступать вода. Сколько я пробыл в этом карцере, определить трудно, ни звуков, ни тем более свет сюда не проникают. Но человек привыкает даже к страданиям, я изловчился дремать стоя.

Боялся, что мог бы сонный упасть на бетонный пол под водой. Помню, когда меня вернули в обычную камеру, то она мне показалась номером гостиницы.

Долго не вызывали к следователю. Я понимал, что надежды на нормальный исход у меня крайне мало. Может быть, мое признание не так уж и важно. Поэтому впереди у меня может быть суд, пересылка, лагерь, где-нибудь

на Севере. Я даже рисовал картину встречи с отцом, последняя весть о котором была из ГУЛАГа под Плесецком. Я не знал, что уже четыре года, как его нет в живых, он стал безвинной жертвой таких же палачей, в руки которых я попал по нелепой случайности.

Я с нетерпением ждал вызова. Мне хотелось еще и еще раз бросить в лицо этому ненавистному для меня следователю свое «нет!». Но он не вызывал.

Прошли сутки-двое. Команда на выход с вещами. Шинель теперь с плеч не снимаю, в камерах не отапливалось, холодно и сыро.

Автоматически руки за спину, плетусь впереди охраны. На второй этаж, значит к следователю. Комната та же, но следователь другой, теперь майор. Но я не мог оторвать глаз от сидящего в комнате другого офицера, хорошо мне знакомого, почти друга, капитана Крячко И.П., командира пулеметной роты нашего батальона. И еще на столе у следователя не обычные в таких случаях листки бумаги, а мои вещи: поясной ремень, носовой платок, ремешок с остатками швейцарских часов и всякая другая мелочь. От всего этого, от какого-то предчувствия я начал волноваться, таких ударов сердца я никогда не ощущал.

Следователь подал мне какой-то лист бумаги и попросил расписаться. Я ничего не вижу, глаза застило слезой. И тут следователь говорит: «Берите свои вещи, вы свободны». Поднялся Крячко, обнял меня и пригласил в другую комнату, где я мог бы привести себя в порядок.

Крячко показался для меня почти родным человеком. Он был намного старше меня, уже немало прокомандовал ротой. Но, как принято говорить среди военных, звезд с неба не хватал, он выбрал все, что мог. Ему было суждено дослуживать в этом чине. Он из тех людей, которые не заражены корыстью, наделены добротой и отзывчивостью на нужды людей. Его любили в роте и уважали в полку. Я благоволил к нему, он, в свою очередь, меня всегда выделял, старался быть близок.

Помнится один курьезный случай, связанный у меня с этим человеком. Мы с ним однажды, если можно так сказать, удачно «порыбачили». Как-то вечером он пришел ко мне и пригласил на рыбалку. С детства я этим увлекался, родился на Азовском море, в рыбных местах. И, вдруг, такое предложение, рыбалка не где-нибудь, а в окрестностях Вены. Правда, ловить будем не удочкой, а сетью. Я согласился.

На следующий день, рано утром, еще затемно, на электричке мы выехали за город в направлении на Баден. На одной из остановок мы вышли и направились в сторону поблескивающей воды. Это были три небольших озера на разных уровнях. Мы почувствовали, что рыба здесь есть. В утренней тишине слышались волнующие всплески. Быстро сбросив одежду, нагишом мы затянули сеть в первый раз. Сеть у нас была не рыбацья, а волейбольная, с большими ячейками. Крячко меня успокоил, мелочь нам не нужна. Дно бы-

ло илистым, но чистым и ровным. Вот только постоянно мы задевали ногами за какие-то провода, проходящие по дну.

Когда мы стали тащить свой самодельный невод к берегу и чувствовалось, что не пустой, со стороны дороги услышали истошный крик. Уже порядком рассвело, и мы увидели, что по дороге в нашу сторону ехал на велосипеде какой-то человек, кричал и махал рукой. Мы остановились, он подбежал к нам и, путая австрийские и чешские слова, начал что-то горячо объяснять. Теперь до нас начало доходить.

Оказывается, эти озера – его собственность, он их вырыл сам. Вот этого долго мы не могли взять в голову, как это озеро может быть собственным, это же не дом или сад. Он в них разводит рыбу и этим живет. Его рыбу покупают для большого «русского пана». Это уже для нас неприятность, у нас паны – это высокие военные чины. Главная беда для него в том, что мы наверняка сорвали подвязанные мешочки с икрой, которую он купил за 10 тысяч шиллингов. Икра всплывет и высохнет на солнце, он разорен. Ему ничего не остается, как идти жаловаться пану коменданту.

Мы все больше начинали понимать, что вляпались во что-то серьезное. Крячко начал его уговаривать, что-то обещать.

Уже полностью рассвело, показалось солнце, на дороге все больше показывалось местных жителей. А мы с Крячко все еще голые размахиваем руками по колени в воде, пытаемся уговорить несчастного австрийца, что все будет хорошо. Надо было как-то разрешать этот нелепый, по нашей глупости, инцидент. Крячко пытался объяснить хозяину озера, что мы сейчас же поедем в свою часть и возвратимся с деньгами. Но австриец был не таким уж простаком, он решил от нас не отставать, особенно, когда увидел наши фуражки с черными околышами. В Австрии находилась 13-я гвардейская механизированная дивизия, офицеры носили фуражки с черными бархатными околышами. С красными были у работников военных комендатур, которыми была напичкана Вена и каждый маленький городишко. Австрийцы хорошо усвоили, кто есть кто. Нас, в черных фуражках, они не боялись, а с красными они считали, что это что-то вроде «советских СС». Хозяин прудов пенял, что мы не из Бадена, а из Вены и все же решил ехать с нами до нашей части. Полдня мы с ним петляли вначале на электричке, а потом на трамваях по Вене. Австриец разгадал наш «гнусный» замысел, постоянно с жадностью искал глазами патрулей. На наше счастье они нам не встретились. Покружив, мы все-таки оторвались от него. Был выходной день и наша отлучка оказалась незамеченной.

Такой случай пришел мне на память при виде Крячко, посланного командиром полка за лейтенантом Казыдубом.

Выглядел я достаточно живописно. В конце коридора – бытовая комната для работников комендатуры. Я бросился к зеркалу и сразу же отшатнулся. Я знал, что изменился, но то, что я увидел, потрясло. В зеркале – отражение

незнакомому мне человека. Обросший какой-то пепельной бородой, бледный, со впалыми щеками. Глаза да нос напоминали что-то знакомое.

Крячко сказал, что нашелся хозяин пистолета, «вещдока моего преступления». Им вроде бы оказался офицер летной части. Но меня это уже мало интересовало. Главное, что я на свободе. Я все видел как-будто другими глазами, были другими люди, город, небо. Я рвался в полк, чтобы встретиться со своими друзьями. Эго мой дом, я тороплюсь туда, чтобы поделиться своими переживаниями.

Встретил меня командир полка, к которому меня доставил Крячко. По требованию коменданта Вены он объявил мне семь суток ареста с содержанием на гауптвахте. Мне не простили того, что я оказался в том вагоне, где была драка. Но для меня все это звучало, как музыка.

Командир тут же сказал, что через неделю он снимет арест и на гауптвахту я не буду отправлен.

Я опять в родном 39-м гвардейском механизированном полку, в своем батальоне, в кругу своих друзей. Вот я уже в объятиях своего непосредственного начальника капитана Крица М.И., с интересом слушал мой рассказ командир батальона капитан Мирошниченко П.А. Я дома, я свободен. Говорят, есть такое выражение – «Полезно и посидеть». Не кажется ли вам, что он мог родиться только в нашей стране, в государстве, где человека ничего не стоит упрятать в тюремные застенки, лишить семьи, друзей или просто уничтожить.

Но вместе с тем, я не категорический противник карцера. Может быть, посидеть в карцере не так уж и вредно. Вот когда – наедине со своими мыслями, страхами, переживаниями, памятью выражений чьих-то глаз – можно будет прикоснуться к настоящей Истине, чуть-чуть познать тот мир, который за нашими представлениями о добре и зле, тот мир, который за садом Эдема.

Глава седьмая

**ГИМН КУБАНСКИХ КАЗАКОВ
В ЛЕСАХ БЕЛОРУССИИ**

То были первые послевоенные годы, когда еще было можно офицеру в открытую сказать работнику «смерша» даже неприятность. В полку все офицеры были фронтовиками, страх войны начал проходить, а страх режима еще не набрал нужной силы.

С годами закрытость общества росла, информированность сводилась к минимуму, недремлющее око КГБ все глубже проникало в коллективы, достигало семей, родственников. Все больше росло расслоение, стукачество. Всеобъемлющие размеры это явление приняло в ракетных войсках. За каждым офицером, солдатом устанавливался постоянный, непрерываемый сыск. Органами КГБ и политотделами специально распространялись всякого рода небылицы, легенды для создания мифических шпионов, врагов родины и пр. Без сомнения, были среди ракетчиков, особенно в первые годы, любители похвастать в письмах родным, любимым своим пребыванием в таких необычно секретных войсках. О том, что все письма перлюстрировались, мы хорошо знали, и попытки это скрыть вызывали, в лучшем случае, недоумение или просто смех. Не утруждая себя, чтобы придумать более правдоподобные факты, особисты, а вслед за ними политотдельцы рекламировали фантазии некоторых солдат, почерпнутые из их же писем. Все это пеленалось обрывками правды и подавалось крутыми, замесами лжи.

Ракетные войска стратегического назначения в отличие от других видов вооруженных сил были лишены возможности поддерживать уровень своей выучки путем боевого применения своего оружия. Частично это компенсировалось периодическими выездами на ракетные полигоны, где представлялась возможность проведения учебно-боевых пусков. По этой причине упор делался на различного рода учения, тренировки и просто имитации пуска ракет.

К этому времени в ракетных войсках сложилась определенная система проверок.

Летом 1970 года дивизия была проверена комиссией главнокомандующего, которую возглавлял первый заместитель главкома генерал-полковник Григорьев М.Г. В составе комиссии были первые лица управлений и служб главкомата. В сравнительно небольшом штабе дивизии и двух полках, кото-

рые подвергались проверке, сосредоточилось двенадцать генералов и около ста двадцати полковников. Не буду описывать сам порядок проверки, к этому времени он стал достаточно шаблонным. Бросалось в глаза другое, отношение руководства, комиссии к самой сути проверки.

Дивизия была поднята по тревоге, полки выведены на полевые позиции. Непрерывно с центрального командного пункта ракетных войск поступают сигналы боевого управления. А чтобы было понятно простому читателю – идет довольно крупное войсковое учение, в котором принимают участие тысячи людей, громадное количество боевой техники и вооружения. Все пункты управления заняты командирами, штабами, представителями служб. На своих боевых постах командир дивизии генерал Глущенко А.И., начальник штаба дивизии (это значит, я), руководство отделений и служб. Вскоре Глущенко хоть этого ему не хотелось, вынужден был покинуть свой пост, чтобы прислуживать большому начальству. Руководство комиссии не выходит из гостиничного домика, где разместились высшие чины. Григорьев М.Г., с ним начальник политуправления ракетных войск генерал-полковник Горчаков П.А. из-за стола не выходят, здесь же Глущенко А.И. и начальник политдела дивизии полковник Коршунов Н.Л. Иногда туда заглядывают другие, чуть ниже рангом, генералы из комиссии.

Я со штабом и начальниками служб продолжал находиться в подземном командном пункте. Все доклады из полков по всем каналам связи, по автоматической системе боевого управления поступают на командный пункт и ложатся ко мне на стол. К нашему счастью, все идет без сбоев, полки точно укладываются в планы и графики. Это радует, но и немного тревожит. Мы не знаем о реакции комиссии, с ее стороны не поступает никаких замечаний. А замечания должны быть, ведь действует огромный организм, неизбежны нарушения в ходе выполнения задач, некоторые отклонения от планов, приказов, директив.

Создавалось впечатление, что дивизия самостоятельно, без присутствия проверяющих, выполняет боевые задачи с массовым перемещением частей и подразделений на полевых позициях, размещенных на огромной территории трех областей Белоруссии.

Традиционного в таких случаях заслушивания командиров и штабов не проводится. Практика так называемого заслушивания в ходе учений, командно-штабных тренировок участников этих мероприятий в эти годы стала обычным и не переменным атрибутом высших штабов и одним из основных критериев при подведении итогов. Это настолько увлекало проверяющих, вплоть до главкома и генштаба, что вообще терялся интерес к практическим действиям, к анализу действительного состояния боевой готовности войск. Особенно несуразность этого действия была видна в полевых условиях, когда командиры и штабы размещались в стесненных условиях, на сжатых до минимума площадях. Как правило, для размещения командных пунктов вы-

возились кунги на специальных прицепах. В одном из них размещалось командование, в другом – офицеры штаба с боевой картой, на которую круглые сутки, днем и ночью, наносились последние данные, поступающие из частей и высших штабов.

Прицеп – узкий, длинный, как цирковой фургон. Когда приезжали старшие начальники и учинялось заслушивание, то в такой прицеп набивались, как селедка в бочке, толкались, мешая друг другу, заглядывая через плечо стоящего впереди, в то время как один из офицеров штаба докладывал обстановку, с которой желали познакомиться высокие начальники.

Но сейчас, слава Богу, такие заслушивания не проводятся, высокие чины не толпятся на командном пункте. Одновременно, и нас это несколько тревожит, мы остаемся в неведении, как оцениваются наши действия, где допущены нами ошибки, чтобы постараться их исправить и впредь не допускать.

На четвертый день учений на командный пункт спустился начальник политотдела дивизии. По его опухшему, с нездоровым цветом лицу, я понял, что все эти дни начальство, и московское и наше местное, находилось в затяжном запое. Хотя я тоже имел несвежий вид, но это было связано с тем, что за все это время я так и не смог выкроить ни одного часа для отдыха. По существующим требованиям, в высших готовностях покидать боевой пост одновременно командир и начальник штаба не имели права. В данном случае я здесь постоянно оставался один не по вине моего командира. Теперь я жил одним жгучим желанием: поскорее бы все это закончилось, и я бы смог уснуть.

Я-то знал, что Н.Д. Коршунова мало интересовало состояние дивизии, он был послан, чтобы пригласить меня наверх, в гостиничный домик, где все эти дни пребывало руководство комиссии. Я понимал, что мои возражения бесполезны, даже смешны, если учесть с каких «заоблачных» высот поступил этот приказ.

Итак, бросив пост, я иду в домик, домик – предел нашей гордости. Глущенко А.И. давно уже тяготился тем, что при посещении дивизии высокими начальниками он вынужден селить их вместе с другими офицерами: в штабе дивизии просто не было отдельного для этого здания.

К приезду этой комиссии мы успели построить домик со всеми удобствами, номерами, сауной – так что, здесь можно было принять даже министра обороны. Командир с большим удовольствием разместил в нем М.Г. Григорьева и П. А. Горчакова.

Сам по себе Глущенко А.И., если не аскет в полном значении этого слова, то твердый сторонник строгого образа жизни, спиртного не употреблял, чем не всегда нравился начальникам, не способным отказать себе в жизненных удовольствиях. Сейчас я ему мог только сочувствовать. Он оказался среди тех, кто полностью распоряжался нашей судьбой, судьбой всей дивизии, ему выпала «честь» пить и поить высоких гостей.

Подтвердилось мое предположение о затянувшемся застолье. В большом зале за длинным столом, уставленным яствами и всякими напитками восседали три, уже хорошо набравшиеся, генерала. После моего доклада Григорьев, в своей манере, строгим голосом спросил:

– А почему вы, товарищ Казыдуб, не являетесь в домик кушать? Вы что брезгуете нами?

Хоть я и понимал, что тон его нарочитый, но мой ответ должен быть серьезным. Поэтому сказал, что на командном пункте есть столовая и я там регулярно принимаю пищу. П.А. Горчаков в это время взял большую пивную кружку, налил до верха водки и подал мне. Такой огромной дозы я за свою жизнь никогда не принимал, но за столом в ожидании, уставившись на меня, сидели большие начальники. Вздыхнув и набравшись сил, я отпил почти половину. Горчаков, а за ним и Григорьев потребовали, чтобы я допил до дна. У меня перехватило дыхание, не хватало воздуха, еле осилив, я с жадностью набросился на еду. Но через некоторое время они разлили себе и подали мне все ту же пивную кружку, полную водки. Я понял, что на этом учение для меня окончилось, на командный пункт я больше не попаду. Но кто будет командовать дивизией, если Глушенко не в лучшем состоянии, да и вряд ли они его отпустят.

После второй дозы я полностью потерял контроль над собой, появилось одно желание: куда-нибудь завалиться спать. Еще помню, что Горчаков П.А. настойчиво требовал, чтобы я спел еще царский гимн кубанских казаков «Девятое сентября». Я знаю, что плохо помню слова, но, по мнению Глушенко, гимн я пропел довольно неплохо. Еле добравшись до первой кровати, я тут же мертвецки уснул.

Долго мы потом гадали с А.И. Глушенко над тем, зачем Григорьев и Горчаков напоили нас в ходе учения. Особенно озадачило поведение, как я слышал, осторожного, здравомыслящего Григорьева М.Г. В ходе учения в дивизии могли произойти любые неприятности, это, по нашему мнению, могло иметь нехорошие последствия и для таких высоких чинов. Однако этого не произошло. Я «отключился», и спал более суток. Когда я вернулся на свой боевой пост, учение закончилось, через несколько часов был дан отбой.

На этом собственно заканчивалась эта странная итоговая проверка дивизии. По ее результатам, дивизия заняла одно из первых мест в армии. Мы с Глушенко были довольными, труд людей был оценен высоко.

Но не менее нас торжествовал начальник политотдела Коршунов Н.Д. Отправной точкой, в корне изменившей карьеру этого человека, стал один, казалось, малозначащий случай.

В свое время, несомненно с подачи какого-то неглупого политработника Главпура, при формировании ракетных дивизий и полков боевые знамена расформированных фронтовых частей в торжественной обстановке вручались новым частям. Создавалась видимость преемственности поколений,

сохранению боевых традиций и пр. Вновь сформированные полки и дивизии автоматически превращались в гвардейские, на их знаменах сверкали ордена боевых лет их предшественников.

Так, первое ракетное соединение, размещенное в Калининградской области получило право именоваться Гомельским, пятиорденоносным. 49-я ракетная дивизия в Белоруссии удостоилась чести стать преемницей истории боевых лет 11-го краснознаменного стрелкового корпуса. Вот тут-то и была разгадка такого молниеносного взлета нашего начальника политотдела.

В составе этого корпуса находился нынешний начальник политуправления ракетных войск П.А. Горчаков. Более того, тогда же он удостоился звания Героя Советского Союза. Всем этим незамедлил воспользоваться Коршунов. Музей при политотделе был буквально забит былями и небылицами о подвигах сановного посетителя. Боевая история целого корпуса была переплощена в подвиги славы и мужества подполковника Горчакова. И тут же, не без чьей-то профессиональной подсказки, залы музея были завалены хрусталем. Какое-то трепетное ожидание охватило Н.Д. Коршунова и его ближайшее окружение. Праздник не замедлил сказаться. После посещения музея московским партийным чином весь хрусталь, уже в коробках, перекочевал в самолет. Обстановка бескрайнего гостеприимства, широчайшая щедрость руководства дивизии, особенно начальника политотдела, не остались незамеченными. Коршунов Н.Д. обзавелся фотографией героя с дарственной надписью, которая в его стремительной карьере сослужила роль путеводной звезды.

Через некоторое время он был назначен на более высокую партийно-политическую должность и службу в армии закончил в чине генерал-лейтенанта. Более чванливого, грубого, полного дилетанта в военном деле, чем этот генерал, я не встречал.

На страну надвигались годы, которые потом называли «годы застоя». Не могло пройти это время мимо армии. Карьеризм, протекционизм, открытое взяточничество все больше поражали военную верхушку. Пьянство начало буквально насаждаться сверху. Главным злом этого явления было то, что моральному разрушению подвергались кадры, особенно молодые, не прошедшие фронтовой закалки, мало испытывавшие тягот ратного труда, не прошедшие настоящей армейской школы. Офицеры-фронтовики не могли долго устоять, часть их приспособлялась к новым условиям военной жизни. А от основной их массы просто избавлялись под видом омоложения. В то время, как в руководстве партии, страны и армии оставались престарелые люди. Во главе страны был Брежнев Л.И., ставший позором народа, армией безраздельно правил его ближайший клеврет Гречко А.А. И тот и другой олицетворяли канун господства гниющей олигархии. Зловоние распространилось через стены Кремля и охватило огромную территорию советской

державы. Все, что они делали, только ускоряло агонию и процесс грядущего распада страны и армии.

Говорят, что раньше было больше совестливых. Может быть, но за свою жизнь я достаточно встречал бессовестных. Видимо, от этого зла человечеству не избавиться. Мне кажется, что низменные инстинкты иногда заглушаются, но не исчезают. Всегда бросалось в глаза, как бессовестные люди гибки, изворотливы, пронирыливы. Пока один совестливый кому-нибудь помогает, бессовестный трем вредит, а десятерых в углу держит. Вот потому всегда казалось, что их больше, они везде.

Несомненно Коршунов сполна обладал этими свойствами, умело их использовал и достигал цели. Военное дело его не интересовало, он был далек от людей, он всегда считал себя среди таких, как я и Глущенко А.И., каким-то гостем, временным человеком, ему судьба уготовила более высокие ступени. О том, насколько он не знал дивизии, говорит один случай из жизни тех лет.

Уже несколько лет я в этой дивизии, в роли начальника штаба. Далеко дни первого знакомства с людьми, с их условиями службы, жизни.

Однажды как обычно, я в своем кабинете работал с документами. Неожиданный звонок, и взволнованным голосом начальник узла связи дивизии подполковник Марфина М.С. сообщает о взрыве на передающем центре. Так же доложили и начальнику политотдела. Уже через пятнадцать минут я был на месте взрыва. Каким-то чудом остались живы два солдата-котельщика. Взрывной волной громадной силы их выбросило из котельной через дверь. Предварительным расследованием причин происшествия установить не удалось, нанесен существенный материальный ущерб: котельная разрушена полностью. Одно из важнейших звеньев боевого управления лишилось тепла. А зима уже на носу. С такими удручающими мыслями я вернулся в штаб, необходимо об этом доложить командиру дивизии и в штаб армии.

На входе в здание штаба меня ожидал с перекошенным лицом Н.Д. Коршунов. Оказывается, когда ему, как и мне, доложили о взрыве, он, не зная, где находится передающий центр, выехал на позицию одного из ближайших дивизионов. На его вопрос, где произошел взрыв, в дивизионе удивились. Н.Д. Коршунов, к своему ужасу, подумал, что его кто-то жестоко разыграл. Я был вынужден сказать ему не самое лестное для его обостренного самолюбия: начальник политотдела в течение четырех лет не удосужился побывать в таком важном подразделении, обеспечивающем боевое управление всей дивизии. Подобных случаев было немало. И это еще одно из лишних доказательств того, что главный смысл деятельности таких людей – ловить момент и делать карьеру.

Но вернемся к той проверке, которая стала вехой в карьере многих из нас. Дивизия оценена высоко, ее командование на коне.

Завершающим мероприятием, как уже укоренилось в войсках, был итоговый банкет. Командование дивизии угощает именитых гостей. Накрыты щедрые столы, всем хватило места. До отлета самолетов четыре часа, этого вполне достаточно, чтобы большая часть приглашенных смогла потерять всякий человеческий вид. Выпито, съедено немало. Но нам не жаль, мы думаем, что это стоит того, что нас ожидает лучшее соединение, подарки к концу года, восхваления в наш адрес и, наконец, повышение по службе. Так и произошло: Н.Д. Коршунов назначен первым заместителем члена военного совета армии во Владимир, Казыдуб Г.И., – заместителем начальника штаба армии в Смоленск, Глуценко А.И. – начальником Рижского высшего военного училища.

Я далек от мысли, что это было результатом богатого стола и горы подарков, которыми были наделены генералы и полковники комиссии. За этими высокими итогами был большой труд немалого коллектива дивизии, солдат, офицеров, командиров дивизионов и полков. Но мало кто из них был оценен по заслугам, далеко не все, в том числе и более достойные, были отмечены в приказах, получили заслуженные отпуска, чтобы повидаться с родными.

Недалеко от города Лиды, где размещался штаб дивизии, на реке Неман, по дороге на Новогрудок, в красивом сосновом лесу находится поселок Березовка. Почти все его взрослое население – стеклодувы. Они трудятся на стекольном заводе, главная продукция которого – высококачественный художественный хрусталь. Немало солдатского труда ушло на бесчисленные лесные вырубki, распиловку древесины, чтобы расплатиться за дорогие хрустальные наборы, которые оказались в подарочных наборах членов комиссии. Обе стороны понимали, что это открытые взятки, но все обставлялось, как искренняя благодарность за помощь, за большую учебу. Я бы это назвал позором слепых, не ведающих глубины своего падения.

Конечно, бесспорным успехом труда руководства дивизии было то, что впервые большая ракетная дивизия во всех войсках 1970 год закончила без чрезвычайных происшествий. Кто хоть немного касался такого явления, как воинская дисциплина, тот может по-настоящему оценить этот итог. Но для командира и штаба не наступало удовлетворение. Наоборот, мы были встревожены ростом случаев грубого нарушения взаимоотношений между солдатами, появлением так называемой дедовщины.

Дедовщина. Что это за явление? Каковы его корни? Много об этом написано, переговорено.

Первые тревожные сигналы о таких случаях к нам начали поступать в начале 70-х годов, когда перевели на двухлетний срок службы солдат и сержантов. Дело в том, что раньше солдаты третьего года службы – старшие по возрасту – уравнивали первогодок, не допускали разрастания проявлений низменных инстинктов.

В казарме, как и в школе, профтехучилищах, пионерских лагерях, безраздельно властвует не командир, директор или пионервожатый, а старший по возрасту, физически более сильный. И в семье не мать и не отец верховодит среди детей, особенно, когда их больше трех. Власть принадлежит старшему.

Мне пришлось это испытать на себе, в большой семье, где было четыре мальчика и одна девочка. Я всегда донасивал то, из чего вырастали старшие. Я им беспрекословно подчинялся, я был их тенью. Но это меня не угнетало, потому что я был таким же «ханом» для своих младших братьев.

Но это одна семья, родная кровь, обиды разрешались вялым шлепком матери, и, как правило, миром. Родители во взаимоотношения детей вмешивались мало, конфликты гасились до черты забора с соседями.

Но как бы то ни было, а это уже те корешки, которые являлись предвестниками того отвратительного явления, которому дано такое милое название, как «дедовщина». Все мы в разные годы проходили через школу, у всех на памяти страх, зависть, то уважение, с каким младшие смотрели на старших. Но когда вчерашний школьник одевал военную форму и оказывался в чуждой, грубой казарме, то он сразу же начинал ощущать себя затравленным зверьком, готовым к унижениям и обидам. В нем еще сохранялся дух ошетинившегося, беззащитного младшего школьника.

Иногда приходится слышать утверждения, что раньше этого не было, мол было больше порядка в армии. По своему опыту могу сказать, что те, кто так говорят, или кривят душой, или очень мало осведомлены. На моей памяти это явление было всегда, и даже в те первые послевоенные годы, когда в казармах были солдаты, прошедшие войну, когда служили более трех лет, когда в ротах, батареях стали появляться молодые люди, дети войны, прошедшие трудовую закалку на заводах, стройках, в колхозах. И вот в этих условиях наблюдалось принуждение, случались издевательства, но они не были массовым явлением. Все это пресекалось в зародыше, младшие офицеры о жизни казармы были хорошо информированы.

Шли годы. Изменились люди в армии. Солдат стал на 2-3 года моложе, с психологией школьника. Но все же главная причина расцвета «дедовщины» не в самой солдатской массе, а в кадровом составе офицеров. Офицерский корпус, на беду самой армии, все более разбавлялся белоручками, людьми избегающими «черного» труда, без основательной трудовой закалки. Но, видимо, и в этом еще не вся правда. Извращения в кадровой политике, получившие широкую улицу со времен Гречко, а потом Устинова, привели к тому, что лучшая часть офицеров, с лучшими деловыми качествами теряли перспективу, желание работать с людьми становилось постыдным. Офицеры все больше стали отдаляться от солдат. Молодой солдат все больше попадал во власть старослужащего и более того, наиболее агрессивного,

злобного по природе. Офицер же начал появляться в казарме по принуждению, он ее боялся, а чаще просто брезговал.

Ушли в прошлое командиры рот, взводов, которые были ближе к солдатам, знали тонкости казармы. В этом вся суть проблемы. Без офицера, действительно посвятившего себя военному делу – а главным в нем были и останутся люди, – напряженность негативного воздействия казармы будет оставаться. Высшие военные училища, особенно инженерные, а в ракетных войсках именно только такие, видимо, так и не смогут готовить офицеров для работы с людьми. Выпускник таких училищ, считая себя интеллектуалом, одев погоны офицера, готов с головой влезть в технику, в премудрости науки, но с ужасом воспринимает свое место среди солдат.

Молодой офицер охотно становится военным чиновником (с академической скамьи у него казенный взгляд на солдатскую массу), уподобляясь туче военных бюрократов, сидящих в управленческих структурах. Вполне понятно, что такой офицер не только не покончит с «дедовщиной», он развалит последние надежды военных верхов и тем более солдатских матерей.

А.И. Глущенко – старый, мудрый солдат, видел насквозь причину проблемы и очень верно схватывал ее суть. Он жаждал иметь таких командиров огневых взводов, какие были у него в батарее в первые послевоенные годы, он был в них влюблен, потому что сам был таким. Но сегодня таких нет, и это тоже реальность. Лишь изредка можно было встретить подобного на дивизионе, реже уже на полку и выше. Мы-то знали, что это не их беда, что не они стали командирами полков и дивизий. Их обходили, через них переступали молодые, пришедшие по шести меркам маршала Гречко, видимо, истинного отца «дедовщины».

Понимал все это командующий армией Герчик К.В., но в угоду высшим властям, да и собственной конъюнктуре, назначал на должности не по деловым признакам, не за успех в труде, а по протекциям, по шести требованиям министра.

И еще, не менее важно, «дедовщина» положила начало тому явлению, как падение престижа армейской службы, когда был растерян авторитет старших поколений, все чаще возникало пренебрежение к приказу, к исполнению вообще. Рушился порядок, снижалась дисциплина, началось разложение армейской среды. Престижным становились не воинские заслуги, не успех в подготовке подчиненных людей. Теперь личным знакомством, удачным приподношением, умением обратить на себя внимание достигалось в службе все и, главное, быстрый рост в званиях и должностях.

Все чаще происходили сбои в нашей работе, не все в работе командира, штаба было гладким. К сожалению, командир не всегда был тверд, иногда отступал перед лестью, подхалимством. Этим пользовались те, кто не рассчитывал на успех в честном труде. А в гибкости, изобретательности этим людям не откажешь. Здесь налицо и видимость преданности и нарочитый

День Ракетных войск. На трибуне начальник ПО дивизии Коршунов Н.Д.

В президиуме торжественного собрания:

Измалкин С.Е. – зам. начальника ПО, Кирсанов Н.А. – зам. командира дивизии,
Казыдуб Г.И. – начальник штаба дивизии, Шапо А.П. – пропагандист ПО

В главном штабе

Слева направо: первый ряд – В.А. Жуков, Г.И. Казыдуб, А.А. Дмитриев,
К.И. Малоненков, Д.И. Марковский, В.В. Ляшик;

второй ряд – В.А. Канев, И.Н. Блинов, В.Н. Малащенко

В войсках, справа налево:
Казыдуб Г.И. – генерал Главного штаба;
Климчук В.Т. – начальник политотдела;
Поленков Г.М. – командир дивизии

На тактическом занятии подвижного мобильного ракетного комплекса
Грачев П.С. (на переднем плане), далее слева направо: Сергеев И.Д. (третий),
Дмитренко В.Д. (четвертый), Кириллов Ю.Ф. (пятый)

страх и предоставление «желаемой» информации. А.И. Глушенко такого напора не выдерживал, иногда прощал явные промахи в работе и даже в личном поведении. Наиболее изощренным мастером перевоплощения, актером в штабе дивизии слыл начальник инженерно-технической службы подполковник Валов В.М. Довольно смешно было наблюдать в кабинете командира, как Валов разыгрывал панический ужас, впадал в мнимую прострацию. В действительности, это было настолько примитивно и наиграно, что кроме общего смеха, ничего не вызывало. Однако вся сцена проигрывалась предельно серьезно и старательно. Обычно командир после этого слабел и прощал пьяные шалости этого взрослого ребенка. Неприкритая лесть срабатывала, подхалим достигал цели. Такие моменты слабости командира были настолько редки, что они не могли быть решающими.

Явные наши промахи мы все же видели в подборе кадров, особенно на командные и штабные должности...

Местным полком командовал подполковник Горшков В.П., тяжелый, немногословный, с явными признаками русской лени; натура скрытная, склонная к извращению правды, беспощадная к людским слабостям, поддающимся деспотизму и сумасбродству. В полку его боялись и ненавидели. Зачастую страх, вселяемый Горшковым, приводил некоторых его подчиненных в ужас и обращал в бездумное бегство.

Но, как часто это случается, тиранствующий владыка сам не во всем был сильным: со своими низменными страстями он справляться не мог, контролировать себя, бесспорно, всегда труднее. Его интимные связи с телефонистками, машинистками обрастали анекдотическими подробностями, становились неиссякаемой темой судов и пересудов как в среде офицеров, так и их жен. Глушенко А.И., щепетильный и чистый, буквально взрывался, когда слухи достигали его ушей, грозил скорыми и самыми решительными расправами, но вскоре остывал и все возвращалось на круги своя. Горшков после раскаяний, обещаний в различных коридорах партийной и командной власти, продолжал все по старому. И снова ком самых невероятных слухов катился по гарнизону и за его пределами. Кабинет Горшкова был рабочим постом, обителью желанных встреч и местом разборок. Об этом знали не только мы, командование дивизии, но и в центре. Знали о его похождениях и малой активности как полкового командира.

Как-то во время работы в дивизии армейской группы, ко мне в кабинет зашел генерал-лейтенант Шмелев И.Т., первый заместитель командующего армией, завязался разговор о достоинствах и недостатках командиров различных рангов. Шмелев, отличавшийся своей безапелляционностью и резкостью, грубо прервал мои попытки защитить подчиненных командиров и сказал: «Хотите, Григорий Иосифович, я вам сейчас же продемонстрирую, что вы неправы, ваши командиры полков из кабинетов не вылезают, таких лентяев, как ваши, у нас в армии нет!». Я недоуменно пожал плечами, не по-

няв, как это он может меня убедить. И тут И.Т. Шмелев по телефону ЗАС (засекреченная автоматическая связь) набрал номер телефона Горшкова и передал мне трубку. В трубке сиплый, полусонный голос Горшкова. Шмелев торжествующе взглянул на меня, взял трубку и набрал телефон И.П. Каратаева, командира полка в Новогрудке. Этот тоже находился в кабинете. «Ну что достаточно? Вы убедились, кого вырастили? А теперь я вас спрошу, можете ли вы с такими командирами поддерживать высокую боевую готовность?»

– Товарищ генерал, это случайное совпадение, – больше мне ничего не оставалось ответить.

– Ну, ну, – сказал Шмелев, – вас убедить труднее, чем их заменить на других, более способных и трудолюбивых.

Шмелев был, несомненно, прав. Много нам с командиром приходилось прилагать усилий, чтобы заставить командиров полков более активно работать.

Во всех армиях, во все времена командир всегда был как бы задающим генератором и зеркалом своего коллектива. От его энергии, задора, постоянной неудовлетворенности зависело общее состояние дел. Командир дивизиона, полка работал с людьми напрямую, ему не нужны были приводные ремни, как партии и нашим политработникам. Он ежечасно, ежедневно – на глазах людей, его работа, как на ладони. Но стоит командиру успокоиться, обнаружить хотя бы признаки своей усталости, тем более лени, вслед за ним начинает слабеть коллектив, падает уровень подготовки, растет количество правонарушений, расцветает дедовщина, наступает застой и разложение, командир не может быть ведомым, он может быть только лидером. Но командиром, как и солдатом, не рождаются. Их надо не только находить, но и растить, помогать и не давать почивать на лаврах.

Полной противоположностью был другой командир, полк которого размещался в городе Слуцке, В.И. Заиченко. В постоянном движении, с неиссякаемой, даже избыточной энергией, полный инициативы и изобретательности, он был склонен к очевидному авантюризму, к непредсказуемым, зачастую безрассудным поступкам, а иногда и чудачествам.

Штаб этого полка, как и других, размещался в сборно-щитовом сооружении в страшно стесненных условиях. В маленьких комнатах ютились 2-3 офицера. У Заиченко была комната для работы с документами, в которую мог поместиться только один стол и два стула. Это был служебный кабинет командира полка. Посетивший полк в ходе проверки, П.А. Горчаков сделал замечание, что у командира полка маленький и неудобный кабинет. Как он выразился, по кабинету и авторитет.

Заиченко это истолковал по-своему. Когда через месяц после проверки мы приехали, чтобы убедиться, как в полку устранены замечания, то мы с Глущенко А.И. просто ахнули: Заиченко, выполняя указание, как он нам до-

ложил, переселил штаб полка в несколько невзрачных строений, в том числе и в помещение бывшей гауптвахты, а старое здание штаба полностью переоборудовал под свой кабинет, в котором теперь, кроме рабочей комнаты, были приемная, комната для отдыха, приема посетителей, спортзал и даже отдельная столовая. На резкое замечание Глущенко А.И. Заиченко невозмутимо ответил, что все сделано по рекомендации начальника политуправления ракетных войск. Глущенко вынужден был в своем приказе объявить Заиченко выговор за его самоуправство. В нашем присутствии штаб полка, переселился в свое помещение.

Этот полк традиционно держал первенство по самовольным отлучкам солдат и сержантов. Боевые позиции полка размещались в густых лесах между Минском и Слуцком, в окружении белорусских сел. В Белоруссии во все времена к военнослужащим отношение было доброжелательным. Появляющихся в селах солдат встречали радушно, потчевали зачастую с выпивкой. Командование полка, особенно политработники, пытались среди местного населения иметь своих осведомителей, привлекая для этого комсомольцев, работников местных советов. Но информация в полк не поступала, более того нередко были случаи, когда сами же «осведомители» укрывали самовольщиков, давали командованию противоречивые сведения. Самые крутые меры командования были безрезультатны, самоволки процветали.

В.И. Заиченко, как истинный борец с таким злом, которое затрагивало престиж полка и лично его, как командира, всю свою энергию и волю направил на борьбу с самовольными отлучками. И у нас, в штабе дивизии, он находил поддержку. Самовольные отлучки, как правило, сопровождались происшествиями, насилием, воровством, а иногда и убийствами. Такому злу нужно было поставить самый надежный заслон. Но Заиченко и в этом случае действовал своими, своеобразными методами. Во всех прилегающих селах из состава офицеров дивизионов он назначил комендантов, организовал патрулирование, а по всем праздникам устраивал в селах засады. Но это тут же становилось известным и жителям сел, и солдатам полка. «Рогатки» командира вызывали только смех у сметливых и не менее изобретательных солдат. В такие дни сам Заиченко отдыха не знал, дома бывал редко. В постоянном поиске, движении, он был неистощим на выдумки.

Были случаи, когда он надевал солдатскую шинель и один бродил по селам в поисках солдат. В некоторых селах его узнавали, но он не подавал вида, продолжал играть немудреную роль бывалого солдата.

В таком виде он однажды попал в избу, в которой находились три солдата из ближайшего дивизиона, уже в порядочном подпитии. Заиченко хорошо поставленным голосом приказал солдатам следовать за ним в часть. Один из солдат неторопясь поднялся из-за стола, взял Заиченко за воротник шинели и вытолкнул его из избы. Взбешенный Заиченко бросился в дивизион,

приказал выстроить всех солдат и сержантов и начал медленно обходить строй. И какое же было его удивление, когда он увидел этих же троих солдат, невозмутимо стоящих в строю своей батареи. На вопросы Заиченко они недоуменно пожимали плечами и все обвинения командира отрицали. Заиченко так и не добился их признания и, только пользуясь властью, отпугнул наглецов на гауптвахту.

К нам постоянно приходила информация о всех проделках ретивого Заиченко. А.И. Глуценко неоднократно направлял в полк специальные комиссии для изучения стиля работы этого командира и оказания ему помощи.

Как командир он обладал многими положительными качествами и главным было то, что он был высокопрофессиональным специалистом-ракетчиком, этим он заслуживал большого уважения офицеров полка. Одновременно это помогало ему поддерживать стабильную подготовку боевых расчетов пуска. Но из-за своей сумасбродной натуры, склонности к непродуманным решениям и скороспелым действиям, он вызывал у нас постоянную тревогу и опасения.

Как-то Глуценко показал мне письмо бывшего солдата из полка Заиченко. Когда я его прочел, то еще раз убедился, что у нас есть сообразительные люди.

А суть дела в следующем. Прошлой осенью, в один из субботних дней, Заиченко, вспомнив о своей семье, поехал домой. По дороге на Слуцк ему повстречался парень в гражданском платье, в котором он узнал солдата своего полка. Надо сказать, Заиченко обладал поразительной памятью на лица. Остановив машину, он подозревал подозрительного путника к себе. Но встречный сделал вид, что не понял повелительного жеста и продолжал идти по обочине дороги. Заиченко выскочил из машины и во весь голос закричал: «Эй, ты прекрати ломать дурака, я тебя знаю, ты солдат из хозвзвода полка!». Солдат, видимо понял, что напоролся и надо отвечать.

– Раздевайся! – приказал Заиченко солдату. Тот, не торопясь начал раздеваться. Остался в одних трусах, Заиченко приказал своему шоферу облить одежду бензином и поджечь. Дело было к вечеру, становилось довольно прохладно, но Заиченко так увлекся, что не замечал этого. В сопровождении машины командира полка солдат бежал до расположения полка. Надо думать, что Заиченко был доволен таким уловом, хотя его действия, безусловно, граничили с садизмом.

Но торжество командира было преждевременным. Солдат оказался не из глупых, и, судя по письму, Заиченко должно было быть не до смеха. Бывший солдат, обстоятельно описав эту историю, в конце письма требовал полного возмещения ему материального убытка, перечислив все предметы одежды, сожженные по приказу командира. И закончил вполне реальной угрозой: в случае, если командир полка не возместит ущерб, дело будет направлено в суд. Заиченко ничего не оставалось, как добросовестно

поплатиться за свое очередное чудачество. Потом он сам со смехом рассказывал, что наглец содрал с него немалую стоимость за всякую рвань, как за ценные вещи.

Стало ли это наукой для Заиченко гадать не приходилось, он оставался верен себе.

Работа, служба у нас поглощала все. Мы испытывали постоянный дефицит времени. Редкими были дни отдыха, в отпуск уходили в самое неудобное для этого времени. Командующий армией Лобыш Ф.И. с каким-то наслаждением, как нам казалось, любил прерывать отпуск командира, начальника штаба. Вызов телеграммой из любого места стало обычным явлением. Особенно было неприятно, когда прерывалось санаторное лечение. Помнится, после такого прибытия в часть, командир пытался извиняться, ибо причины в этом не было.

Но удавались дни, когда мы могли вырваться на природу. Белорусские леса были богаты ягодами, грибами, да и просто побродить в одиночестве было наслаждением. Но и в этих местах рыбалка доставляла царское удовольствие.

Однажды с помощником начальника шифровальной части мы выехали в район деревни Белицы на реку Неман. Мой напарник был уроженцем этих мест, опытным любителем рыбной ловли, имел для этого самые хитроумные приспособления. Во второй половине дня втроем на лодке (с братом моего напарника), мы добрались до небольшого островка, который омывался Неманом и его старым руслом. Редко удастся видеть что-нибудь более красивое. Высокие, стройные сосны с бронзовыми стволами вплотную подступали к песчаному берегу, отражаясь, как на полотне картины в зеркальной, почти неподвижной глади старицы-Немана. Чудная вечерняя тишина прерывалась нежным щебетаньем какой-то птицы да всплесками играющей рыбы. Солнце медленно катилось к закату. К наступлению темноты неширокое старое русло было перекрыто сетями. До утра мы свободны, нам надо это время прокоротать на берегу, нас ждет небольшой костерок и бесконечные рыбацкие байки.

Брат прапорщика оказался интересным рассказчиком. Посыпались были и небылицы. Благость разлитой тишины, тепло мирно потрескивающих сухих сучьев, ночная прохлада настраивали на сон, и тогда голос рассказчика, казалось, растворялся во всем этом, становился как бы его частью.

Сказка ночи медленно стала уступать празднику дня. Чуть вдаль от костра засветились проблески наступающего утра. Небо становилось выше, звезды тускнели и постепенно гасли, все более пламенел восток.

Время выбирать сети. Без единого всплеска легко опускаемых весел лодка медленно продвигается вдоль притопленной сети. Подъем первых ячеек, окуни, лещики затрепыхались на мокром дне лодки. Медленно идем к середине реки. День все больше овладевал небом, лесом, рекой. Солнца еще

нет, но уже ясно виден противоположный берег, пролетели первые шумливые чайки, раздался резкий звук кем-то вспугнутых уток. Со стороны села доносились крики гусей, мычание коров, лай собак.

Лодка приближалась к середине реки. Я сидел на ее носу. Вдруг глаза ослепил, словно золотой дождь, разлитый по дну реки. Блеск, вспыхнув ярко, тут же исчез. Пораженный этим неземным видением, я приставил палец к губам, призывая к тишине. Новый луч солнца опять вырвал из глубины реки неповторимое зрелище. И тут в прозрачной, почти стоячей воде, я увидел огромный золотой косяк рыбы. Как я понял, это были – лещи. Острой своей вершиной он соприкасался с сетью, основание его исчезало в глубине реки, вниз по ее течению. Рыба поднималась на нерест.

Мои товарищи знаками предлагали гнать рыбу к нашей сети. Но я не мог оторвать глаз от невиданного зрелища. И то, что мы увидели дальше, поразило наше воображение, оказалось за пределами нашего понимания происходящего.

Впереди косяка перед сетью неподвижно стоял огромный лещ, медленно пошевеливая плавниками и хвостом. Спина и обращенная к нам сторона были густочерными, плавники и хвост ярко красными. Это длилось считанные секунды, мы замерли в каком-то ожидании. Время для нас как бы остановилось, лучи солнца осветили почти весь косяк, он лежал на дне, как огромный самородок золота. Не единого всплеска, рыбы словно замерли.

Большой головной лещ медленно лег на бок, плавниками подтянул свое туловище под сеть и когда сеть оказалась над ним, встал вертикально. Косяк рыб по какому-то для нас неуловимому сигналу встрепенулся, рассыпанное золото засверкало сотнями брызг. Рыбы устремились в проходы под сеть, образовавшиеся по бокам головного леща. Мгновение – рыбы исчезли, ушли вверх по реке. А мы продолжали сидеть в тишине, изумленные зрелищем. В этот момент наши мысли были об одном: на что не способна природная сила в каждом существе для продолжения своего рода, откуда у этих бессловесных существ поистине человеческий разум? Виденное непостижимо, это действительно чудо, сказочная загадка.

Я был доволен тем, что удержал себя и своих товарищей от соблазна вспугнуть этих чудных рыб. Мы стали свидетелями невероятного таинства природы.

Весь день мы оставались под впечатлением увиденного. Все, кто слушал наш рассказ об этом, отнеслись с недоверием, как к очередным бредням разгоряченных рыбацких голов. Два брата, белоруса и мой сын Игорь, ученик 4-го класса, остались моими свидетелями этого природного чуда.

Не однажды мне приходилось видеть необычные природные явления, неожиданные лесные встречи с лосями, кабанами, медведями. Но это по своей красоте и необычности осталось для меня неповторимой сказкой.

Помнится, еще в юные свои годы, когда по воле судьбы в 17 лет я оказался под ружьем на склонах Кавказских гор, произошел случай, запомнившийся мне на всю жизнь.

Прошло несколько месяцев, как мы заняли оборону на горе Пзых, северо-восточнее Туапсе. У подножия горы, внизу в долинах держалась по-южному теплая погода поздней осени. Гора, продуваемая семью ветрами, уже была покрыта снегом. К страданиям постоянного голода теперь прибавился холод. Окопы мы сооружали из камней и сыпучей горной породы, тепла они не прибавляли. Костры разводить нам не разрешали. Но все же более жгучим оставалось чувство голода. Все реже появлялись исхудавшие лошади нашего соседа казачьего корпуса. До этого был строгий приказ о запрете похищения лошадей с нашей стороны, но голод был сильнее всякого запрета, гнали мы их за передний край, где они подрывались на минах. Через час от лошади оставались хвост, да грива, все съедалось без остатка, в том числе и кости. Но сейчас мы только вспоминали вкус горелых костей и паленых шкур.

Голод гнал нас вниз, туда, где росли вековые грабы и роскошные дикие груши. Там была нейтральная полоса, куда просачивались наши разведчики и немецкие дозоры. Нас же таянула туда жажда утоления голода сочными дикими грушами. Толстым слоем желтые, созревшие, они лежали, укрытые опавшей листвой. Ничего более вкусного я в жизни не пробовал.

Ранним утром, еще в темноте, я со своим товарищем еще со времен педучилища Николаем Мишиным по просьбе солдат и с разрешения командира взвода отправились за грушами. Это было небезопасно. Мы боялись случайной встречи с немцами, а еще больше с нашими разведчиками, которые занимались не столько разведкой, сколько ловили наших же солдат перебежчиков и дезертиров. Такая встреча грозила нам не просто позором, а неминуемой смертью. Если бы мы встретились с разведчиками, от нас бы открылись и товарищи по окопу, и командир взвода. Такие «прогулки» категорически запрещались и сурово карались. В такой тревоге и страхе мы с пустыми мешками и длинными трехлинейками, крадучись и озираясь, вышли к тому месту, где несколько дней назад брали груши солдаты из другого взвода.

Рассвет еще не наступил, чем ниже мы спускались, тем гуще был туман. Каждый темный куст, каждый шорох приводил нас в трепет, мы ложились на землю и замирали. Глаза наши были широко раскрыты и, надо признаться, мы хорошо видели и неплохо ориентировались. Но вот мы у заветных груш. Побросав винтовки, мы бросились нагребать мешки грушами пополам с листьями. Страх нас не покидал, каждый треск заставлял нас прижиматься к земле и напрягать слух. Мешки почти наполнены, и тут сквозь чуть рассеивавшийся туман я в нескольких шагах от себя, под другой грушей, увидел темную фигуру, тоже разгребавшую листву.

Страх буквально сковал нас, мы боялись шевельнуться, напрочь забыли о своих винтовках. В ужасе быть замеченными мы не сводили глаз с того, кто

пока, не обращая на нас внимания, продолжал сопеть и чавкать, сидя на корточках. Но первыми не выдержали наши нервы. Не сговариваясь, мы схватили винтовки и сколько было духу побежали наверх, в сторону своих позиций. Уже на бегу, мы увидели, что тот, кто нас так напугал, бежал в противоположную сторону. Пробежав изрядно на подъем, еле переводя дыхание, мы бессильно свалились на землю. И только тогда нас пронизала догадка. Мы даже вскрикнули, ведь это был никто иной, как медведь. У нас были винтовки. Если бы мы были смелее и воспользовались ими, во взвод пришли бы с хорошим мясом. А теперь нам самим было стыдно смотреть друг другу в глаза. Время потеряно, наступал рассвет, надо возвращаться не только без груш, но и мешков. Что мы будем говорить взводу? Надо признаваться в своей трусости. Страх нас сковал и лишил разума.

Подобный эпизод, связанный со встречей теперь с хозяином северных лесов, без такого животного страха, произошел значительно позже.

Будучи уже в главном штабе ракетных войск, мы работали на космодроме под Плесецком. Удачно завершились довольно сложные учения с соединением подвижных пусковых установок. Комиссией неплохо оценивались состояние воинской дисциплины и службы войск.

С таким настроением мы с начальником полигона генерал-лейтенантом Яшиным Ю.А. возвращались с удаленной позиции, где присутствовали на испытательном пуске ракеты из шахтной пусковой установки.

Уже вдаль были видны очертания Мирного, военного городка полигона, когда водитель резко затормозил машину. Через дорогу, не торопясь шла огромная медведица с маленьким медвежонком, зверь был так близко к машине, что нам была видна свалывшаяся на боках шерсть, падающая из пасти слюна. Медведица вела себя уверенно, независимо, в нашу сторону даже не повернула голову. И только медвежонок, поскуливая, метался между ее ногами. Мы сидели в машине, тихо переговариваясь, с большим интересом наблюдали это прекрасное зрелище.

Перейдя дорогу, медведица остановилась перед кустами и медленно повернула голову назад. Трудно было понять ее намерение, но я, на всякий случай, дал команду водителю, чтобы он запустил двигатель. В это время с той стороны, откуда появилась медведица, выскочил еще один медвежонок. Неуклюже переваливаясь с бока на бок, он бежал к матери.

И тут Ю.А. Яшин приоткрыл дверцу машины, намереваясь схватить медвежонка. Я резко положил руку на его плечо, чтобы удержать от такого легкомысленного шага. Мне приходилось видеть прыть и ловкость этого, как будто неуклюжего на вид, зверя. Медвежье чадолюбие огромно. В наших лесах опаснее, чем медведица зверя нет. Стоит случайно оказаться между самкой и ее детенышем, как это может закончиться трагически.

Яшин, видимо, этого не знал. Могло произойти самое неожиданное и опасное для нас.

Глава восьмая

ГУЛАГ – МОГИЛА ОТЦА

Плесецк. Места, связанные с самой трагической страницей нашей семьи. Впервые я попал в места, где мой отец провел последние свои годы, в 1979 году, будучи в генеральском звании.

Вот здесь, в этих мрачных, северных лесах простой крестьянин, казак станицы Копанской, Ейского района Азово-Черноморского края Казыдуб Иосиф Спиридонович, 1885 года рождения, закончил свой жизненный путь, погиб голодной смертью, замученный изнурительной каторжной работой в сталинском СевЛаге.

Тревожное, щемящее чувство охватило меня сразу же, как только я с трапа самолета встал ногой на эту землю.

Я возглавлял группу офицеров главного штаба ракетных войск, прибывших для проверки 5-го управления 51-го НИИП (так назывался ракетный полигон в районе Плесецка). Полигоном руководил генерал-лейтенант Яшин Ю.А., в последствии заместитель министра обороны.

5-е управление во главе с генерал-майором Базылюком М.И. фактически представляло собою ракетную дивизию в составе пяти полков, скрытно от США и НАТО размещенное на полигоне и имеющее на вооружении самоходные пусковые установки с ракетами межконтинентальной дальности Р-42, Темп 2С, или «Сосна».

Так любовно, с нежностью в оборонной промышленности по указкам ЦК КПСС давали шифрованные названия орудиям массового поражения. Эти пусковые установки стали прародителями будущих всемирно известных СС-20, о которых в последствии будут много писать.

Ракеты Р-42 при ведении переговоров, в том числе и на этапе сокращения стратегических вооружений, когда обе стороны должны были полностью раскрыть свои карты, нашей стороной скрывались, при общих подсчетах стратегических средств не учитывались. Причем, мы не сомневались, что американцы имели достоверные данные об этих ракетах, на переговорах добивались от нас правдивого официального ответа. Но наша делегация опять и опять садилась за стол переговоров и каждый раз лживо утверждала, что в наших сводках выложено все.

Брежнев, а потом Горбачев, Громыко и Шеварднадзе, Устинов и Крючков всячески отвергали заявления США по этому вопросу.

В самое последнее время, при новом витке переговоров, на стадии заключения договора, о сокращении стратегических ядерных сил, нами было скрытно принято решение о ликвидации этих пусковых установок. Хотя каждому имеющему к этому отношение было понятно, что скрытно провести ликвидацию такого количества специфического оружия невозможно. Для этого требовалось перевезти технику к местам ликвидации на сорока железнодорожных эшелонах, привлечь к работам, кроме десятков тысяч военнослужащих, тысячи рабочих и служащих оборонной промышленности. Не исключая того, что для таких работ необходимо было привлекать огромное число железнодорожников. Надо было быть совершенным глупцом, чтобы не видеть авантюристичности этой затеи.

Все это пишу потому, что нам предстояло инспектировать не обычное боевое соединение, а скрытое не только от разведки противника, а от самих ракетчиков. Узкий круг необходимых специалистов был допущен к таким работам. Задача перед нами стояла непростая.

Для меня же особенность этой командировки была в том, что в этих местах погиб мой отец. Я решил побывать в том районе, где располагался ГУЛАГ, если удастся, переговорить с людьми, которые были живыми свидетелями того времени.

Прошло около тридцати лет, как не стало отца, и около двадцати, как был ликвидирован этот концлагерь.

Наша семья, даже по тем меркам, была большая. Кроме отца и матери было пятеро детей. Жили мы почти на краю станицы в небольшой хатке, покрытой камышом.

Заметный украинский акцент в нашем кубанском выговоре – это всего лишь нерастрченное наследство моего отца Иосифа и матери Марии, потомков запорожских казаков, украинских переселенцев на земли Причерноморья.

Отец, физически здоровый, крепкий человек, после коллективизации работал на колхозном поле, в последние два года перед арестом – трактористом. Трактор ЧТЗ в те годы в сельском хозяйстве был новинкой, и честь работать на таком тракторе выпадала наиболее добросовестным. Такие вопросы решались в МТС (машинно-тракторная станция). Тогда все механизаторы, оставаясь членами своих колхозов, были приписаны к МТС, там оплачивался их труд, причем значительно выше, чем рядовых колхозников.

Руководство МТС в таких станицах, как Копанская, Ясенская, Ново-Деревяновская, где не было районных властей, располагало всей полнотой власти. Политотделы при МТС практически были неограниченными властителями судеб людей. Созданы в 1933 году они были для выявления «враждебных» элементов и очищения от них колхозов. В политотделах была введена особая должность заместителя начальника по ГПУ. Это он являлся законодателем и исполнителем драконовских мер.

Руководство МТС постоянно менялось одно за другим, быстро превращаясь из «друзей во врагов народа». За любые прегрешения, но главным образом, за несвоевременные поставки зерна, они арестовывались и расстреливались. Станица жила в страхе. Начальство МТС обходили не только взрослые, но и дети.

Все они, как правило, ходили в полувоенной форме при оружии. Народ, на памяти которого еще не стерлась кровавая гражданская война, запуганный коллективизацией, раскулачиванием, обессиленный массовым голодом 1932–1933 годов, жил, скованный страхом. Уже широко распространилось стукачество, подхалимство, всевозможные поборы и унижения. Вековые традиции черноморских казаков были уничтожены; все, что напоминало о былом казачестве искоренялось и преследовалось. Казачество некогда свободной Кубани было окончательно сломлено.

Отец, как выражалась мать, безвылазно находился в поле. Дети его видели редко, и с наступлением весны, а на Кубани это с февраля, и до глубокой осени, он жил на полевом стане, без самых элементарных удобств. Но люди, подобные отцу, не были притязательны, довольствовались тем, что было, без жалоб. Жили в постоянном страхе, и были довольны, если на трудодень в конце года давали 100-150 грамм зерна. Выработывал взрослый мужчина в день 2–2,5 трудодня. Вот и считайте, сколько он имел хлеба за свой каторжный труд. Женский, тем более детский труд, который в колхозах тогда был обычным явлением с шести-семи лет, оценивался значительно ниже.

В станице еще свежи были воспоминания о голоде. Много хат пустовало, дворы оставались заросшими бурьяном.

Слухи об арестах в стране начали доходить и до станицы. Помню, у нас в первой комнате кто-то повесил журнальный портрет красного командира с бородой. Как потом я узнал, это был портрет Я. Гамарника. Вскоре этот портрет мать сняла и сожгла в печке. Старший брат из Ейска, привез журнал с портретами большевиков Азово-Черноморского края, в том числе Шеболаева, Ставского, Косиора и других. И этот журнал ушел в печку.

Хотя, конечно, простых людей в станице мало интересовало происходящее. Как бы по инерции они продолжали жить тем укладом, когда каждый делал свое дело и не лез к соседу. Но беда не обошла стороной.

В стране нагнетался психоз. Сталин и его окружение продолжали настаивать, что главная угроза социализму исходит от крестьянства, особенно из таких хлебных районов, как Украина, Северный Кавказ, Поволжье.

Новая волна репрессий обрушивается на наиболее трудоспособную часть населения. В ночь на 17 октября 1937 года в станице прошли повальные аресты. Проводились они ночью, по-воровски. Людей брали в поле, на работе, после вызовов в правление колхоза, станичного совета. Всего были арестованы сотни крестьян. В одном только колхозе «Политотделец» арестовали 53 человека, а ведь в станице было шесть таких колхозов.

Забирали, главным образом, механизаторов, руководителей колхозных бригад, звеньев, наиболее работоспособную, трудолюбивую часть колхозников.

Отца арестовали в поле, взяли с трактора, на котором он поднимал зябь на дальнем поле, как называли его в станице степок. Отец был в замасленном комбинезоне, пропитанном легроином, старой фуфайке и картузе. На ногах его были изношенные постолы из сыромятной кожи. Как потом рассказывал его напарник, отец просил, чтобы ему разрешили зайти домой, чтобы переодеться, но ему отказали.

Арестованных свозили в здание станичного совета. У казаков в станицах не было мест предварительного заключения, не было гауптвахт. Нужды в этом не было. Провинившийся казак получал нагоняй от атамана, схода казаков, в крайнем случае, удар плеткой, как правило, от отца или старшего брата. Кубанские казаки выделялись высокой нравственностью, спокойным, мирным характером, дружными семьями.

Из истории известно, что Кубань не сразу стала на сторону белых. Создав Кубанскую раду, она фактически лишила Деникина тыла. Когда он начал репрессии в Екатеринодаре, казаки стали искать соглашения с красными. После установления советской власти на Кубани не было восстаний, саботажей.

Но, тем не менее, казачьи области даже в год принятия «сталинской» конституции и «торжества» социализма, по мнению правящей верхушки, продолжали оставаться враждебными для советской власти.

За две ночи здание станичного совета было забито арестованными до отказа.

О том, что нашего отца взяли мы узнали на следующее утро. Мать бросилась к стансовету. Туда стекалась почти вся станица. К стансовету людей не допускали. Кругом слышен крик, плач. Пришли родные арестованных, пришли те, кто был уверен в своей невиновности, никто в станице не думал бежать, а тем более сопротивляться. Все почему-то верили, что это недоразумение, может быть проделки «врагов народа». Но станица затаилась, замерла, объята ужасом, в ожидании новых арестов. Никто не знал, кого, когда и, тем более, за что арестуют.

Аресты продолжались. Это не было недоразумением. Это был продуманный акт. На долгие годы, а чаще навечно разлучались семьи, над которыми теперь будет висеть проклятие, как «врагов народа». Всю ночь и следующий день мы с мамой находились на площади у стансовета. Дома остались маленькие Леня и Зина с племянницей мамы Саррой Майборода. Вечером мне с незнакомым мальчиком удалось проникнуть к зданию со стороны станичного клуба и заглянуть в окна. Но они были закрыты ставнями и поставлены на запоры. На наше счастье в ставнях были щели. Помогая друг другу, мы увидели арестованных. Они сидели на полу вплотную друг к дру-

гу, и все держали руки на коленях. Как я ни старался, отца не увидел. Керосиновая лампа слабо освещала лица незнакомых мне людей, да и головы их были опущены. Это была только одна из комнат. К другим подойти мы не смогли, там стоял охранник с винтовкой. Позже я узнал, что арестованные сидели в таких позах по команде конвоиров. Посадка задом на землю, когда колени возвышаются перед лицом, а центр тяжести сзади, затрудняет подъем, быстро вскочить практически невозможно. Сажали на пол потеснее, чтобы при подъеме была помеха соседу, если кому в голову взбредет вскочить. Пока арестованный вздумает вскочить и тем более броситься на охрану, еще только зашевелится, как получит удар по голове ногой или прикладом.

На следующий день, к вечеру были поданы машины. Их расставили на шоссе между зданием совета и МТС. Это были обычные бортовые полуприцепы, крытых, или как их называли «черных воронов» не хватало.

К этому времени вся площадь и двор у клуба были заполнены людьми. Мать, держа узелок в руках, старалась пробраться поближе, надеясь увидеть отца, а может и передать узелок с одеждой и едой. Люди чувствовали, что скоро начнется погрузка арестованных в машины, но охрана не торопилась, ожидала ночи. Люди волновались, никто не уходил. И вот по толпе пошел шум, скоро начнут выводить. Машины и проходы к ним оцепила охрана. Все видели, как на крыльце был установлен пулемет и около него легли два охранника. Боялись вспышки среди людей. Наступила тишина. Стало как-то жутко. Из здания стансовета доносились какие-то крики, видимо охрана подавала команды, поднимала арестованных. Все вокруг смотрели в одну сторону, на свет полураскрытой двери стансовета. Каждый жаждал увидеть лицо родного человека и хотя бы криком попрощаться с ним.

Вдруг дверь широко распахнулась, и в светлом ее проеме ясно стал виден милиционер, который что-то кричал и размахивал пистолетом в руке. От передних в толпе пошел шепот, будто арестованным скомандовали: «Взяц-ца под руки, бегом!». Из дверей стали выбегать люди, держа друг друга за руки. Выпускали по пять человек. Арестованные всматривались в толпу, но их торопили, запрещали останавливаться.

В третьей или четвертой пятерке я увидел отца. Он также, как и все, жадно смотрел на толпу. Не знаю, увидел он нас или нет, мне казалось, что он нас заметил. Я со всей силы закричал: «Мамо, мамо, наш батько!». Мама рванулась к машине, протягивая узелок. Но охранник ударил ее в грудь прикладом, она упала, узел полетел в сторону. Я держал ее за юбку и, когда она упала, схватил узел, прыгнул и вцепился в борт машины. Подскакивший охранник ударом сапога сбросил меня на землю. В толпе послышался крик, усилился плач. Напор на охрану усилился. Выбегавшие из здания милиционеры подняли стрельбу вверх, начали теснить людей. Посадку прекратили. Толпу вытолкали на шоссе и за клуб. Арестованных грузили до поздней но-

чи. Рассаживали их вдоль бортов и сверху накрывали парусиной. Мне помнится, как один раз везли в Ейск телят со второй бригады, их тоже накрывали брезентом, мне было жаль этих телят.

Арестованных везли в Ново-Минскую, там, говорили, их будут судить, а потом отправлять в лагерь. Люди не расходились, плач не прекращался. Мать договаривалась с несколькими женщинами на завтра, чтобы идти в Ново-Минскую, в 35-ти километрах отсюда. Над толпой стоял крик, слышались причитания. Все это мне смутно напоминало тот год, когда было массовое выселение людей из станицы. Это было вначале коллективизации. И вот опять горе людям. Сердце разрывалось от этой картины. Наша соседка Марфа Головки, когда увидела среди арестованных своего мужа Филиппа, упала и забилась в истерику. Она держалась около нас, все повторяла, что ее Пылыпа не арестовали, что он на поле, скоро будет дома. Мы хорошо знали этого человека, он был немного моложе отца, высокий, со смуглым лицом, как и наш отец. Они вместе начали осваивать тракторы.

Рано утром, на следующий день мать с большой группой женщин ушла в Ново-Минскую. Три дня прошло, как арестовали отца, для нас – целая вечность. Отца куда-то увезли, мама в отчаянии, нас окутал какой-то леденящий страх.

В районном центре, куда арестованных свозили со всех станиц, заседала тройка УНКВД, так называемый суд, скорый и строгий. Для видимости производились допросы, после чего назначался всем одинаковый срок трудовых лагерей – 10 лет. Но все же надо отдать должное этой системе, от подсудимого всеми силами выбивали признание какой-нибудь вины. Этим как бы достигалась видимость законности. Отец как-то сумел передать на волю, что при допросах от него требовали признания преступной связи с Тухачевским, несколько суток держали на ногах без еды и воды. Как мы поняли, отец впервые услышал это имя, просил сообщить, кто такой этот человек, из какой он станицы. Только по этому можно было судить, что НКВД не затрудняло себя даже разработкой более или менее правдоподобной версии для предъявления обвинения этим неграмотным, не понимающим происходящего, людям. Но признания выколачивались угрозами, пытками, все обвинялись по пресловутой статье 58-й, за измену родине и всем назначалась единая мера пресечения – 10 лет заключения. Арестованных в станицах свозили во двор районного отдела НКВД, где они находились под открытым небом, а это был конец октября. Оттуда же пешком гнали на железнодорожную станцию и грузили в вагоны. По всему пути, где вели арестованных, стояли женщины, дети в надежде увидеть отца, мужа, брата. Наша мать выстояла под дождем, на холодном ветре, но так и не увидела не только отца, но ни одного знакомого лица со своей станицы. Люди начинали понимать, что уже никого не выпустят, что многие угодят навсегда.

Что было в душах этих безвинных людей, что думал наш отец? Одно они понимали: их не выпустят. Прощайте, дорогие дети, жены, прощай, родная Кубань.

Арестованных, теперь уже судимых, или зеков, грузили в товарные вагоны, приспособленные для перевозки скота, но с решетками на окнах. Один вагон в составе был пассажирским, в нем помещался комендант этапа и охрана. Вагоны под погрузку подавали вдали от вокзала. Вокзал был оцеплен, проходы все перекрыты. Посадку проводили в один вагон, зеки в ожидании сидели на земле в уже знакомых для них позах. К зданию вокзала ветром доносило крики: «Быстро, быстро!». Там торопили вялых, заторможенных зеков.

В вагонах ни нар, ни печек, даже охапки соломы. Опять рассаживали вдоль стен и дверь с грохотом навечно прятала родное небо.

Повезли по дороге на Старо-Минскую, Уманскую, Павловскую и далее на Ростов. По пути на всех станциях двери вагонов отодвигались и вталкивались новые партии зеков. На подъезде к Куцевке в вагоне было до сотни арестантов. Все были стиснуты так, что не только прилечь, ноги негде было вытянуть. К Ростову эшелон шел двое суток. В давке, духоте в вагон один раз в сутки бросали селедку или сухую воблу. В Ростове бросили азовскую хамсу, мокрую, пересыпанную крупной солью. Рыбу бросали прямо на пол, после чего арестованные на коленях делили ее между собой, брали в полы телогреек, в шапки и просто в руки.

Уже в первые сутки люди изнывали от жажды. Воду должен был разносить конвой, но он себя этим не утруждал. Чаше воду подавали из паровозного тендера, желтую, мутную, со слоем масла. Но арестованные с жадностью набрасывались и ее опять не хватало. Кружек не было, воду черпали чем попало, потеряв терпение, припадали прямо к ведрам, возникали потасовки. Для отправления естественных надобностей в вагон подавался бак, который быстро наполнялся, тогда оправлялись в щели, прямо на пол. Часто на остановках конвой из-за лени двери вагонов не отодвигал, вонь держалась сутками.

В Ростове в вагоны начали вталкивать блатарей, которые быстро осваивались в вагоне. Все из-за духоты ехали раздетыми. Раздевались и блатные, бравируя необычайной татуировкой на теле, которую в станицах никогда не видели. Воры вели себя агрессивно, начали отбирать приглянувшиеся вещи. Рубашки, ботинки и даже мешки стали переходить к ним в руки. Это создало напряжение в вагоне. Но в драку никто не вступал. Арестанты из станиц были мирными людьми, они даже ругаться не умели.

«Бисова душа, едят его мухи с комарами», – эти слова вершина сквернословия в среде казаков.

Если все же возникала потасовка, открывалась дверь и конвой вставал на защиту блатных. Но кубанцы не сопротивлялись еще потому, что не отошли от шока, свежи еще были следы пыток, они были сломлены душевно. Мно-

гие избегали скандалов, так как не теряли надежды на оправдание, ждали справедливости. Отобранные вещи воры передавали конвойным взамен продуктов и даже водки.

По существующим в мире законам запрещалось совместное содержание политических заключенных и уголовников. В сталинские годы эта практика получила широкое распространение. Делалось это преднамеренно, как иногда объясняли, для «перевоспитания» и, конечно, обогащения конвоя. В первые же сутки после Ростова воры сняли с заключенных приглянувшуюся им одежду, заняли в вагоне лучшие места, у окон, установили свой порядок приема пищи и питья воды.

Эшелон продвигался очень медленно. Никто не знал, куда везут, сколько еще будут ехать. Этого не знал даже конвой. В полутьме, без воздуха, среди потных тел, в зловонии не выдерживали даже здоровые, сильные духом мужчины. На шестые сутки в вагонах стали появляться мертвые. Случалось, что сутками мертвые оставались среди живых.

Где-то на восьмые сутки эшелон, в котором везли отца, подошел к большой станции. Это было в районе Москвы, первая пересыльная тюрьма. Чем дальше от Кубани, тем меньше знакомых лиц среди арестантов. В вагоне он иногда перебрасывался одной-двумя фразами со станичником, который жил на другом конце станицы. Теперь и его не было видно. Хмурые, ожесточенные, незнакомые лица.

Казак всегда лучше себя чувствовал и воевал, когда было рядом плечо своего станичника. На царскую службу казаки уходили сотнями из родных станиц, формирование казачьих войск проводилось с соблюдением этой традиции. НКВД опасалось перевозить в одних вагонах выходцев из одних станиц, по мере продвижения эшелона подсаживая в вагоны новых зеков, в том числе и уголовников.

Новой системе не нужен сильный духом казак-воин, казак теперь – враг. А потому его надо превратить в забитое, запуганное существо, или уничтожить. Ничто ему не должно напоминать о доме, о станице, о свободе, о чести.

Как же тоскливо человеку, выросшему на свободе, жившему вольно в степи, окунуться в такой ад, не видеть родных лиц, не слышать своей кубанской речи.

Никто из зеков, как и отец, не миновал страшных пересыльных тюрем (пересылок). Первой пересылкой для него стал старый монастырь под Рыбинском. Подвалы монастыря, как только прибывал новый этап, набивались до отказа. Вдоль стен были трехъярусные нары, под нарами – вода. На воде были доски и на них тоже лежали люди. Начались морозы, но в подвалах было душно. Параш не хватало, многие оправлялись на пол, недождавшись очереди.

В страшной, смрадной духоте, не давали покоя вши. У отца, как и у других зеков появились язвы на ногах, вновь по телу пошли фурункулы. Этим он

всегда страдал, после простуды на тракторе. Эзки мало обращали внимания на то, что рядом лежал мертвый человек.

Но у отца будет еще время, когда эта пересылка будет казаться раем. Были пересылки и под открытым небом, зимой, на морозе, без теплых вещей. Отец был все в том же комбинезоне.

Умирали постоянно. Это воспринималось спокойно и зеками, и охраной. С каждым новым этапом, новой пересылкой люди все более теряли человеческий вид, все окружающее им было безразлично, говорили между собою мало, на все смотрели враждебно и отчужденно.

Но все же пересылка как-будто сохраняет связь с домом, в душе продолжает теплиться надежда на справедливость, на свободу, на то, что наконец-то разберутся и наступит воля.

Трудно, почти невозможно было узнать в этом изможденном, с седой бородой, еле передвигающемся человеке нашего отца, еще несколько месяцев назад пышущего здоровьем, физически крепкого мужчину, со смоляными волосами, со смуглым с румянцем лицом, небольшими усиками над верхней губой.

Силы ушли, ноги, руки не слушались, спина согнулась. А впереди еще лагерь, долгие годы каторжного труда и лютая голодная смерть в чужом, далеком краю. Погасшие, некогда веселые карие глаза теперь не высматривали в новеньких арестантах станичников или хотя бы кубанцев. Иногда просыпался интерес, когда охрана громко выкрикивала фамилии. Никто не знал, зачем вызывают, но каждый с надеждой ждал своей фамилии. Им казалось, что названные люди идут на волю. Отец и его товарищи по несчастью не знали, что формировался новый этап на очередную пересылку или в концлагерь.

У всех зеков появилась какая-то покорность, на лицах не было доброты, исчезли навсегда улыбки. Постоянно жесткое выражение теперь сохраняется навечно. Те, кто обладал мягким характером, веселым нравом, умирали первыми. Таким был Коваленко Пантелей Гаврилович, муж сестры нашего отца. Как и отца, его взяли на поле. Я его мало знал, он к нам редко заходил, но от матери слышал, что это был человек совершенно противоположного склада характера, нежели наш отец. Картежник, гуляка, непроч поволочиться за первой же уступчивой бабенкой, он не смог вынести страданий лагерной жизни, через год после ареста его не стало в живых.

Но и те, кто еще волочил ноги, кто протягивал свою дрожащую руку за пустой баландой, не мог знать, где испустит свой последний дух.

Мало осталось в живых свидетелей, испытавших горе и ад ГУЛАГа.

Все мною написано со слов дорогих мне людей, которые прошли через это, кто был в тех местах, на тех этапах, где проходил наш отец, со слов тех, кто видел его в лагере и был свидетелем последних дней его жизни. В ста-

ницу Копанскую вернулся из лагерей Поляничко Павел Андреевич, в Смоленске я встретился с Зацепиным Алексеем Николаевичем, который жил в станице Ясенской и знал отца. Были встречи с людьми, которые были в тех же местах, где страдал и погиб отец.

Несомненно все было значительно мрачней, более зловеще, ужасней, чем я пишу. Правдиво, объективно может описать лишь тот, кто испытал все это. Мне посчастливилось говорить с такими людьми. Особенно дороги мне встречи с людьми, кто хорошо знал отца, испытывал его муки, видел его неукротимое желание выжить, кто был рядом в самый горький для него час, час смерти.

Человек всегда живет надеждой. Мы не всегда задумываемся над этим, не замечаем того, что с этим чувством мы встречаем и провожаем каждый день своей жизни. Я думаю, что это особенно свойственно сильным натурам, к которым, несомненно, относились наши мать и отец. Жить, жить во имя детей, родных и близких, во имя добра и справедливости.

Наша мать прожила долгую трудовую жизнь, прожила с детьми и около них, прожила с негаснущей надеждой на возвращение отца. Она ждала его, когда узнала, что его нет. Она не верила в его смерть и ждала. Ждала все долгие годы войны, ждала в послевоенные тяжелые годы. Она верила в его могучий организм, в его большую жизненную и физическую силу, выносливость, привычность ко всякого рода лишениям и тяготам. Правда, в последние годы она как-то сникла, смирилась с тем, что уже никогда не увидит своего мужа, отца своих детей.

Но у нее сохранилось обостренное чувство ненависти к несправедливости, существующему режиму, к произволу и насилию, которые открыто насаждались в казачьих станицах. Сколько раз она проклинала первого председателя колхоза Гаврильца Павла Макаровича за его пьяные оргии, деспотизм, рукоприкладство, за его издевательство над семьями, где были аресты.

Кубанские казаки, как я уже говорил, отличались спокойным, тихим нравом, не употребляли алкоголь, курева, не терпели лентяев, презирали тех, кто убивал время на охоте или рыбалке.

Припоминается один случай из того времени, когда я служил в Смоленске. Мать тогда жила у меня. К нам приехала моя сестра с дочерью. Как-то мама сидела с Зиной на балконе, а это было летом, и тихо говорила. А тема ее разговора всегда была вокруг лжи и несправедливости. В это время мимо проходил заместитель начальника особого отдела ракетной армии и услышал этот разговор. Это стало известным начальнику отдела, генералу КГБ. И вот этот генерал пришел ко мне в кабинет, я работал в должности заместителя начальника штаба армии, и повел разговор о том, что я не слежу, что делается дома. А дома, как он сказал, мать и еще кто-то, может быть жена, открыто высказывают недовольство советской властью. Мне пришлось ему напомнить, хотя он знал все, что касалось людей на таких должностях,

что у моей матери в 1937 году взяли мужа, замучили в лагерях, а потом реабилитировали, но перед ней даже не извинились.

Я передал этот разговор матери, конечно, не думая ее переубеждать. Она ответила, что теперь поздно ей указывать, страх давно прошел.

Тогда же она сдружилась с пожилой женщиной, матерью жены генерала Неделина В.С., он жил этажом ниже. Эта женщина, заслуженный врач РСФСР, жена бывшего министра здравоохранения, бесспорно имела свое понимание действительности.

Так вот, Неделин В.С. однажды мне сказал, что моя мать как-то нехорошо влияет на его тещу. Я, кажется, ему ответил, что в разговоры матери не вмешиваюсь. Но помнится, что она однажды мне сказала, что, кажется, «перевоспитала» эту упрямую министершу.

По своему она была глубоко права. Вся ее личная жизнь была растоптана сапогом власти, она прожила в ожидании и страхе. Боролась она уже не за себя, а за своих детей. В тяжелейших условиях она смогла дать всем детям хорошее образование. Не так много примеров, в том числе и в интеллигентной среде, в хорошо обеспеченных семьях, чтобы все дети получили высшее образование. Она не однажды слышала, что в этом она должна быть благодарной советской власти. Видимо, большего кощунства для нее придумать было невозможно.

Мы, ее дети, уважали ее ум, преклонялись перед ее волей, настойчивостью и трудолюбием. Все эти качества она стремилась привить детям. Самое удивительное, что всего она в воспитании и образовании детей достигла с клеймом жены «врага народа». И я убежден, что наш незабвенный отец своей страдальческой жизнью, мученической смертью оградил своих детей от страшных бед и потрясений.

Шла большая, жесточайшая война. Отец был в ГУЛАГе. Отзвуки войны доходили до заключенных. Многие из них, как и отец, подавали прошение об отправке их на фронт, видели в этом единственную возможность вырваться из цепких лап НКВД. Но на их просьбы просто не отвечали. Да это надо было понимать, в тылу нужна была даровая рабочая сила. Государство, промышленность приспособились к дешевой, бесплатной рабочей силе, поставщиком которой выступал Л. Берия со своими подручными.

В начале второго года заключения отец в числе таких же горемык попадает в последнее место, место своей гибели – СевЛag, разбросанный на севере европейской части страны. Станция Плесецк, отсюда чудом пришло первое и последнее письмо от отца, скупое на жалобы, пронизанное любовью к детям, к жене, к дому.

Эшелон с зеками прибыл на станцию Плесецк в тридцатиградусный мороз. Их выгоняли из вагонов и сажали на снег в летней одежонке, в фуражках, в рваной обуви. Но охрана не торопила, «воронков» не было, нигде не видно было людей, как это было в других местах. Кто и проходил, то никак-

го внимания не обращал, за эти годы это стало привычным: привезли очередную партию воров или врагов народа.

Предстоял тяжелый пеший этап. Физически изнуренные на пересылках, душевно подорванные, разучившиеся двигаться, могли ли эти люди преодолеть пешком дальнюю дорогу? Но у охраны так вопрос не стоял. Кто не мог, тот погибал, это была «естественная» убыль. Бездорожье, глубокий снег, но слышалась команда, людей стали поднимать, строить в колонны.

Тем, кто выглядел здоровее, среди них был отец, на спины взваливали мешки с продуктами, солью. Колонна призраков растянулась на многие километры. Вскоре люди начали падать. Поднимать их, помогать им некому. Тянущиеся в хвосте видели, как часть охранников задерживалась.

Редко упавших расстреливали, чаще кололи штыками, патроны в годы войны экономили. Отстающих били прикладами, но сил не было, число падающих росло. Может быть, участь падающего была лучшей, он обретал долгожданную свободу.

Мне удалось найти эту дорогу и проехать по ней. На машине это не так уж много, чуть больше 60 километров, дорога улучшена. Но надо только представить, какие адские муки переносили обессилившие, голодные люди, еле переставляющие ноги в глубоком снегу. Все знали, что каждый упавший больше не поднимется, многим зекам эта адская дорога стоила жизни.

В день проходили 10–12 километров, на снегу оставались замерзшие, умершие и потерявшие силы зеки. Конвой дубинками, прикладами, ногами поднимал лежащих, но многие были без признаков жизни.

Мало осталось тех, кто мог бы рассказать, какие мучения выпали этим несчастным людям. Кто может сказать, сколько таких горемык осталось лежать в наших бескрайних холодных лесах, болотах, тундрах, лежать безвестными, с клеймом «врага народа», не доживших до дня их «прощения». Наверное, можно утверждать, что их было не меньше тех, кто сложил свои головы на фронтах войны. А сколько их гибло в окопах, в лесах, на полях страшной войны, я видел своими глазами.

Испытав на себе покрывало смерти, не один раз видя ее, беру на себя смелость сказать, что человеку не безразлично, как умереть, хотя смерть всегда смерть. Смерть за правое дело, смерть на виду у своих товарищей по оружию, смерть, которая несет подвиг – это особая смерть. Принявшие ее – приняты Богом.

А та смерть, которая злобствовала, лютовала в ГУЛАГе – это была проклятая смерть, позорная смерть в глазах этих мучеников. И живущему на земле не безразлично, что его ждет: честь или позор. Особенно, это чувство было присуще природным, потомственным воинам-казакам. И теперь они с ужасом ожидали своего конца, смерть на снегу в судорожных позах, с остекленевшими глазами.

Думаю, что отец так воспринимал все происходящее. Он изо всех сил боролся за жизнь, не хотел позора, продолжал верить в справедливость, надеялся и ждал.

Но он не знал, что впереди у него был мрак, были муки и вечный покой. Сейчас он нес мешок и надеялся, надеялся.

Кто же придумал концентрационный лагерь?

Не все хотят знать, что идея родилась в голове величайшего мыслителя человечества, великого Ленина. В 1918-м, сразу же после переворота, Ленин в телеграмме пензенскому губисполкому (*в то время там вспыхнуло крестьянское восстание*) потребовал «...сомнительных (*не виновных, а только сомнительных*) запереть в концентрационный лагерь, вне города, ...а кроме того, провести массовый беспощадный террор?...» (Полн. собр. соч., т. 50, с. 143–144).

О терроре еще никто не упоминал. Ленинское требование было оформлено в виде закона декретом совнаркома. Термин «концлагерь» сегодня знают во всех странах, стал главным в двадцатом веке. Найдена форма, а содержание было кому наполнить. Вскоре вся страна была усеяна концлагерями. Под лагеря годилось все, в том числе мужские и женские монастыри, с 1922 года учреждаются особые северные лагеря (Соловки).

У отца и его товарищей впереди был такой лагерь, но не в монастыре, а на голом месте. Его надо было строить, обживать в лютую стужу. Впереди только работа, на холоде, в вечном голоде, впереди была смерть.

Концлагерь – это каторжная работа. Но лагерь на лесоповале – это больше, чем каторга, это медленная мучительная смерть. На лесоповале есть всем место, снег по грудь, его надо утоптать вокруг каждого дерева. Потом вручную свалить ствол дерева, обрубить ветки, снести их в кучу. Эту работу выполняют зеки более слабые, калеки, истощенные до предела. Однорукие загонялись утапывать снег. Норма на одного лесоруба пять кубометров. Кто хотя бы немного знаком с порубками леса, тот может подтвердить, что одному с такой нормой справиться невозможно.

Редко кто на этой работе выдерживал больше трех недель. У лагерников это называлось «сухим расстрелом». Кто через это прошел, как же он должен ненавидеть лес! Говорят что те, кто вышел живым из лесоповала и получил свободу, уже до конца своих дней не могут зайти в лес, в эту земную красоту.

Рабочий день длился 16 часов. С работ не уводили и не кормили до тех пор, пока не вырабатывалась норма. На работу гнали без отдыха, гнали в морозы доходящие до 40–45 градусов. Стране нужен был лес.

Чем вы думаете кормили этих бедолаг?

В котлах варили мелкую мерзлую, неочищенную картошку, летом добавляли ботву, иногда отруби. Все это варево без соли. Несолёным был даже хлеб. Иногда устраивался праздник, когда зекам попадало по куску мяса

павших лошадей, их держали на лесоповале для трелевки леса. Еду принимали под навесами. Хлеб подавали под охраной бригадиров, которые шли рядом с носилками, с дубинками в руках. Голодные, потерявшие разум, полуживые существа часами ждали этого момента и, несмотря на удары дубинок, набрасывались на носильщиков, разбрасывали хлеб, хватали куски на снегу, из грязи и отползали в сторону. Днем эти доходяги еле передвигались, группами торчали у кухонь. Работать они уже не могли. Раньше их просто отстреливали, как бродячих собак. Но сейчас, когда шла война, приток новых арестантов уменьшался, а леса требовалось все больше, пришло указание, чтобы «естественные» потери сократились.

Жили зеки вначале в шалашах, из-за болотистой местности землянки рыть было затруднительно. Электричества не было, для подсветки использовались лучины. В шалашах строили двухъярусные нары. Спали без постелей, одетыми. Воровство было обычным явлением. Поэтому все, что арестант имел, он носил при себе. Посреди шалаша стояла железная бочка, которая служила печкой. Ее должен был растапливать зек, который на работу уже не ходил. Чаще такого не было, днем шалаш был пустым, а с приходом зеков с работы, никто не имел сил, чтобы заниматься печкой. Сушилок не было. Намокшая на снегу или в воде одежда сушилась на теле. Зимой она примерзала к нарам так, что обессиливший зек не всегда мог подняться.

Бичом зеков были вши. Летом их удавалось прожаривать на кострах, зимой спасения не находили.

Доходягами звали тех, кто не мог работать. Днем они часами стояли у кухонных навесов в ожидании выноса помоев. Тогда они, в меру своих сил, бросались к помойным ямам, в драках хватали все, что выбрасывалось: очистки, кости, гнилые рыбы головы. В таких потасовках немало их гибло, получало увечья.

Такая участь ожидала отца. Последние силы покидали его. Все чаще на работе стали покрикивать бригадиры, назначенные из таких же арестантов, нередко сопровождая ударами дубинок. Все труднее было по утрам выскакивать из шалаша. В бригаде постоянно менялись люди, те, с кем он начинал работать на лесоповале, давно умерли. Умирали тихо, одни – во время сна, другие на – ходу, умирали прямо на делянках.

Больных среди зеков не было, любое недомогание наказывалось. Врачей и фельдшеров не было. Замерзшие сутками лежали на нарах, некому было их выносить из шалашей, тем более не подбирались они на дорогах и делянках. Иногда упавшего на дороге старались волоком дотянуть до шалаша, но бригадир или нарядчик в этом не были заинтересованы, на таких доходяг сохранялась норма. Тогда его бросали, и к утру он замерзал на морозе.

Цинга свирепствовала даже среди конвоя. У всех десны гнили, кровоточили. Отец весь был в язвах, от тела отпадали целые куски ткани, шел

запах, как от трупа. Он был в таком состоянии, когда на ногах стоять было все труднее, и скоро он поползет на карачках, но уже не на работу, а к помошке.

Случай продлил его мучения. В лагерь со станции пригнали два трелевочных трактора. Леса требовалось все больше. Отец загорелся мыслью сесть на один из них, в этом он видел свое спасение. Провели отбор среди вызвавшихся заключенных, и среди счастливых оказался отец. Это был тот же родной ему ЧТЗ, но с прицепной платформой для трелевки леса. Раньше для этого использовались лошади, потом крепкие зеки. Ни лошадей, ни крепких зеков не стало.

Работающим на тракторах увеличили паек. Отец немного окреп, прибавились силы. Он прилагал неимоверные усилия, чтобы выполнять и даже перевыполнять норму, работал с таким же рвением, как и в колхозе. Говорили, что имя отца стало известно начальнику лагеря. Вновь появилась надежда на жизнь, а может быть и на досрочное освобождение, о чем начали ходить слухи в лагере, особенно в 1943 году, когда дела на фронте пошли лучше для нас. Видимо так думал и отец. Но он не знал, что за приближение победы, а значит за его амнистию на фронтах сражаются три его сына. Может быть, думал и об этом, но переписки с семьей он был лишен.

Многое он за эти годы передумал. Запретить любому зеку думать лагерное начальство было неспособно. Разговоры между заключенными велись очень мало, процветало стукачество, сказанное тут же доносилось начальству. А может он думал по-своему, по-лагерному, в котором жила вся страна. Может быть, его мысли были о том, что его сыны тоже в лагерях, вся его семья «врага народа» выслана, а, может, никого нет уже в живых. Но, видимо, все же оставалась вера, вера в справедливость, вера в Божью милость.

Теплилась надежда, росли силы. Но всегда были и останутся недоброжелатели. Он не знал, как за ним ревниво следили такие же, свои доходяги. Ему завидовали.

В один из дней, накануне 1944 года, он пришел в ужас, когда увидел, что его трактор выведен из строя. Вина пала на него. Не вникая в случившееся, его жестоко избили вначале бригадиры, а затем лагерный следователь. Все считали, что отец, по крайней мере, знает, кто это сделал, и выколачивали из него признание. Забитого до полусмерти, его бросили в один из лагерных карцеров. Первые дни не кормили, в последующие бросали кусок хлеба и кружку кипятка. Силы его ушли. Он превратился в лагерного доходягу, на ногах стоять не мог. Оставалась участь тех, которых штабеливали вблизи лагеря.

Шла весна 1944 года. Организм отца боролся, но вид его был страшным. Теперь не узнать в этом существе вчерашнего лагерного тракториста. Лицо стало черным, кожа шелушилась, начался непрекращающийся понос. Ника-

ких средств не было, чтобы его остановить, он катастрофически уносил последние силы. Когда появились первые лучи весеннего солнца, то он с такими же доходягами, полз к деревьям, обгрызал верхний слой коры и лизал сок. Расстройство живота еще больше усиливалось, но не было сил остановиться лизать такой вкусный сок.

Он не мог забраться на верхние нары, на нижних лежали те, кто еще работал. Теперь он свертывался у нижнего яруса нар и пребывал ночь в полузабытии. Потерял интерес ко всему, он стал безразличен сам себе. У него не было сил плакать, как это было раньше, не различал времени суток, окончательно оглох на оба уха. Смерть уже не страшила.

Как-то с ним около помойки повстречался такой же, как он доходяга из нашей станицы. Он чудом остался в живых и на наше счастье у него состоялась встреча с мамой. Его рассказ потряс. Слушавшая его наша мать была на пределе сил, чтобы не свалиться без чувств от услышанного. Рассказ был путанным, но мне удалось записать.

Так вот, когда он начал говорить с отцом у помойки, то до отца долго не доходило, с кем он говорит, он уже не мог назвать имени жены, детей, даже забыл свое. Голова, руки его были покрыты сине-черными, как горошины гнойниками. Все болело от малейшего прикосновения. Отец сгнивал живо. Все надежды потеряны. Этот человек говорил, что если бы трактор отца не вывели из строя, то он мог остаться живым, он до последнего случая был еще в силе.

Вскоре, после этой встречи, отец разделил участь многих своих земляков. Последний раз видели его у шалаша, где он лежал уже бездыханный.

Я знал многих из тех, кого арестовали в ту ночь и кого больше родные не видели, они погибли в ГУЛАГе.

Вот некоторые из них:

Головки Филипп Романович 1901 года рождения,
Коваленко Пантелей Гаврилович 1900 года рождения,
Сергеенко Семен Григорьевич 1901 года рождения,
Чмиль Иван Васильевич 1895 года рождения,
Полежаев Алексей Григорьевич 1901 года рождения,
Капуста Иван Платонович 1896 года рождения,
Лысенко Иван Платонович 1900 года рождения,
Чмиль Ульян Исидорович 1894 года рождения,
Волошин Николай Андреевич 1900 года рождения,
Круговой Петр Иванович 1895 года рождения
и много, много других.

Я пытался найти место, где хоронили таких, как отец. Вся территория бывшего лагеря покрылась новым лесом, кустарником. Кое-где были видны разрушенные остовы бараков, кирпичные фундаменты кухонь. Следов шалашей, о которых нам рассказывали бывшие зеки, захоронений, я не нашел.

Мне рассказывали, что мертвых, собираемых по лагерю, волокли раздетыми догола и сбрасывали в ямы. Так хоронили летом. Зимой мертвых штабеливали, засыпали снегом до весны. Иногда штабели мертвецов обкладывали ветвями и зажигали. Я искал такие пепелища, находил что-то подобное, но костей найти не удавалось.

Горькая судьба выпала нашему отцу. Старшие его братья умерли от голода в 1933-м, он тогда еле выжил, отстоял от голодной смерти детей. Смерть его настигла на каторжных работах, лютая, голодная. Умер он в многолюдном лагере, но в страшном одиночестве: жалости, даже сочувствия там не бывает. Кругом были такие же доходяги. Голод, холод превратили этих, недавно еще молодых, полных сил, людей в призраков со стеклянными, жадными глазами, трясущимися телами, с единственной страстью найти что-нибудь съедобное.

Мало, почти ничего еще не сказано о сталинских тюрьмах, лагерях, застенках НКВД (КГБ). Много таких, кто не верят в это, с любовью несут портреты вождей-убийц. А сколько среди них тех, кто был вертухом (охранником), кто издевался, кто своей рукой отправлял людей на смерть, кто пристреливал упавших на снег. Пусть совесть будет им собственной карой.

Пришла долгожданная победа 1945-го года. Пришла она и в нашу семью. Возвратились с фронта покалеченные, но живые три его сына. Материнское счастье не имеет пределов.

Вскоре эта радость застилается семейной скорбью. Мы еще не знали, что отца нет в живых, мы его ждали. Мы оставались изгоями. Где же еще так было, офицеры-фронтовики, пришедшие с войны, с вечными отметинами в легких, на руках, ногах, в душе, а в обществе продолжали быть детьми «врага народа».

Кто такой враг народа? Почему я сын врага народа?

Эти вопросы в наших детских головах возникли, когда отняли у нас отца. В свои 12 лет я стал задумываться над этим, искал разницу между собою и другими детьми. Конечно, ответа я не находил, как не нахожу его и сейчас.

Я знал, что в нашем школьном классе немало детей «врагов народа», это были нормальные дети, мои друзья и соучастники по детским проделкам и шалостям. Учился я неважно, но не это было тому причиной, что я сын «плохого человека», как мне стали везде втолковывать.

Нас стали преследовать, мать постоянно была в слезах. Она вынуждена была бросить хату, нехитрое хозяйство и бежать с маленькими детьми куда глаза глядят. Кому мы были нужны? Зацепилась она за хутор вблизи станицы Павловской. Ей было не под силу всех тащить с собою. Меня она вынуждена была оставить в Копанской, у сестры отца. Так я стал круглым сиротой. До этого я еле тянул из класса в класс, учиться не хотел. Тогда же я оказался сам предоставленным себе, тетя постоянно жила в поле, работала трак-

тористкой в колхозе, я как бы преобразился. Я твердо знал, что отец не виновен, я готов был драться с любым, кто хотя бы намекал, что я выходец из семьи «врага народа». Более того, я своим детским умом планировал месть человеку, который оклеветал отца, некому Загорулько. Я знал его детей, с ненавистью проходил по улице, где был их дом.

В «отместку» я и учиться решил по-другому. Решил доказать, что не хуже других. Теперь учеба для меня стала главным делом. Шестой класс я закончил в числе лучших учеников школы. Потом так уж случилось, что везде и во все годы, где только мне предстояло учиться, в учебе я был первым, все учебные заведения, вплоть до академии заканчивал с похвальными листами, красными дипломами.

Но печать детей «врага народа» мы пронесли через всю жизнь. Наше отношение к Сталину было однозначным, выработалось еще в детстве. Однако в войну вождя мы воспринимали, как неизбежность. Трое из нас были на фронте, и сама победа оказала свое воздействие. В 1944 году в окопах меня приняли в партию. На некоторое время по себе и по старшим братьям я как бы начал ощущать свою общественную полноценность. Мы всеми силами стремились преодолеть свое собственное изгойство.

Но уже в 1948 году, когда подал свой первый рапорт для поступления в вуз, я понял, что глубоко заблуждался. Глаза все больше раскрывались. Вера в партию, которая, как нам толковали, в труднейшее время привела нас к победе, начала ослабевать с каждым послевоенным годом. Вся система власти была направлена на обеспечение интересов далеко не народных.

Офицеры в полку, который стоял в Вене, жили своей войсковой жизнью, далекой от того, чем жили люди в России. Но после каждого отпуска любой из нас, побывавший дома, проникался мыслью о несправедливости. В районах, колхозах правят бонзы, думающие о своем желудке, о власти. Подобный разговор я впервые услышал от командира артиллерийской батареи нашего батальона капитана Ведерникова И.Т. Он говорил, что нашим властям нужен постоянно какой-нибудь враг. Был немец, теперь придумывают англичанина или американца. Хотя радость ощущения наступившего мира, ожидания лучших дней оставалась, но все больше это омрачалось вестями из дома, разговорами в узком кругу сослуживцев.

Закончилась война. Нам предстояло определять свою дальнейшую судьбу. Самый старший брат, Яков, искалеченный, пронизанный осколками, пехотный капитан, был уволен из армии и теперь вынужден был скитаться по госпиталям.

Двое из нас, я и брат Василий, продолжали служить в армии. Василий войну закончил в звании майора корпусной артиллерии. Мы не скрывали, что наш отец был репрессирован, мы от него не отступились, нам не требовалось отбеливать себя. В личных делах братьев-офицеров, в автобиографиях, как и у меня, жирными цветными карандашами были подчеркнуты

места, где говорилось об участии отца. Но мы отчетливо осознавали, что пятно в наших биографиях несмываемо и будет преградой в нашей службе. Вскоре я с этим столкнулся. В 1948-м по этой причине мне было отказано в приеме в военную академию. Подал рапорт на увольнение, получил отказ. Значит, служить в армии, даже за границей я допущен, а права на свое образование лишен. Но я не сдавался, настойчиво продолжал подавать рапорты. И каждый раз отказ, в 1949, 1952, 1953 годах. Меня допускали к вступительным экзаменам, каждый раз я успешно с нужным баллом их выдерживал, проходил медицинскую комиссию, но на так называемой мандатной я получал отказ и возвращался в Центральную группу войск, в Вену.

Все эти годы я не прекращал посылать запросы в высокие военные и союзные инстанции о пересмотре дела отца.

Наконец-то Двадцатый съезд партии (я его пишу с большой буквы – это веха в истории) сказал людям правду о Сталине и его времени. Съезд приоткрыл дверь к правам человека, позволил начать пересмотр «вины» людей, замученных в сталинские годы.

В августе 1956 года дело отца было пересмотрено и принято решение:

«Постановление тройки УНКВД от 20 ноября 1937 года в отношении Казы-дуба Иосифа Спиридоновича отменено, дело производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления».

Вот и все. Ведь отец был не один, таких было миллионы. Кто за это в ответе? Я не требую им кары, мне нужно праведное слово. Нужен настоящий, фундаментальный суд, как Нюрнбергский процесс, суд народов.

В 1957 году я был принят в военную академию. Отец не дожидаясь этих дней. Он «без вести пропавший». Так было на войне, так было в тюрьмах, лагерях. Эти люди не получили права даже на могилу, в результате беззакония они лишены были права растить своих детей, права на жизнь.

Свежи следы бесчисленных лагерей, не зажили раны на жертвах, живы, кто подавал команды: «Садись! Руки назад!». Не они ли в рядах тех, кто с таким остервенением тащит портреты любимого «хозяина». Они знают, как остановить правду.

На Лубянке лежит камень, привезенный с Соловецких островов. Люди к нему кладут цветы. Он очень мал, мал в сравнении с нависшей громадой здания зловещего КГБ (ОГПУ, НКВД, МВД и пр.). Этот камень не признан государством. Камень положили те, кто через это прошел, кто жил с клеймом «врага народа».

Глава девятая

«МОЗГ» АРМИИ С ОДНИМ ПОЛУШАРИЕМ

Так случилось, что в моей судьбе было предначертание пройти через всю штабную лестницу, от батальона до главного штаба.

Почти шесть лет работы начальником штаба дивизии стало хорошей штабной школой. Познав все тонкости работы в войсковых штабах тактического звена, я с болью и вместе с тем с опасением шел в высший штаб, в совершенно иную среду штабного труда и взаимоотношений военных чиновников.

С дивизией меня связывало не только относительная самостоятельность и свобода штабного творчества, но и хорошо сработавшийся коллектив трудолюбивых и талантливых работников, прекрасных специалистов ракетного и военного дела в целом.

Мне бы не хотелось, чтобы читатель моих записок склонился к мысли, что он встретился с очередными мемуарами. Нет, я далек от того, чтобы читатель тратил время на чтение моей автобиографии или воспоминаний. Более того, я не стремлюсь к субъективной оценке тех событий, участником которых мне пришлось быть. Я буду рад, если помогу хотя бы чуть-чуть будущему читателю понять мысли и тревогу того неизвестного офицерского большинства, которому судьба уготовила быть свидетелями кровавых столкновений, убогости и яркости таланта простых людей, лишений и тягот армейской жизни, в составе могучих вооруженных сил и, наконец, убогости и мифичности падающих обломков былого колосса.

Я не скрываю, что многое из того, что мне пришлось испытать в жизни, я мучительно переосмысливал уже в те годы, когда свободный от службы и всяких дел и сравнительно не нуждающийся в добычании куска хлеба, пересматривал сложившийся свой взгляд на людей и события тех лет.

Итак, меня ожидали чертоги высших штабов.

Много в нашей и зарубежной печати сказано о роли и значении штабов. Издавна их стали называть «мозгом армии». Трудно с этим не согласиться, а для ракетных войск это особенно точное определение. Главный штаб ракетных войск стал тем стержнем, вокруг которого рождались и облекались в практические дела идеи и способы становления и развития войск. Располагая мощными организационными структурами по вооружению, эксплуатации, разветвленными службами оперативного и техни-

ческого обеспечения, главком все приводные ремни сложной системы управления стратегическими силами сосредотачивал в главном штабе, куда были стянуты способные и хорошо подготовленные генералы и офицеры.

Являясь по своей сути составной частью генерального штаба, главный штаб более квалифицированно и конкретнее генерировал идеи и проводил работу в войсках.

История Ракетных войск стратегического назначения молода, и о них сказано очень мало. Незначительные попытки описать в виде военно-исторического труда «Ракетные войска стратегического назначения», изданного в 1992 г. небольшого опуса под редакцией М.Г. Григорьева и другие отражали, главным образом, историю развития вооружений и «заслуг» руководства страны и вооруженных сил. К сожалению, до настоящего времени написано о людях, стоящих у истоков нового вида войск, неприкрашенной правды об ошибках и промахах высшего руководства страны и армии, допущенных при создании и развитии стратегических ядерных сил.

На начальном этапе моей службы в ракетных войсках, где я прослужил свыше 13 лет, я занимался организацией конкретного дела на местах, претворением замыслов, которые рождались в головах людей из высших штабов.

Остальные годы напряженного труда были отданы армейскому и центральному штабным звеньям. Это был период интенсивного развития и освоения войсками самоходных пусковых установок. Как никогда потребовались новые идеи по выработке совершенно других способов боевого применения ракетных полков и дивизий, вооружаемых этим оружием. Многие военные концепции оказались отброшенными. Стало очевидным, что необходим ракетчик с новыми взглядами, встал вопрос пересмотра боевого управления. Наши училища, военная академия не были готовыми в короткие сроки пересмотреть программы обучения и тем более привить офицерам навыки работы с людьми, эксплуатирующими новое оружие. Все, что было в методах обучения войск, казалось мелким новшеством по сравнению с революционным воздействием на ракетное вооружение подвижных средств базирования.

Главный штаб взял на себя основную роль, как это и следовало, ибо генеральный штаб с огромными военно-научными структурами «закопался» в поисках обоснования все увеличивающихся аппетитов оборонного комплекса в достижении пресловутого паритета вооружений. К этому времени главный штаб сложился в достаточно слаженный, самостоятельный организм, способный видеть перспективу развития войск и надежно поддерживать их боевую готовность.

Коренное отличие ракетных войск от остальных видов вооруженных сил, имеющих вековые традиции и устоявшиеся принципы их строительства,

было в том, что Ракетные войска стратегического назначения были полностью развернуты, снабжены и изготовлены для выполнения стратегических задач по сигналу Верховного главнокомандования. Если выразаться употребляемой военной терминологией, это значит, что ракетные войска жили стандартами военного времени, не нуждались в отмотилизовании и сосредоточении в заданных эшелонах развертывающейся группировки войск.

С этой высоты беспристрастного наблюдателя мне казалось бы интересным найти объективную оценку роли Главного штаба, позволяющую признать его «мозгом» нового вида войск. И здесь не менее важно показать людей и события, психологический климат в коридорах, волю и слабость, ум и тупость жителей штабных этажей.

Полагаю правомочным еще раз повторить, что появление после войны Главных штабов, как и главкоматов, не вызывалось объективной необходимостью. В суженных рамках прав в военной области, зависящие от Генерального штаба, главкоматы оставались стесненными в принятии решений и тем самым в эффективности своего влияния на состояние дел в войсках. Генеральный штаб постепенно отошел от традиционной концепции верхней ступени, возглавляющей весь объем военного строительства. В деятельности высшего звена все более стал обозначаться отход от повседневных, конкретных вопросов руководства войсками. Генеральный штаб постепенно стал превращаться в орган военной статистики, придаток партийного центра, в политический орган. Нельзя сбрасывать со счетов того, что создание пяти главкоматов привело к чрезвычайно раздутому центральному аппарату министерства обороны.

Громоздкость военной организационной структуры стало благоприятной средой для пышного расцвета бюрократии, привела к распылению ответственности и к снижению инициативы. С другой стороны, отход от решения повседневных задач, слияние с партийными структурами усилило политизированность аппарата, поставило в зависимость от политической конъюнктуры. Этим объясняется приверженность высших военных чиновников к различного рода политическим группировкам. Открытая скандально-политическая суетливость в высших военных кругах в лице Ахромеева С.Ф., Варенникова В.И. и других не свойственна армии, особенно русской.

Негативность этого явления в армейской среде таит опасность копирования низшими инстанциями, а отсюда массового брожения.

Прежде чем начать аналитическое движение по лабиринтам Главного штаба, хотелось бы вскользь взглянуть на армейское звено, обратить внимание на фигуру командующего и аппарат штаба ракетной армии.

Рутинность и чрезвычайно малая ответственность этого звена всегда были очевидны. Главная причина тому была в искусственности его места в организационной структуре войск. Она появилась не в силу острой необходи-

мости, а по воле маршалов, возглавивших новый вид Вооруженных сил. Они привыкли иметь в подчинении традиционные структуры, армии, дивизии, полки, много полков. Полководец Н.И. Крылов, что хотел, то и получил: вместо ракетных корпусов – ракетные армии, вместо дивизионов – полки. Представляете, сколько полков, если раньше каждый полк включал два-три дивизиона?

Всплеск маршальских звезд в конце войны и первые послевоенные годы родил проблему, куда их девать. Одного отдали Польше, размножили должность заместителя министра до 13, ввели посты главкомов, назначили на военные академии, до войны их возглавляли генерал-майоры.

Ракетные войска создавались наспех, без основательной проработки боевого управления. Новое оружие требовало глубокой разработки основ его боевого применения и производное из этих организационных форм. В действительности произошло как раз наоборот. Начали с того, что перенесли всю организацию с существующих традиционных родов войск. Кажется, все было очевидным, что когда ракеты и ядерное оружие изменили представление о войне, когда все наблюдения старшего поколения безнадежно устарели и анализировать тактику и стратегию тех лет все равно, что изучать поведение конницы Чингисхана или замысел Петра I под Полтавой, нужен новый, современный подход.

У истоков создания ракетных войск со всей очевидностью присутствовало еще не оформившееся представление о характере войны в новых условиях и слишком выпяченное волевое решение политбюро. В силу этого весь процесс создания необычного вида войск пошел по старым стереотипам, применимым, разве что, для сухопутных войск и авиации. На начальном этапе формирование шло под диктовку артиллеристов, поставленных во главе войск. А ведь когда решался вопрос о главкомате, ракетные войска могли оказаться в составе ВВС, или даже ПВО. Предложили М.И. Неделину, он не отказался. А потому в штатной организации была выбрана линейная артиллерийская схема: дивизион, полк, дивизия. Приход в войска общевойсковых начальников (Москаленко К.С., Бирюзов С.С. и, особенно, Крылов Н.И.) не принес новых мыслей в коренные вопросы строительства ракетных войск. Более того, происходит еще более ошутимое отторжение организационной структуры войск от способов их боевого применения. Принимается решение на замену ракетных корпусов на ракетные армии, упраздняется такая организационная единица, как дивизион, количество полков увеличивается более чем вдвое. Полководческое начало этого «решительного» шага не вызывало сомнения.

В чем же видится суть поднятой проблемы? Если ее рассматривать в классической форме, то еще с доисторических времен в бесчисленных столкновениях племен, народов, государств на полях сражений творцом военной мысли выступал вождь, военачальник. Если в масштабах страны стратегиче-

ские решения всегда принимались верховным главнокомандующим, то правом на его претворение всегда наделяется тот, кто руководит на театре военных действий, на поле сражения или боя. По Наполеону, полководец не тот, кто подает идеи, а тот, кто, не боясь ответственности, претворяет их в жизнь.

Короче говоря, основная тяжесть в подготовке замыслов, принятии решений на операцию, сражение или бой всегда ложилась, и это будет всегда, на конкретного командующего, командира. Более того, он наделялся всей полнотой власти в пределах поставленных задач, правом на изменение своих решений в зависимости от складывающейся обстановки.

Вот именно в этом главное, коренное отличие нового вида войск.

Боевые задачи, иначе говоря, цели для поражения, каждой пусковой установке, а тем более время нанесения удара стратегическими ядерными силами, назначает только высшее политическое и военное руководство государства.

А это значит, что каждая пусковая установка, заблаговременно нацеленная, по решению верховного главнокомандования, на одну или несколько целей по общему или избирательному сигналу, должна произвести пуск ракеты с ядерной боеголовкой в точно установленное время. Таким образом, в цепи боевого применения выступает два звена: высшее – командное и низшее – исполнительное. И если вести речь с чисто инженерно-технических позиций, то идеальная система боевого управления должна включать кнопку «ПУСК» на высшем звене и приемное командное устройство, выполняющее исполнительские функции по управлению непосредственно автономными системами ракет.

Но совершенно безлюдную систему создать проблематично, хотя в этом направлении исследования и даже конструкторские попытки были. А поскольку это осталось в головах и на бумаге, присутствие войск остается реальностью. Там, где люди, всегда возникают сложные проблемы обеспечения жизнедеятельности, поддержания боевой готовности с ее главными составляющими, такими, как боевое управление, обучение, эксплуатация вооружения и боевой техники. Становится очевидным, что казалось бы на первый взгляд, сверхкороткая цепочка «верх–низ» обрастает сложной цепью вопросов, слагаемых боевой готовности.

И все же в обсуждении этого вопроса я исхожу из того, что вся начинка между верхним и нижним звеном, все, что промежуточно, выполняет второстепенную роль, а отсюда на ее расходы, на ее поддержание нужны минимальные усилия, отвечающие действительной необходимости. Бесспорно, что какая-то часть таких промежуточных ступенек необходима, возможно, даже и для дублирования части функций высшего звена, и, особенно, для организации поведения в чрезвычайных ситуациях.

Но уже при первом взгляде бросается чрезмерно необоснованное количество промежуточных ступеней. Можно допустить, что такие звенья, как

В Главном штабе. Оперативная подготовка

Слева направо: В.И. Девяткин, А.Н. Глуходедов, С.С. Петров, В.Я. Назарьев, И.Т. Сальникий, Г.И. Казыдуб (начальник управления), В.В. Максимов, Н.А. Панов, В.И. Есин

По пути из Майково во Владимир

Сибирь. Выбор новых позиций

Слева направо:

*Рудаков В.И., Казыдуб Г.И., Любовинин С.А., Нижников В.В., Головинский И.В.,
Разумов В.Н.*

Анадырь. Выбор новых позиций

Казыдуб Г.И.

полк, дивизия приближенные к исполнительному звену, видимо, располагают правом на аналитический пересмотр их роли.

Что же касается армейского звена, на сегодня чрезмерно структурно перегруженного, находящегося за сотни, а то и тысячи километров от боевых позиций, выглядит явным излишеством и его присутствие продиктовано далеко не соображениями боевой готовности.

Хотелось, чтобы мои рассуждения были бы истолкованы, не как попытка «раскачать» сложившиеся традиционные представления о структурном совершенстве, а, как стремление достичь стабильной безопасности содержания тысяч ракетных систем и ядерных средств.

Хотим мы или нет, но объективно аппарат командующего ракетной армии и ее штаб искусственно подвешены между звеньями управления практически поглощающими все без исключения вопросы боевого применения жизни, быта войск. Импульсивная эффективность этой ступени в сложной лестнице управления полностью зависела от степени ответственности и работоспособности ее руководителей. При этом часть, скажем незначительная, функций высших звеньев все же оттягивалась. В первую очередь кадров, контроля и обучения руководства подчиненных звеньев, хотя они вполне решаемы высшими звеньями. Затрагивая этот вопрос, я даю себе отчет в том, что за прошедшие десятилетия существующая система выглядит уникальной и в этом есть некая константа, неподвластная теперь уже времени и тем более пересмотру.

Задуманное общевойсковыми головами как оперативное звено по аналогии других видов войск, по своей сути оно сформировалось внутри себя без права планирующих функций по проведению операций, по громадному комплексу материального и оперативного обеспечения, которые ложатся на командующего общевойсковой армии.

Предпринимая попытки показать необоснованность армейского звена в ракетных войсках, я бы осмелился, не в угоду существующим теориям, пойти несколько дальше в сторону формирования негативного вывода о праве на существование так называемых операций ракетных войск и тем более операций ракетной армии или группы армий. Очевидно, что ядерные силы как средство стратегического воздействия призваны решать задачи глобального характера, в масштабе всей войны, путем нанесения ударов с ее началом или в ходе последующих этапов. Можно полагать, что это были бы одноактные действия, которые могли быть решающими для исхода всей войны. В этих условиях проблематично найти место операциям только ракетных войск, а тем более армейских объединений. Ни главнокомандующий ракетными войсками, ни командующие армиями, а тем более низшие звенья не наделены правами в главном – в принятии решений на боевое применение подчиненных сил и средств, как это традиционно существует в сухопутных войсках, авиации и военно-морском флоте.

Рассчитываю, что я своими гипотетическими предположениями не слишком утомил читателя, уведя его от наблюдений за жизнью к бесплодной теории.

В армейский аппарат меня толкнули в качестве начальника оперативно-го отдела – заместителя начальника штаба армий. 50-я ракетная армия, или как ее именовали по месту размещения, Смоленская, была одним из первых объединений ракетных войск, переформированная из воздушной армии.

Костяком командования и штаба стали коренные авиаторы с недюжинным боевым опытом. Таким был и командующий генерал-полковник Добыш Ф.И., как принято говорить о таких, «настоящий морской волк» военной авиации. Заслуженный летчик дальней авиации, Федор Иванович, был классическим представителем командирской демократичности, распространенной среди военных летчиков еще со сталинских времен. Долго не выветривался дух авиации из коридоров и кабинетов штаба армии, устойчивы были традиции.

В авиации незыблемой была традиция, я бы сказал, святого отношения к боевой технике и оружию. Это сыграло положительную роль особенно в первые годы ракетных войск, если в авиации надежность летательного аппарата была связана с жизнью экипажа, то любые отклонения от нормы в поведении ракетно-ядерного оружия таят в себе угрозу катастрофы, сопоставимой с крупными катаклизмами, постигшему человечество. Бывшие авиаторы быстрее остальных стали это понимать, нельзя было не видеть позитивного влияния этой традиции.

Вместе с тем, жизнь показала, что из авиации было привнесено и негативное. В ВВС учитывались, главным образом, летные происшествя, с ними боролись, тщательно анализировали. Все то, что происходило, как у нас было правило называть, на земле, не вызывало особой тревоги, в авиачастях иногда наблюдалось пренебрежительное отношение к повседневному порядку, организованности и дисциплине. Летчики во всех гарнизонах выделялись своим буйством, пьяными оргиями, в их среде процветало панибратство. Не был лишен таких привычек и первый командующий ракетной армией в Смоленске.

Однако объективности ради, я должен сказать, что штаб армии представлял собою довольно сплоченный, работоспособный организм. Безошибочно можно утверждать, что заслуга в этом принадлежала начальнику штаба армии генерал-лейтенанту Герчику К.В. Этот человек, по моему мнению, заслуживает того, чтобы о нем было сказано несколько больше.

Впервые я с ним встретился в 1963 году, когда был направлен для прохождения службы в эту армию. Первое мое впечатление о его незаурядности и высокой военной эрудиции, думаю, было близким к истине. Когда я прибыл в штаб армии, он был назначен на должность командующего армией. Впе-

реди у меня была повседневная напряженная совместная работа с этим человеком на протяжении более четырех лет.

Своими умственными способностями К.В. Герчик выгодно выделялся не только среди своего окружения, но берусь сказать, среди всех тех начальников, с которыми мне приходилось встречаться. Обладая поразительной памятью, знаниями, ориентированными не на уровень массового сознания, он быстрее и глубже воспринимал события, легко разгадывал скрытый их смысл, хорошо ориентировался в хитросплетениях партийной и военной верхушки. Ничего не могу сказать о его мировоззренческих и, тем более, политических взглядах, ибо он был не только умен, но и достаточно скрытен, чтобы в те годы проявить что-нибудь свое, отличное от насаждающего властями. Но в работе, в личном поведении он руководствовался своими взглядами, стремился вести свою, самостоятельную политику.

Вместе с тем это был крайне честолюбивый человек. Он вписывался в известную характеристику, которую как-то высказал У. Черчилль в адрес фельдмаршала Монтгомери: «Он всегда был великолепен в поражении и совершенно невыносим в победе». Многие его подчиненные быстро улавливали эту слабость в его характере и нередко использовали для своих далеко не корыстных целей».

На должности начальника штаба К.В. Герчик был более доступен людям, допускал в своем присутствии полемику, иногда даже возражения. Это позволяло ему лучше знать достоинства и слабости людей, более правильно проводить их подбор и, как мне казалось, создать работоспособный коллектив штаба армии. На должности командующего Герчика как бы подменили, здесь он проявил свои не лучшие качества. Честолюбие наложенное на властолюбие приняло для него угрожающие размеры, окрасилось самолюбованием, полным неприятием не только возражений, но присущих для этого звена обсуждений и коллективных начал.

«Более казаться, чем быть» — стало как бы для него наваждением. Все его поведение создавало впечатление, что в качестве командующего он как бы временно, все говорило о том, что он постоянно ждал приказа о назначении его на более высокую должность. Я чувствовал, что ко мне он испытывал не только служебное доверие, но и личные симпатии, он неоднократно делился своими сугубо личными мыслями. Например, одно время он с нетерпением ожидал вызова для беседы в связи с возможным назначением на другую должность. Безусловно, он хотел этого назначения, но, тем не менее, как бы поделился своими сомнениями:

— Как ты считаешь, давать ли согласие, если мне предложат пост начальника ГУКОСС? *(ГУКОСС — главное управление космических сил, в те годы было в составе ракетных войск)*. Иными словами он видел себя в другой роли. Зачисляя его как бы в ряды «военных интеллектуалов», я бы отказался утверждать, что он был знатоком людей. Из большого многообразия харак-

теров, способных умов, опытных методистов он отбирал таких, в которых вскоре разочаровывался, нередко сам признавал ошибочность назначения. Особенно это было достаточно очевидным на многочисленных его выдвижениях из состава 7-й ракетной дивизии, которых он забирал на высшие должности не по деловым качествам, а в угоду постоянным напоминаниям свыше о значимости этой дивизии в боевом составе армии. Таким путем в армейский аппарат пришли Кириленко Н.И., Жуков Ю.А., Волков А. П., Жуков Н.И. и другие.

Наряду с неординарным аналитическим складом ума, К.В. Герчик обладал довольно сильным характером. Уверенная самостоятельность в его суждениях и в повседневных действиях для армейских условий были удивительными. Это особенно проявлялось в организации работы аппарата командующего. Поражало то, с какой тщательностью вникал в разработку месячных, годовых календарных планов и с каким-то, как мне казалось, удовольствием сам же ломал эти планы, утверждая, что планы для того и создаются, чтобы их изменять. При этом он любил, отменив то или иное мероприятие, не спешить объявлять свое решение и тем держать людей в напряжении. В главных вопросах жизни войск, тем более в таких, как боевое управление, планирование боевой деятельности войск, организации боевой подготовки, особенно мероприятий, связанных с ресурсом ракетного вооружения и боевой техники, армейское звено решающей роли не имело. Безусловно, что К.В. Герчик это понимал, и когда ломал планы работы управления и штаба армии, то не сомневался в безопасности своих действий.

Еще одну метаморфозу в характере этого военачальника хотелось бы подчеркнуть. Будучи на посту начальника штаба армии, К.В. Герчик отличался своей открытостью, доступностью и даже некоторой демократичностью, если был не всеми любим, то пользовался уважением большинства людей армейского аппарата.

На посту командующего К.В. Герчик буквально изменился на глазах своих сослуживцев. Теперь он стал замкнутым, недоступным, легко переходил на грубость, создавал обстановку какой-то неопределенности, нервозности. Такое поведение командующего еще больше увеличило отрыв от аппарата. Опираясь на людей с далеко не идеальными личными качествами, способными главным образом щекотать начальнику самолюбие, он, в конце концов, потерял связь со своими заместителями, штабом и доверие верхов. Так он оказался одиноким в окружении сотен своих непосредственных подчиненных.

Каждый человек по-своему уникален, встречались начальники разные, но Герчик в моей памяти оставался самой колоритной, а в последствии – одиозной фигурой. При его незаурядности и природных способностях в отношениях с людьми он все больше проявлял бестактность, непримиримость к чужим мыслям, отличался каким-то патологическим стремлением к беспре-

рывному дерганию подчиненных, не говоря уже о его язвительности и сарказме. Ни в ком другом мне не приходилось видеть такого чванства, высокомерия. Тем более это трудно понять, поскольку все знали, что он выходец из простой белорусской семьи, родители и братья жили в деревне под Слуцком. В любых своих проявлениях, в решениях и делах, в повседневных мелочах он от самих приближенных ждал боголепия и восхищения. Припоминается один из случаев, каких было немало – яркое свидетельство самодурства этого своеобразного человека.

Любимым занятием К.В. Герчика было неожиданное появление в одной из дивизий, как правило, в сопровождении одного-двух человек. К прилету он озадачивал своих помощников сбором каких-либо статистических данных или проверкой достоверности поступившей информации. Сам же уединялся с командиром дивизии, редко бывая в полках.

Так было и в этот раз. Герчик по телефону сказал мне, что мы вылетаем в 13 часов в Поставы (Белоруссия, там базировалась 32-я ракетная дивизия). При штабе армии была эскадрилья транспортной авиации, в составе которой имелся специально оборудованный двумя салонами самолет Ан-24 – самолет командующего. Использовал он его, как персональный автомобиль.

Через несколько минут К.В. Герчик попросил, чтобы я оповестил о вылете полковника Зверева В.П., заместителя начальника политотдела, он приглашался в самолет. Все в штабе знали «болезнь» Герчика – неожиданными поступками обескураживать подчиненных. Поэтому я попросил дежурного по управлению, чтобы он немедленно позвонил мне в случае появления на выходе из здания командующего. В 12.30 я решил уточнить, не вышел ли Герчик. Дежурный, пытаясь извиниться, доложил, что командующий выехал на аэродром. Во дворе стояла моя машина, на хорошей скорости я устремился на аэродром. Герчик уже в самолете, с укором смотрел на меня. Зверева нет, но с минуты на минуту он должен появиться. Но Герчик не был бы самим собою, если бы стал ждать какого-то полковника. По его команде взревели двигатели, и через несколько минут самолет пошел на взлет. На рулевой дорожке Зверев подавал какие-то знаки. Герчик отвернулся от окна и молчал. Через 30 минут мы были в Поставах и выехали в штаб дивизии. Герчик обратился ко мне с вопросом, где сейчас находится Зверев. Видимо, уже не на рулевой дорожке. Приказал ему выделить другой самолет. Это уже откровенное самодурство. Он знал, что все самолеты задействованы, в резерве оставался единственный Ан-2, или как его называли «кукурузник». Допуск для полетов по погоде был на пределе, мы летели с локатором, обходя грозовой фронт. Ан-2 локатора не имел. Зверев был болезненным человеком, тяжело переносил полеты даже на скоростных самолетах. Кто летал в плохую погоду на таких самолетах, как Ан-2, тот может понять это. Но приказ передан, и бедный Зверев вынужден был лететь. Я уже не говорю о том,

что это было очередное расточительство, перелет самолета стоил не дешево. Но Герчика это не беспокоило, он любовался своим положением хозяина. Через три часа мне доложили, что В.П. Зверев прилетел, но находится в лазарете. Нашел я его в обессиленном, если не в тяжелом состоянии. Он нашел силы, чтобы сказать в адрес Герчика несколько «теплых» слов. Герчика Зверев больше не интересовал. Но когда кто-то из дивизии проговорился, что Зверев в медсанчасти, Герчик насторожился. Этот сильный человек не был лишен слабостей. Их немало, но по службе всегда бросалось в глаза то, что он избегал личной ответственности, терялся перед старшими начальниками, пасовал, не скрывая от подчиненных.

Как-то завершив одну из очередных проверок дивизии, размещавшейся в Литве (штаб находился в Каунасе), мы остались не удовлетворенными ее результатами. Герчик решил в моем присутствии поговорить с командиром дивизии генерал-майором Абрашкевичем В.Н., дать ему возможность исправить общую оценку состояния боевой готовности дивизии. К.В. Герчик предложил Абрашкевичу или отложить свой плановый отпуск, хорошо потрудиться с таким расчетом, чтобы к осени вновь представить дивизию для проверки, или же согласиться с низкой оценкой. Слово было за командиром дивизии. Абрашкевич наотрез отказался от переноса своего отпуска, а значит и от повторной проверки. Герчик К.В. знал этого командира, не раз говорил о его шкурничестве, но к такому ответу не был готов, он был буквально ошарашен. То, что Абрашкевич слыл лентяем, больше времени проводил на охоте, не гнушался лицемерия, лжи, было понятно, другим его мало кто знал, но чтобы так открыто предать людей, пренебречь достойной оценкой труда большого коллектива, стало действительно для нас неожиданностью. И Герчик в оценке морального падения этого человека не поспешил. Он со всей своей язвительностью, возмущением обрушился на этого, как он выразился, случайного человека на таком высоком посту. Абрашкевич, видимо, не оценив низости своего поведения, не ожидая такого взрыва возмущения со стороны командующего, повел себя более чем странно для нас. Он вдруг медленно стал сползать со своего стула на пол. Герчик в растерянности уставился на меня. Я не сомневался, что это была еще одна уловка этого недостойного генерала, но все же посоветовал Герчику вызвать врача. Через несколько минут Абрашкевича на носилках унесли в лазарет.

Но теперь мне, в свою очередь, надо было возиться с Герчиком. Он никак не мог побороть свой испуг от случившегося. Казалось, что Абрашкевич достиг, чего хотел. То, что произошло, Герчик отнес на свой счет. Он считал, что в разговоре с Абрашкевичем не учел состояния его здоровья и теперь может произойти непоправимое. Но все же он начал оправдываться, что ничего убийственного он не говорил, ведь я могу подтвердить, если потребуется, что велся обычный, деловой разговор. Я стал его успокаивать, но Герчик скрыто запаниковал, боясь последствий лично для себя. По глазам прибыв-

шего начальника штаба дивизии полковника Швырева А.Ф., было видно, что Абрашкевич специально закатил эту сцену, но прямо об этом сказать не мог, ведь он был подчиненным этого «актера». Герчик, не видя выхода, бросился звонить в Москву о случившемся. Наши со Швыревым уговоры не помогали, мы вызвали врачей. Абрашкевич чувствует себя нормально – был их ответ. На следующий день о случившемся знали все офицеры, ждали реакции со стороны Герчика, но она так и не последовала.

Не могу утверждать, что Герчик обладал некоторой трусостью, но было заметно, когда он встречал сопротивление или отпор со стороны наиболее смелых, а тем более нахальных, подчиненных, он, как правило, пасовал и старался замять возникшее недоразумение. Особенно это наглядно проявлялось у него в среде политработников.

В свое время на должность заместителя начальника политотдела, на место ушедшего в запас упоминавшегося Зверева, прибыл подполковник Куринный И.И. Казалось, ничего в этом экстраординарного не было. Если В.П. Зверев, тоже политработник, был спокойным, даже тихим, всеми уважаемым человеком, то вновь прибывший был совершенной ему противоположностью.

Бывший комсомольский вожак в ракетных войсках, успевший поработать начальником политотдела дивизии, Куринный И.И., был довольно известной личностью среди политработников.

По уставу он должен был представиться своему непосредственному начальнику генерал-майору Хренову С.М., но не таков был этот молодец. Первый свой визит он наносит командующему армией, и не без умысла. Во-первых, он должен был с первых дней показать главному начальнику, кто он таков и как с ним надобно обращаться. Во-вторых, ему должны немедленно предоставить лучшую квартиру. Такой была квартира только что ушедшего к новому месту службы генерала Неделина В.С. На его должность уже назначен генерал-майор Жуков Ю.А. Надо сказать, Герчик был шокирован такой открыто наглой напористостью этого молодого человека и настолько перетрусил, что тут же приказал переоформить квартиру на Куринного И.И.

О Герчике можно много говорить, и он этого заслуживает. Но звезда его этого неординарного человека быстро закатилась, так и не вспыхнув в полную силу. Помню, я уже был в главном штабе, когда К.В. Герчик в свои 60 лет был неожиданно для него и всех нас уволен из армии.

Армейское управление вместе со штабом, внушительное по своей численности, жило обособленной от войск, жизнью. Штаб из шести отделов, управление главного инженера, немалое количество специальных служб (автомобильная, химическая, инженерная, финансовая, медицинская и другие), особняком стоящий политический отдел несли контролирующие функции, дублировали аналогичные органы высшего звена. Весь этот большой коллектив лучших специалистов, изъятых из войск и поставленных вне

дела, не нес юридической ответственности за состояние боевой готовности войск, исправно выполнял роль квалифицированной дубинки в руках командующего.

Армейское звено не несло снабженческих функций, однако в его штатах числился аппарат тыла.

Существование подобной структуры было явным анахронизмом, и в последнее время ни у кого не было сомнения, что это звено будет упразднено. Но начатая перестройка в стране и как будто бы в армии так и не затронула ракетные войска, крушение же 1991 года еще больше осложнило и прикрыло подходы к ним. Ракетные войска оказались разодранными новыми границами, за ближним рубежом оказалась 43-я ракетная армия, дислоцирующаяся на Украине, отрезаны несколько дивизий в Белоруссии. В России продолжают здравствовать пять ракетных армий. Сегодня, когда вокруг говорят, что из состава вооруженных сил сохранили боевую готовность только Ракетные войска стратегического назначения вполне понятно, что вряд ли кто может высказать что-либо об их реорганизации, а тем более упразднении целого звена. Теперь решение этой проблемы ждать до лучших времен.

А раз так, то, я думаю, наступило время вернуться к Главному штабу ракетных войск. Это действительно тот орган, без которого невозможно представить боевую готовность каждой пусковой установки, жизнь и деятельность каждого полка, дивизии и в целом ракетных войск. Главный штаб был высокопрофессиональным организмом, куда были стянуты наиболее грамотные генералы и офицеры. Здесь решались буквально все вопросы, касающиеся войск, от их перспективы развития до повседневной организации поддержания боевой готовности и боевого дежурства.

Главный штаб – это довольно большой, многоликий орган, состоящий из талантливых руководителей и хорошо подготовленных исполнителей. В малом, большом деле были люди, заслуживающие уважения и правдивого доброго слова.

Ядром Главного штаба было оперативное управление. В те дни, когда я попал в его коллектив, руководил им генерал-майор Ляшик В.В. Первое впечатление об этом человеке оставалось неизменным до конца его дней. Среднего роста, коренастый, какой-то развалистый, новый начальник всем своим видом напоминал добродушного, безхитростного мужика. Лицо его, крупное и смуглое, было изрыто крупными оспинками. Крупные черные глаза излучали ум и благожелательность. В его спокойном, уверенном голосе, угадывался человек, прекрасно знающий свое место, владеющий делом и людьми. Но, видимо, это не была власть генерала, власть старшего. Такие личности не подавляют волю и инициативу подчиненных, они притягивают их своим умом, знанием дела и добропорядочностью.

В беседе со мной В.В. Ляшик кратко обрисовал состояние войск, с которыми мне предстояло работать, рассказал о структуре главного штаба, оперативного управления и изложил мои задачи.

Хотя мне необходимо было осваиваться с новыми условиями, новыми людьми, но характер и самой работы мне был знаком по старому месту службы. Мое становление в новом качестве не было длительным. Как и в штабе армии, главным условием, определяющим степень моей самостоятельности, моего авторитета как специалиста зависело от того, насколько я сумею упреждать всех своих начальников в подготовке и выдаче новых идей и предложений, главным образом по боевому применению ракетных войск. С таким начальником, как Ляшик В.В., делать это было не так просто, но тем не менее, по его словам, мне это удавалось.

Всегда существовало такое странное мнение, что военное мастерство приобретается с первым свистом пули. Видимо, к нам, ракетчикам, это не подходит. Свист ракет может быть последним не только для мастеров, его создавших, но и для всего живого на земле. А поэтому наше мастерство заключалось в том, чтобы не допустить ракетно-ядерную катастрофу.

Именно таким мастером, мне кажется, был Владимир Владимирович Ляшик – талантливый, безо всяких натяжек, штабной работник. Он был сильным во всем. Смело внедряясь в любую самую специфическую область работы своих подчиненных, он одинаково с большой уверенностью превосходил каждого из них по глубине рассматриваемого вопроса. Это был действительно тот самородок, который в известных условиях раскрывает свой талант. К каждой встрече с ним необходима была всесторонняя подготовка. Он не терпел абстрактных рассуждений, мгновенно обрывал доклад подчиненного, если он не носил прикладного характера. Однако он всегда оставался сторонником глубоких знаний предмета; если было необходимо, требовал теоретических обоснований, и вообще был горячим приверженцем творческой мысли.

Всегда было приятно видеть на третьем этаже главного штаба, где размещались «операторы», внешне мало привлекательного, грузного, с тяжелой поступью с перевальцей этого умного, доброго человека. Военная форма еще более подчеркивала округлость и тяжеловесность его фигуры.

Крупное его лицо с отвисающими щеками и мясистым носом никогда не отражало его недовольства или раздражения.

В.В. Ляшик, как большинство умных и самокритичных натур, обладал мягким, тонким юмором. Он умел рассказать смешные или курьезные истории, как правило, из своей богатой жизни.

Службу в ракетных войсках он начал в должности командира полка в городе Тейково Ивановской области. На вооружение полка поступали межконтинентальные ракеты Р-16, которыми в основном вооружались первые ракетные полки и дивизии.

Как-то в один из редких для нас свободных вечеров мы допоздна засиделись в кабинете Ляшика. Беседой завладел хозяин небольшого застолья. Он припомнил первый пуск ракеты, который был проведен группой пуска на полигоне Тюра-Там (Байконур). Полк в приподнятом настроении возвращался в Тейково. В тот год стояло жаркое лето, в вагонах солдаты и офицеры изнывали от зноя и постоянной жажды. Полк двигался одним эшелоном, начальником которого был командир полка. На одной небольшой станции В.В. Ляшик, не надев гимнастерку, в тапочках вышел из вагона, чтобы попить воды. Остановка не была плановой, а поэтому поезд, не задерживаясь, медленно начал движение. Получив удовольствие от прохладного напитка, Ляшик к своему ужасу увидел хвост своего эшелона. Итак, эшелон остался без начальника. Ляшик бросился вдогонку, схватился за поручни последнего пассажирского вагона. Поезд набирал скорость, силы у полковника были на исходе. Из приоткрытой двери выглянула проводница и что есть силы принялась бить флажками по рукам бедного полковника. Ляшик во всю глотку заорал, что он начальник эшелона. Но весь его вид, потное перекошенное цыганское лицо заставили проводницу с еще большим усилием колотить его по рукам. При этом она приговаривала: «Я тебе дам, бандюга, начальника эшелона». Раздетый, без документов неудачный начальник эшелона позорно, как молодой солдат, отстал от своего поезда. Только к концу дня за ним прислали дрезину. Все это рассказывалось Владимиром Владимировичем с таким юмором, что все покатывались от смеха.

Спокойный, уравновешенный, но там, где требовала обстановка, В.В. Ляшик становился твердым и умел показать свой характер.

Памятен был такой случай. Как-то он пригласил меня к себе и сказал, что только что звонил Г.Н. Малиновский, заместитель главнокомандующего ракетными войсками по эксплуатации ракетного вооружения и сообщил, что в первом полку 49-й ракетной дивизии (г. Лида, Белоруссия), который несколько дней, как поставлен на боевое дежурство, надо менять все девять ракет. Промышленность дала брак, это грозит большой неприятностью. Я об этом уже знал, мне позвонили из дивизии, но не успел доложить В.В. Ляшику. Теперь Г.Н. Малиновский советовался с нами, как поступить. Но все было очевидным, мы с Ляшиком в этом были единодушны, надо докладывать главному, министру и проводить замену ракет, на это потребуется не менее полумесяца. Речь шла о новых ракетах СС-20, которыми начали вооружаться дивизии на Западе страны.

Решили доложить начальнику Главного штаба В.М. Вишенкову. Об этом человеке я еще расскажу, как и о некоторых думах вокруг штаба и его обитателях. К нам присоединился Г.Н. Малиновский. В кабинете Вишенкова находился заместитель начальника главка по вооружению Бородай. Этот главк несет ответственность за качество поставляемого оружия, и как всегда начался поиск подходов, чтобы несколько смягчить ситуацию.

В.В. Ляшик кратко, но в довольно острой форме изложил существо вопроса, не обошел возможных организационных последствий за явный прокол военных, ответственных за прием оружия. Где-то в военной приемке произошел сбой. Но это причины, а последствия более грозны, на продолжительное время полк потерял боевую готовность. Об этом чрезвычайном событии необходимо оповещать Верховному главнокомандованию, т.е. генеральному секретарю и политбюро ЦК КПСС. После этих слов Ляшика, Вишенков схватил трубку прямого телефона и начал докладывать главкому. Но В.Ф. Толубко уже знал, что кто-то через его голову об этом доложил министру обороны и в Генштаб. Толубко подозревал в этом Главный штаб и в грубой форме сказал это Вишенкову. Только теперь Вишенков понял, что все это серьезно и почему-то усматривается вина Главного штаба. В панике обрушился на нас. Почему мы не разобравшись бежим с докладом – вот смысл его крика. В этом была неправда, и Ляшик, не удержавшись, ответил ему дерзостью. Вишенков, не находя слов для ответа, разразился матом. Нарушены все нормы этики, но дело не в том: обидно, что мы своей вины не видим. Ляшик, уже не владея собою, ответил ему теми же словами, более того назвал Вишенкова трусом, больше не заслуживающим нашего внимания.

«Пойдем, Григорий Иосифович, писать докладную записку об этом безобразии в ЦК» – были последние его слова. Под непрекращающийся крик Вишенкова мы вышли. Я пытался успокоить Ляшика, но он стоял на своем. Всегда уравновешенный, невозмутимый, Ляшик не терпел несправедливости. Холодная его голова в пылу гнева превращалась в горячий котел. Здесь его ум уступил страсти, мой командир проявил невыдержанность. Я еще раз убедился, что там, где надо, Ляшик мог постоять и за себя и за своих подчиненных.

Бесспорно, что Вишенков В.М. высоко ценил Ляшика. И мы видели, что он был угнетен нашим разговором. Во время обеда он в своей грубоватой манере сказал мне: «Вы тоже хороши, налетели, не дали подумать». Я это отнес к его примирению и высказал извинение от себя и Ляшика.

Министр и Генштаб о случившемся были извещены военной контрразведкой. Мы ожидали больших разборок, вплоть до ЦК. Но не учли мы одного, министр обороны Устинов Д.Ф. встал на защиту оборонки, инцидент был замят. На замену ракет и приведение их в готовность ушло больше месяца. Была бы вина войск, полетела бы не одна голова.

Это не единственный случай, когда ошибки промышленности сваливались на войска. О взаимоотношениях войск и оборонки хотелось бы сказать особо. Я не припоминаю, чтобы эти взаимоотношения не были натянуты, а нередко просто конфликтными. Но всегда последнее слово, как это ни странно, оставалось за промышленностью. Хотя официально военные считались заказчиками, а значит они должны были диктовать условия, на деле все бы-

ло далеко не так, потому, что в той нашей системе, в отличие от рыночной, все было поставлено с ног на голову. Оборонка купалась в бюджетных ассигнованиях, именно там оседал тот огромный ломоть, который отрезался от бюджета для обороны на столе политбюро. Ракетные войска, на вооружение которых поступали дорогостоящее вооружение и боевая техника, оставались безгласными перед лицом прямого диктата оборонных ведомств.

В центральном аппарате ракетных войск существовали большие возможности по подготовке качественных заказов, контролю за их исполнением. Углавкома в подчинении был мощный главк ракетного вооружения, который работал в тесной связи с конструкторскими объединениями, заводами, сетью научно-исследовательских институтов. Главный штаб, остальные главки также имели структуры, курирующие вопросы вооружения, в целом, это был мощнейший коллектив высоких специалистов, способный осуществлять контроль всего цикла от разработки тактико-технических требований на новые образцы вооружения, до его изготовления и поставки в войска.

Когда я прибыл в Генеральный штаб, этот сложный организм начал давать сбои, работал с большим скрипом. Ракетные войска начали оснащаться первым поколением ракетных комплексов с самоходными пусковыми установками. Завершилась разработка и пошли в серийное производство ракеты на твердом топливе для самоходного шасси пусковой установки 15П645, под шифром «ПИОНЕР», или, как называли ее на западе, СС-20.

В это же время в аппарате главнокома совместно с конструкторами была начата проработка малогабаритной межконтинентальной ракеты также на самоходной пусковой установке «КУРЬЕР».

Пришел звездный час нового поколения ракет и пусковых установок. Главным предприятием по разработке этих комплексов стал Московский институт теплотехники (это его открытое название) – научно-производственное объединение под руководством академика А.Д. Надирадзе. Родилась принципиально отличная от ранее принятых на вооружение ракет.

В 1974–1976 годах проводятся испытания первого подвижного грунтового ракетного комплекса с твердотопливной ракетой средней дальности РСД-10 (СС-20). Комплекс поступал на замену находящихся на вооружении жидкостных ракет средней дальности стационарного базирования.

Самоходная пусковая установка этого ракетного комплекса представляла собою уникальный агрегат. На шасси располагалось все необходимое оборудование и механизмы для проведения пуска ракеты.

Совместные летно-конструкторские испытания РСД-10 были проведены на полигоне в Капустином Яре. А первый полк под командованием подполковника Доронина А.Г., оснащенный новым ракетным комплексом, заступил на боевое дежурство в августе 1976 года.

Однако этому событию предшествовала, если можно так сказать, целая эпопея борьбы двух направлений в ракетостроении. Всем хорошо известна

знаменитая «катюша», прототип всех последующих ракетных комплексов. Пусковая установка РС (так она официально именовалась) несла на себе твердотопливные ракеты. Но, несмотря на их удачное применение в ходе войны, наши конструкторские бюро в сороковых годах почти целиком переключились на ракеты с жидкостными двигателями. Видимо, толчком этому стал захват нашими войсками документации, оборудования и нескольких немецких реактивных снарядов ФАУ-2, которые снабжались жидкостными двигателями.

Конструктор Королев С.П., получив в свое бюро эту ракету, фактически стал единоличным властелином в советском ракетостроении, горячим приверженцем кислородных ракетных двигателей.

Вместе с тем сами условия тех лет способствовали преимущественному положению этого направления. Ценный опыт немецких создателей ФАУ (-1,-2) предполагал, что ракеты на жидком топливе нацеливать проще, головные части ложатся на цель точнее. Немаловажное значение имело то, что жидкостные ракеты в производстве были дешевле и делать их можно было быстрее. Наше руководство стремилось получить в свои руки такое оружие сегодня и как можно больше.

США значительно раньше нас поняли выгоду и безопасность твердотопливных ракет. На смену последним жидкостным ракетам «Атлас», «Титан» пришло новое поколение межконтинентальных твердотопливных ракет типа «Минитмен», «Поларис», «Посейдон», и новейшая ракета морского базирования «Трайдент».

Наши компоненты жидкого ракетного топлива типа несимметричного диметилгидразина («гептил»), азотного тетраксид («амил») по их токсичности можно было отнести к средствам массового поражения. Не одно поколение ракетчиков испытало на себе страшную разрушительную силу этой жуткой топливной отравы. Немало их, получивших смертельные дозы, а еще больше оставшихся на всю жизнь неизлечимыми инвалидами, с разрушенной нервной и другими системами организма. Мало кому удавалось, побывав в местах хранения таких топлив или заправки ракет, уйти не глотнув ядовитых паров.

Но скажите, когда у нас по-настоящему учитывалась безопасность людей? Травили их в научно-исследовательских институтах, на производствах атомной промышленности, в ходе бесчисленных испытаний на полигонах. Чего стоило одно лишь бесчеловечное решение сбросить атомную бомбу в ходе учения, проводимого под руководством прославленного полководца Г.К. Жукова в районе Тоцкого, вблизи населенных пунктов, а потом сразу же послать в эпицентр взрыва войска, чтобы натурально увидеть и оценить эффективность нового оружия. Такой жестокости не знала история человечества.

Сколько у нас проведено пусков ракет в ходе испытаний, запусков космических спутников земли, космонавтов, да мало ли каких пусков, просто для

показа оружия и мощи страны руководству, зарубежным гостям. Такие пуски проводились с полигонов, размещенных в глубине территории страны. Взлетали ракеты, падали на землю первые, вторые их ступени, различные отсеки, падали прогоревшие, а нередко с остатками ядовитого топлива. И все это на головы наших людей. Разбрасываемый яд подхватывался водой, ветром, отравляя землю на сотни километров. Видимо, тогда слова «экология» в русском языке не было.

Мы всегда решали задачи чрезвычайной важности, мира, войны, мирового противостояния и др. Важнее личности человека у нас всегда были интересы партии, государства, ради этого мы гордились количеством жертв. Мы гордились жертвами сталинских пятилеток, мы гордились жертвами войны. Нас охватывало «радостное» чувство, когда мы слышали огромное число погибших в блокадном Ленинграде.

Говорили, что когда Сталину доложили об огромных наших потерях под Харьковом в 1942 году, то он сказал: «Нам дешевая победа не нужна». Вождь был прав. Теперь у нас есть великая победа. Вот если бы германцев разбили, как обещали «малой кровью», да еще бы на чужой территории, не было бы у нас великой победы и великого народного ликования. Но «величайший полководец всех времен и народов» просто врал, назвав число погибших советских людей в годы войны в семь миллионов.

В кабинете одного из партийных бонз под портретом Сталина были выбиты его же слова: «Приятно и радостно осознавать, что кровь, обильно пролитая нашими людьми, не прошла даром, она дала свои результаты». Неужели уже никто не мог понять, что эта фраза была совершенно людоедская. Но, увы, всем от этого было хорошо и фраза казалась даже мудрой.

Так мы жили, так продолжаем жить. Мы всегда были безропотны. Н.С. Хрущев назвал другое число погибших – 20 миллионов человек. И чем дальше в историю уходила та страшная война, то все более ужаснее становилось ее лицо. Л.И. Брежнев вынужден был обнародовать, что война проглотила более 22 миллионов человеческих жизней. Но и это было далеко от правды. Позже М.С. Горбачев с полной откровенностью назовет новую цифру погибших на войне – 27 миллионов человек. И так мы идем от секретаря к секретарю, которые врут людям, неизвестно почему уж очень «стыдливо» замалчивают хотя бы чуть приближенные цифры жертв победоносной войны. В последнее время стали говорить, что война унесла более 35 миллионов с нашей стороны. И теперь нам «приятно» осознавать, что в годы Великой Отечественной войны наши потери были в пять раз больше, чем впервые об этом сказал вождь и учитель.

Вернемся к разговору о ракетах. Долго и мучительно постигали мы преимущества твердотопливных ракет над жидкостными. Количественный перевес уже не мог играть решающего значения, противник умело компенси-

ровал качеством, стремительно развивая новое направление, обеспечивающее значительное преимущество.

Твердотопливные ракеты безопаснее было размещать на подводных лодках, широко использовать в стратегической авиации.

Наконец, и у нас в составе стратегических ядерных сил появились первые твердотопливные ракеты, в частности в ракетных войсках ракета РС-14 (СС-16) и РСД-10 (СС-20). Запад заговорил, о реальной советской военной угрозе.

По ряду причин мне более близок подвижный грунтовый ракетный комплекс. Четырнадцать последних лет службы в центральном аппарате я отдал этому оружию.

Вначале, когда этим оружием оснастились первые ракетные дивизии на западе страны, мы исходили из того, что его необходимо надежно укрыть от широких глаз. С этой целью были разработаны и изготовлены силами войск специальные сооружения для каждой пусковой установки, оборудованные автоматикой, завязанной в пусковой цикл. В таком положении этот ракетный комплекс находился около двух лет. Было тихо, об этих ракетах нигде в средствах информации не упоминалось.

Положение изменилось враз, когда по полям Белоруссии, Украины покатились невиданные, вызывающие какой-то трепет машины-чудища. Раскрылись глаза и у противника. Двигаясь только по ночам, со страшным ревом мощных двигателей, будоража местных жителей, ракетные комплексы меняли позиции. Все было необычно, как и сама пусковая установка. Многие инженерные решения в этом комплексе были новшеством в мировой практике ракетостроения.

По-новому строилась ее компоновка, двигатели изготавливались из новых композиционных материалов, пороховые заряды технологически составляли единое целое с корпусом ракеты. Трехступенчатая ракета оснащалась боевой частью, состоящей из трех разделяющихся блоков. Автономная система управления с бортовой цифровой вычислительной машиной, позволяла ракете находиться в боеготовом состоянии в горизонтальном положении на шестиосном самоходном шасси. Самоходная пусковая установка, находясь от машины боевого управления на удалении пяти километров, имела возможность по трем независимым каналам принимать боевые сигналы и без участия людей производить пуск ракеты. Технические решения были принципиально новыми в практике мирового ракетостроения.

Все это хорошо. Новая пусковая установка с массой достоинств, имела существенные недостатки. Еще на стадии летно-конструкторских испытаний, которые проводились на ракетном полигоне в Капустином Яре, вблизи Волгограда, стало ясным, что маневренность пусковой установки будет низкой. Огромный вес, около 100 тонн, создавал нагрузку на каждую ось

выше допустимой грузоподъемности наших мостов. Мосты, особенно на востоке страны, рассчитаны были на значительно меньшую нагрузку. Еще одна беда, центр тяжести пусковой установки оказался на высоте более двух метров, при общей высоте пусковой установки до 4,5 м. Допустимый угол наклона при этом становился очень маленьким, где-то около 22 градусов. А это значило, что пусковая установка могла двигаться по дорогам только с малыми поперечными уклонами. Такими дорогами были разве что большие автомагистрали.

В общем войска получали громоздкую, тяжелую пусковую установку. Наши требования, просьбы об изменении архитектуры, всей компоновки пусковой установки оставались, как говорят, гласом вопиющего в пустыне. Промышленность не просто поставляла вооружение, она его навязывала. В конце концов новый ракетный комплекс был принят с высокой оценкой. Кстати, председателем государственной комиссии вначале был К.В. Герчик, а на этапе непосредственной приемки генерал-майор А.Н. Бровцын. Нечего греха таить, были и среди военных такие, кто не выдерживал, терял свое лицо в угоду личных, конъюнктурных интересов.

С 1976 года началось массовое развертывание ракетных комплексов с самоходными пусковыми установками. И здесь войска встретились с тем же навязыванием со стороны промышленности, как и на этапе разработки. Началось серийное производство, и в войска потоком пошли недоработанные пусковые установки и ракеты. В полки, дивизионы хлынули представители заводов, конструкторских бюро. Сырое вооружение дорабатывалось непосредственно на местах. Надо понимать, что с первых дней в войсках стало вырабатываться недоверие к новому оружию, возникали конфликты между офицерами и представителями оборонки.

В воздухе ежедневно висели самолеты, доставляющие на боевые позиции полков приборы, детали, комплектующие, элементы взамен выходящих из строя. Полки только в умах руководства числились боеготовыми, но каждый офицер, связанный с оружием, знал, что это не так.

Вместе с тем вверх шли восторженные доклады о достоинствах и непревзойденном качестве новой пусковой установки и ракеты. Первым «барabanщиком» в этом выступал сам Д.Ф. Устинов. Решением ЦК КПСС и Совета министров был выделен громадный денежный куш на различные премии, награды по этому случаю. Министр обороны Д.Ф. Устинов, или как его называли заискивающе промышленники, «отец СПУ» (самоходной пусковой установки) удостоился Ленинской премии, а вскоре и Звезды Героя Соцтруда. Видимо, за это стоило биться. Целый фейерверк звезд и денежных премий обрушился на создателей «последнего слова науки и техники» перепало и высшим военным чинам.

Войска продолжали борьбу за выживаемость новой пусковой установки. К бесконечным выходам пусковых установок из строя на стационарных по-

зияциях, с выводом первых полков в поле, стали опрокидываться боеготовые. Первой легла на грунт пусковая установка в дивизии, которая размещалась в Ромнах, на Украине. Под машиной был задушен ее командир. Вслед за первой стали опрокидываться пусковые установки в Поставах (Белоруссия), в Новосибирске, Нижнем Тагиле и т.д. Росло число жертв, беспощадно снимались с должностей командиры полков и дивизионов. Страх порождает преступление: были попытки скрыть, утаить происшествия.

Но, видимо, не надо быть специалистом, чтобы понимать, что каждое падение пусковой установки грозило огромной катастрофой, в любой момент могло закончиться, если не полным, то частичным ядерным взрывом. Генштаб потребовал о каждом падении представлять доклад на имя министра. Но полностью избежать грозящей опасности можно было лишь, прекратив всякое перемещение пусковых установок.

Главный конструктор А.Д. Надирадзе и промышленное руководство продолжали утверждать, что причина не в дефектах пусковой установки, а в слабом опыте вождения и даже в низкой ответственности ракетчиков. Устинов, чуждый армии, не знающий ее, волей случая попавший на ключевой армейский пост, защищал интересы промышленности.

Так, провалы в конструировании, в технологии изготовления вооружения были переложены на войска, на офицеров ракетчиков. Это было не только в ракетных войсках: у моряков, летчиков это проявилось еще раньше. Новое направление в базировании твердотопливных ракет вскружило ретивые головы главным образом, в Генштабе. Вначале разговоры, потом всякие проработки, вплоть до размещения пусковых установок на судах с воздушной подушкой, в рифрижераторах, а потом на железнодорожных платформах.

Все принималось, утверждалось, что способствовало достижению военно-стратегического паритета. Партийно-государственная верхушка во главе с престарелым политбюро не жалела народных средств, не вникая, каким бременем это ложится на истощенную гонкой вооружений страну.

Третье поколение ракет, принятое на вооружение во второй половине 70-х годов сразу же подверглось модернизации, или, как это трактовалось в документах, проводились работы по улучшению их тактико-технических характеристик. Этой участи не избежал хваленый только что сошедший со ступеней оборонки СС-20. С несколькими улучшенными характеристиками, подвижный ракетный комплекс по просьбе промышленности превращается в ракетный комплекс с новым индексом 15П65З вместо 15П645. Несведущему человеку эти цифры ничего не говорят. Казалось бы, в этом нет ничего предосудительного, смена нескольких цифр не так дорого стоит. Но это не так.

Главный штаб ракетных войск выступил с протестом, в Генштаб были направлены обоснования. По телефону мы получили как-будто поддержку. Последнее слово было за министром, и оно не заставило себя ждать. О его

решении с какой-то нездоровой радостью нам сообщил главком В.Ф. Толубко.

Почему же мы возражали? Мы прекрасно знали, что за безобидной смелой несколькими цифр, сразу следовало представление в политбюро о том, что разработан принципиально новый, отличный от своего предшественника, подвижный ракетный комплекс, а далее, как всегда, здесь хорошо накатанная дорога. Из госбюджета в военно-промышленный комплекс пошли значительные вливания на разработку, летно-конструкторские испытания и т. д. А еще далее, самое заветное – премии, награды по полной программе. Оборонная промышленность умела вытаскивать громадные суммы из «бездонного» мешка государства, практически не создавая ничего нового. Все это хорошо понимали, но сверху ни звука в ответ.

Первый протест, казалось бы, должен последовать со стороны Генштаба и министра обороны. Позиция министра читателю известна, Генштаб заслуживает отдельного разговора.

Надо признать, Генштаб еще продолжал сохранять роль генератора в масштабе вооруженных сил в главных направлениях обеспечения безопасности страны, военного строительства. Но, как было замечено, появление главкоматов со своими главным штабами объективно отвлекло Генштаб от решения конкретных вопросов управления армией и флотом. Генштаб начал свое перерождение из военного, военно-политического органа в политический довесок политбюро ЦК КПСС. Военная работа все больше подменялась чисто политической.

Конечно, было бы неправильным утверждать, что Генштаб, а тем более его начальника не должны занимать вопросы политики. Как стратегия не отделима от политики, так и Генштаб, отвечающий за военную доктрину государства, готовность вооруженных сил, не может стоять в стороне от международной и внутренней обстановки.

Однако в той системе жесткого диктата, Генштабу отводилась узкая роль исполнителя идей и требований центрального комитета партии. Деятельность Генштаба постепенно сосредоточивалась не на вопросах армии, военного искусства, а на обосновании безудержной гонки вооружений, на подготовке военных решений и директив ЦК партии. Военные высокие рангов в стенах Генштаба и аппарата министра превратились в партийных клерков, почти полностью оторвались от армии.

Рассуждения с этих позиций приводят к выводу о том, что крах прежней системы, развал КПСС мало коснулся непосредственно армии, как это было в истории, когда с падением старого государства разваливалась армия и вся прежняя система. То, что произошло в 1991 году, когда рухнула не только прежняя система во главе с правящей партией, но развалилась страна, распалась на отдельные части. Вместе с тем, армия осталась такой, как и была, освободившись лишь от прежнего руководства. Высшее военное ру-

ководство, кровно связанное с партийной верхушкой, физически не переносило происходящего и осталась без армии. Язов, Ахромеев, Варенников, Ачалов, Макашов и другие предали интересы армии, встали на сторону прогнившего строя, в этом их личная трагедия. В те дни, когда армия, как никогда, нуждалась в твердом руководстве, они оказались политическими банкротами. На какой-то период армия потеряла управление, осталась без Генштаба. В этих условиях главкоматы сыграли свою положительную роль. На их плечи свалились тяготы нетрадиционных решений, главным образом, политических. Им удалось удержать армию от раскола, хаоса, непредсказуемых действий.

И опять-таки, это не стало неожиданностью. Весь предшествующий период предрекал именно такой исход. Еще со времен А.А. Гречко и особенно Д.Ф. Устинова, когда первое лицо в армии заняло место на высшей иерархической ступени партии, Генштаб потерял свой вес в армии, став придатком ЦК партии. Главкомы практически стали буквально автономно, в довольно непростой политической обстановке, принимать решения на свой страх и риск. В этих условиях особенную опасность представляли ракетные войска. И к чести руководства войск тех дней, армия не повторила судьбу старой русской армии 1917 года.

Глава десятая

В КРУГОВЕРТИ ГОНКИ ВООРУЖЕНИЙ

Шли восьмидесятые годы. Промышленность ежегодно поставляла ракетным войскам 60–80 пусковых установок СС-20. Планы поставок постоянно менялись, несмотря на то что все было предусмотрено на пять лет вперед. В это время рождается идея все старые ракеты, нацеленные на Европу, Ближний Восток, Японию и Китай заменить самоходными пусковыми установками. Началась массовая замена устаревших ракет Р-12, которыми были вооружены две западные армии, штабы которых размещались в Смоленске и Виннице. Первыми подверглись перевооружению дивизии в Мозыре, Поставах, Лиде, Луцке, Белокоровичах, Ромнах и др. Аппетиты росли, на очереди – восток страны. Начали получать новые пусковые установки дивизии на Урале и в Сибири: в Юрье, Нижнем Тагиле, Новосибирске, Дровяной Читинской области. Районов, в которых ранее дислоцировались дивизии с межконтинентальной ракетой Р-16, теперь уже снятой с вооружения, было мало. Дальнейшее наращивание полков и дивизий упиралось в необходимость выбора и освоения новых районов, особенно на востоке страны. Эта задача была возложена на Главный штаб. В эти годы я редко бывал дома. На самолетах, вертолетах, вездеходах пришлось побывать во всех углах страны. Вскоре были обозначены новые места дивизий: в Барнауле, Канске, Иркутске. Вновь, как и в первые годы ракетных войск развернулось строительство боевых позиций, жилых городков. С запада страны пошли эшелоны дивизий, которые размещались в Орджоникидзе (Владикавказе), Шяуляе (Литва), Валге (Эстония).

Было искушение перевооружить эти дивизии в старых районах. Сегодня можно сказать, что такое решение было бы ошибочным, если не больше. Но в те годы Генштаб, откуда неслись подобные предложения, заботился о безудержной гонке, во главе угла стоял паритет. Одним из направлений такого наращивания стало обеспечение полков, несущих боевое дежурство, ракетами для проведения второго пуска. Промышленность увеличила серийное производство. Ракеты посыпались в войска. Размещать их негде, для этого нужны специальные сооружения.

Наконец-то на весь мир было объявлено, что между двумя враждующими лагерями достигнут военно-стратегический паритет. Это была эпоха, когда партийно-государственная верхушка во главе с Л.И. Брежневым испытыва-

ла упоение военным могуществом страны, забыв о народе, о его растущих нуждах.

Как и в годы Н.С. Хрущева, когда развернулось массовое строительство ракетных стартов, так и сейчас громадные бюджетные ассигнования шли в оборонную промышленность, на строительство боевых стартовых позиций. О людях опять забыли. Как и двадцать лет назад дивизии перемещались на голые места. Жилье для людей в строительных планах было второочередным. Люди в Барнауле, Канске жили в землянках, в страшных антисанитарных условиях. В полках, дивизионах появились вши, извечные спутники солдат на Руси. Участились вспышки эпидемии.

И так продолжалось ни день, ни месяц – в таких условиях жили годами. Министру обороны шли регулярно, в установленном порядке доклады о заступлении все новых и новых полков с самоходными пусковыми установками на боевое дежурство, сыпались награды, премии, благодарности. На другом полюсе офицер и солдат такого полка, как и в первые годы ракетных войск, влачил жалкое существование, считал дни дежурства, дни и месяцы до конца службы. Вялые попытки довести до верхов о нищенском состоянии полков глохли в высших звеньях ракетных войск. Пропагандисты с последними потугами пытались убедить людей в том, что эти трудности – временные, опять ссылки на растущую угрозу со стороны США и НАТО, на громадную ответственность ракетчика за судьбу народа и безопасность страны.

Но ракетчик уже был не таким, как в годы зарождения войск. Солдаты в открытую заявляют о нежелании служить в армии. «Дедовщина» расцвела пышным цветом во всех ракетных частях. Все настойчивее звучат голоса солдатских матерей, общественности с осуждением этого омерзительного явления. Уклонения от службы в армии становятся явлением обычным, поощряется среди всех слоев населения. Все более угрожающие размеры принимает самовольное оставление воинских частей солдатами и сержантами.

В явном разложении армии стали обвинять прессу, людей пишущих и говорящих о жалком состоянии армии. Но еще мало звучат обвинения в адрес власть придержащих, тех, кто действительно довел до такого состояния армию.

Много раз приходилось слышать о том, что ракетные войска в вооруженных силах находятся в привилегированном положении. Может быть, в этом есть доля истины.

Постоянно находясь в войсках, в поисках все новых районов развертывания полков и дивизий, приходилось быть свидетелем жутких картин размещения войск округов, особенно в Забайкалье. Однажды я с группой офицеров Главного штаба обследовал состояние полузаброшенных боевых позиций ракетных частей, снятых с боевого дежурства. Это было севернее Оловянной Читинской области. Была зима, бесснежная, ветреная с крепкими

морозами. На отдаленных железнодорожных станциях шла выгрузка войсковых частей, выведенных из Восточной Германии. По бездорожью их везли и размещали в развалившихся городках. Невольно нам пришлось вступить в разговор с этими людьми. Женщины, дети, с закутанными лицами сидели на машинах среди мебели и вещей. Вопрос у всех был один, когда в городки подадут свет и тепло. Вывезенные из прекрасных условий, эти люди далеко были от патриотизма и любви к родине.

Помню, на одном из заседаний военного совета ракетных войск рассматривалось письмо офицера одной из частей, в котором тот делился мыслями со своим другом. А в его рассуждениях действительно была попытка разобраться в проблеме: офицер заглянул в святая святых всей системы управления ядерным оружием. Существует ли полная безусловность выполнения приказа Верховного главнокомандования на пуск ракет с ядерными боеголовками?

Невероятным на заседании было то, что члены военного совета, уже государственные мужи, не стали изучать причины таких настроений офицеров, а как всегда погрязли в поисках конкретных виновников в лице командиров на местах, что было системой при рассмотрении любых жалоб, писем военнослужащих. Эти советы никогда не поднимали перед министром, а тем более выше проблемы войск. Истинные причины загонялись все глубже, положение дел становилось все хуже, но всеми силами делались попытки внешне сохранить картину благополучия, тем самым сохранить свое положение и власть.

В те годы, в начале восьмидесятых, наступил как бы пик производства подвижных ракетных комплексов. Производятся новые, одновременно модернизируются существующие. Непрерывной чередой идут различного рода совещания, технические советы, совместные коллегии оборонных министерств. Идет скрытая, подковерная борьба двух оборонных гигантов – МОМ (министерство общего машиностроения) и МОМ (министерство оборонной промышленности) за лакомый кусок бюджета, выделенный на разработку и производство нового, более надежного малогабаритного подвижного грунтового комплекса. МОМ сосредоточил в научно-производственном объединении А. Д. Надирадзе работы по созданию такого комплекса под шифром «Курьер». МОМ предприняло попытку перехватить инициативу и втянулось в бесчисленные препирательства, доказывая приоритетность своих проработок.

Вообще-то МОМ в основном специализировалось на мощном заделе разработки и производства шахтных пусковых установок и межконтинентальных жидкостных ракет. Еще со времен С.П. Королева этим министерством была отвергнута идея ракет на твердом топливе. Такие ракеты стали как бы монополией МОМ. «Отцом» подвижных пусковых установок с твердотопливными ракетами был провозглашен Д.Ф. Устинов. Однако МОМ предпри-

нимает попытки вернуть свое лидирующее положение. Все глубже в эту борьбу втягивается Генштаб, главкомат ракетных войск.

Не однажды приходилось быть участником и свидетелем таких схваток. В июне 1989 года состоялось широкое совещание в Реутово, в научно-производственном объединении «Импульс». В свое время его возглавлял В.Н. Челомей. Знаменитое конструкторское бюро вело работы по созданию ракет первого, второго поколения с жидкостными двигателями Р-12, Р-14, Р-16. Этими ракетами вооружались первые полки и дивизии вновь созданных ракетных войск.

НПО занимало громадную, закрытую территорию на окраине Москвы. Неохватные глазом испытательные, монтажные и производственные корпуса доотказа были забиты высокооплачиваемыми работниками разных рангов. Сейчас здесь превалирует космическая тематика, но везде ощущается большая недогрузка. Дорогостоящее оборудование обесточено, в блистающих чистотой помещениях бесцельно бродят сотрудники, чувствуется какое-то напряжение. Все понимают, нужны новые программы, а под них, значит – деньги.

Генеральный директор НПО Г.А. Ефремов с каким-то болезненным азартом рассказывал о былом величии конструкторского бюро, о его сохранившихся громадных возможностях, о больших, перспективных заделах. Здесь присутствуют и морские, и авиационные начинания, показывает целый набор различного рода спутников. Но главное – впереди. Мечта НПО, Министерства среднего машиностроения – новая ракета под шифром «Альбатрос», которая обладает универсальными качествами. По словам авторов, она в перспективе способна заменить все существующие ракеты, находящиеся на шахтных пусковых установках, на самоходных шасси. Одним словом, унифицированная, надежная и ко всему прочему самая дешевая. В таком виде прозвучала эта заявка, которая открыто провозглашена в пик Министерства оборонной промышленности, как реальная угроза.

В огромном кабинете Ефремова за столами уселись руководители оборонных министерств, конструкторских бюро, военные. Итак, чья ракета лучше, Б.Н. Лагутина, заменившего А.Д. Надирадзе или В.Ф. Уткина, возглавившего так называемое «Южное» КБ. Решение будет за более высокими инстанциями, а пока как бы изучается мнение. Хотя, бесспорно, МОП оказалось в более выигрышном положении. Бывший министр общего машиностроения О.Д. Бакланов перебрался в кресло секретаря ЦК КПСС и теперь курирует всю оборонку. Позднее он дозреет до активного члена ГКЧП.

До поздней ночи шикарный кабинет Г. А. Ефремова оглашался убедительными доводами в пользу различных министерств. Наш голос, голос военных, или, как принято говорить, заказчиков, глух в этом шуме, да мы и так знали, что наше мнение не будет не только решающим, но и совещательным.

Но это не значит, что мы не имели и не отстаивали своего мнения. Именно мы, ракетчики, были заинтересованы в единой, унифицированной ракете. Тон задавало МОП, испытания предлагаемой этим министерством ракеты назначались на 1991 год. Тогда из всех присутствующих никто не знал, чем мы будем заниматься в этом году. Но никто не хотел упускать очередной куш народных средств. 1993 год должен стать годом начала серийного производства.

Но есть еще «Курьер» – детище другого министерства, разработка которого идет полным ходом. Чем интересен для нас этот ракетный комплекс?

В свое время в наших головах родилась идея безлюдного, надежно скрытого старта. Замысел сводился к тому, чтобы создать ракету, способную длительное время, без обслуживания, как бы в законсервированном виде находиться в специальной капсуле, оснащенной системой боевого управления и необходимыми механизмами. Капсула устанавливается в безлюдном районе Крайнего Севера. По команде из центра срабатывает механизм подъема, и ракета покидает контейнер минометным выстрелом. Фантазия в наших горячих головах обрастала новыми идеями. Нам представлялась Сибирь, усеянная такими ящиками, способными накрыть всю территорию США. Мечты наши не имели границ, недаром в этом русских уличали наши же литературные классики. Когда фантастов начали приземлять до уровня нашей технологии и возможностей промышленности, то оказалось, что мы можем получить уже хорошо известный «Пионер», с которым не один год мучаются войска, с той лишь разницей, что его вес уменьшился на 30 тонн. Но характеристики этого нового комплекса утверждены ЦК КПСС и Советом министров. Закручивался новый виток громадных финансовых вложений.

И вот теперь, как бы в конкуренции, альтернативой выступает новая идея: универсальной ракеты. Авторы убеждали нас, что эта ракета хороша как в шахте, так и на грунтовых самоходных шасси и даже на речных судах.

Но наш «родной» производитель – МОП, чувствуя за собой поддержку всесильного Д.Ф. Устинова, а значит, и Л.И. Брежнева, не думал уступать пальму первенства, тем более в создании самоходных пусковых установок. Вся эта возня была далека от той здоровой конкуренции, которая является главным двигателем рыночной экономики. Внешне это может показаться похожим, но вся суть и корни были далеки от этого.

В государстве, созданном верхушечным слоем партии, жили под диктовку, все экономические, политические решения принимались без участия народа. Провозгласив лозунги французской революции – свобода, равенство и братство – власть не смогла ни один из них осуществить в жизни. Общество раздирали внутренние противоречия. Как не может быть в природе равенства, ибо она состоит из многообразия, так не могло быть в таком обществе свободы, а тем более братства. В партийных и государственных верхах

никогда не утихала борьба, борьба за место у корыта, за кресло под «солнцем». Но все же главным оставались финансы.

В Москве на площади Маяковского стоит здание МОМ. Сколько раз в его стенах мы вели бесплодную борьбу за качество оружия, за его надежность.

На смену СС-20, или, как мы его называли, «Пионера», был создан его собрат, но значительно больших габаритов, с весом за сто тонн. В переписке по международным соглашениям С-25. Дали ему нежный шифр «Тополь». Этот ракетный комплекс имел межконтинентальную, твердотопливную ракету. Не однажды происходили схватки военных с промышленниками по характеристикам этого комплекса. Но судьбой ему был уготовлен долгий путь как единственно лучшего, в последствии превращенного в универсальный тип. События 1991 внесли свои коррективы и в этом направлении.

В мае 1986-го состоялось объединенное заседание коллегии Министерства оборонной промышленности и военного совета ракетных войск. На заседание пригласили главных конструкторов, директоров ведущих заводов по серийному изготовлению ракетного комплекса «Тополь». От ракетных войск, кроме главкома Ю.Л. Максимова присутствуют члены военного совета: Ю.А. Яшин, В.М. Вишенков, Г.Н. Малиновский, В.С. Родин, А.Л. Ряжжих. Пригласили И.Р. Сергева (будущего главкома), А.Г. Фунтикова, заместителя начальника главка по вооружению, В.И. Петранкова, начальника войск связи, а также С. Л. Ермака и меня от оперативного управления. Вел заседание министр оборонной промышленности П.А. Финогенов.

Доклады академиков, конструкторов. Речь шла о качестве оружия и своевременности поставки его в войска. Но намерения оборонщиков довольно прозрачны, всеми путями протолкнуть недоработанные пусковые установки в полки, представить доклады руководству страны о выполнении планов, а потом уже доводить оружие на местах, в ходе несения боевого дежурства на нем. Одним словом, происходящее напоминало торговлю: без зазрения совести, почти открыто речь шла о том, как лучше, каким образом начать очередное грандиозное очковитительство.

Сколько таких внешне громких усилий с одной целью – навязать войскам или некачественное вооружение, или с низкими характеристиками и каждый раз выглядеть с самой лучшей стороны. Ведь каждый год, выполненных плановых заданий заканчивается новыми премиями, наградами, продвижениями по служебной, государственной лестнице.

Но на верху власти уже не удовлетворяются выполнением плана. Все новые требования о наращивании вооружений.

В первой половине 80-х годов, с принятием на вооружение ракетных комплексов третьего поколения и ракет, оснащенных разделяющимися головными частями, а также средствами преодоления противоракетной обороны США, наконец-то к громадной радости руководства страны, удалось достичь примерного равенства количества боевых блоков, что в свою очередь,

обеспечило военно-стратегический паритет главных военных противников. Но оказалось, что и этого мало. Масла в огонь подлили принятая на вооружение армии США ракетная система «МХ» и улучшение прицельных характеристик новейшей ракеты морского базирования «Трайидент 2». Но особенно большой переполох у нас вызвало известие о начале разработки в США так называемой, стратегической оборонной инициативы, которая предусматривала вывод на орбиты в космос ядерных зарядов. В нашей печати появилась публикация об этом, и как итог – оправдания наших усилий по обеспечению безопасности страны.

Это послужило новым толчком для дальнейшего накопления вооружений, главным образом, ракетных комплексов с различными способами их базирования таких как СС-18, СС-24, СС-25 и другие.

Но эти серьезные программы требуют времени, а какие-то ответные меры нужны сегодня, сейчас. Генштаб и ракетные войска получили задание на изыскание таких возможностей. В горячих головах политиков и военного руководства родились самые нереальные предложения, вплоть до авантюрных.

Так возникло предложение – и оно стало обсуждаться – о возможности размещения ракет на подвижных пусковых установках СС-20 на Чукотке с целью досягаемости такой ракетой, а она имела среднюю дальность, в пределах 4000 километров, территории США.

21 июня 1983 года родилась директива Генштаба, обязывающая ракетные войска совместно с войсками Дальнего Востока произвести на месте (в районах Чукотки; Анадырь, Эгвиконт, бухта Провидения), оценку возможности размещения ракетного комплекса СС-20. Этой же директивой создавалась рекогносцировочная группа из представителей Генштаба, главнокомандующего ракетных войск и заинтересованных оборонных министерств. Возглавить группу было приказано мне.

Самолетом с аэродрома Внуково через Норильск эта группа вылетела в Анадырь. Много пришлось читать и слышать об этих местах, но видел их впервые. За окном самолета бескрайняя равнина, покрытая блестками бесчисленных озер, видимо, скованных льдом. Утром следующего дня самолет приземлился на аэродроме: довольно холодно, накрапывает дождик. Вдали, на противоположном высоком берегу залива виднелся город.

У трапа самолета местное военное начальство, командир стрелковой бригады В.В. Музыченко и заместитель командира 25 дивизии ПВО Д.М. Смирнов. Все части гарнизона размещены на северном берегу Анадырского залива. В штабе дивизии ПВО обговорили все организационные вопросы нашего размещения, питания, не касаясь цели приезда и порядка работы.

Был конец июня, в Москве лето в разгаре, а здесь еще явные следы зимы. Везде лежит снег, но там, где показалась земля, полихали тюльпаны всяких

расцветок, пробивалась зеленая трава. Уходил первый день нашей работы за полярным кругом, но привычная нам ночь так и не наступила, пришел полярный день.

На топографической карте в кругу своей группы уточнили план работы. На следующий день вертолетом вылетели в бухту Провидения. Летели над океаном, далеко не отрываясь от берега. Низкий равнинный берег сменился черными, как будто насыпанными из шлака, сопками. Пустынная, однообразная страна. Сложный разворот вертолета между сопками – и мы оказались над синей, зеркальной поверхностью морской бухты. Побережье усыпано небольшими селениями. На высоком берегу, с южной стороны бухты поселок Провидение, на низком равнинном – аэродром рядом с поселком Урелики. Военный хозяин здесь командир батальона из состава той же стрелковой бригады В.И. Бедненко. Разместились в гостинице пограничного отряда. Уже первый объезд окрестностей бухты показал, что если решаться разместить здесь хотя бы ракетный дивизион в составе трех пусковых установок, то эта земля дорого будет стоить стране.

Как и вокруг Анадырского залива, в бухте Провидения сразу бросается в глаза какая-то бесхозяйственность, запущенность. Казалось бы, когда здесь все привозное от каждого гвоздя, дощечки, до портового оборудования, бетонных аэродромных плит и т. д., стоимость всего увеличена, люди должны быть особо рачительными. Но несмотря на это, везде вдоль побережья хаотично разбросаны груды гниющих досок, каких-то металлических конструкций и вообще не поддающееся цифровому учету огромное количество металлических бочек. Говорят, что вывезти их отсюда будет стоить дороже их собственной стоимости. Может быть, но тогда должна быть какая-то утилизация, иначе может наступить экологическая катастрофа.

Во все годы наш Север требовал и получал громадные материальные вложения. Люди ехали сюда за длинным рублем и, видимо, их нельзя осуждать за это, но иждивенчество здесь сквозит во всем. По крайней мере, у нас сложилось такое представление, что люди здесь ничем не заняты, живут в ожидании судов с материка, а с их прибытием наступает как бы праздник. Большой и малый спешат в порт. Теперь везде встречаются пьяные. Командир батальона нам говорил, что местные жители-чукчи два раза в месяц бесплатно получают спирт или водку, причем независимо от пола и возраста. В такие дни, они всеми семьями, не доверяя друг другу, приходят на пункты выдачи и здесь же напиваются. Не отсюда ли такая их смертность и постепенное вырождение.

В окрестностях поселка Урелики заметны следы каких-то поселений. На значительном пространстве развалины строений из местных пород, остатки как будто дорог. Нам объяснили, что в свое время, после войны здесь была размещена так называемая «армия вторжения». Ее готовили к высадке на Аляске. Вот так мы всегда строили мир, перековывали мечи на орала. Не

уподобляемся ли мы и теперь «динозаврам», ищущим во всех своих врагов. Нам всем стало грустно.

Обратный вылет несколько осложнился. Внезапный туман буквально запечатал бухту. Полный штиль продержался три дня. От безделья, в ожидании погоды мы продолжали изучать окрестности бухты, слушали были и небылицы пограничников, в общем, ждали у моря погоды. В бухту зашел военный корабль. Принимаем решение на нем добираться до Анадыря, хотя ему тоже не хватает видимости, чтобы выйти в океан.

Моряки, правда, нас уговаривали, чтобы мы не теряли надежду, погода здесь меняется быстро. От них же мы услышали красивую легенду об этой бухте. Русские моряки на утлом паруснике плыли по холодному северному морю в поисках сказочных земель. Вдруг разразился сильный шторм.

Легкое суденышко бросало из стороны в сторону. Моряки уже видели свою гибель, стали молиться перед смертью. Сорван руль, сломана мачта, с ветром улетели паруса. Стихия полностью властвовала над беззащитными людьми. Громадные волны гнали неуправляемое судно к берегам. Все ближе и ближе черные сопки, крутые скалистые берега. Гибель неизбежна, моряки стали прощаться. И вот самая крутая волна бросила корабль прямо на скалы. И вдруг, чудо! Как по волшебству, неожиданно стихла буря, исчезли страшные волны. Перед глазами отчаявшихся отважных моряков открылась прекрасная, совершенно тихая бухта, защищенная со всех сторон высокими сопками. Это и было провидение судьбы, милость богов.

С того времени бухта получила название бухты Провидения.

Но к нам она не была такой милостивой, хотя наше положение не было таким отчаянным, как наших предков. Но вместе с тем нам рассказывали, что эта прекрасная морская бухта была буквально роковой ловушкой для самолетов и вертолетов. Только за последнее время на сопках вокруг бухты остались лежать четыре самолета и один вертолет. Трудный, сложный для неопытного летчика заход на посадку нередко трагически прерывался. Но современный Север без авиации жить не может. Морским путем идут в основном грузы, почта.

Наконец то подул свежий ветерок и туман, цепляясь за сопки, начал медленно рассеиваться. За нами пришел военный самолет Ан-26. Взлет, и курс – на Анадырь. Анадырь закрылся, сели в Маркове на грунт. Вышли размяться и связаться с главным аэродромом. Поселок Марково Чукотского национального округа, как и Анадырь, за полярным кругом. Но что мы увидели? Вместо мхов и лишайников, карликовых сосен, вокруг стояли высокие зеленые деревья. Сразу же в своих меховых куртках почувствовали южную духоту. Вслед за необычной жарой нас атаковали полчища комаров. Для меня, выходца из комариной Кубани, этот зверь не диковина. Но такого их изобилия, жестокой настойчивости проникнуть в любую щель в одежде мне не приходилось встречать. Через несколько минут мы были искусаны,

спасаясь только бегом. И все же Марково для этих мест – это какая-то экзотическая диковина. В центре суровой Чукотки, посреди полярной тундры настоящие деревья, во дворах растет картофель, овощи.

Но вот ветер стих, и наш самолет взял курс в сторону пролива. Теперь нам предстоит объездить, облететь не вертолете, обойти пешком все места, куда только можно проникнуть. Все это с той же целью: выяснить, возможно ли здесь разместить ракеты, сколько и как дорого это будет стоить?

Начали с осмотра склонов Золотого хребта, прокатились вдоль побережья Великого океана, который, не буду грешить, показался нам не очень ласковым и тем более – тихим. К берегу катились огромные седые волны, с грохотом и треском разбивающиеся об отвесные скалы. Океан своей строгостью, суровостью как бы дополнял картину этой дикой северной земли. Трудно вообразить подобную стихию где-нибудь на юге. Видимо там он другой. Он многолик, полный неожиданностей, потому он и Великий. Далеко от берега маячат суденышки, идет промысел самой ценной здесь рыбы, кеты.

Постоянно в движении на разных видах транспорта. Объехали все, что только можно. К вечеру у всех нас начались нестерпимые головные боли. Нам говорили, что это из-за нехватки кислорода.

Но в суровости этого края есть свои прелести. Как-то мы поднялись на высокую сопку, у подножия которой прилепился небольшой военный городок. Сколько глаз видел тянутся бесчисленные сопки, сопки. Склоны сопки и долины покрыты морем цветов, крошечными тюльпанчиками и ромашками. Вокруг много птиц. Некоторые из них для нас были диковинными. Внешне это до боли мне знакомые ласточки, но такие крупные, что вызывали какую-то настороженность и неприятное ощущение. Кружась над нашими головами, они вели себя как-то агрессивно. Мы были с палками, нас предупредили, что эти птицы бесстрашно нападают на людей, были случаи, когда они на лету выклевывали людям глаза. По узеньким, протоптанным тропинкам пробегают, не обращая внимания на нас, какие-то зверьки, не то суслики, не то сурки. Я таких до этого не видел. Палевая грудка, серебристая спинка и пушистый, как у белки, хвост. Иногда мы встречали их по обочинам дорог, тогда они, вытягиваясь на задних лапках, с каким-то разумным любопытством провожают нас пристальным взглядом. По местному их называют евращкой. Говорили, что они ценятся своей шкуркой и даже съедобным мясом. Солдаты предлагали нам шашлык из такого мяса и оно показалось вкусным.

Край речек и бесчисленных озер. И вместе с тем люди здесь бедствуют из-за нехватки питьевой воды. Только Анадырь снабжен водопроводом с забором из ближайшего озера. На другой стороне залива, где немало поселков, в том числе Шахтерский, Угольные копи, большой аэродромный комплекс, воинские части и все это на привозной воде. Пытались бурить скважи-

ны, но на глубину 90–160 метров земля промерзла, буры не выдерживают.

Последние облеты на вертолете еще раз нас убедили в абсурдности этой затеи. День посвятили детальному обсуждению результатов нашей работы. Предварительные выводы не в пользу этого предложения, в Москве предстоит тщательно еще раз изучить все «за» и «против» и подготовить основательный доклад.

Самолетом теперь через Певек (по-чукотски Пээкин) взяли курс на Москву. Певек расположен на берегу Ледовитого океана, здесь прекрасное взлетное поле и полное отсутствие удобств для пассажиров. Вылет задерживается, связь с запасными аэродромами Норильском и Игаркой потеряна. С нашей помощью вышли на Анадырь, на дежурного ПВО: там наши новые знакомые, дали разрешение на Норильск, а оттуда на Москву.

Возвращались мы с единым мнением – разместить на Чукотке ракетный комплекс очень сложно, потребуются огромные денежные затраты. При этом работы по подготовке стартовых площадок и всех необходимых условий могут быть завершены не ранее, чем за три года. Мы знали, что в Генштабе ждут других выводов. Так и произошло. Первому я представил доклад главному ракетных войск В. Ф. Толубко. Ему я прямо сказал, что решение на размещение в таких условиях пусковых установок более чем авантюрой назвать нельзя. Но я понял, что в его лице мы союзника не найдем, Толубко морщился и пытался меня склонить к другому, положительному выводу. Его зависимость от руководства была большой. Но я изменять ничего не хотел. На более высокой аудиенции в Генштабе в присутствии представителя ЦК КПСС я продолжал отстаивать наши выводы. Была попытка обвинить меня в недооценке международной напряженности, в неверии в высокие эксплуатационные качества ракетного оружия. Но мы продолжали настаивать на своем, и все же наши выводы были представлены Д. Ф. Устинову и в ЦК КПСС. В том году что-либо начинать было уже поздно, на Севере завершалась навигация. Вопрос этот долго еще не снимался с повестки дня: кто-то наверху из состава политического руководства продолжал отстаивать эту бредовую затею. Но, видимо, здравый смысл начал понемногу возобладать. Думаю, что нам в какой-то степени удалось сдержать первый накал страстей, в дальнейшем эта затея не будировалась, наши выводы легли в архив.

Но это не означало, что наверху успокоились и прекратили поиск новых ходов для так называемых в то время ответных мер. Продолжалось наращивание группировки ракетных войск, которая вооружалась подвижными ракетными комплексами, шли поиски новых путей. Вопрос с Чукоткой как бы положили под сукно, про запас. Но в мой адрес иногда проскальзывали упреки в том, что я загубил такую реальную возможность еще раз достать территории США без дополнительного развертывания подводных лодок-ракетоносцев или дальней стратегической авиации. Для нас, военных, абсурдность этой затеи была очевидной, но то, что вокруг этого все же продолжались разговоры,

я считаю, лишний раз доказывало то, что Генштаб, как высшая военная инстанция превращался в безгласный придаток политической верхушки. Нам пытались доказать, что эта идея не имеет военного значения, это чисто политическое мероприятие только руками военных. Это действительно так, но тогда нужно «лепить» соответствующее постановление и ставить задачи военным. Но даже на верху считали нужным чем-то прикрыться.

Мы понимали зависимость Генштаба, мне неоднократно приходилось говорить с его представителями, многие понимали опасность безудержного накопления ракетно-ядерного оружия. В то время в армии все более начало ощущаться расслоение среди офицеров. Основная масса их оставалась недовольной своим положением. Внешне все было, как и прежде, но настроение людей теперь формировалось не командирами, а тем более политработниками. Лечить армию можно было только изменением внутренней и внешней политики, глубоким реформированием общества и самих вооруженных сил. Но в центре и на местах партийное руководство и военная верхушка думали по другому, всячески упирались, тормозили и тем самым сами вели себя к неминуемому краху.

Но уже не вся армия так слепо верила в этот курс. Тогда еще не провозглашалось, что армия должна быть вне политики. Партия слепо придерживалась марксистско-ленинской теории, по которой военные системы государства являлись орудием пролетариата, сго диктатуры. Пытаясь выступить в роли защитника, благодетеля армии, правящие круги с помощью послушной прессы начали травлю придуманных ими же «клеветников» армии, пытающихся очернить ее роль и заслуги перед народом. Но большинство офицеров прекрасно видели истинные причины: в обществе назревали неразрешимые противоречия, старый режим трещал далеко до памятных событий 1991-го года. В офицерских кругах теперь уже в открытую звучали осуждения демагогических уловок типа «общества развитого социализма», человеческого фактора, нового мышления и т. п. На различного рода занятиях, семинарах, особенно по изучению теории марксизма-ленинизма офицеры делали выводы об отсутствии в стране любых признаков социализма. Социализм, если только он возможен, мог быть продуктом исторического развития общества, а не плодом утопической теории, он может появиться, как все исторические формации, в том числе капитализм, медленным эволюционным путем. Нельзя было феодализм, капитализм создать при помощи указов, лозунгов. Такие процессы присущи обществу, а не кучке каких-либо учредителей. Наше общество было заторможено в своем развитии, прозябало в условиях жесткого тоталитарного режима, где властвовала не партия, не коммунисты, а кучка саморазвивающихся номенклатурщиков. Лозунг неограниченной свободы, с которым большевики обратились к народу, оказался обманом. Это было средство для захвата власти, а в выборе средств они не ошибались. Всеобщие

выборы так и не были проведены в жизнь. Общество, где были подавлены свобода слова, независимая печать, свобода мнений, собраний, всеобщая провозглашенная свобода, так и не родившись, умерла. Диктатура пролетариата, о которой говорила марксистская теория, также, не родившись, еще при Ленине, умерла. Она была заменена диктатурой горстки политиков.

Полная закрытость, засекреченность деятельности руководства партии и страны еще больше усиливали недовольство в обществе и армии. Ложь приняла государственные рамки. В свое время У. Черчилль говорил: «...В военное время правда является такой драгоценностью, что ее всегда должен охранять целый отряд лжи...». У нас через сорок с лишним лет после войны легионы спецслужб и номенклатурных работников держали правду взаперти.

Еще более опасным стало проникновение в армейскую среду различного рода националистических идей.

Ф. Достоевский писал: «...В русском человеке приверженность к великой идее удивительно сочетается с величайшей подлостью, и чего в нем больше, великой ли идеи или подлости, покажет будущее...»

Большая часть офицеров в главном штабе трезво оценивала происходящее. Офицерские собрания, партийные конференции уже не могли проводиться по раннее установленному шаблону, люди требовали выполнения хотя бы тех формальностей, которые вписаны в партийные документы, кое-где стала проскальзывать критика в адрес выборных лиц в партии. Легкий, чуть-чуть заметный свежий ветерок всколыхнул офицеров, поднял небольшую зыбь.

Так понимали и мы, когда набрались смелости отстаивать единодушно выработанное нами мнение по Чукотке. И сейчас по прошествии некоторого времени нам можно немного быть довольными собою.

Но, как я писал выше, политическое руководство судорожно искало все новые пути для демонстрации силовых, мускульных возможностей страны и всего Варшавского договора.

В то время проскальзывали высказывания политологов, а теперь и историков о том, что в годы Брежнева, а потом и Горбачева был нарушен баланс сил политического и военного руководства. Делается попытка посеять мнение, что в те годы произошло усиление влияния военных на политику. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что это не так. Внешне действительно может показаться, что безудержная гонка вооружений, милитаризация страны, на руку только военным. Министр обороны в те годы прочно обосновался в членах политбюро. Но на этот счет выскажу не только свое мнение о том, что А. А. Гречко, и особенно Д. Ф. Устинов, в армии были одиозными фигурами, в военной среде авторитетом не пользовались, именно в их лице, как никогда в другие годы произошло сращивание партийного и воен-

На учениях «Запад-81», справа налево в первом ряду:

*Шаварин А.Я. — командир дивизии; Казыдуб Г.И. — генерал Главного штаба;
Вишенков В.М. — начальник Главного штаба; Толубко В. Ф. — главнокомандующий РВСН;
Горчаков П.А. — член военного совета РВСН; Куринной И. И. — член военного совета армии;
Сальницкий И. Т. — начальник отдела Главного штаба*

Работа в Нижнем Тагиле, слева направо:

*Козловский Н.И. — начальник политотдела дивизии
Казыдуб Г.И. — генерал Главного штаба
Крыжко А.Л. — командир дивизии*

На учениях, слева направо: *Сергеев И.Д. – генерал-лейтенант; Петранков В.И. – генерал-лейтенант; Казыдуб Г.И. – генерал-майор; Мелехин А.Д. – генерал-полковник; Вишенков В.М. – генерал-полковник; Кочемасов С.Г. – генерал-лейтенант; Яшин Ю.А. – генерал-полковник*

На учениях, первый ряд справа налево: *Казыдуб Г.И. – генерал-майор; Максимов А.А. – генерал-полковник; Вишенков В.М. – генерал-полковник; Горчаков П.А. – генерал-полковник; Яшин Ю.А. – генерал-полковник; Говоров В. Л. – генерал армии*

ного руководства, чрезмерно раздутое влияние партийного руководства внутри армии, возросшее кастовое положение политических органов во всех звеньях военной иерархии. О каком балансе может в таких условиях идти речь?!

Непрекращающийся зуд гонки вооружений в эти годы породил новую авантюрную идею. Со стапелей военно-промышленного комплекса готовился к выходу прообраз ракетного комплекса СС-20 («Пионер»), с чуть уменьшенными характеристиками. Его прозвали «Скорость», видимо, за короткие сроки его разработки. Пусковая установка на четырехосном шасси несла ракету с ядерным зарядом и имела возможность пустить ее с любой точки раннее выбранного и геодезически привязанного маршрута. Успех сверхбыстрой разработки, казалось, довольно сложного комплекса объяснялся тем, что все конструкторские и инженерные решения были взяты с другого, уже начавшего поступать в войска, ракетного комплекса.

Так вот, несмотря на то, что этот комплекс имел все характеристики стратегического оружия и по существующей договоренности США не мог быть не учтен в боевом составе стратегических ядерных сил, наша сторона, как всегда, «скрытно» принимает решение о размещении его на территории ГДР. Заранее оговорюсь, что эта затея была сорвана, так как другая сторона была прекрасно осведомлена и на этапе окончательного уточнения боевых составов обеих сторон настояла на включении этого только что созданного комплекса на уничтожение. Все это будет потом, а сейчас – очередной ажиотаж, поступило новое постановление ЦК КПСС и Совета министров.

В составе Западной группы войск, которая размещалась в Восточной Германии, были две бригады, вооруженные старым ракетным комплексом ТР-1 оперативно-тактического назначения, то есть имел незначительную дальность стрельбы, в пределах тысячи километров. Еще одна такая бригада была в составе Центральной группы войск, которая размещалась в Чехословакии. Вот «горячие головы» в ЦК, да и в Генштабе предложили вооружить эти бригады новым ракетным комплексом «Скорость». Для этого необходимо было произвести практическую оценку возможности выполнения этой задачи. При этом ставилось условием выработки совместного предложения по этому вопросу, как Ракетных войск стратегического назначения, потому что этот комплекс все же был стратегическим, так и сухопутных войск. Уже на этой стадии Генштаб склонялся к тому, что этот комплекс должен оставаться в составе Ракетных войск стратегического назначения, единого мнения в сухопутных войсках не было.

Для подготовки обобщенного предложения и изучения условий размещения этого оружия непосредственно на новых местах была создана объединенная комиссия специалистов от Генштаба, ракетных и сухопутных войск. От сухопутных войск старшим был назначен генерал-полковник Михайлин В.М., группу от ракетных войск было приказано возглавить мне. Генштаб ог-

раничился выделением в состав комиссии одного офицера.

Вылет в Германию был назначен на 18 декабря 1984 года. Самолет приземлился на аэродроме в Шперенберге. Сразу же, не заезжая в штаб группы войск, выехали на машинах в Фюстенберг, севернее Берлина, где размещался штаб 2-й танковой армии.

Основная часть бригады размещалась в только что построенном немцами городке. Построен добротно, с немецкой аккуратностью, казармы выглядят лучше наших квартир. При приеме городка присутствовал сам Хоннекер, который побывал в семьях офицеров, везде вручал в виде подарка сервизы. Старик тогда твердо знал, от кого зависит его же благополучие. Осмотрели бывшие стартовые позиции советских стратегических ракет Р-11 в Нойтимене. Еще в 50-х годах по указанию того же Н.С. Хрущева, как и на Кубе, в ГДР с целью увеличения досягаемости ракет разместил скрытно на территории ГДР инженерно-ракетную бригаду специального назначения. А сегодня наше руководство ничего другого не нашло, как совершить такой же безрассудный шаг, олицетворяющий пик холодной войны. Заехав в штаб бригады, который размещался в Штрелиц-Альте, наша группа отправилась на отдых в штаб армии. Я с полковником Бибиком В.С. немного задержался. Перед выездом уточнил у водителя, знает ли он дорогу. Было уже темно, а наш водитель – молодой. Мы были без карты и забыли, что находимся в другой стране. Через несколько километров мы поняли, что допустили глупость. Вначале молодой солдат пытался показать, что едет правильно, но выехав несколько раз в один и тот же тупик, он растерялся и признался нам, что в штабе армии никогда не был. Более глупого положения не придумаешь. Нам стало ясно, что заблудились. Не случилось со мною такого даже в войну. Мы не на своей земле, обращаясь к местным жителям – немцам в форме советского генерала было бы непростительно и опрометчиво. Но солдат признался, что теперь не знает дорогу и назад, в штаб бригады. Бибик попытался зайти в ближайший дом, чтобы уточнить дорогу, но я ему запретил это делать.

Помню, рассказывали не то анекдот, не то и впрямь был такой случай. Шли учения наших войск на территории Германии. В пути колонна машин, впереди – офицер с картой. Дорожный знак с надписью «Умляйтунг», конечно на немецком языке. Офицер растерянно стал рассматривать карту, такого населенного пункта нет, значит, колонна идет не тем маршрутом. Как всегда, обратились за помощью к жителям. Немец быстро сообразил, что русский растерян, на ломанном русском стал офицеру как бы подыгрывать. Дело в том, что «Умляйтунг» на немецком языке обозначает «Объезд», а наш офицер даже этого не знал. Мог ли он вызывать уважение у немцев. О, я, я, правильно едешь, дальше деревня «Блуденхайм» – с юмором ответил немец. Я не хотел оказаться в дурацком положении этого несчастного капитана. Приказал водителю ехать на шум моторов, видимо там была основная

магистраль. Вскоре мы выехали на большую дорогу, по которой шла колонна наших машин. Оказалось, что мы блудили вокруг Фюстенберга, в пяти километрах от штаба армии.

В штабе 1-й танковой армии мы занялись второй бригадой, которая размещалась в Кенигсбрюке, вблизи Дрездена. Два дня нам потребовалось чтобы оценить достоинства и недостатки этого места. Но для нас, ракетчиков, уже было ясно, что эти места – не Чукотка. Изобилие дорог, прекрасные городки, условия для семей офицеров – все это привлекло бы любого командира. Но чрезмерная заселенность, а отсюда большая опасность ядерного оружия, и, наконец, моральная сторона этой затеи сбивала нас с оптимистических выводов. Чем больше мы склонялись к тому, чтобы вывести ракетные войска вообще из этого дела и, если на что и соглашаться, то только на оперативное подчинение этих бригад, т.е. на боевое управление ими по существующей системе. Другого мнения были сухопутчики вместе с генералом Михалиным В.М. Все более откровенно они стремились навязать нам свою идею: полностью передать бригады ракетным войскам уже сейчас, при этом возложить на них и предстоящий значительный объем строительства.

Вот с такими разногласиями мы выехали в Вюнсдорф, под Берлином, где размещался штаб Западной группы войск. Встреча с главкомом этой группы М.М. Зайцевым дала возможность нам понять, что у сухопутчиков единого мнения по этому вопросу нет. По крайней мере сам Зайцев имел свое, отличное от Генштаба, мнение. Встретил нас М.М. Зайцев как радушный, но знающий себе цену, хозяин.

На огромной рельефной карте, а это он делал каждый раз при посещении его войск новыми людьми из центра, Зайцев довольно самоуверенно и убедительно доложил выводы из военно-политической обстановки в Европе. Сами выводы были поверхностны и путанны. В его докладе неоднократно проскальзывало стремление обвинить Генштаб и высшее руководство в недооценке сил противника, в нежелании создания паритета сил с обычным вооружением, особенно в авиации и ракетах оперативного назначения. Выводы М.М. Зайцева буквально спутали планы В.М. Михалина, которые были им согласованы в Главном штабе сухопутных войск накануне выезда в Германию. Там они пришли к выводу, что надо попытаться отказаться от нового ракетного комплекса и, если все-таки политическое руководство страны будет настаивать на его развертывании в составе Западной группы войск, в Германии, пытаться навязать его ракетным войскам.

М.М. Зайцев сразу же однозначно выразил свою мысль, этот ракетный комплекс нужен ему, а не Огаркову. Он постоянно подчеркивал, что в случае войны ему придется самостоятельно принимать решение, в том числе и на применение ядерного оружия. «Поймите меня, я не дождусь приказа сверху, я скован, а потому легко в первые же часы буду выведен из строя». И мы,

ракетчики его понимали. Система нашего политического руководства инертна, в лабиринте бесконечных согласований гложет любой вопрос. Такая же судьба может ожидать и решение в страшном дефиците военного времени.

Из этого небольшого эпизода уже можно было сделать вывод о том, что в высшем военном руководстве отсутствовало единое понимание в решении таких важных задач, как начало войны и место каждого звена в руководстве вооруженными силами. Мнение главкома на одно из важнейших стратегических направлений Генштабом не изучалось и не принималось во внимание. Это лишний раз подтверждает, что Генштаб мало заботился о настроении даже таких военачальников, как главкомов направлений, не достигал единства в понимании общей военно-политической обстановки.

М.М. Зайцев, разобравшись в сути нашей работы, принял решение, не ожидая наших выводов, подготовить и направить в центр самостоятельный доклад. В ходе разговора он без намеков дал понять, что любые наши предложения им не будут приняты, при этом сквозила его надменность, бесцеремонность, а как мы потом слышали, проявлял в работе самодурство. Видимо с этим можно увязать случай, произошедший при нас, когда по его приказу начальник штаба артиллерии генерал-майор Крюков А.С. вскрыл папку с совершенно секретными документами, принадлежащую генерал-полковнику Михалину В.М., изъяс оттуда две схемы, карту. С этими документами М.М. Зайцев во главе группы офицеров штаба выехал в район Магдебурга (Альтен-Грабов), как мы догадывались, для проведения собственной рекогносцировки.

Нам надо было лететь в Чехословакию для завершения работы, но В.М. Михалин без этих документов лететь не может. Москва, видимо, уже была достаточно знакома с подобными выходками этого генерала, и на жалобу В.М. Михалина был дан совет спокойно продолжить начатую работу.

Приземлившись на аэродроме в Божьем Даре, мы добрались до штаба группы, размещавшемся в Мильовице.

Все эти места мне довольно хорошо знакомы еще с военных лет. Война для меня завершилась в Праге, на аэродроме Рузине, куда мы вышли 8-го мая после броска из-под Берлина. Через некоторое время наша дивизия была расформирована, и я попал в 13-ю гвардейскую механизированную, которую разместили под Прагой, в местечке Мильовице, здесь же размещался штаб нашей 5-й гвардейской армии, которой командовал генерал-полковник А.С. Жадов. В Божьем Даре, где теперь был аэродром, мы, молодые офицеры, посещали танцы, там собиралась молодежь из близлежащих сел.

Припоминается один курьезный случай из тех лет. Пошли как-то, я и мой товарищ по роте лейтенант Хрусталева П.А., развлечься в это село. Мне танцевать как-то не хотелось и я прогуливался около клуба. Было довольно темно, как вдруг в глаза ударил яркий свет фар. Я был очень удивлен, когда

увидел на мотоцикле старшину нашей роты, который уже больше недели находился в отпуске. Он предложил выехать в один из населенных пунктов, к его знакомым, там хорошо можно отдохнуть. Был выходной день, и мы с удовольствием согласились. Хотя дорога была прекрасной, но ехали мы долго, оказалось, что до этого села было около 80 километров.

Действительно встретили нас, как родных, старшину почему-то называли паном инженером. Оказывается, наш старшина пользовался крайней наивностью этой чешской семьи, смешанной с обычной человеческой жадностью. Влез он в их доверие самым простым способом, представившись русским инженером, направленным в эти места для строительства кондитерской фабрики. Хозяин этой семьи по нашим советским меркам, чувствуется, был не бедным человеком. Большой каменный дом, богато обставленный, а главное, что нас удивило – невиданно шикарный стол в нашу честь. И это в то время, когда в Чехословакии, как и во всей Восточной Европе, сразу же после войны ощущался если не голод, то острый недостаток продовольствия.

У чехов была дочь, и мы догадались, что старшина, не без помощи родителей, ее обхаживает, они признали его своим зятем. Началось застолье, которое тянулось всю ночь. Я все чаще посматривал на часы, скоро утро, наступил понедельник, а это общий развод всей дивизии на огромном плацу, следование на стрельбище под оркестр. Но старшина куда-то исчез, Хрусталева изрядно пьян, чех продолжает нас потчевать. Я начал наседать на него, чтобы нашелся Чернобаев. Наступил рассвет. Наконец, видимо, боясь осложнений, хозяин вывел из-под дома большую, покрытую черным лаком машину и пригласил нас доставить в часть. Нам ничего больше не оставалось, начало всходить солнце, скоро начнется развод на занятия.

К штабу армии мы подъехали, когда показалась первая колонна дивизии. Все произошло по злему закону. Из-за угла штаба армии мы выехали, когда там показался первый батальон 39-го полка, а это был наш батальон, впереди вышагивал щуплый, но злой, как собака, командир батальона капитан П.А. Головкин. Увидев черную машину со стороны штаба армии и, конечно, приняв ее за машину большого начальника, П.А. Головкин подал команду: «Подтянись! Взять ногу!». И строевым шагом направился в нашу сторону для рапорта. Мы оказались, как на эшафоте, проехать дороги не было, Хрусталева открыл дверь машины и вывалился, как куль, вслед за ним вышел и я. Головкин, какое-то время ничего не понимая, смотрел на нас расширенными глазами, а потом придя в себя, заорал истощенным голосом: «Марш в строй, негодяи!»

Так бездарно завершилось такое приятное турне. Виновник нашего с Хрусталевым проступка, ротный старшина как ни в чем не бывало, вернулся в строй через тридцать дней, с большой достоверностью рассказывал обо всем, что он видел в России, в своей родной Туле. Так что эти места я знал

не по карте.

Тогда мы вошли в Прагу, как победители. Чехи нас встречали более чем восторженно. Был я в Польше, Германии, Австрии, Венгрии в военные и первые послевоенные годы. Нигде к нам не было такого дружеского, сердечного отношения, как в Чехии. Простые люди, душевно открытые, верили нам, оказывали всяческие услуги. С такой же теплотой проходили наши проводы в октябре 1945 года. Мы уходили в Австрию. По Праге войска проходили пешим строем. Все улицы, площади были забиты народом. В нашу сторону бросали цветы, угощали вином, сладостями. На Вацлавской площади вместе с народом был Президент Чехословакии Э. Бенеш с членами правительства. Многим солдатам, офицерам здесь же вручались чешские ордена и медали. Так могли провожать только друзей.

В те радостные дни в Чехословакии, да и у нас, никто не мог знать, что советские войска возвратятся, но совсем по-другому, без ликования и праздничных торжеств. Они вернутся, чтобы пролить кровь тех, за кого клали головы в годы войны, чтобы штыками продлить неминуемую агонию социализма.

Это произошло весной 1968 года, когда политическое руководство нашей страны, испугавшись событий в этой стране («Пражская весна») увидело угрозу социализму и приняло решение на ввод войск в Чехословакию. Это были другие войска – оккупационные, призванные стоять на страже тоталитарного, антинародного режима.

В Чехословакии в 1968 году не было уличных боев в отличие от Венгрии 1956 года. Не было охоты за коммунистами, как это писала наша печать, не было осквернения памятников и могил советским солдатам, даже не было грубых антисоветских лозунгов. Это была, сейчас уже нет ни у кого сомнений, самая корректная, «джентльменская» революция. Но политбюро во главе с Л.И. Брежневым на чехословацкие события наложило венгерский стереотип. Руководителю «Пражской весны» Александру Дубчеку были предъявлены явно невыполнимые требования.

Когда-то Ницше заметил, что у немцев нет пальцев для нюансов. У нашего руководства не оказалось ни пальцев, ни времени, было не до нюансов. Хотя были попытки как-то убедить общественное мнение, в том числе и в Чехословакии, в необходимости этой «дружеской» помощи Варшавского договора, но надо сказать, что общественного мнения в нашей стране все эти годы не существовало, народ спал.

Солдатам, офицерам, участвующим в этом «блицкриге» как всегда объяснили, что народ Чехословакии нуждался в помощи, ибо назревала угроза извне. Операция была проведена без единого выстрела. Хотя здесь надо оговориться. Для Чехословакии это вторжение было внезапным. Ее армия к этому времени была «нацелена» на обеспечение обороны вдоль границ с Западной Германией. Между 15 июля и 15 августа 1968 года 11 из 12 чехословацких дивизий были переброшены на западную границу. Это позволи-

ло вывести войска Чехословакии из вполне возможного вооруженного конфликта и беспрепятственно ввести до 600 тысяч «дружественных войск при поддержке семи тысяч танков, этому способствовало и то, что накануне этой операции был арестован министр обороны М. Дзур, который мог отдать приказ армии о сопротивлении вторжению. С тех дней народ Чехословакии в наших войсках видел не друзей, не освободителей, а прямых оккупантов, т.е. своих врагов.

Мы это почувствовали на себе на улицах Праги. Отчужденный, иногда колющий взгляд, односложные ответы – это никак не напоминало тех чехов, которых я видел в 1945 году. Особенно это бросалось в глаза мне, свидетелю тех далеких лет, когда мы уходили из этой страны.

Но вернемся к сегодняшним дням. Сразу же с самолета мы направились к командующему Центральной группой войск генерал-полковнику Ермакову В.Ф. Знакомство с нами он начал со скучного рассказа о себе, о своем пребывании на должности командующего 40-й армии в Афганистане, заместителя командующего ТуркВО и последующего перевода в Чехословакию. С первой встречи по сравнению с М.М. Зайцевым, Ермаков Б.Ф. выглядел несколько флегматичным, даже безразличным человеком. Но, как выразился Михалин, такое впечатление было обманчиво. И мы в этом убедились в ходе нашей работы.

Нам надо лететь на Вожор, это в шестидесяти километрах от Оломоуца. Но вылет задерживается. Там чешский аэродром, нам говорят, что нет погоды, но это было не так, виной были рождественские праздники. Когда мы приземлились, нас встречал сержант чехословацкой армии, самый старший на аэродроме. Показался он нам любезным, словоохотливым гражданским человеком. Он искренне доложил, что вся служба аэродрома и командование разъехались по домам в связи с праздником. Это был военный аэродром, на котором базировалась истребительная авиация.

Но, как мы потом убедились, такие порядки были и в других воинских частях чехословацкой армии, что не укладывалось в наших советских военных головах.

В одном из городков для нашей артиллерийской бригады чешские солдаты строили казармы. На рождественские праздники, как и во всех частях, солдаты разъехались по домам. Но и здесь не обошлось без очковтирательства. Для того чтобы показать прибывшим советским генералам, что строительство не прекращается даже на такой праздник, несколько человек имитировали работы в городке. Мы пошли в одну из казарм. В одной комнате наши костер, вокруг которого грелись строители, у отопительной батареи спал, как потом нам сказали, пьяный солдат. На стене, видимо, тоже для нас, вывесили бумажку с пометками о соцсоревновании. Я подошел к группе солдат и сказал, что социализм они так не построят. Один из них на ломанном русском языке ответил: «Да, конечно. Я по профессии инженер, но сейчас

солдат. Дело в том, что у нас работать некому: чехи ленивы, а словаки пьяницы, нас же мало». «А кого это вас?» – спросил я. «Да нас, цыган, мало».

Оказывается, в Словакии много цыган, их также призывают в армию, вот один из них и решил обратиться к нам. Порядки те же, что и у нас, хотя качество работы намного лучше.

Назад в Прагу возвращались на машинах через Оломоуц, Казмеров, Ярослав, Остретин, Мильовице.

Вторая встреча с Ермаковым. В отличие от Зайцева, Ермаков не высказал стремления завладеть новым ракетным комплексом. Его пугал немалый объем строительства, для чего он считал потребуется не менее десяти строительных батальонов, которых у него нет.

Но от нас ждали не мнения командующих, а полный доклад о порядке развертывания ракет как в Германии, так и в Чехословакии. Наши выводы с сухопутчиками не состыковывались, договориться по принципиальным вопросам мы не смогли. Было принято решение готовить отдельные доклады от ракетных и сухопутных войск, мы подготовили обоснования возможности оперативного управления этим комплексом со стороны РВСН, все остальное, в том числе и строительство должны взять сухопутные войска.

Однако ракетный комплекс «СКОРОСТЬ» так и не был поставлен на боевое дежурство в этих районах, более того он не был до конца разработан промышленностью. Видимо, у кого-то хватило ума отказаться от этой провокационной затеи, хотя оборонная промышленность вела достаточно упорную борьбу за его сохранение. Из-под рук Министерства оборонной промышленности ускользал значительный куш бюджетных средств, значительный кошель высоких премий и наград. Не в правилах ВПК упускать такие лакомые куски.

Оставалась надежда на подвижный ракетный комплекс СС-20, заказы на который росли с каждым годом. На западе страны уже все дивизии средних ракет были перевооружены на этот комплекс. Теперь оставалась Сибирь, где материальные затраты превзошли все наши первоначальные расчеты. Значительная часть этих средств шла на строительство дорог, мостов. Теперь в бюджете ракетных войск навсегда нашла свое место статья на эти расходы. Проведенная нами ревизия мостов на транссибирской магистрали, вскрыла вопиющие безобразия в их строительстве. Принятые государственными комиссиями мосты на реках Белая, Ангара, Иня, Иркут, дорогостоящие инженерные сооружения были построены с грубейшими отклонениями от проектной документации, не соответствовали заданной грузоподъемности. Большая часть из них через несколько лет эксплуатации оказалась в аварийном состоянии и были закрыты для проезда. Линии электропередач, виадуки были ниже проектных требований, проезд под ними наших большегрузных машин был невозможен. Возможности маневрирования ракетных комплексов оказались чрезвычайно суженными. В таких

условиях выбор полевых позиций для боевых порядков полков и дивизионов стал одной из главных и трудоемких задач командиров всех уровней, в том числе и главного штаба.

Теперь дома и на третьем этаже Главного штаба мы бываем редко. Самолет, вертолет, поезд, автомобиль – были нашим домом. На вертолетах мы облетали Западную и Восточную Сибирь, побывали в самых глухих местах. И с каждым таким выездом мы все больше убеждались, как же мало мы знали свою страну, людей в ней живущих. Раньше мы воочию убеждались, как мало осталось жителей в деревнях Центральной России, особенно в так называемом Нечерноземье. В Сибири мы встретились с совершенно пустующими селами. Жуткую, кошмарную картину представляют покинутые, брошенные избы, жилища людей. Севернее Омска, выше районного центра Тары в заброшенных деревнях мы находили умирающих, беспомощных стариков. Месяцами сюда не завозились продукты, эти люди прошили у нас хлеба.

Я знаю, что такое голод, я видел голодных людей в годы войны. Но то была война, голод имел свою причину, люди верили в жизнь, надеялись. В глаза стариков, которых мы увидели через сорок с лишним лет после войны, смотреть было страшно. В их глазах была безнадежная тоска, они были сухи, без слез. Как же стоит после этого относиться к нашему ленинскому ЦК, отцам-руководителям партии и страны, местным властям.

Невольно в памяти возникает картина встречи с Л. Брежневым, который на закате лет своего длительного правления решил проехать по необъятным просторам великой страны, брошенной в беспросветную бедность, опустошенной за многие годы варварского владычества большевистской идеологии.

Глава одиннадцатая

**СТРАНИЧКА ИЗ «ЗАСТОЯ».
«ЦАРСКИЙ» ПОЕЗД ПЬЯНОГО ГЕНСЕКА**

Говорят, что очень давно, еще до начала нашего летоисчисления северные берега Черного моря посетил Геродот. Верным взглядом он взглянул на страну, на племена, в ней живущие, и записал в своей бессмертной книге, что племена эти ведут образ жизни, какой им указала природа этой страны.

После этого ушло много веков, несколько раз менялись племена. На этих землях образовалось могущественное государство. Но долго еще в жизни сохранялось явление, подмеченное знаменитым греком.

Но пришел черный двадцатый век. Ход событий пошел против законов матери-природы. В 1917 году произошел противоприродный бунт, Россия подчинилась силам зла.

В истории Руси было немало безобразного. Всегда здесь рвались к власти. Дети убивали отцов, отцы убивали детей. Грязные руки легко достигали цели. Но Русь еще не испытывала такой жестокости, такого невиданного кровавого насилия. В гражданской неразберихе, в экономической разрухе власть шаталась. К ней тянулись из дворцов и хижин, тянулись просто с улицы. Большевики со своим террористическим содержанием легко, на обмане взяли власть, поправ все законы, объявили себя вершителями судеб народов, отобрали свободы, открыли дорогу в рабство.

Этому было начало, этому пришел конец.

Ленин, устремленный в будущее, мечтал превратить «...все общество в одну контуру и одну фабрику с равенством труда и равенством платы...». Его устремления, основанные на теории насилия, сопровождались морем крови, страданиями миллионов людей. В сталинские годы это стало системой, машиной, дробящей кости и черепа с садистской методичностью, по зловещему плану. Так родилась и расцвела невиданная в истории империя зла и насилия.

Правящая верхушка жирела, разлагалась, издавая зловоние и смрад. Назревал неминуемый крах безумному замыслу, бесчеловечной идеи.

Мы все вышли из этого времени, нам трудно его оценивать, каждый из нас жил по своему, жил в себе. Со временем страх улетучивался, уступая вседозволенности, стихии, разгулу зла и невежества. Но в одном мы оставались похожими, во лжи. Ложь стала засасывать все слои общества. Вра-

ли верхи, с не меньшей изобретательностью вторили им низы. Ложь изрыгалась телевидением, печатью. Везде в коллективах, на производствах брались любые задания, так называемые «встречные» планы. Все и всем было под силу, потому что результаты были дутыми.

Все тогда жили двойной жизнью. Если где пробивалась правда, то и она рядилась под ложь. Для Руси это всегда было нормой. Кто говорил правду?

Юродивые, шуты, да скоморохи. И тогда, и сейчас люди слышали, иногда читали о правде, чаще правду высказывали дома. В остальном – всеильна ложь. Мы приспособливались к «мирному сосуществованию» лжи и правды. В этом, может быть, наша русская загадочность, двойственность. Любую работу мы выполняем с двойственным чувством и никогда не доводим до конца.

Мы стали свидетелями опасного явления для общества, когда ложь стала окутывать армейскую среду.

То было время, которое сегодня принято называть «застойным». Пишется о нем немало, но объективная оценка этому историческому явлению еще не дана.

Отодвигаясь от этого неоднозначного периода, с расстояния, более обнаженно и отчетливо встает картина того болота, в котором пребывали верхи, отвратительная, антинародная власть номенклатурного класса, паразитирующего на теле общества, бесстыдно проедающая и разбазаривающая народные средства.

И как любая аномалия в природе, противоречащая ее закономерностям, она имела начало и конец. И конец не был кратковременным, была агония, разгул взяточничества, казнокрадства, очковтирательства и небывалый размах пьянства. Пьянство стало государственным мерилом оценки пригодности и подбора кадров. Наступило время торжества бездарности, хамства и бесстыдства.

При Сталине всегда присутствовала безнравственность верхов, облеченная в аскетические формы, нормы ее выставлялись за пределы человеческих возможности.

В эпоху Брежнева возобладал моральный цинизм, последствия которого стали не менее опасны, так как, становясь как бы модным, он попадал в зависимость от тех, по отношению к которым нравственные нормы теряли границы.

Внешне, как и при Сталине, продолжала оставаться официальная проповедь личной неприхотливости, суровой требовательности к себе и обществу, самоотречение во имя блага большинства. Но это внешне. В действительности среди всего номенклатурного слоя партии и государства все более распространяется пьянство, протекционизм, воровство, взяточничество, пренебрежение нищенским существованием большинства общества. В стране как бы все застыло, воцарился золотой век бюрократии. Воло-

кита, ложь, несправедливость, демагогия стали доминировать на всех уровнях.

Наиболее отчетливо деградация личности руководителя проявилась в Генеральном секретаре ЦК КПСС Л.И. Брежнев. Трагикомическое состояние этой личности было заметным даже на фоне нравственно деформированного слоя госаппарата. Среди людей множились и распространялись были и небывалые, анекдоты о личной жизни «вождя».

Окруженный сонным подхалимом, он потерял элементарное чувство реальности и разума. Венцом его личного безумия и безудержного восхваления стала организация так называемого «царского поезда» в последние годы жизни Брежнева.

Страна вползала в экономический крах, хаос, небывалую разруху.

Общество лихорадило. И в это время руководители партии и государства чтобы отвлечь общественность, планируют показательную поездку по стране главы партии и государства. Театром абсурда назвали эту затею здравые головы у нас и за рубежом.

Мне выпала «честь» быть непосредственным свидетелем и активным участником этого абсурда.

Конец марта 1979 года. Уже несколько дней телевидение, газеты, вся партийная пропаганда взалхлеб пели хвалебные гимны «большому историческому» событию в жизни страны, подхватывали и возносили каждую фразу Генсека, каждое его изречение. Все это возводилось в программу действующий для страны, области, каждого завода, колхоза.

Путь поезда лежал на Восток, что само по себе было символично. Русь уже давно прирастала Сибирью. По всему пути транссибирской магистрали, от Москвы до Владивостока шла горячая подготовка к встрече высокого гостя.

По директиве ЦК КПСС во всех областях, городах по пути движения поезда готовились пышные, парадные мероприятия. Везде разрабатывали сценарии этих торжеств, асфальтировались дороги, красились фасады домов. Страна должна была встать во всем своем величии перед глазами своего «кумира», «любимого» Ильича.

Не оставались в стороне и Вооруженные силы. Во всех гарнизонах, военных округах определялись воинские части для посещения Брежнева. Как и везде, все перестраивалось, перекрашивалось, лакировалось. Средства на все это не жалели.

В Ракетных войсках стратегического назначения в соответствии с этой же директивой подготовка к этому «историческому событию» началась заблаговременно. Во все дивизии были направлены указания. Но для показа была определена одна дивизия, размещенная под Читой. Этот выбор не был случайным. В этих местах, в Песчанке, в свое время в танковой части Леонид Ильич проходил воинскую службу.

Для показа новых ракетных комплексов в пятидесяти километрах от Читы возводились специальные дорогостоящие сооружения. И, видимо, как всегда в таких случаях, кроме прокладки новых дорог оборудовались места для отдыха и принятия пищи. Работы шли широким фронтом. Для ракетчиков, строителей эти работы были объявлены, как государственная задача первостепенной важности.

Величественный поезд начал свое движение на Восток, но у нас еще время оставалось, и поэтому в ракетных войсках проводились плановые весенние оперативные сборы командующих армиями и ракетными дивизиями. Первая часть занятий была уже проведена на полигоне в Тюра-Таме (Байконуре), и участники перелетели в Капустин Яр, под Волгоградом, где под руководством главнокомандующего В.Ф. Толубко проводились показательные занятия по боевому применению ракет средней дальности. Толубко внимательно следил за движением поезда, нервничал, торопил занятия. Его мысли были в Чите, где впервые должен состояться показ нового ракетного комплекса СС-20. От успеха показа зависела судьба не только этого комплекса – детища министра обороны Д. Ф. Устинова, но и самого Толубко. В то время усиленно ходили слухи о возможном его назначении на должность начальника Генерального штаба. Действующий его начальник Н.В. Огарков все более впадал в немилость.

26 марта Д.Ф. Устинов передал В.Ф. Толубко, что показ будет не в Чите, а в Новосибирске, где размещалась ракетная дивизия с таким же ракетным комплексом, при этом была определена дата – 30 марта. Для нас – это неприятная неожиданность, время в обрез. Все наши планы спутаны. В.Ф. Толубко приказал мне с группой генералов и офицеров вылететь в Новосибирск и организовать подготовку ко встрече Брежнева. Оставалось три дня. В Чите мы готовились около двух месяцев, что можно сделать за оставшееся время. Хотя со мною приехали опытные офицеры, но необычность задания и дефицит времени не сулили нам успеха.

Полки дивизии располагались на правом берегу Оби, штаб – в поселке Пашино. В 1960 году в этой дивизии началась моя ракетная биография.

Несколько часов нам потребовалось, чтобы выработать порядок работ по подготовке, по карте наметить возможные места для показа. На следующий день выбрали поле для показа ракетного комплекса, приступили к его оборудованию. Наиболее сложной была доставка самолетами ракет с полигона Капустин Яр, перезарядка ими пусковых установок. Это была затея Устинова, он загорелся желанием показать не просто ракетный комплекс, но и его работу, вплоть до установки ракет в вертикальное положение.

Вся подготовка шла авральным способом. Ремонтировалась дорога с покрытием нового асфальта от вокзала до места показа, а это более пятидесяти километров, приводились в порядок военные городки, красились фа-

сады домов по всему маршруту следования, возводились заборы. Для выполнения этих работ людей дивизии не хватало, в помощь были брошены два военных училища, все строительные части округа, войска всего Новосибирского гарнизона. По данным округа, для обеспечения этого мероприятия было стянуто до 80 тысяч человек. По меркам большой войны, это численность общевойсковой армии.

За всеми работами был организован контроль со стороны КГБ. По обе стороны дороги, по которой должен пройти кортеж генсека, устанавливалась запретная зона, для оцепления которой выделялись тысячи солдат. Поле для показа ракет опоясывалось тремя такими зонами. А если учесть, что сама позиция ограждалась электризуемым заграждением с подачей высокого напряжения и специальной системой сигнализации, то можно будет представить грандиозность мер безопасности. На позицию прибыли специальные подразделения КГБ, ждали прибытия личной охраны Брежнева. Наверняка можно сказать, что такими силами и средствами не охраняли фараонов, царей и президентов. Нас, военных, это даже оскорбляло. Если он наш гость, то мы и обеспечиваем его безопасность.

Но нам, военным, не верят и это низко для Верховного главнокомандующего.

Всем, наверное, известен из истории Потемкинский показ императрице Екатерине Второй ее собственных владений. Но славная самодержица и ее верный пес не могли бы и представить масштабов затрат, количества привлекаемых людей на спектакль, разыгранный подобными сатрапами, но для правителя другой империи.

Я пишу о том, что видел своими глазами. В те дни была буквально взбуждена вся страна. Каждый малый и большой секретарь, каждый советский чиновник крупного и малого ранга все свои усилия, усилия областей, районов прилагали к тому, чтобы не ударить в грязь лицом. На показ выставлялось лучшее, ложное. Каждый из них жадно ловил свой шанс, свой час, миг, с единственной надеждой быть обласканным, замеченным «всевышним».

Мы тоже, как и все, старались, не жалея сил. Это мы, без чьей-либо подсказки, додумались снять снег и лед с дорог, высушить их. Мы собрали всю инженерную технику Сибирского военного округа, свезли со всех аэродромов турбореактивные сушилки. Весь путь, где должен проехать Брежнев, был уставлен красочными транспарантами и громадными портретами генсека.

Без отдыха и сна, питаюсь буквально на бегу, все эти дни мы были там, где кипела работа. Беспрерывно, в течение трех суток громадные военно-транспортные самолеты доставляли ракеты, и другие грузы. Приняли мы самолет из Москвы, полностью загруженный продуктами, напитками для высокого гостя.

Вскоре прилетел В.Ф. Толубко. Все наши планы, начатые работы он одобрил, но не был удовлетворен темпами. Но работы шли широким фронтом,

силы людей были на пределе. Без сна, полуголодные солдаты и офицеры не покидали позиции ни на один час. Политработники постоянно твердили им о той высокой чести, которая выпала на их дивизию, о государственной важности поездки Л. Брежнева по стране.

Размах работ с привлечением огромных масс людей, техники напоминал подготовку крупной военной операции в годы войны. Офицеры дивизии метко обозвали поле, где готовился показ «малой землей» в созвучии с тем литературным шедевром, который штудировался всей страной.

Мы старались показать новый ракетный комплекс во всем его величии: на марше, развертывании на полевой позиции и, наконец-то, при имитации пуска ракет. Пусковые установки, а это агрегаты длиной до 23 метров, высотой около пяти метров и весом около 100 тонн, мы решили опустить в капониры, т.е. окопать. Для этого потребовалось вынуть тысячи тонн мерзлого грунта. Несколько в стороне натянули большие госпитальные палатки, специально утепленные устлали их коврами. Одни палатки предназначались для прослушивания докладов, в других – мы планировали угощать гостя и его свиту.

За сутки до прибытия поезда мы вырыли громадные котлованы для размещения пусковых установок, по дну были уложены бетонные аэродромные плиты, сваренные на стыках толстой арматурой.

Оставалась одна ночь. Поезд уже был в пределах Новосибирской области. Росло беспокойство, что мы не успеем подготовиться. Непосредственно с поезда все чаще раздавались телефонные звонки от Д.Ф. Устинова.

Не кстати заболел и слег В.Ф. Толубко. Опять все руководство подготовкой к встрече легло на меня. Каждые два часа я докладывал Толубко о ходе работ. В эту последнюю ночь решили опустить пусковые установки в капониры. При заезде первой плиты не выдержали, арматура рвалась. Выворачивающимися плитами можно было повредить агрегаты. Я работы прекратил, и мы вместе с командующим армией В.М. Егоровым выехали на доклад к В.Ф. Толубко.

Эмоциональный, взрывной по характеру главком, заслушав наш доклад, буквально взвился. Но этому была и причина. Шли последние часы, времени на какие-нибудь серьезные изменения в наших планах не оставалось. Понимая безвыходность нашего положения, я предложил пусковые установки в капониры не заводить, установить их на грунт и обваловать снегом.

– Григорий Иосифович, я на это не пойду, – ответил В.Ф. Толубко, – я уже сделал доклад министру. Все пусковые установки должны быть окопаны и замаскированы.

– Товарищ главнокомандующий, я вас понимаю, но другого выхода просито нет, поезд мы никак не задержим, – продолжал я настаивать.

С большой неохотой Толубко вынужден был согласиться с нашим предложением. Он с самого начала нашего разговора понял, что это наиболее ра-

зумный выход, но, как всегда, оставался самим собою, ждал, чтобы его упрасивали. Он демонстрировал свою «честность», хотя мы были частыми свидетелями того, как он легко шел на ложь, когда ему это было выгодно. Но то, что мы предлагали, не было обманом, мы уже тогда осознавали бессмысленность окапывания таких больших машин. Главная защита их могла быть в постоянном движении и маскировке. К этому мы позже все же пришли и внесли такое требование в боевой устав и инструкции.

К утру все пусковые установки были на грунте, обвалованы снегом и покрыты маскировочными сетями. Все выглядело внушительно и правдоподобно. Главком остался довольным.

На позицию он приехал утром, собрал руководство в большой палатке, сам уселся возле телефонов, в ожидании звонков из поезда.

Около девяти часов по местному времени прозвучал первый звонок телефона правительственной связи.

– Толубко слушает, – тут же ответил Владимир Федорович.

– Чай будет? – слышалось в трубке.

– Так точно, чай готов, – быстро ответил Толубко, в ожидания другого разговора.

В палатке тихо, все ждут, в трубке тишина. Опять резкий звонок.

– Кто будет подавать чай? Толубко, несколько смешавшись, быстро окинул нас взглядом и сказал:

– Генерал-лейтенант Сулацков. Это был начальник тыла ракетных войск. Опять тишина.

Через несколько минут звонок и тот же голос:

– Хорошо.

Ждем, опять звонок, Толубко хватается трубку:

– Слушаю!

– Чая не надо, у нас будет свой.

Толубко, не сдержавшись, начал возмущаться. Кому нужны эти пустые звонки. Он с нетерпением ожидал звонка министра, могли возникнуть любые изменения в планах Брежнева.

Вскоре нам передали, что генсек на пути к нам. Около 11 часов показалась кавалькада машин. Большие черные «чайки» везли в поезде, служба безопасности не доверяла местным руководителям.

Проскочили машины охраны, у палатки остановился лимузин Брежнева. Непривычно нам было наблюдать, как помощники вытаскивали его из машины. Конечно, человек в возрасте, так думали мы, а может быть так было положено по ритуалу для таких высоких особ.

Около машины шеренгой выстроились генералы для представления. Брежнев подал каждому руку. Толубко пригласил его в палатку. Вместе с Брежневым к нам приехали Д.Ф. Устинов, С.Ф. Ахромеев, в то время начальник главного оперативного управления, П.А. Горячев, первый секретарь

местного обкома партии, куча помощников и многочисленная охрана. Первый доклад в палатке на схемах главкома РВСН В.Ф. Толубко.

Палатка размерами с большой зал увешана схемами, устлана коврами. Брежнев и Устинов разместились за столами, свита и присутствующие генералы в одну шеренгу вдоль стен палатки.

Все наши взоры направлены на Брежнева. Всем бросились в глаза какие-то нескоординированные его движения. Как-то неестественно он усаживался за стол, снимал с головы шапку, брал в рот сигарету. Вначале это вызвало какое-то удивление, но потом появилась догадка, что Брежнев был просто пьян. Теперь у каждого из нас росло возмущение. Может быть, для его сатрапов это было привычным, но для нас, впервые видевших его вот так близко, эта сцена становилась все более омерзительной.

С пьяным всегда общаться неприятно. За свою службу мне неоднократно приходилось иметь дело с пьяными солдатами, офицерами. Особенную гадливость вызывал вид пьяной женщины. Но могу со всей откровенностью сказать, что мне никогда не было так отвратительно, как в то время.

Мы практически ничего не знали о личной жизни вождей партии, да и многих других руководителей. Это было наглухо закрыто для глаз простых людей. У нас невольно складывалось мнение об их высокой нравственности. Так твердила партийная печать, вторили многочисленные пропагандисты. Руководителей такого масштаба олицетворяли с богами.

Вполне понятно то ощущение, которое охватило таких, как я, при виде такой безобразной сцены. В какой-то миг в нас было перевернуто все то, что годами вдальбывалось в наши головы. Сразу же возник вопрос: кто же нами правит, кому нужны усилия тысяч людей, наши тревоги, бессонные ночи? Неужели только для того, чтобы предстать перед пьяными глазами этого разложившегося, потерявшего стыд и облик человека. Что еще нас удивило. Мы переводили глаза на Устинова, помощников Брежнева. У всех были какие-то невозмутимые лица, никакой тревоги или смущения. Пьяным был один только Брежнев.

В.Ф. Толубко, как всегда в присутствии высоких лиц, чрезмерно волнуясь, кое-что перевирая, в течение десяти минут доложил о тактико-технических данных и возможностях ракетного комплекса «Пионер», или как его называли на Западе СС-20. Доклад закончен, установилась тишина. Все уставились на Брежнева. Он непослушными руками начал вытаскивать футляр для очков, подбежали помощники и водрузили очки ему на нос. Тут же перед ним был положен печатный лист, видимо с текстом его речи. Он долго смотрел в текст, а потом с трудом произнес:

– А почему эти ракеты разместили здесь, а не в Европе?

– Леонид Ильич, есть у нас и в Европе. Но здесь тоже надо, они нацелены на объекты поражения в Китае, Японии и Южной Корее. В этом районе размещались межконтинентальные ракеты Р-16, они имели цели на террито-

рии Америки. Но мы их сняли, так как они устарели. Теперь база старых ракет используется для нового поколения ракет, на самоходных шасси.

– Ну хорошо, что дальше, – еле проговорил Брежнев.

Дальше предстоял показ ракетного комплекса непосредственно на позиции и на марше. Но мы с тревогой думали о том, как высокий гость в таком виде предстанет перед солдатами и офицерами, хотя его окружение никакого смущения не высказывало. Создавалось впечатление, что кто-то специально демонстрирует безобразный вид этого безумного человека.

Все вышли из палатки. Поддерживая с двух сторон, Брежнева вели его помощники. Мы шли сзади и был отчетливо слышен их «семейный» разговор.

– У меня все кружится в голове, – сказал Брежнев.

– Я же вам говорил, что сегодня надо было отдохнуть, а не ехать сюда, – ответил один из помощников. Потом мы узнали его фамилию, это был В. Медведев.

Брежнева усадили в машину, хотя до места показа было не более ста метров. Его свита и генералы поднялись на специально сооруженную трибуну для осмотра. К Брежневу в машину подсел Устинов, а за ним и Толубко, видимо знакомили с агрегатами ракетного комплекса. Но через несколько минут втроем залезли в машину, откуда производится пуск ракет. В машине находился боевой расчет пуска и полковник главного штаба, который должен комментировать действия номеров расчета. Все остальные продолжали находиться на трибуне.

Вдруг дверь машины широко распахнулась, и перед нами предстала картина – Брежнев в одной белой рубашке, висящий на руках Устинова и Толубко. Чувствуется, не без усилий они тянут его на воздух. Голова Брежнева свесилась, длинные жидкие волосы волочатся по земле.

Первое впечатление от такой сцены – Брежнев скончался. К нему бросилась свита, потащили на руках в машину. На трибуне – тишина, никто не решался комментировать виденное. Среди нас немало было работников КГБ, а каждый второй, без сомнения, были агентами. Но у всех на лицах была, если не растерянность, то недоуменный вопрос. Не скрою, что многие из нас ждали команды на прекращение этого гнусного зрелища.

Прошло около получаса. Брежневу помогли выйти из машины и забраться на помост. Толубко дал команду на возобновление показа, но предупредил всех нас, что программа показа резко сокращается, будет продемонстрирован только «пуск» ракет. Тут же он стал в доходчивой форме объяснять Брежневу работу людей и действия комплекса в ходе пуска ракет.

Загудели сирены – ключи пуска повернуты на «пуск». Вздрогнули самоходные пусковые установки, взревели ходовые двигатели, началась отработка циклограммы пуска. Брежнев, видимо, немного просветлев, тихо пробормотал: «Я прошу, чтобы ракеты не взлетели». Устинов и Толубко наперебой вновь стали ему объяснять, что этого не произойдет, так как введе-

на специальная ступень предупреждения. Но и после этого чувствовалось, что он ничего не понял, а по его виду можно было понять, что он забыл, о чем спрашивал. Как мы догадывались, этот вопрос подготовлен был заранее, наверное, тем самым хотели показать беспокойство генсека за безопасность, он же по конституции был нашим верховным.

В действительности в контейнерах на пусковых установках находились не боевые, а учебные ракеты, без пороховых зарядов и всей системы управления. Взлететь они не могли, но Брежневу об этом не говорили.

Медленно тянутся секунды работы пусковых устройств. Все смотрят на часы. Опять вздрогнули пусковые установки, контейнеры с ракетами подняты до вертикального состояния. Общая высота пусковых установок с ракетами увеличилась до 25 метров. Меня волновал сброс КМП (комплектов маскировочных покрытий) – громадные белые (зимние) сети при определенном угле подъема контейнера автоматически сбрасываются вниз. Для новичков это довольно эффектное зрелище. Толубко неоднократно напоминал мне о моей, как он говорил, персональной ответственности за эту важную операцию. Но, слава Богу, замки сработали и со всех пусковых установок сети полетели вниз.

Наступила тишина. Дальше программа пуска ракет не отрабатывалась. Если бы показ продлился на полигоне, то все бы увидели отстрел крышек контейнеров, выброс пороховиками ракет из контейнеров и уже на высоте до 30 метров – запуск маршевых двигателей, сброс, не менее эффектный, с ракет крепежных колец и поясов. Устинову и Толубко очень хотелось и это показать, но трасса для полета ракет и головных частей между Новосибирском и полигоном на Камчатке была небезопасной.

Толубко, довольный действиями полка, широким жестом радушного хозяина, приглашал: Брежнева и всех его сопровождающих поближе к пусковым установкам. Но не тут-то было, помощники опять усадили генсека в машину. Мы поняли, что теперь он не собирался из нее выходить. Все присутствующие двигались от агрегата к агрегату, а машина Брежнева медленно катилась следом. Рядом с машиной шли Устинов и Толубко и на ходу старались объяснить Брежневу назначение каждой машины.

Оставалось еще одно мероприятие, к которому мы готовились особенно тщательно. По ранее доведенному до нас плану, в конце показа перед строем солдат и офицеров должен выступить Брежнев. Для этого была сооружена специальная площадка из бетона.

Осмотр окончен, кортеж остановился. Устинов пытался объяснить Брежневу дальнейший порядок. Когда Брежнев, наконец-то, понял, что от него требуется, он сказал: «Так я же стоять не могу». Устинов немного смешался, повернулся к нам. В.Ф. Толубко, ему в находчивости не откажешь, бросил мне: «Генерал Казыдуб, надо быстро построить!». Больше сказать он не успел, его перебил Устинов. Но я побежал и уже на ходу по-

нял, что хотел Толубко. Людей надо построить в палатке, Брежнев будет говорить сидя.

Полк, готовый к построению на плацу, находился в автобусах рядом с позицией. Ко мне подбежал командир полка, я передал ему команду: построить в палатке по его усмотрению 25–30 человек, чтобы были все категории, в самой большой палатке. Конечно, командир не располагал временем, в строй встали не наиболее достойные этой «исторической» встречи.

Через несколько минут 25 человек во главе с командиром полка в технической форме были выстроены в палатке.

Опять за тот же стол усадили Брежнева. Теперь, кроме наших, на него устремлены глаза солдат и офицеров ракетного полка. Помощник положил перед Брежневым лист с текстом выступления. Леонид Ильич, не торопясь, полез в карман своего пальто и, ничего не говоря, уставился на рядом стоящего помощника. Оба его помощника стали расстегивать пуговицы на пальто и шарить по всем карманам. Мы поняли, что ищут очки. В палатке тихо, все наблюдают за этой сценой. Не только солдаты, но и офицеры полка вот так впервые видят человека, которому молилась страна, которого много раз видели по телевизору, в кино, чьи портреты красовались в солдатских клубах, домах офицеров. Все, кто стоял рядом, опустили на колени, шарили руками по коврам. Ахромеев схватил футляр и передал помощнику. Но у всех нас вытянулись лица, когда Брежнев взял очки и положил в карман пиджака. Видимо это не вызвало удивления только у помощников. Через время Брежнев медленно полез в карман, вынул футляр и с помощью помощника нацепил очки на нос.

Мучительно выговаривая, коверкая слова, Брежнев начал медленно читать текст. В газете «Правда» на первой странице на следующий день крупным набором было напечатано его выступление в несколько раз больше того, которое мы услышали.

В течение 1978–1979 годов, да и позже, до самой кончины генсека, это выступление стало программным для военного строительства, тщательно штудировалось на политзанятиях, обсуждалось на семинарах, собраниях. Бесспорно, что не один аллилуйщик из среды «ученых» защитил кандидатскую и докторскую диссертацию на этом «историческом» материале. А ведь всем было видно, что это был пустой, трафаретный, лозунговый текст, как и все выступления «вождей» партии и народа.

Прочтя текст, Брежнев потянулся за сигаретой. Устинов, кажется, больше для того, чтобы отвлечь от непривычной картины солдат и офицеров, подошел к строю и стал спрашивать о службе, не забывая еще раз напомнить о грандиозности события, свидетелями которого мы все являлись, о той большой чести, которой удостоились не только ракетные войска, во и все вооруженные силы.

Один из помощников вынул из портфеля цветной портрет Брежнева в маршальской форме. Брежнев с трудом встал на ноги и произнес:

– Хочу в знак посещения вашей части подарить вам свой портрет.

Командир полка подполковник Быков подошел к столу, но тут Толубко попросил Брежнева сделать на портрете дарственную надпись.

– О, да – сказал Брежнев.

– Леонид Ильич, вы только распишитесь, текст мы напишем сами, – предложил Устинов.

Брежнев опустился на стул, поставил свою подпись и передал подарок командиру полка.

Официальная часть всей церемоний посещения закончена. Но предстояла другая, без солдат и офицеров, во второй боковой палатке, где столы ломились от яств и напитков.

В чьей-то высокой голове здравый смысл возобладал. «Хозяин» все еще пребывал не в той форме, чтобы произносить тосты, да и финиш этому мог быть чрезвычайно гнусным.

Кивок в нашу сторону, гости укатили, прихватив с собою нашего главкома. Вздыхнув с облегчением, мы направились в закусочную палатку. На столах невиданные, кушанья, бесчисленные красочные бутылки. Все это специальным самолетом доставлено из Москвы для стола высокого гостя и вместе с тем показать ему, что и военные живут «неплохо».

Но к еде мы не прикасались, хотя голодны были, как волки. Ждали Толубко. Вначале сидели тихо, как будто осмысливая произошедшее как его понимать: как великую честь, или невиданный позор. Хотя у меня такой двойственности не было. Уж очень явственно выглядело это безобразие, нам пришлось пережить больше, чем позор. Сейчас не помню, кто-то из нас, сидящих в палатке, заговорил первым. И сразу же, наперебой все стали высказывать возмущение, несмотря на то, что часть работников КГБ не уехала и находились здесь же в палатке.

По крайней мере, на словах мы были едины в том, что все оказались свидетелями позора на всю страну. Невольно приходится задумываться над тем, что происходит с нами, кто нами правит, почему это стало возможным?

Я противник того, что пьянство среди наших людей всегда было «доброй» традицией. В моей памяти уклад жизни, нравы и быт нашей станицы. Пьяницы были, но их было так мало, и они были так известны, что их знали и старые, и малые. Но сейчас и там пьянство – обычное явление. В брежневские годы оно приняло угрожающие масштабы. Постепенно в общественное сознание стал внедряться стереотип хорошего выпивающего начальника, что пьющая кампания – это добрая русская традиция и, наконец, что пьянство в крови нашего народа. Без сомнения, – это грязная ложь. Пьянство получило государственный статус в последние 25 лет. Статистика говорит, что до 1960 года мы были самыми непьющими среди пьющих. Труд-

но измерить размеры ущерба, нанесенного людям этим злом. Но неизмеримо больше был моральный, нравственный упадок.

Зарплата рабочего уходила на водку, детям оставались крохи. Такие пьющие, как правило, были нищими. Выросла преступность, процветало пьяное хулиганство, рождались больные дети. Теперь уже виден был наш конец. Против нас не надо было идти войной. Мы разлагались изнутри. Стали пить женщины, дети, катастрофа – близка.

Почему же это происходит? Кто виноват? Как можно бороться с этим злом? Слышал, что Гитлер в своей книге «Майн Кампф» писал: «Для них – славян – никакой гигиены, никаких прививок. Только водка и табак. Ни больниц, ни фельдшеров, ничего не надо».

Он знал, что водка и табак сведут с лица земли ненавистных ему славян, как это происходило с северными народами. Не так уж много прошло времени после Гитлера, меньше одного поколения, как его изуверский план стал осуществляться на Руси без крематориев и газовых камер.

Был ли прав Рейган, объявивший нашу страну империей зла?

Крах режима был отчетливо виден. Брежнев и его окружение ввергли страну в пучину хаоса, их время еще не оценено.

А сейчас мы остались с солдатами и офицерами, которых уже не надо убеждать, что наш «любимый Ильич» – верный ленинец, надежда страны, друг народа и пр.

К 16.00 часам возвратился В.Ф. Толубко в раздраженном состоянии. Но несмотря на это, он тут же пригласил всех за стол. Первый его тост за здоровье дорогого товарища Брежнева. Его рассказ о том, что было после отъезда гостей, смахивал на анекдот. Владимир Федорович уже не сдерживался и высказывал открытое возмущение. При этом он постоянно повторял: «Ну зачем он приезжал, зачем так он позорит себя и нас, зачем в таком виде показываться на людях?».

Сам В.Ф. Толубко к этому времени уже не пил, начал вести беспощадную борьбу с пьянством и курением в войсках. Поэтому его реакция была бурной и открытой.

На обратном пути в машину Брежнева пригласили Д.Ф. Устинова и В.Ф. Толубко. Впереди и сзади – многочисленная охрана. По плану посещения области оставалась встреча в здании обкома партии с членами обкома. Но по команде помощника экскорт повернул к станции. Личный поезд Брежнева под прикрытием еще двух составов с многочисленной охраной стоял вдали от вокзала, в оцепленном тупике. Брежнев с помощью Устинова и Толубко поднялся в вагон для совещаний.

Уселись за большой стол, перед Брежневым новый текст его речи. Он поднял руку, что означало, что можно приглашать руководителей области. Заходили по одному, низко кланяясь, Брежнев, не поднимаясь, каждому совал руку. Когда все расселись за столом, Брежнев стал читать текст. Суть

речи сводилась к одному: область отстает, не выполняет обязательств, темпы производства падают, Политбюро и ЦК обеспокоены этим, нет уверенности в том, что бюро обкома в существующем составе способно изменить что-либо к лучшему. Такие трафаретные, одинаковые для всех областей, речи, но звучащие из уст генерального секретаря, для местных князьков выглядели угрожающе и приводили в трепет. Толубко считает, что в таком оценивании они не смогли видеть, что Брежнев был просто пьян. В любом виде он слова выговаривал с трудом, будь-то на пленумах, или перед народом на экранах телевизоров. Но как бы то ни было, пять минут для них были немалым испытанием, терялась надежда покинуть вагон в прежних должностях. Но верховный проявил милость, они облегченно вздохнули.

В вагоне, кроме Брежнева, находились Устинов, Толубко и Горячев. Брежнев зажег новую сигарету и сказал:

– Ну, кажется программа дня выполнена успешно. Со спокойной совестью можно ехать к поезду.

Он, по-видимому, считал, что все это действие происходит в стенах обкома.

Рассказывал Толубко, не скрывая своего возмущения. Не выбирая слов, он в нашем присутствии в красках рисовал омерзительную сцену поведения Брежнева. Толубко привез 25 именных часов от генсека для подарка офицерам и солдатам, удостоившихся слышать его речь в палатке. Это, в какой-то степени, скрасило тягостное чувство от его посещения. Бесспорно, для каждого, кто получил такой подарок, – это память на всю жизнь. Но и другое, каждый раз этот подарок будет ассоциироваться с картиной встречи с пьяным генсеком, маршалом, портрет которого теперь красуется в музее славы дивизии.

А поезд покати́лся дальше на восток. Впереди много городов, областей Восточной Сибири, Забайкалья, еще одна встреча с военными в Песчанке Читинской области, где молодой Брежнев начинал свою карьеру в качестве танкиста. Но мы теперь уже не сомневались, что впереди будет немало позора, безобразных сцен, пьяных оргий. Поезд катился на восток, страна – к своему краху. Не было такой силы, которая могла бы остановить или хотя бы отдалить наступающий развал.

Все это отчетливо видели и на Западе и на Востоке. И только мы оставались слепыми. Крепкий «летаргический» сон сковал наше общество. Предстояло еще многое пережить: уход «любимого» Ильича, других, еще более ортодоксальных «вождей», встретить и проводить перестройку с ее словоблудным отцом.

Долго и мучительно шли мы к этому позору, шли во мраке, с вечными надеждами. Был 1929 год – год крушения крестьянской души на Руси, с ужасом пережили зиму и весну 1932–1933 годов, когда живые лежали в обнимку с мертвыми, когда матери ели своих детей, а дети – мертвых стариков,

когда богатая, свободолюбивая Кубань обезлюдела после страшного голода. А за этим надвигалась мрачная ночь 1937-го, когда отцов и старших братьев заталкивали в вонючие вагоны, в тесные камеры пересылок, гнали и гнали в бесчисленные ГУЛАГи.

Нависал грозный 1941-й, за ним страшный 1942-й, усеявший запад страны трупами безвестных людей, когда нам, таким мальчишкам, как я, пришлось бежать вместе с массами красноармейцев и красных командиров трех армий, разгромленных под Ростовом, бежать по пыльным степям Кубани жарким августом, спасаясь от каждого фашистского самолета, безнаказанно парящего над неуправляемой толпой, издевающегося, резвящегося над охваченными ужасом, людьми.

Все эти годы мы жевали бессильными деснами жалкую пайку и только сейчас узнаем, сколько в те годы войны полнело и отъедалось в осажденной Москве и в том же блокадном Ленинграде.

Это наш путь, мы его прошли, не со слов знаем, как он был устлан миллионами жертв на фронте и в тылу, наш путь к долгожданному концу войны, к победе и тому хваленому параду, когда мы не переставали слать хвалу великому и дорогому, напрочь забывая тех, кто кровью добыл эту победу, чьи кости рассеяны по всей Европе, а после войны – по рудникам, шахтам и ГУЛАГам.

Да, это блистательный, завидный путь нашего поколения. И, как бы нам ни было прискорбно, этот путь в никуда, ибо это путь к торжеству зла, жестокости, беззаконности.

Вот мы и дошли, дошли до так называемого «застоя», кануна краха, когда смрад начал распространяться за пределами империи. Но и тогда мы не все понимали, не все знали. От нас продолжали скрывать, мы еще находились в сталинской преисподней. Обе наши ноги завязли в трясине прошлого, и только голова с наполовину открытым ртом потянулась к свежему воздуху. Силы ушли, ног не вытащить. Вот такими мы стали – потомки доходяг ГУЛАГов, призраки «застоя» и перестройки.

Но страх начал проходить, и теперь, слава Богу, мы никого не боимся. Хотя лгать продолжаем, по-рабски заискиваем, сохраняем подлость, вторим, подхватываем на ура любое слово, произнесенное в пьяном угаре «верным ленинцем». Мы стали хуже своих отцов, страна тоже стала хуже.

Армию, как и все общество, захлестнули ложь, карьеризм, очковитительство. Теперь и у нас, в армии, ценится не деловитость и ум, а умение сказать верное слово в нужное время. Грамотный, свободномыслящий офицер, имеющий свой взгляд на окружающее, уступает место подхалиму, умеющему поднести, предложить, подхватить фразу начальника и, конечно, лихо врать.

Как никогда в эти годы в армии насаждается кастовость. С низшим по чину старший гнушается сесть за стол, тем более открыто высказать свою мысль. В моде стала скрытность, сверхсекретность. Бездарность в таинст-

венности становится загадкой. Вся армейская жизнь вертелась вокруг этого. Все оставалось пропитанным ложью. Главным мерилом удачи было умение красиво себя преподнести. Особенно это расцвело в годы правления министров обороны А.А. Гречко и Д.Ф. Устинова.

Все воспитание, если можно применить такой термин, направлялось на умение «не быть, а казаться», выставить то, что нужно, а не то, что есть. Слова были одни, а дела другие. Когда начальник говорил одно, то понималось другое. Складывалась своеобразная антимораль. Сейчас трудно сказать, сколько в те годы родилось крупных военачальников по этому принципу. Каждый пестовал себе подобного, заботливо растил лжецов, подхалимов и выводил их на высшие должности. К середине 80-х годов на все основные должности высшего и средних эшелонов армейской иерархии были посажены те, кто перешагнул через моральные, нравственные нормы, руководствовался подлыми принципами подхалимства, очковтирательства, карьеризма, протекционизма.

В военной среде наибольшее распространение получила семейственность, или, как ее любовно стали называть, фамильная династия. Детям высшего генералитета открывалась блистательная военная карьера. Можно назвать огромное число детей, зятьев, внуков, племянников высших генералов, которые уже в наши дни стали крупными военачальниками.

Живет утверждение, что в царское время в офицерскую среду редко попадали люди низших сословий. Видимо, так было. Но только в наше время, в провозглашенную эру справедливости, высший партийный, государственный, а потом и военный слой руководителей за многие десятилетия бессменного правления обволокло себя не только номенклатурными связями, но и родственными узами. Образовался новый класс – класс навечно провозгласивший свою власть и положение в обществе. Мы были очевидцами этого явления в армейской среде. Если какой «молодец» быстро пошел по служебной лестнице вверх, так и знай, есть у него «знатные» папа, дед, или дядя. Все более распространяется чванство, грубость. Руководители к подчиненным обращаются, как правило, в наставническом, менторском тоне. Старший, каким бы он ни был профаном, а в армии это очень заметно, перед младшим встает только в позе поучающего. Любая встречная мысль облекается в форму пререкания, а это уже можно истолковать, как нарушение устава, шаг до преступления. Имея за плечами 50 календарных лет службы, без одного года, боюсь, что не ошибусь, если скажу, что за последние 30 лет усилиями политработников и КГБ из армии выхолощено все мало-мальски толковое, не говоря о каких-либо критических взглядах.

Это быстро усвоили бездарности и незамедлительно оказались в руководящих креслах.

В наши головы крепко вбивалось, что все, кто сверху – умнее, достойнее и дальновиднее нас.

Октябрьский переворот открыл дорогу управлять народом силой, страхом, террором. Кумир Ленина, партии был раздут до невероятных размеров. И чем больше он возвышался, тем больше в стране устанавливалось беззаконие.

Последний, «выдающийся ленинец» в пьяном бреде, еле выговаривая слова, продолжал цитировать Ленина, огораживал личную безнравственность марксистской «талмудистикой».

Но безудержное поклонение Ленину проходит, наступит время его полного отрицания. Один из деятелей французской революции заметил, что чем больше толпа поклоняется кумиру, тем неистовее рукоплещет, когда этого кумира развенчивают, везут на гильотину.

Мы думаем, что развенчан Сталин, дана оценка деяниям Н.Хрущева. Пора сказать, что же за явление – «эпоха застоя». Еще предстоит переоценить эту темную страницу нашей истории.

Сегодня много начали говорить о нашей бездуховности, об утрате каких-то идеалов. Вряд ли можно с этим согласиться. Если демагогию марксизма-ленинизма, теорию насилия, теорию некой целесообразности, теорию достижения цели любыми средствами, в том числе антигуманными, если все это считать духовностью, то да, с этой позиции мы оказались бездуховны. Но наши люди, те советские, как их стали называть без их согласия, в своей массе, думается, никогда серьезно не вникали в эту теорию и тем более не считали ее идеалом и новоявленной верой.

Те, кто вникал поглубже и пытался оценить с общечеловеческих позиций, они тем более не воспринимали, отвергали, как античеловеческую, противоприродную. И я, вряд ли, ошибусь, если скажу, что те, кто держал власть, были, как правило, невеждами, смутно представляли запутанные догмы Маркса.

Может ли учение, проповедующее насилие – самое большое зло человечества, претендовать на духовность. В самом учении стержневым требованием было отрицание духовности, мысли. Все подчинялось целесообразности диктатуры пролетариата. Все, что этому не целесообразно, то враждебно и должно быть уничтожено. Люди наши не бездуховны. Это не так. У нас всегда была бездуховной власть, государство. Теория марксизма-ленинизма была только ширмой государства, а само государство было орудием насилия, орудием бесправия и жестокой эксплуатации. Видимо сегодня все в этом убедились. Колхозные ГУЛАГи, нищенские рабочие зарплаты, постоянное попрание прав человека, всевластие номенклатурного чиновничества, самый низший в мире уровень жизни. Это ли не торжество этой теории.

Мы привыкли, притерпелись жить по указке, слепо, бездумно верить все новым и новым обещаниям и не видеть в этом аморальности.

Особенно смешно видеть, как те, кто нас так далеко умело завел, обанкротившись, схватились за свечки, бросились совершать намаз. Часть людей растерялись, их охватил ужас. Видимо, по законам инерции они бросились искать опоры в том, что безвозвратно рухнуло, бездумно тащат на площади изображения усопших «дорогих» кумиров, просят вернуть такой милый, родной «застой».

Но все же основная часть наших людей сумела сохранить нравственность, духовность. Ведь наше общество не стало обществом воров, лизоблюдов, обществом лжецов и хамов. А ведь в нас десятилетиями воспитывали именно эти качества, люди пребывали в этой трясине, но не все с головой погрязли в ней. Большинство сохранило свою чистоту, человечность, веру, надежду, любовь.

Я верю, что возврата не будет, история не позволит. Есть и будут люди, которые и сейчас надеются остановить ход того процесса, начавшегося давно, видимо с того 17-го.

У каждого из нас свежо в памяти, как «отец» перестройки, спохватившись, в 1990–91 годах предпринял попытки, чтобы затормозить развитие событий. По его указке пролилась кровь людей во многих районах страны, по его сценарию был разыгран пресловутый «спектакль» в августе 1991 года, который в историю, видимо, войдет, как попытка путча.

Но нельзя было уже остановить то, что началось раньше горбачевской перестройки. Все уже прогнило давно, а в годы Брежнева стало явным.

Надо было видеть трухлявость режима, который дышал на ладан. Власти в стране не было давно. Чтобы этот режим пал, не нужны были революции, не нужны были битвы, сражения. Легкое, довольно легкое дуновение, повеявшее вслед за смертью последних идолов коммунизма, принесло неожиданный для всех, крах. Остановить это было уже не под силу никому.

Древняя мудрость Индии гласит, что ударивший в барабан уже не сможет удержать его грохот. Так, только так можно оценить 1985 год.

Глава двенадцатая

СИБИРЬ НЕ ЕВРОПА. МЕСТА ХВАТИТ

Сибирь, Сибирь.

Однажды на вертолете мы высадились в Братске. Далее на машинах направились к Байкалу. Так мы продолжали поиск наиболее удобных мест для базирования нового ракетного комплекса. Нам надо было выйти на Баяндай и далее на Усть-Ордынск. Все были в гражданской одежде, в том числе и водители автомобилей, прапорщики. Поездка наша была окутана специальной легендой, мы представлялись как геологи-разведчики. По бездорожью, лесными, полевыми дорогами мы ехали там, где мог пройти военный вездеход. Продвигались не торопясь, постоянно сверяя свой маршрут по карте. По всем нашим расчетам уже недалеко должен быть выход на основной маршрут. Но день шел к концу, солнце быстро стало опускаться, скоро вечер. Дорога все более сужалась, справа и слева подступали вековые ели.

Водитель первой машины доложил, что бензина осталось на 2–3 часа езды. Впереди ночь, надо решать, как нам быть. Все сгрудились вокруг карты. Впереди развилка дороги: направо – выход на главную дорогу, левая значительно ближе, но увеличивает опасность где-нибудь засесть. Поступило два предложения. Первое – слить бензин со всех машин в одну и, отправив ее по длинному пути, ждать помощи. Но никто не хотел оставаться в этом глухом месте, надежда на два пистолета небольшая. Решили ехать по более короткому, хотя опасному пути. Бодрило то, что все были вместе.

Быстро стало темнеть, теперь высоко была полоска звездного неба, а перед нами петляла мокрая, неровная дорога. Через несколько километров водитель с тревогой сказал, что на дороге все больше и больше воды. Пришлось остановиться, вода есть, но дорога твердая, решили ехать дальше. Но вода прибывала, я приказал в машинах открыть все дверцы. Лес от дороги начал отступать, на обочинах все чаще появлялись какие-то штабели пиленного леса. Дорога под водой была неровной, ехали, как по брусчатке. Вдруг крутой подъем, вода исчезла и мы оказались на сухой дороге. Все вышли из машин, напряжение спало. В стороне шалаш и спящий человек. Это оказалась женщина. Спросонья и, видимо, с перепугу, увидев нас, она подняла истошный крик. Успокоившись, сказала, что рядом спит ее муж. Он был в пьяном состоянии и не мог понять, с какой стороны мы подъехали. Со

стороны поля, как он сказал, дорога была непроезжей, со стороны леса была река. Оказывается мы переправились через реку, по которой шел сплав леса, и по словам этого сплавщика, довольно глубокую, на середине до двух-трех метров. Как нам удалось переехать через такую преграду, осталось загадкой. На карте дорога была прерывистой, на самом деле ее не было. Теперь нам предстояло пробираться полем.

Чуть протрезвевший мужик стал рассказывать нам, как выбраться на основную дорогу. Не ожидая рассвета, решили ехать, уже ориентируясь не по карте, а путанным рассказом пьяного человека. Каждый из нас пялил глаза в надежде увидеть спасительный огонек: по словам мужика, село было не так далеко. Но никаких огней видно не было. Через несколько минут езды по кустам, ямам первая машина уткнулась в забор из жердей. В глубине просматривалась черная изба. На наш стук дверь открыла довольно пожилая женщина и, как нам показалось, без всякого страха пустила нас в избу. Большая комната с пазатой печью, длинный стол с двумя скамьями, везде просматривалась бедность, нищета.

Но хозяйка оказалась хлебосольной, на столе появилось сало, большой, по виду домашний, каравай хлеба. Мы чувствовали себя неудобно, но голод пересилил наше стеснение. Помыть руки негде, хозяйка, признав в самом разговорчивом подполковнике, старшего нашей группы, предложила ему кувшин и полотенце, остальные помыли руки на улице, в бочке с водой. Когда мы возвратились в избу, там был один наш «старший», старуха куда-то исчезла. Что же произошло?

По словам подполковника, хозяйка взяла кувшин, чтобы полить воду на руки, он наклонился над тазиком. В этот момент кабура с пистолетом соскользнула по ремню вниз живота. Хозяйка, увидев пистолет, сразу же изменилась в лице, поставила кувшин и вышла из комнаты. Только теперь мы увидели, что в углу комнаты были ступени вниз и небольшая дверь, прикрытая грязной ширмой. Нам ничего не оставалось, как поесть своих консервов и запить холодной водой из той же бочки.

Мы уже собирались выйти из избы в поисках места, чтобы докоротать время до рассвета, как вдруг входная дверь резко открылась и в избу вошел мужчина лет тридцати-тридцати пяти. Ничего нам не сказав, он прошел к хозяйке дома. Через несколько минут он вышел, не останавливаясь, окинул нас каким-то косым взглядом и исчез за входной дверью. Гадая, что бы это могло быть, мы вышли на улицу. Стало еще свежее, на востоке заалела утренняя заря, но было темно. Часть из нас расположилась под копной сена, я и еще несколько человек решили подремать в машинах.

Но никому заснуть не пришлось. Нас насторожил шум. Было впечатление разговора большого количества людей, но в темноте ничего не было видно.

– Эй вы, убирайтесь из села! – раздался голос. Мы вскочили, но не отвечали.

– Если не уберетесь, то будем стрелять! – послышался тот же голос.

Это было неприятно и нас насторожило. Я немного прошел в сторону шума и громко крикнул:

– Кто вы такие, чего вам нужно?

– Мы с вами разговаривать не будем, убирайтесь! – послышалось в ответ.

– Есть ли среди вас от властей, подойдите ближе! – прокричал я.

– Таких среди нас нет, а вы уезжайте, – ответили мне. Решил идти на голоса. Подойдя поближе, увидел толпу людей, около двадцати человек.

– Я без оружия, иду к вам! – развел руки в стороны, медленно пошел. Толпа молчала. Я подошел вплотную и увидел среди толпы того человека, который приходил к хозяйке дома. Чувствовалась враждебность людей. Я вынужден был в какой-то степени раскрыться, признаться, что мы все военные, проводим разведку на местности в интересах обороны, показал свои документы, генеральское удостоверение. Вначале подошли трое из толпы, затем я оказался в окружении всех этих возбужденных людей. Говорил больше наш старый знакомый. Уверившись, что я не обманываю, он стал просить всех разойтись по домам. Теперь он, видимо как хозяин, пригласил меня в избу.

Из его рассказа стало известно, что он сын хозяйки дома. Все более убеждаясь, что мы те, за кого себя выдаем, начал извиняться за случившееся. Село, в котором мы находились, в свое время выстроено заключенными, осужденными после войны за сотрудничество с немцами. После отбывания срока заключения, а это 20–25 лет, возвращаться в родные места им не разрешили. Они вынуждены были здесь обустроиваться, часть из них вызвали свои семьи, остальные обзавелись семьями здесь же. Среди этих людей был и его отец, который несколько лет назад погиб на лесоповале. Парень остался с матерью. Еще с военных лет мать боялась людей с оружием и, вот почему, когда увидела у одного из нас пистолет, убежала в чулан. Сам он здесь же родился, служил в армии, в строительных войсках, сейчас трудится на сплаве леса. Вокруг бродит много беглых зеков, особенно летом. Случаются насилия, воровство и даже убийства. Милиции здесь нет, но люди живут дружно, сами защищают село.

Таких сел здесь много. Электричества в них нет, почту доставляют раз в неделю. Так просидели мы до рассвета. Угостили парня консервами, сигаретами, старуха так и не показалась. Видно, велик был у нее не только страх перед вооруженными людьми, но и давняя ненависть к ним за загубленную жизнь, насилия, грабежи.

Вскоре мы оказались у автомагистрали, где добыли бензин и продолжили свой путь вдоль Байкала. Уже заметны признаки осени, не только ночью, но и днем довольно свежо. Кое-где попадаются колхозные поля картофеля, брюквы. Но колхозников на полях не видно, везде группы заключенных, которых можно легко узнать по одежде, землистым лицам, и маячащих охранниках. Страна зеков, страна бесправных, страна рабов.

Подобные поездки теперь для нас были обычным явлением. Новый ракетный комплекс шел потоком в войска, нужны были все новые и новые районы для его базирования.

Одновременно шло его освоение. Особенно трудно постигалось его боевое применение в полевых условиях. Офицеры не обладали навыками в организации маршей, развертывании на полевых позициях, но основной недостаток был в том, что комплекс поступал в войска в «сыром», неотработанном виде. В ходе боевого дежурства непрерывно выходили из строя узлы системы управления. Особенно ненадежной была навигационная система. В ходе марша и даже на полевых позициях пусковые установки не приводились в боевую готовность. Считалось, что все процессы в ходе приведения пусковой установки в боевую готовность должны протекать автоматически, но немало приходилось делать вручную. Самым неприятным было то, что офицеры теряли веру в оружие, это передавалось солдатам и сержантам.

До 1978 года полки, имеющие на вооружении подвижный ракетный комплекс «Пионер», или СС-20, в поле не выводились. Пусковые установки размещались в специальных металлических сооружениях с автоматически раскрываемой крышей в случае пуска ракет.

Однако с этого года по настоянию генерального конструктора этих ракет А.Л. Надирадзе и при горячей поддержке его министром обороны Д.Ф. Устиновым началось дежурство полков с такими ракетами на полевых позициях. С этого времени потеря боевой готовности дивизионов стала обычным явлением. В дивизиях, полках резко повысилось количество представителей промышленности, конструкторов, которые под видом гарантийного надзора восстанавливали неисправные агрегаты. Вся транспортная авиация ракетных войск была привлечена для доставки с оборонных заводов выходящие из строя узлы пусковых установок, приборы и комплектующие элементы.

Настоящим бедствием стало опрокидывание пусковых установок. При малых углах наклона агрегаты валились на бок, выходили из строя ракеты, ядерные боеголовки и пусковые установки. Нужны были неимоверные усилия, чтобы поднять более чем 90-тонные пусковые установки. Такие агрегаты, как правило, восстановлению не подлежали, списывались в разряд учебных. Каждое опрокидывание вело не только к громадным материальным потерям, снижению боевых возможностей полков и дивизионов, но и к гибели людей.

Помнится первое такое опрокидывание произошло в дивизии, размещенной на Украине, в районе города Ромны. Командиром дивизии тогда был генерал-майор Свиринов А.А. Пусковая установка завалилась в кювет на правый бок. С этой стороны кабина командира. Он не успел вскочить и погиб. Из Москвы выехала специальная комиссия, которую приказано было возгла-

вить мне. Представители промышленности и конструкторы пытались причину этого единичного случая свести к слабой подготовке механика-водителя и командира пусковой установки. Механиками-водителями назначались опытные автомобилисты – прапорщики, прошедшие специальную подготовку в учебных центрах. Допуск для вождения пусковых установок осуществлялся комиссиями, которые возглавляли командующие ракетными армиями. Перед каждым выходом в поле офицеры и водители пусковых установок проходили медицинское освидетельствование.

Я должен сказать, что выполнение этих требований стало заботой всех инстанций, вплоть до главкома. Главком для прапорщиков-водителей пусковых установок предоставлял особые привилегии. Как правило все они были членами КПСС, проходили специальную проверку КГБ, ставились на специальное обеспечение, первыми получали благоустроенные квартиры. Такой же заботой были окружены командиры пусковых установок.

Но все эти меры не могли стать надежным заслоном этой новой для ракетных войск беды. Пусковые установки продолжали падать. И главной причиной тому оставалась конструкторская ошибка в размещении центра тяжести на недопустимой высоте над ходовой частью. Но министр обороны, а вслед за ним и Генштаб, находясь в плену промышленности, не хотели принять доводы ракетных войск. Каждый такой случай докладывался министру и, как правило, сопровождался его приказом, расправами над командирами полков, дивизий. Все меры, предпринимаемые в войсках не были эффективны. А таких мер накручивалось все больше.

Возникла целая новая служба – дорожная. Улучшались существующие дороги, прокладывались новые. Перед каждым выходом в поле проводились специальные занятия по изучению состояния маршрутов, по способам преодоления опасных участков, по преодолению водных преград. Был разработан особый порядок подготовки механиков-водителей самоходных пусковых установок, режим их отдыха, питания. На маршах была предусмотрена специальная система контроля за состоянием водителей.

Передвижения ракетных дивизионов проводились только в ночное время. При этом, как правило, во второй половине ночи, когда на дороге было минимальное передвижение, а в населенных пунктах – случайных прохожих. Монотонность движения, без привычных трясок на дорогах способствовало росту усталости экипажей ракетоносцев и появлялись случаи засыпания в движении. Командир постоянно общался с водителем по переговорному устройству, рекомендовал ему выпить кофе, пожевать сухих галет.

Но пусковые установки валились, и редкая была неделя в ракетных войсках, чтобы не опрокинулось одна-две пусковые установки. Создавалась обстановка, в которой невозможно было избежать этой беды. Гибли люди, выводилась из строя дорогая техника, подвергались наказаниям команди-

В Главном штабе

Слева на право: первый ряд – В.А. Жуков, Г.И. Казыдуб, А.А. Дмитриев, К.И. Малоненков, Д.И. Марковский, В.В. Ляшик;
второй ряд – В.А. Канев, И.Н. Блинов, В.Н. Малащенко

На учениях. Пантонная переправа

Слева направо: А.Д. Мелехин, А.Л. Волков, В.С. Мороз, А.Н. Патапов, Н.Н. Котловцев, П.А. Горчаков, В.Л. Говоров, Ю.А. Яшин, В.М. Вишенков, В.П. Шиловский, Г.И. Казыдуб

Арзамас-16, в Музее ядерного оружия

В первом ряду слева направо: Дмитренко В.Д. (первый), Есин В.И. (второй), Сергеев И.Д. (пятый), Дворкин В.З. (седьмой), Шмыков Р.Р. (восьмой), Попов В.Г. (десятый)

ры. В это время наращивался поток серийного производства этого оружия, уже сотни таких пусковых установок стояли на боевом дежурстве во всех уголках страны.

Правду сказать никто не осмеливался. Крупные провалы в обороне скрывались, а обнародование святая святых для любого посмеявшегося могло быть роковым. К тому времени все более раздувался миф о нашей науке как самой передовой, не имеющей аналогов в мире, а отсюда гордость за качество и непревзойденные возможности нашего оружия и боевой техники.

Много трубились, особенно в последнее время, о наших подводных лодках, которые по своим крейсерским возможностям, шумам и другим тактико-техническим данным явно уступали американским, из-за ошибок в их конструировании и промышленных недоработок нередко превращались в подводные гробы для их экипажей, такая же ситуация складывалась и военной авиации.

О ракетах, тем более пусковых устройствах, у нас писать и говорить было опасно. Появились первые самоходные установки, несущие на себе ракеты четвертого поколения. Остро встал вопрос о создании кардинально новых систем управления. Однако новый ракетный комплекс снабжался старыми приборами и системами боевого управления и связи. Первое, что бросалось в глаза даже не посвященному человеку, громоздкость аппаратуры. Это обусловило появление в ракетном комплексе большегрузных машин на шести, четырехосных шасси. Более того, громоздкость аппаратуры далеко не единственный ее недостаток. Несогласованность в работе отдельных систем, слабая защищенность от различного рода помех, в том числе и грозовых разрядов. Разведенные от пункта управления дивизиона на 3–5 километров пусковые установки теряли связь и оставались какое-то время неуправляемыми, т.е. они выпадали из общего числа боеготовых ракетных установок.

Шестиосное шасси, изготавливаемое в Минске, далеко было до совершенства. Двигатель не обладал необходимой мощностью, поэтому по дорогам без покрытия (что характерно особенно для Сибири) пусковая установка шла тяжело, иногда требовалась буксировка, а специально для этих целей буксировщики стали поступать в войска значительно позже. Пусковая установка противопожарными средствами не оснащалась. Нужно понимать, какими последствиями грозило возгорание этого оружия. Не были учтены наши требования об автоматическом отключении от источников тока всех потребителей при опрокидывании ракетноносца. Многие, кто близко соприкасался с этим оружием, могли бы подтвердить, что с благословения руководства страны и армии на дороги нашего отечества в массовом количестве были выпущены ракеты с боевыми ядерными зарядами, представляющие громадную опасность не только для экипажей ракетных установок, но главным образом для населения этих районов.

Любой мало-мальски осознающий масштабы возможной катастрофы, человек в таких условиях не мог оставаться равнодушным. Но надо было удивляться олимпийскому спокойствию нашего руководства. Кроме снятия с должностей командиров полков и дивизионов, предания суду военного трибунала механиков-водителей, других каких-либо мер организационных, а тем более, технических не проводилось. Модернизированный ракетный комплекс «Пионер» страдал этими же недостатками. Он также «успешно» валился на бок на каждом уклоне, с трудом приводился в боевую готовность, чаще выходил из строя. Но это не значит, что в ракетных войсках об этом много говорилось. Мы умели хранить тайну.

Знаменитые слова У. Черчилля о том, что секрет, завернутый в тайну, скрывающую в себе загадку, в полной мере можно было поставить девизом под которым создавались и существовали ракетные войска. В полках, дивизионах журналистам места не было, в том числе и военным. Войска наглухо были закрыты не только от общественности, но и от значительной части руководства страны и армии. На местах дислокации войск, в краях и областях в ракетные части имели допуск только первые секретари партии, в военных округах – лично командующие. Все остальные могли быть допущены по специальному допуску-разрешению, после тщательной проверки особыми делами КГБ.

Нельзя отрицать, что на каком-то этапе это диктовалось внешними условиями, необходимостью скрытного развертывания нового вида войск. Однако в дальнейшем это принесло немало вреда, особенно в эпоху «застоя», вселилия оборонного промышленного комплекса. Из-за секретов «особой государственной важности» по многим вопросам разработки ракетного оружия прекратили советоваться с военными, их мнение не учитывалось, ими теперь просто командовали. Видимо одной из таких причин было то, что Генштаб находился в зависимости от министерства обороны. Аппарат, который был втянут в политику, ведал всеми военными финансами, был связан с промышленностью и, несомненно, в значительной степени коррумпирован, не мог объективно оценивать роль военно-промышленного комплекса, склонялся в его сторону. Это в ряде стран уже давно поняли, и там военный министр – гражданское лицо. Он не вторгается в чисто военные вопросы, не несет непосредственной ответственности за боевую готовность войск.

Глава тринадцатая

СЕКРЕТ, ЗАВЕРНУТЫЙ В ТАЙНУ

Вся моя армейская жизнь была окутана секретами. Секретно было все. Ладно уж то, что было связано с оружием, правилом ведения боя или общим состоянием боевой готовности. Это надо было скрывать, прятать от глаз возможного «противника». Но у нас было секретным и все другое. К секретам относились письма солдат и, тем более офицеров. Секретными были лозунги на всевозможных щитах так называемой наглядной агитации. В каждом полку есть свой распорядок дня, в котором расписано, когда солдаты должны просыпаться, есть, чистить оружие и прочее. Так вот он тоже составляет секрет и не может разглашаться. Особенно тайными считаются всякие разговоры военных, например, беседы солдат в туалетах, в карауле и др.

Каждый полк имеет своих штатных контрразведчиков, кэзэбистов. Главной их заботой было следить, как соблюдается режим секретности. Надо же им было чем-то доказывать, что хлеб едят не напрасно. Часто их можно было видеть, роящимися в мусорных ямах, около курилок в поисках выброшенных писем, даже пустых конвертов обрывков бумаги. Все это для них составляло фактический материал, на основе которого готовились донесения в вышестоящие инстанции.

Всегда в армии самые суровые наказания были за нарушения режима секретности. Мне неоднократно приходилось быть свидетелем таких расправ.

В период с 1953 по 1956 год я проходил службу 72-й горно-стрелковой дивизии, штаб которой размещался в городе Новороссийске. Полки этой дивизии были разбросаны по всей Кубани, тот, в котором я был, размещался в станице (сейчас это город) Славянской. В последние годы я работал заместителем начальника штаба полка, имел допуск ко всем секретам. Начальником штаба в то время был подполковник Твердохлеб В., которого «за потерю» бдительности буквально выгнали из армии в 24 часа.

А дело было так, штабом полка был разработан новый план подъема полка по тревоге. Более секретного документа в полку не было, разрабатывался он в большой тайне. Хотя по своей сути в этом плане никакого секрета не было. В станице полк был весь на виду, все офицеры жили на частных квартирах, старослужащие солдаты имели девушек. Можно ли считать секретом

время, за которое полк выстраивается на плацу? Было ли большим секретом то, что 1-й батальон выстраивался на правом фланге полка, а батарея 45-миллиметровых пушек в затылок 2-го батальона. Подобные построения проводились ежедневно на глазах всей станицы. В общем, документ был важным и строго секретным.

Когда он был подписан командиром полка полковником Кадушкиным, начальник штаба повез его на утверждение в штаб дивизии. Хотя план никаких сложностей не представлял, на его изучение потребовалось около трех суток. На четвертый день Твердохлеб с усиленной охраной на автомобиле выехал в станицу Славянскую. Путь лежал, по горной, извилистой дороге через станицы Тоннельную, Крымскую, Троицкую. Где-то в районе Крымской была сделана остановка. Надо было осмотреть машину и немного размяться. Сам Твердохлеб, не выпуская папки с документами из рук, отошел в кусты по своим надобностям. Славянская уже просматривалась за Кубанью в мареве плавен. Солнце клонилось к закату. Твердохлеб заторопился. Дорога стала хуже, машина запрыгала по выбоинам и кочкам. Вскоре Твердохлеб к своему ужасу почувствовал, что в его руке папки нет. Повернули назад, осмотрели место последней остановки, бросились по дороге в Новороссийск. Папки нигде не было. Быстро наступала ночь. Надежды найти документы таяли, все больше охватывала паника. Утром следующего дня Твердохлеб, измученный напрасными поисками, прибыл в полк. Надо докладывать командиру полка.

Но как на беду, в полк прибыла комиссия из штаба округа. Командир полка и я, начальник штаба, оказались в дурацком положении: перед началом проверки полк оказался без главного документа. На второй день Кадушкин доложил об утере плана командиру дивизии и председателю комиссии округа. Твердохлеб немедленно был отстранен от работы, военная прокуратура возбудила и приняла к производству уголовное дело.

Но в полку продолжала оставаться напряженная обстановка. По плану проверки полк должен был быть поднят по тревоге и выведен на учение в район станицы Абинской. Об этом знали уже все солдаты и офицеры, командиры рот спали в казармах.

И вот в такой нервной обстановке происходит второй, но теперь уже трагикомический случай. В 6-й роте второго батальона поздно ночью в каптерке взорвалась трехлитровая банка то ли с помидорами, то ли с огурцами. Спавший там же, в нарушение устава, капитанармус с перепугу свалился с топчана, вскочил в спальное помещение казармы и истошным голосом заорал: «Караул!». Молодой солдат, дневальный по роте, видимо, в это время дремавший, с меньшим испугом, закричал, как его тренировал старшина роты: «Рота, тревога! В ружье!». Казарма озарилась ярким светом, рота в полной выкладке с оружием через пять минут стояла на плацу.

И надо же такому случиться, дежурный по связи перед этим отлучился на несколько минут, но когда посмотрел в окно и увидел бегающих на плацу солдат, решил, что прозевал команду дежурного по полку, врубил общий сигнал тревоги. Видно, все это было следствием перенапряжения, бесчисленных инструктажей и томительного ожидания.

По станице разбежались посыльные для вызова офицеров по тревоге. Во всех концах огромной станицы засветились окна, захлопали двери, калитки. По улицам в направлении военного городка бежали офицеры с так называемыми тревожными чемоданами. Через час полк в полном составе стоял на плацу в готовности совершить марш-бросок в район стрельбища. Командир полка направился в генеральский домик, где разместился председатель комиссии. Генерал спросонья никак не мог понять, о чем докладывает командир полка. Посчитав, что директива округа прошла мимо него, он схватил телефон. Дозвонившись до начальника штаба округа, он понял, что произошло какое-то недоразумение. Только через несколько часов все произошло.

Командир 6-й роты Федор Шамков стоял навтыяжку перед негодующим командиром полка и путано докладывал, каким образом была поднята по тревоге его рота. Дежурный по полку объяснял причину оплошности дежурного по связи. К утру каждый получил по заслугам. Ф. Шамков был представлен к увольнению в запас, злосчастного каптенармуса водворили на гауптвахту на воду и хлеб.

Что же дальше было, куда девался утерянный план? В том месте, где Твердохлеб сделал остановку, невдалеке паслось стадо скота. Когда машина уехала, пастух прошел неподалеку от места остановки военных и увидел папку с сургучными печатями. Твердохлеб должен благодарить судьбу за то, что печати не были нарушены до того, как попали в руки местного КГБ, как тогда говорили, они не были дискредитированы. Это и спасло Твердохлеба от тюрьмы, он был уволен без пенсии и права ношения военной формы. Командиру полка был объявлен выговор.

За годы службы много раз приходилось сталкиваться со случаями утрат секретных документов, подсижки старших и вообще неугодных путем воровства документов и пр.

Припоминается один довольно курьезный для меня случай в годы моей службы в Северо-Кавказском военном округе. Где-то весной 1954 года в районе Грозного проводились крупные оперативные учения с привлечением большого количества войск. Штаб руководства размещался в Орджоникидзе (Владикавказе). Сами учения проводились вдоль Сунженского хребта. Часть командиров батальонов и рот нашей дивизии была привлечена в качестве участковых и огневых посредников. Мы должны были организовывать проигрыш тактических эпизодов в ходе учения. Каждому посреднику вручили секретные карты с описанием порядка отработки

вводных. Нас снабдили транспортом и охраной.

Прошло несколько дней, как начались учения. Солдаты, прикрепленные ко мне, питались по специальным талонам в любой ближайшей воинской части. Офицеры, подобные мне, по замыслу, должны были питаться в полевых столовых военторга. Но такие столовые, передвигаясь с войсками, развешивались вблизи крупных штабов, в то время, как мы постоянно находились на передней линии войск. Так что мне приходилось сутками оставаться голодным. Иногда солдаты приносили что-нибудь со своего скудного стола.

В один из таких дней, рано на рассвете, наступающие войска вышли к основным нефтепромыслам. Через несколько часов я должен быть в районе одной из высот. По пути к этой высоте шофер показал строение в стороне от дороги. Когда-то он проезжал здесь со своим командиром и знал, что в этом здании была столовая. При инструктаже нам запретили заходить в местные харчевни, но голод заставил пойти на нарушение.

В относительно чистой, с неплохим выбором блюд, столовой посетителей пока не было. Плотно закусив, я заторопился к своей высоте. На ходу решил уточнить содержание вводной. И тут я обнаружил, что папки у меня нет. В холодном поту я лихорадочно ощупал машину, себя, солдат – нет. В голове прокрутился весь мой путь, но, увы, никакой зацепки. Последний раз я смотрел карту, когда разыгрывались вводные по преодолению наступающими войсками главной полосы обороны. Это около двадцати километров в сторону Грозного. Решил вернуться и обыскать весь этот путь. Там, где дорога заросла травой, надо идти пешком, где почище, – медленно ехать на машине. На это надо время, меня будут искать. Но из двух зол решил выбрать меньшее, не явлюсь накажут, не найду – тюрьма.

Так мы опять оказались у столовой, где я не так давно приятно подзакусил. Окончательно рассвело, подошли вторые эшелоны войск, а вместе с ними крупные штабы. Вокруг столовой было много автобусов, легковых автомобилей. Столовая битком набита военными разных рангов, в основном старшими офицерами. За столом, где я до этого ел, сидели, как мне показалось, навеселе два полковника. Спрашивать у них о папке бессмысленно и даже опасно.

В тот момент, когда я так думал, бросилось в глаза улыбающееся и лоснящееся от жира лицо усатого чеченца, стоящего за стойкой буфета. Я подлетел к нему и спросил папку. Оказывается, он увидел меня сразу же, как только я вошел в столовую. К величайшему моему счастью, он, видимо шутя, попросил выкуп. Папку он подобрал в цветочном ящике у стола, где я завтракал. Не помню, сколько я ему бросил денежных купюр, схватил папку и выскочил к машине. Так я избежал для себя громадных неприятностей.

С тех пор я никогда не позволял себе никаких вольностей, если при мне были секретные документы.

В армии всегда существовал жесткий режим секретности, но в ракетных войсках он был доведен до иезуитства. Немало установленных норм и правил обращения с документам, оружием и общении между военнослужащими были нелепыми и доходили до абсурда. КГБ пользовался безраздельным контролем и немалым влиянием.

Вообще то у нас в стране, в партии умели хранить многие тайны, особенно от народа. Долго еще будут историки раскапывать то, что так надежно скрывалось. Это связано не только с обороной, безопасностью, армией. Тайными были решения партии и правительства по литературе и искусству, по сельскому хозяйству и промышленности. Все было секретным и не предавалось огласке. Легче сказать, что не секретилось. Секретились взаимоотношения и личная жизнь верхов, да что там, секретными оказались лекарства, которыми пичкали вождей, хотя бы та пресловутая «брежневская» электронная таблетка. В свое время такими таблетками пользовались только члены политбюро. Наверно поэтому они и выглядели до старческих лет бодрячками, легко переносили длительные перелеты на самолетах, могли сравнительно долго пребывать, хотя бы в дремотном состоянии, на различного рода заседаниях, совещаниях, съездах и т.п.

Ракетные войска и связанные с ними средства массового уничтожения людей были защищены секретом особой важности: порядок формирования, размещения, учеба, а тем более вопросы боевого применения и планирования – все это составляло особую государственную тайну.

Немало людей в погонах, работников оборонной промышленности и вообще причастных к этим секретам сложили головы за отступления от этого незыблемого принципа строительства нового вида вооруженных сил. Да и сегодня инерционные взмахи этой карающей руки угрожают тем, кто по своей наивности принял всерьез перемены, происходящие в стране. Пример тому дело В. Мирзояна, Н. Никитина и многих других.

На заре создания ракетных войск все происходящее мы воспринимали как должное, неимоверно раздувая свое значение в сохранении государственных тайн, а значит в обеспечении безопасности.

С первых дней пребывания в этих войсках начал ощущаться какой-то особый дух таинства, а мы были теми избранными, которым доверены громадные секреты. Я писал, что на этажах только что созданного главного штаба царил таинственность, окружала загадочная тишина. Главком маршал Неделин М.И. и начальник главного штаба генерал Никольский М.А. почти ежедневно принимали прибывающих со всех округов кандидатов на руководящие должности, включая полки, беседы с которыми сводились к одному: обеспечению режима секретности.

Работая, главным образом в штабах, я вынужден был напрямую ведать и отвечать за службу секретов, разбираться с многочисленными случаями утрат документов или нарушений в обращении с ними.

В Белоруссии, будучи начальником штаба дивизии, я был втянут в длительную конфронтацию со строптивым и чванливым начальником политического отдела. В войсках к этому времени уже существовало несколько видов засекреченной связи. Традиционно основной оставалась шифрованная, которая использовалась, главным образом, для передачи особо важных распоряжений и докладов. Право подписи документов имели командир, начальник штаба и начальник политотдела дивизии. Была также засекреченная, автоматизированная телеграфная связь. Такой связью пользовались более широко. Находились «любители» делать с помощью этой связи несекретные сообщения, это было грубым нарушением режима.

Однажды мне доложили, что в штабе дивизии утерян один бланк такой телеграммы. Я дал команду восстановить содержание утерянной телеграммы по матрицам телетайпной ленты одного из полков. Вскоре мне доложили, что телеграммы такого содержания представлялись всеми полками в политотдел дивизии. Политотдел обобщал данные о количестве наглядной агитации, изготовленной силами частей. Независимо от содержания телеграммы факт утери бланка секретной связи грозит уголовной ответственностью. Так, бездарное распоряжение об использовании засекреченной связи о сборе сведений по количеству сбитых деревянных щитов, изготовленных глупых политических реклам привлекло внимание военной прокуратуры особого отдела КГБ, вышестоящих штабов.

По телефону я вынужден был высказать несколько нелицеприятно свое мнение по этому случаю начальнику политотдела и попросил его взять вину за случившееся на политотдел. Вполне понятно, сама постановка вопроса, да и, видимо, мой тон буквально взорвали этого напыщенного партийного гуся. В бешенстве он наговорил мне немало оскорбительных слов и в конце сказал, что моя дерзость по отношению к партийному органу, а также преступная потеря бдительности станут предметом очередного заседания партийной комиссии.

Я понимал, на что шел: Н.Д. Коршунов способен на любую пакость, особенно когда это касается его особы. За его словами стояла прямая угроза для меня и реальная опасность. Но я тоже, как говорят, пошел «на принцип»: решил не уступать, уповая лишь на то, что справедливость оставалась на моей стороне. Командир дивизии, как всегда в таких случаях, занял нейтральную позицию стороннего наблюдателя.

Мною был представлен доклад о происшествии в главный штаб ракетных войск и штаб ракетной армии, в город Смоленск. На следующий день из Москвы прибыла комиссия, в составе которой был представитель политуправления. Дело принимало серьезный оборот. Мало оставалось надежд, что выводы будут сделаны в мою пользу, на справедливость рассчитывать не приходилось. Не питал я иллюзий и на счет того, что в мою защиту выступит хотя бы один вышестоящий штаб. Все зависело только от меня само-

го. Перед командиром я настоял, чтобы делу был дан какой-нибудь законный ход, для чего необходимо было через прокуратуру возбудить уголовное дело.

Не мог я тогда понять, что заставило московскую комиссию дело спустить на тормозах, но хорошо помню, как в кабинете командира в присутствии москвичей начальник политотдела протянул мне руку и предложил мир. Я не стал настаивать на завершении уголовного дела, по которому проходил один из работников политотдела.

То, что произошло между нами, начальником штаба и начальником политотдела дивизии в то время было типичным. Бесчисленные столкновения штабов и политорганов случались на всех этапах военной иерархии. Политработники, как и чины всемогучего КГБ, всегда стремились принизить роль штабов, сделать их козлами отпущения всех неприятностей и происшествий в войсках.

Припоминается еще один случай – довольно яркое подтверждение выше сказанных слов. В 1978 году по настоянию министра обороны Д.Ф. Устинова ракетные войска начали выводить в поле подвижный комплекс СС-20. Главком Толубко горячо возражал, мотивируя это тем, что в Европе это вызовет фурор, неизбежно возникнут новые осложнения на переговорах. Кроме того, он считал, тем самым мы сами обеспечиваем противоположную сторону полными данными о боевом составе такого вида ракет.

Однако доводы главкома и главного штаба в расчет приняты не были, с этого года было начато боевое дежурство полков и дивизионов, вооруженных подвижным ракетным комплексом в полевых условиях. Войска столкнулись с целым рядом проблем, таких, например, как: охрана пусковых установок, их маскировка, полевое снабжение, ремонт и техническое обслуживание. Всему этому надо было серьезно учить войска.

В течение первого года было проведено несколько учебных сборов с привлечением командующих армиями и командиров дивизий. Одно из показательных подобного рода занятий было проведено в 1979 году в районе Кирова на базе ракетной дивизии, вооруженной таким комплексом.

Новая пусковая установка была громоздкой, весила около 100 тонн, имела высоко посаженный центр тяжести, достаточно малый угол наклона приводил к ее опрокидыванию. Выходило, что надо учиться ее водить так, чтобы избежать падений. Ну, а если упала, – уметь поднять. Вот это и многое другое решено было показать руководящему составу. В.Ф. Толубко приказал мне найти способ продемонстрировать процедуру подъема упавшей пусковой установки, но так, чтобы не задействовать из боевого состава. Мне надо было найти для этого что-то похожее из старого арсенала. Стал я думать и советоваться с промышленниками и ракетчиками из войск. Нашлась такая пусковая установка на ракетном полигоне в Капустином Яру, под Волгоградом. Это была одна из прародительниц теперь уже большого поко-

ления самоходных пусковых установок. Она также, как и СС-20, была на шестиосном шасси и по внешнему виду мало чем от нее отличалась. Вместе с тем, это совершенно другая пусковая установка, изготовленная под ракету межконтинентальной дальности.

Эта пусковая установка была доставлена по железной дороге в район учений. С помощью специального приспособления она была положена на бок. И все присутствующие увидели процедуру ее подъема. Все бы было хорошо, если бы не «одно но». Мы не могли тогда знать, что нам грозила большая неприятность. Об этом стало известно позже.

Как-то, уже будучи в Москве, меня пригласил к себе начальник главного штаба. Ничего не говоря, он положил передо мной на стол необычно красочный журнал. Первые же строки текста меня удивили. Довольно подробно описывались показательные занятия, которые мы проводили под Кировым. Это был переводной текст из американского журнала. Но самым удивительным было то, что в тексте журнала сообщалось о переброске из Капустина-Яра межконтинентальной ракеты, при этом делался вывод, что русские с использованием своей космической системы разведки определяли демаскирующие признаки двух различных ракет на подвижных пусковых установках: межконтинентальной и среднего радиуса действий. Одним словом, американцы нас обвиняли в попытке под видом средних ракет увеличить боевой состав ракет межконтинентального радиуса действий.

Во-первых, такой цели мы перед собой не ставили, это уже чьи-то домыслы. И другое, даже неспециалисту было ясно, что все эти сведения можно было получить только на основе агентурных данных. Видимо, пытались скрыть действительный источник, под текстом была сделана довольно прозрачная сноска: «Данные получены средствами национальной космической системы разведки...» Думается, что это были не слишком профессиональные попытки отвести подозрения от своего резидента.

Но я был буквально ошарашен, когда услышал слова самого начальника главного штаба. Дело не в том, что мне приходилось быть не один раз свидетелем его панических настроений, эту сторону его характера в штабе знали. Я сразу же понял, что он, не разобравшись в сути вопроса, был готов всю вину за случившееся взвалить на войска, на главный штаб, непосредственных организаторов тех занятий.

Нет слов, произошло событие неординарное, кто-то за это должен ответить. Это видимо и пугало Владимира Михайловича.

Мне пришлось возразить, нашей вины в том, что американцам удалось получить эти сведения, нет. Именно КГБ предназначено обеспечивать безопасность и предотвращать утечку секретных данных, в том числе и в ракетных войсках. Нет никакого сомнения, что эти разведданные американцы получили своей агентурной разведкой, а это значит, что прошляпила наша контрразведка. Так я думал и в этом пытался убедить своего начальника.

Безусловно, КГБ всеми способами будет стремиться вину взвалить на войска. Так и случилось.

В кабинете главкома мне пришлось отстаивать свое мнение в присутствии одного из высокопоставленных членов КГБ – начальника 3-го управления генерал-лейтенанта Матвеева.

Уже с первых минут разговора я понял, что дело будет замято. Генерал, видно, прекрасно понимал, что все дальнейшее его разбирательство не в интересах КГБ. Бросив несколько малозначащих фраз по сути разговора, он умело уклонился от дальнейшего его обсуждения и перевел разговор на нарушения режима секретности в войсках, вскрытые за последнее время. Хотя я и надеялся на такой поворот, но громадные права и влияние этого органа всегда вселяли страх, а исход этого дела мог быть непредсказуемым. Трудно представить, какие могли быть последствия для меня и моих товарищей, если бы КГБ продолжало настаивать на виновности войск. Прошло около года когда стало известно нам, что источником информации для американцев был один из представителей оборонного завода, который длительное время находился на полигоне. Так, можно считать благополучно, завершилось это не совсем приятное дело для нас.

Однако нельзя сбрасывать со счетов наших, чисто военных, провалов в организации таких мер режима секретности, как скрытности проводимых нами мероприятий маскировки, создание различного рода ложных действий с надеждой введения противней стороны в заблуждение.

В начале 80-х годов, когда усиленно шло наращивание подвижной группировки в ракетных войсках, промышленность поставляла до 60–80 самоходных пусковых установок в год. Но этим аппетиты руководства страны и армии не могли быть удовлетворены. На переговорах с американцами, которые велись вяло и были ширмой для безудержной гонки вооружений, наша сторона постоянно завышала количество пусковых установок, находящихся на боевом дежурстве. Это позволяло поддерживать заказы для оборонной промышленности и накапливать вооружение.

Войска получили не свойственную для них задачу – легендировать несуществующие пусковые установки. Это, как нам говорили, решение было принято на политбюро, нам оно было доведено директивой Генштаба. По этому решению, во всех ракетных дивизиях с ракетами среднего радиуса действия на западе страны должны быть возведены ложные сооружения, подобные тем, в каких реально находились самоходные пусковые установки СС-20. Как всегда в таких случаях, войска никаких материальных и финансовых средств для выполнения этой затеи не получили. Началось мыслимое и немыслимое кустарничество. Использовался любой подручный материал, лишь бы подешевле и выполнить в срок. Все понимали, в том числе и в войсках, что таким способом американцев обмануть не удастся, кроме позора в международном масштабе, других результатов

ожидать глупо. Но в войска продолжали лететь строгие директивы, указывались однозначные сроки, и, конечно, из войск поступали доклады об исполнении.

И вот, Главному разведывательному управлению Генштаба каким-то образом удалось заполучить у американцев уже дешифрованные снимки наших бутафорных сооружений, разбросанных по всем западным областям страны. Когда эти снимки оказались у нас на столах, рухнули всякие иллюзии: без сомнений, американцы вдоволь посмеялись над глупостью русских. На снимках, сделанных из космоса, бросалась в глаза примитивность наших усилий, более того, везде выпирало убожество нашей работы. Отчетливо было видно, что на ряде сооружений из-за ветхости строительного материала (так прямо было записано в пояснительной записке американцев) крыши были просто раскрыты. Через такие проемы отчетливо просматривалось каждое сооружение изнутри. Видны были средние опоры и становилось очевидным, что в такое помещение невозможно было поместить не только громоздкую пусковую установку, но даже обыкновенный автомобиль. В ряде дивизионов сооружения входными воротами упирались в проволочные заграждения охранной зоны. Понимал ли командир, который такое лепил, насколько это глупо.

Не только на переговорах в Женеве, где для обозрения были выставлены такие снимки, но и у себя, в Главном штабе, мы испытывали стыд за наши же бездарные попытки обмануть самих себя.

Через некоторое время поступила команда демонтировать такие сооружения. У кого-то хватило ума убедить верхи, что противная сторона прекрасно осведомлена не только о количестве стоящих у нас на боевом дежурстве пусковых установок, но и о планах их производства промышленностью на ближайшую пятилетку.

Скрытность всегда была самой «сильной» чертой нашего общества. Но, где скрывали, там и лгали. Мы всегда жили, да и сейчас еще живем в тумане лжи. К этому так привыкли, что всему верим и не верим. Трудно отличить ложь от правды и узнать, когда одна сменяется другой. Правда, у нашей лжи всегда торчат уши. И видят такие уши вначале за рубежом и только потом раскрываются глаза и у нас.

Вообще-то в армии сохранение военной тайны было основано на том принципе, что каждый должен знать только то, что необходимо для выполнения его обязанностей или поставленной задачи.

Все сведения, какие могут пригодиться противнику, делились на категории: «для служебного пользования», «секретно», «совершенно секретно», и, наконец, «совершенно секретно особой важности».

В каждом случае, по мере повышения грифа секретности, в них посвящались все меньше и меньше офицеров и генералов. Документы с грифом «особой важности» могли быть на руках любого исполнителя не более суток,

место его нахождения постоянно отслеживалось. Такие документы брошюровались в папки красного цвета.

Думаю, как во многих других государствах и армиях, особо важные события, операции, виды боевой техники и оружия получали условные обозначения. Так, самоходным пусковым установкам присваивались наименования «Пионер», «Тополь» и др.

Однако наивысшей секретностью были покрыты истинные стремления руководства нашей страны по сдерживанию гонки вооружений. На переговорах, которые начали вестись еще с 1969 года, и результатом которых было так называемое соглашение ОСВ-1, проявились завуалированные потуги с нашей стороны всеми правдами и неправдами сохранить свое количество стратегических наступательных сил. Стороны соглашались на установление кое-каких рамок контроля за соблюдением соглашения. Войска получили на этот счет директивные указания, запрещались некоторые преднамеренные действия по усилению скрытности, особенно при проведении экспериментальных, испытательных и учебно-боевых пусков ракет на полигонах. Но мы знали, известно это было и в войсках, что на уровне руководства страны эти требования с нашей стороны грубо нарушались. И беда наша была в том, что об этих нарушениях сразу же становилось известно США. От американской стороны на переговорах непрерывно в наш адрес поступали упреки, предупреждения об этих нарушениях. В войска, больше для видимости, направлялись директивы, предупреждались командиры, но установленные процедуры продолжали нарушаться, особенно то, что касалось демонтажа, подрыва шахтных пусковых установок, уничтожения ракет и головных частей.

Зная обо всем этом, мы не переставали удивляться лживости нашей дипломатии. Приведу один только пример в подтверждение сказанному. С 1974 года на ракетном полигоне в районе Плесеца были размещены подвижные пусковые установки с межконтинентальным твердотопливными ракетами на борту.

В промышленности и эксплуатационно-технической документации этот необычный ракетный комплекс проходил под индексом 8К642. Фактически в состав полигона была введена ракетная дивизия, располагающая необходимым количеством полевых районов для боевого развертывания и соответствующим планом боевого применения. Дело в том, что эти ракеты в официально представленном на переговорах боевом составе стратегических ядерных сил с нашей стороны не числились. Это была неуклюжая попытка с нашей стороны иметь больше ракет, потолок которых был предусмотрен соглашением.

В 80-е годы, когда велись переговоры по более глубокому сокращению стратегических наступательных сил, мы параллельно разрабатывали способы сокрытия наших ракет, сохранения путем обмана противной стороны,

значительного количества самоходных пусковых установок. По новому соглашению под ликвидацию подпадали все пусковые установки на самоходных шасси с ракетами и головными ядерными частями.

Мировая печать, радио, телевидение преподносили успехи переговоров как беспрецедентный шаг в истории человечества. Это действительно было так. Но мало, кто знал, как мы исполняли взятые взаимные обязательства.

В ряде случаев наши действия принимали не просто обманный характер, а были авантюрными, вызывающими. В одной из таких авантур мне пришлось участвовать и, более того, быть одним из активных ее организаторов. Помню отчетливо, как 19 сентября 1985 года я получил приказ от начальника Главного штаба собрать небольшую, но высоко профессиональную группу специалистов по подвижным пусковым установкам из представителей центрального аппарата для выполнения важной государственной задачи. Суть ее заключалась в том, что мы должны были на первом этапе разработать предложение по сокращению на западе трех ракетных полков СС-20, а в дальнейшем практически осуществить это мероприятие.

С приходом М.С. Горбачева у нашей стороны все больше стали преобладать миротворческие нотки, хотя реальные шаги оставались такими же советскими. Америка это прекрасно понимала и ко всем нашим шагам по-прежнему относилась недоверчиво. Рейган продолжал нашу страну считать «империей зла». Более того, как мы считали, новый президент США Рейган с еще большей настойчивостью усиливает гонку вооружений. Это вызывало в какой-то степени раздражение в Европе. Наши политики посчитали эти условия наиболее целесообразными для поиска путей сближения с Европой и внести посильный раскол в НАТО. В печати проскользнули высказывания государственных деятелей Голландии, Бельгии, а чуть позже Италии об их намерении добиваться за столом переговоров смягчения напряженности обстановки, резких действий США и ответных мер со стороны русских. США к этому времени приступили к развертыванию в Европе ракет среднего радиуса действия «Першинг-2». В ответ на это наша сторона начала дополнительное развертывание ракет СС-20 и увеличила число подводных лодок на боевом патрулировании. И вот мы, как бы идем на беспрецедентный шаг. Не сокращая количества подводных лодок, плавающих у берегов Америки и барражирования стратегической авиации, советская сторона принимает решение на сокращение в одностороннем порядке двадцати семи самоходных пусковых установок СС-20, нацеленных на Европу. Главком получил указание на подготовку конкретного предложения по этому вопросу.

Вот в таком виде эта внезапно возникшая задача легла мне на стол как исполнителю. Сроки подготовки предложения, как всегда в таких случаях, были предельными. На второй день с готовым предложением, проектом директивы для войск, схемами, графиками, а также с текстом возможной ре-

чи М.С. Горбачева во Франции по этому вопросу, я выехал в Генштаб. Вскоре туда же прибыли новый главком Ю.П. Максимов со своим замом С.А. Яшиным и заместителем начальника Главного штаба И.Д. Сергеевым. В таком составе мы были приняты начальником Генштаба С.Ф. Ахромеевым.

С.Ф. Ахромеев... человека уже нет в живых, но мое отношение к этой, бесспорно, незаурядной личности остается неоднозначным. Мне не хочется верить в его праведный, ошеломивший всех военных поступок, не хочется верить в приписываемые ему предсмертные слова: «Не могу жить, когда гибнет отечество и уничтожается все, что считал смыслом моей жизни...». Нет, думаю, что не так. Он запутался: втянувшись в политику, оказался в обстановке, не привычной для военного человека. А когда понял, что оказался как бы вне закона, дело ГКЧП провалилось, его последней кумир М.С. Горбачев предал, просто смалодушничал, проявил слабость.

Служил он всем преданно, но преданность эта была личностной. Был Н.В. Огарков, Д.Ф. Устинов, с помощью которого подмял Н.В. Огаркова, затем С.Л. Соколов, которого тоже по сути оставил, перебравшись в разряд политиков, теперь уже под крыло последнего генсека ЦК КПСС.

Знаю его по работе в Генштабе, это был один из одержимых, которые никого внизу и рядом не видят. Обладая громадной личной работоспособностью и неподдельной деловитостью, он давил всех вокруг себя, держал в страхе.

Помню свою первую встречу с этим человеком. Было это где-то в году 1978, когда, будучи начальником Главного оперативного управления Генштаба, он пригласил нескольких генералов-ракетчиков, чтобы познакомиться с новым ракетным комплексом СС-20.

Я попал в их число как специалист по вопросам боевого применения и боевого дежурства, Г.Н. Малиновский – по эксплуатации и обслуживанию ракетной техники, М.П. Климов – по строительству стартовых позиций. Нашу группу возглавил начальник Главного штаба В.М. Вишенков. В пустом кабинете С.Ф. Ахромеева мы развесили карты, схемы, разложили действующий макет ракетного комплекса.

С хмурым, озабоченным лицом быстро вошел С.Ф. Ахромеев.

– Прошу коротко, по делу, времени у меня нет, не знаю, как у вас, – были первые его слова вместо традиционного приветствия.

Я уложился в пять минут, за несколько больше – Г.Н. Малиновский. Возник живой интерес к действующим «игрушкам». Речь М.П. Климова оказалась неудачной. На первых же словах он был грубо прерван хозяином кабинета:

– Генерал, вы воруете мое время. Если вам больше нечего сказать, тогда до свидания.

М.П. Климов с красным лицом стоял посреди кабинета и не знал, то ли ему продолжать, то ли покинуть кабинет. В.М. Вишенков поднялся, махнул рукой, и мы с неприятным осадком в душе вышли в коридор.

Климова я знал давно и достаточно хорошо. Прекрасный специалист, человек дела, значительно старше по возрасту Ахромеева. Мы были свидетелями грубости, если не больше. Но другим С.Ф. Ахромеева с тех пор я не видел.

И вот теперь еще одна встреча. С.Ф. Ахромеев в новом качестве, я – в составе другой группы. Но Ахромеев, видимо, был верен себе. Как и в прошлый раз, с первых же слов он предупредил нас, доклады должны быть короткими, времени в обрез.

Генштаб параллельно с нами подготовил свои предложения, которые сводились к тому, чтобы в трех дивизиях было снято по одному полку. Мы посчитали это предложение нецелесообразным. В нашем предложении предусматривалось снять с боевого дежурства по одному дивизиону в девяти полках этих же дивизий. Такое решение было наиболее предпочтительным по нескольким причинам. При таком варианте снятия с боевого дежурства мы сохраняли полки с их инфраструктурой, в строю оставались опытные кадры полкового аппарата, не требовалось замораживать дорогостоящие стационарные районы базирования, терять полевые позиции. Мы исходили также из того, что для мировой общественности девять дивизионов звучало внушительнее, чем три полка.

С.Ф. Ахромеев согласился с нашими предложениями и тут же по прямому закрытому телефону доложил, как он его назвал Верховному главнокомандующему, это был Горбачев М.С. Коротко обсудили некоторые детали предстоящей операции. Я предложил дивизионы сосредоточить в одном месте, в районе станции Лесной, вблизи Баранович.

В этот же день с группой офицеров и генералов главного штаба я поездом выехал в Барановичи, далее на автомобилях на ракетную базу, когда уже начали движение войска. Через три дня, 29 сентября, я представил доклад о сосредоточении всей техники в Лесной. Движение дивизионов проводилось только ночью, все эти дни мало кому удавалось поспать. Телефонные переговоры и переписка по этому вопросу были запрещены. Весь расчет был на эффект. В ночь на 1 ноября 1985 года все дивизионы были выведены и размещены на огромной ровной площадке. Все маскировочные сети были сброшены. Таким образом, в тот момент, когда М.С. Горбачев должен был подняться на трибуну в Национальном собрании Франции, космические разведывательные средства США могли легко найти значительное сосредоточение техники, не вызывающей сомнения, что это самоходные пусковые установки стратегического назначения.

Чтобы убедиться в этом я с группой дешифровальщиков поднялся на вертолете. Зрелище оказалось впечатляющим, впервые в ярких лучах солнца предстали в открытом виде грозные СС-20, о которых так много стали писать в последнее время в нашей и зарубежной печати.

Но и в этот раз, как это было уже неоднократно, полностью скрыть нашу затею не удалось. Уже в ходе нашей работы сначала в бельгийском, а затем в западно-германском журнале «Штерн» довольно профессионально был описан характер наших действий. Мы были уверены, что информация просочилась через агентуру или наш МИД, но не взята космической разведкой.

Но главное не это. Каждый из нас и противная, думаю, сторона прекрасно понимали, что эта затея не больше, чем игра. О том, что это очередной обман ни у кого сомнения не было. Мы пытались создать видимость, демонстративно убрав с боевого дежурства 27 пусковых установок, тем самым, как бы убрав удары более чем с 80 целей в Европе. Видимо, в этом был уверен М.С. Горбачев, может, ему верили французские депутаты, может еще кто-нибудь, даже из военных, но специалисты хорошо знали, что это не так.

В действительности все эти дивизионы могли быть переброшены на старые позиции в течение одной ночи или, в крайнем случае, после проведения незначительных подготовительных работ здесь же изготовятся для удара по любым целям на удалении не меньше 4000 километров. Мы были готовы выполнить любую команду. Ведь не более чем два месяца назад М.С. Горбачев на закрытом для прессы совещании руководящего состава армии и флота в Минске указывал на возрастающую военную мощь США, которые втягивают в гонку вооружений не только союзников по НАТО, но и Японию. В таких условиях мы не можем расслабляться, продолжал он, идти на компромиссы с США. Цель США – истощение СССР, чтобы вызвать недовольство наших людей, расшатать наш строй изнутри. Переговоры в Женеве зашли в тупик, и если так будет продолжаться дальше, то мы вынуждены будем пойти на крайние меры, вплоть до разрыва переговоров. Вот так говорил всего несколько дней назад этот лжемиротворец. Мог ли ему верить Запад теперь, мог ли он обольститься тем, что так разыграли этот спектакль. Можно, ли было верить, что мы пойдем на уничтожение снятых с боевого дежурства пусковых установок? Видимо, нет. Скрытно, как нам казалось, 27 самоходных пусковых установок вместе с другими агрегатами комплекса были перевезены по железной дороге и размещены до поры до времени на арсенале. Личный состав девяти дивизионов направлен в свои полки. Были разработаны специальные планы по приведению этих дивизионов в боевую готовность. Коварство и хитрость нашей дипломатии были известны давно, она много раз отрицала очевидное и не стеснялась выдавать невероятное за действительное.

Длительные, вялые, но тяжелые переговоры с трудом завершились подписанием в июле 1991 года Договора об ограничении и сокращении стратегических наступательных вооружений. В ракетных войсках широким фронтом шло снятие с боевого дежурства полков с самоходными пусковыми установками. Для координации усилий, связанных с непрекращающимися переговорами в Женеве и практическими работами по ликвидации вооруже-

ний в главкомате была создана специальная группа под руководством И.Д. Сергеева, которая в последствии была преобразована в штатный орган – центр до ликвидации вооружений.

Надо отдать должное, что подписанный перед этим Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности в декабре 1987 года в Вашингтоне, предусматривал довольно радикальные меры. С нашей стороны подлежали уничтожению все ракеты средней дальности СС-20. Хотя эта система хранила существенные недостатки, однако ракетный комплекс СС-20 был грозным современным оружием и на его базе была создана мощная группировка, как на западе, так и на востоке страны. Дорого, очень дорого обошлось нашему народу это оружие, но ненасытные аппетиты военно-промышленного комплекса продолжали поглощать львиную долю государственного бюджета.

За короткие сроки были сняты три ракетных дивизии с устаревшими ракетами Р-12, началась энергичная ликвидация вооружения тринадцати дивизий с самоходными пусковыми установками СС-20.

Нельзя отрицать смелости нашего руководства, которое, практически все еще находясь в плену холодной войны с НАТО, пошло на такое значительное сокращение стратегических ядерных сил. Немаловажную роль в этом сыграло то, что США имели в Европе значительную группировку ракет средней дальности «Першинг-2». Эти ракеты, обладая минимальным подлетным временем, представляли немалую угрозу, особенно в случае внезапного их применения в первом ядерном ударе, что имело бы катастрофические последствия, ибо в первые же минуты без управления оказались бы не только наши ядерные силы, но и вся страна, ощутимо снизился бы наш ядерный потенциал, существенно оказались бы нарушены экономика, транспорт, связь и др. Они пошли на их снятие при условии ликвидации с нашей стороны всех ракет СС-20. Мы вынуждены были принять это тяжелое условие.

Войска получили несвойственную для них задачу – ликвидация вооружения. Предстояло уничтожить твердотопливные ракеты, пусковые установки, унифицировать или полностью демонтировать головные ядерные части. Главком и Главный штаб питали надежду, что разработка технологии уничтожения вооружения, да и сами работы будут возложены на оборонную промышленность. Однако в Центральном комитете партии и в правительстве решили по-другому. Весь объем этих работ был отнесен за счет войск. Мы сели за разработку широкого плана снятия с боевого дежурства большого количества подразделений, расформирования полков и дивизий и, наконец, ликвидации вооружения. Старые ракеты, такие, как Р-12, уничтожались раньше и в этом войска не испытывали трудностей. Для их ликвидации была избрана ракетная база 50-й ракетной армии, которая находилась в районе станции Лесная в Белоруссии. Технология уничтожения этих ракет была довольно проста: корпус ракеты разрезался на три части.

С твердотопливными ракетами было сложнее. Мы, ракетчики, настаивали на более перспективной технологии, на вымывании дорогостоящего твердого топлива с последующим его использованием для нужд обороны или народного хозяйства. Однако нашим научно-исследовательским институтам разработка подобной технологии оказалась не под силу. Поэтому мы располагали двумя нежелательными методами уничтожения ракет: подрывать их на полигонах или сжечь путем пуска. Оба метода были дорогими и экологически не безопасными. Пробные подрывы пакетов из трех ракет на полигоне в Капустином Яре показали, что значительные площади подвергались орошению вредными аэрозолями. Но нам все же удалось убедить экологов и местные власти и получить согласие на массовый подрыв таких ракет при условии межведомственного экологического контроля за состоянием природной среды в прилегающих к полигону районах.

Другой метод уничтожения ракет – их пуском – был заблаговременно обсужден на переговорах с американцами и вошел одним из пунктов в меморандум по ликвидации ракет. Однако и в этом варианте препятствием стали вопросы экологии. Руководством страны были утверждены предложения на проведение пусков 72 ракет СС-20 при непосредственном контроле инспекцией США.

Все было до деталей рассчитано, спланировано, но, как уже не в первый раз, – ни слова о социальной стороне дела. Сокращались большие по своему составу дивизий. Естественно, это приводило к массовому высвобождению людей, главным образом, офицеров и прапорщиков. Столь беспрецедентное сокращение невольно сопровождалось недовольством, ропотом людей. Особенно остро это ощущалось в старых дивизиях, на вооружении которых оставались устаревшие ракеты Р-12. В таких дивизиях, размещенных в западных районах страны (Калининградская область, Литва, Остров Псковской области, Эстония и др.) увольнялись офицеры, прослужившие 15–20 лет, лучшие специалисты ракетного дела. Не имея других специальностей, они были брошены в тех городках, где дислоцировались их части. Это они и их семьи сегодня стали теми национальными меньшинствами в суверенных государствах Прибалтики, лишенные гражданства и элементарных прав. Это на их плечах создавались ракетные войска на западе страны, это они также, как и мы, без нашего согласия были направлены во вновь формируемые полки, дивизионы, это они безропотно несли боевое дежурство в течении 20–25 лет, отдав на это лучшие годы своей жизни.

Очень горько слышать о тех притеснениях, которым они подвергаются со стороны националистических сил этих стран. Горькая судьба и злая воля властей принудили оставаться их в бывших советских республиках. Туда они попали по приказу, по приказу свыше их уволили из рядов армии. Офицеры-ракетчики оказались менее счастливыми, чем те, кто служил в Германии и были выведены оттуда. Они оказались проклятыми, родина от них от-

вернулась, а сами они стали игрушкой различного рода политиков.

В конце 70-х годов командование 50-й ракетной армии в лице ее командующего К.В. Герчика, начальника политотдела И.И. Куринного неоднократно обращались в военный совет ракетных войск, непосредственно к главному В.Ф. Толубко с просьбами о развертывании ракетной дивизии в Каунасе на базе нового ракетного комплекса СС-20. Бесспорно, они были правы в том, что полки этой дивизии размещались в добротных военных городках, все офицеры и прапорщики были обеспечены жильем.

Однако уже тогда мы понимали, что с таким оружием в республике Прибалтики соваться крайне нежелательно. При этом мы исходили не только из того, что в этом случае полевые боевые позиции полков примыкали бы к внешним границам, к морскому побережью, но и той социальной средой в этих районах, не везде доброжелательным отношением вообще к армии со стороны местного населения. Надо отдать должное прозорливости В.Ф. Толубко, который убедил высшее военное руководство в нежелательности размещения нового комплекса в этих местах.

События, которые произошли в 1991 году воочию подтвердили наше предвидение. В противном случае мы могли бы сейчас иметь еще несколько стран, располагающих ядерным оружием.

Я говорил, что наша сторона, мягко говоря, не всегда проявляла порядочность и добросовестность в ходе переговоров и выполнения процедур по ликвидации вооружений.

Постоянно искусственно создавалась видимость сложности переговоров, значительных с нашей стороны компромиссов, уступок. Вместе с тем в оборонных отраслях промышленности разрабатывалась и поставлялись в армию новые дорогостоящие виды техники и вооружения. Зеленый свет для серийного производства получил новый ракетный комплекс железнодорожного базирования с мощной ракетой СС-24, способной нести ядерный заряд с десятью боеголовками. Сам по себе это был очень дорогостоящий ракетный комплекс, для его эксплуатации, боевого дежурства необходимо было провести на всех основных магистралях страны значительный объем по модернизации путей, по строительству специальных мест для его стоянок. Эти затраты не учитывались, более того, даже правительство не всегда было информировано об этом. Подтверждением этому припоминается один эпизод. Главнокомандующий ракетных войск В.Ф. Толубко как-то возвратился с очередной коллегии министерства обороны и вызвал к себе непосредственных исполнителей планов развития ракетных войск по подвижным комплексам. Как всегда в таких случаях, он довольно подробно информировал присутствующих генералов о решениях, принятых на коллегии, о негативной реакции министра обороны Д.Ф. Устинова на медленные темпы развертывания железнодорожного комплекса. И тут же с нескрываемым возмущением сказал в адрес министра обороны: «Как же можно руководить,

будучи так не осведомленным! Устинов до сих пор не знал что в тех районах, где предполагается боевое патрулирование железнодорожного комплекса, из-за его тяжеловесности требуется капитальное усиление путей». Причем, это тянет за собою не только значительные материальные затраты, но и увеличение сроков подготовки для введения в строй этого комплекса. Вопиющая некомпетентность нашего руководства, тоталитарной системы, когда основные решения по экономике, обороне, культуре и вообще по всем вопросам жизни страны, неминуемо привела бы к тому, что мы получили в 1991-м. Подобные факты не были единичными. Народные средства рекой лились в бездонную бочку оборонки, бесконтрольно расходовались, пожирались бесчисленным количеством конструкторских, научно-исследовательских организаций, оборонными ведомствами и громадным управленческим аппаратом.

По установившейся схеме после утверждения тактико-технических требований для разработки нового вида оружия и определения основных сроков разработки, различного рода испытаний, до серийного производства, готовилось постановление ЦК КПСС и правительства и после этого разрабатывались технико-экономические обоснования для определения сметы. Казалось, при такой схеме должны учитываться требования и заказчиков, т.е. военных и промышленности. Но на деле было далеко не так. Все решения и проекты руководящих документов рождались в лабиринтах оборонных министерств и научно-производственных объединений. Военным, при этом отводилась второстепенная роль. Оборонка буквально купалась в щедрых ассигнованиях. Как правило, на завершающем этапе разработки оружия запрашивались дополнительные средства, которые немедленно выделялись в полном объеме. И при этом ЦК КПСС и правительство очень скупно выделяли средства на социальные нужды войск. Буквально авральным способом строились стартовые площадки, осваивались новые районы базирования ракетных дивизий, однако жилье для офицеров, прапорщиков, жилые городки для солдат и сержантов строились медленно, в последнюю очередь.

В начале 80-х годов все дивизии на западе страны были до отказа забиты оружием нового ракетного комплекса, в то время как промышленность по выпуску его вышла на полную свою мощь. В головах верхов рождается идея размещения этого комплекса на Урале и в Сибири. Войска снова втягивались в сложные условия. В какой-то степени это было сравнимо с первыми годами развертывания ракетных войск, с той же неразберихой, необустроенностью недовольством офицеров.

Оружие стало широким потоком поступать на восток, интенсивно осваивались новые районы. Обрели как бы «второе» дыхание старые дивизии на Урале, в Нижнем Тагиле, в Юрье под Кировым. Готовились старые ракетные базы, осваивались новые по всей Сибири. Новым оружием обзавелись ди-

визии, размещенные в Новосибирске, Чите. Но для той группировки, которую задумали, этих районов было мало. И тогда пошли на явно ошибочный, более того бездарный, шаг. При наличии громадного количества обустроенных ракетных баз, было принято решение начать строительство новых, на неосвоенных землях. Так нами были избраны новые места в районах Барнаула, Канска, Иркутска. Окончательный выбор того или иного места базирования не всегда, а точнее реже всего диктовался соображениями военного, экономического и тем более социального характера. Помнится, мы усиленно разрабатывали вариант размещения позиционного района дивизии вблизи Абакана, а доводы для того были очень просты: в этом избирательном округе баллотировался наш славный главнокомандующий В.Ф. Толубко. Но когда ему предложили то же делать в Красноярском крае и там же избрали депутатом в Верховный Совет, дивизия была размещена в Канске в этом же крае. Были и другие мотивы, чисто волевые. Так было с районом для размещения ракетной дивизии, которая до этого дислоцировалась в Орджоникидзе, имея свои боевые позиции, в том числе и шахтные для ракет средней дальности Р-12, Р-14 в Северной Осетии, Адыгее, Чечне и Дагестане.

Перед этим мы проводили неоднократные рекогносцировки, тщательно и всесторонне изучали положительные стороны и недостатки того или иного предложения. С особым вниманием мы относились к выбору места основной базы дивизии, где должно разместиться жилье офицеров, магазины и все, что относится, как мы тогда называли, к соцкультбыту. После длительных дискуссий, препирательств с Генштабом мы выбрали вариант, когда наш жилой городок вписывался в пределы города Барнаула, а полки размещались по обоим берегам реки Оби. Утрясли все вопросы с местными властями, получили одобрение со стороны руководства ракетных войск. Осталось одно – передать наши замыслы в проектный институт для претворения их в техническую и строительную документацию.

Каково же было наше удивление, переросшее в открытое возмущение, когда В.Ф. Толубко с подачи командующего армией В.М. Егорова и с согласия крайкома партии перенес основную городок дивизии в лес, на удалении от города на 30 километров. Любому, даже неосведомленному человеку, было видно, насколько абсурдным было это решение. Возрастали резко затраты на строительство, главным образом, за счет создания новых коммуникаций, инженерных сетей. Офицерские семьи лишались возможности при переезде пользоваться удобствами города – школами, культурой и даже такой прозаической, на первый взгляд, услугой, как частные квартиры, учитывая, что первые два-три года жилья офицерам строить не будут.

Впоследствии и сам В.Ф. Толубко понял, что он был введен в заблуждение. С первых же дней, когда встал вопрос переезда дивизии на новое место, вылезли все мыслимые и немыслимые трудности. Прежде всего пришлось столкнуться с отказом офицеров, имеющих квартиры в Майкопе, Орд-

жоникидзе, Махачале. Конечно, это был не прямой отказ самих офицеров, буквально взбунтовались их семьи. И надо было их понимать, они должны были бросать обжитые места и ехать в чистое поле. Даже ссыльных за какие-то провинности размещали в селах, городах. В.Ф. Толубко добился выделения специальных вагонов с удобствами. В составе эшелонов везли коров, чтобы поить свежим молоком малых детей. Но жены офицеров, как будто сговорились, оставались неумолимы. Многие так и не поехали. Все трудности были впереди.

Хотя для городка было определено красивое место на берегу большой реки, но все это было по сибирским меркам. Густой лес хорош для туризма и партизанской войны. А пока солдат и офицеров пришлось размещать в землянках. Никаких удобств, условия ГУЛАГа, с той разницей, что в нем пребывали не преступники, а защитники родины, воины-ракетчики, представители элитного вида вооруженных сил страны. Люди месяцами не раздевались, забыли, что такое баня. Через некоторое время солдаты завшивели, нависла угроза эпидемии.

Строительство шло полным ходом, но строились стартовые площадки, подъездные дороги к ним. Уже пошли первые эшелоны с оружием, его где-то надо было размещать, более того, – ставить на боевое дежурство. Вялое строительство жилья велось военными строителями. Кто сталкивался в свое время с этим видом войск, кроме жалости к ним, позора существующего режима, другого чувства испытывать не могли. Солдаты, призванные в основном из среднеазиатских республик, не знающие сибирского мороза, в лучшем случае уходили с рабочих мест, грелись у костров, в худшем – просто замерзали на холоде.

В таких условиях боевой дух людей резко сдавал. Теперь уже не срабатывали стереотипы пропаганды и агитации, мало кто понимал, что все, что происходит, связано с растущей угрозой со стороны США и НАТО. О том, что происходило в дивизии, верхи не информировались. В Генштаб, министерству обороны, в ЦК партии шли бодрые доклады о постановке на боевое дежурство все новых и новых ракетных полков. Такая картина была типичной и для других дивизий – в восточных районах страны.

Все это было чуть раньше. Не завершив до конца вооружения всех дивизий, мы стали его уничтожать. Теперь пошел обратный поток, полки и дивизионы снимались с боевого дежурства: их оружие подлежало ликвидации. Мы были «верны» принятым договоренностям и тщательно старались это показать другой стороне. Но на деле все обстояло далеко не так. По секретнейшим командам сверху мы усиленно ищем лазейки, чтобы скрыть истинное количество вооружения, подлежащего уничтожению, всякие пути скрытого размещения оружия. Одним из подтверждений этого может быть проведение засекреченной экспедиции из представителей правительства и военных по поиску возможных мест для скрытного хранения ракетных комп-

лексов, подлежащих ликвидации в соответствии с договором.

Перед этим с такой же целью работала группа офицеров и генералов ракетных войск стратегического назначения. Тщательно были изучены условия в рудниках и шахтах Джезказгана, Соликамска, Березняков, Солигорска, соляные выработки на Волге и др. Вывод оказался обнадеживающим. В целом ряде этих и других мест можно было надежно укрыть крупногабаритную технику. В некоторых таких выработках сохранялась постоянной температура и влажность, что для нас было очень важным. В этом случае значительно сокращаются расходы на создание специальных систем по поддержанию этих параметров.

Оставалось одно узкое место, которое может свести на нет все усилия, при осуществлении этой затеи. Как сохранить в тайне факт переброски по железной дороге, а тем более воздушным путем, большого количества крупногабаритной, с явными признаками армейской принадлежности, техники, ее разгрузки и доставки своим ходом в места хранения. Такие опасения были высказаны в Генштабе и министру обороны. Но, я так думаю, выше наш доклад не пошел. Идея была запущена, в высших эшелонах власти она обрела сторонников, зависело окончательное решение от одного лица, от генсека.

В мае 1983 года мы получили команду на проведение рекогносцировки этих мест на более высоком уровне. Решением правительства была создана комиссия из представителей Госплана, Генштаба и ракетных войск. Возглавить эту комиссию было приказано заместителю главкома Ю.А. Яшину, его заместителями были назначены генерал Облачев К.А. из Госплана и я – от Главного штаба. Вся наша работа проходила под «легендой». Мы были обеспечены удостоверениями личности работников Госплана и имели предписания во все органы власти якобы для определения мест хранения стратегических резервов страны, сырья и материальных средств. Истинные цели своей поездки мы не имели права раскрывать на местах никаким властям, вплоть до первых секретарей обкомов. В общем, вся наша работа была окутана строжайшим секретом. Вместе с тем на местах были получены указания оказывать нам всемерную помощь и не чинить препятствий.

Началом рекогносцировки мы избрали Куйбышев, куда добрались самолетом. Здесь нас привлекали Жигулевские горы, изобилующие меловыми выработками. Базой для работы был избран небольшой городок на правом берегу Волги. С давних времен в этих местах добывалось сырье, из которого вырабатывалась известь. В последние годы хозяином этих выработок был жигулевский известковый завод «Богатырь».

Красивейшие горы с завораживающим видом на охватывающую их дугу Волги. Говорят, что они особенно прекрасны именно в эту весеннюю майскую пору. Склоны гор, а дальше берега реки покрыты яркой зеленью.

Но так было лишь на первый взгляд, пока не увидишь отдельных деревьев, одиноких кустов, пока не обратишь внимания на то, что у тебя под ногами.

И только взглядевшись в детали, мы увидели другую картину, картину варварства, дикости человека по отношению к природе, ее красотам. Развороченные склоны гор, зияющие полуобвалившиеся провалы, черные дыры, ведущие в подземелье. Все это как-то зловеще выглядело на фоне яркого солнца и молодой зеленой листвы. Во всем следы безжалостной, жадной человеческой руки.

Когда мы заинтересовались у одного из местных руководителей, какие же затраты несет производство по рекультивации нарушенной природы, то наткнулись на его удивленный, недоуменный взгляд. С давних пор, по крайней мере, насколько это помнят сопровождающие нас люди, никто и никогда не занимался восстановлением нарушенных красот. Сверху была единственная команда: «Давай!». Годы шли, и это бессмысленное «давай» сделало свое дело.

Вполне понятно, что нас интересовала не нарушенная экология, нас интересовали места, где можно спрятать ракеты и пусковые установки. Несмотря на бесчисленное количество проемов, провалов, дыр нужного для себя мы ничего не нашли. Вплоть до поселка Ширяево выпирали гнусные картины глумления и насилия над природой.

Теплоходом начальника Волжского речного пароходства мы возвратились в Куйбышев и шифром представили свой первый доклад в Москву. Получили команду продолжать поездку. Самолетом вылетели в Казань, а оттуда обкомовским катером добрались до Камского Устья. Волга и здесь сохраняет свою величественность, широкая, несет массы воды. Но в глаза сразу же бросается другое. Волга напоминает громадную автотрассу, по которой плывут, снуют бесчисленные полчища различных судов. Медленно проходят баржи, с музыкой проплывают белые красавцы-теплоходы, снуют трудяги-катера и всякие другие суденышки. Но сама река безжизненна, плывет мусор, громадные масляные пятна, нигде не видно всплеска рыб. Одним словом, то же варварство, что и на Жигулях. Мы способны только гадить, вредить, издеваться над своей прекрасной страной. Сумели же мы превратить великую русскую реку, воспетую народом с древних лет, в сточную канаву.

У причала в Камском Устье суетятся, пыхтят, пытаются пришвартоваться несколько суденышек. Крик, мат, никто никому уступать не хочет.

Наш мощный катер легко прошел между двух фелюг, и нас пригласили на причал. Причал напоминает свалку мусора. Невдалеке черный провал на почти отвесном высоком берегу реки. Сплошным потоком по двум направлениям из глубины провала и обратно в нашу сторону ползут тракторы, большегрузные машины. Никаких дорожных знаков и, видимо, никаких правил. Проезжает первым проворный, смелый, нахальный. Здесь управляет

закон силы. Что-то похожее приходилось видеть, то ли в войну на переправах, то ли в кино, кажется фильм «Адские водители». Вот в таком адском потоке оказались мы, члены правительственной комиссии.

Нас никто не встречал. В одежде, явно не рабочей, с озабоченными лицами большой группой мы двинулись в сторону провала. Как нам объяснили, управление рудника располагалось где-то вверх, в пяти километрах отсюда. Решили начать осмотр без провожатых, о чем потом сильно пожалели. С первых шагов внутри выработки мы поняли, что нашли то, что искали. Это был Камско-Устьинский гипсовый, рудник. Во внутрь рудника вела широкая, двухполосная, хорошо накатанная дорога. Через несколько метров дорога разделилась на несколько направлений, которые, в свою очередь, вновь и вновь делились на бесчисленное количество новых ответвлений. Где-то вверх вдоль дороги тускло горели фонари. Создавалась картина какой-то грандиозности, бесконечности этого сооружения.

Некоторые ответвления дорог заканчивались тупиками, при чем каждый тупик представлял собою громадную залу.

Так мы самостоятельно, без провожатых, ходили больше часа. Появились сомнения, что мы не туда идем, машин не видно, исчезли всякие звуки. Но в это время подъехала целая кавалькада легковых машин и к нам подошло руководство рудника. Теперь уже на машинах и с провожатыми мы кружили по катакомбам рудника около шести часов. Только к вечеру мы выбрались с другой стороны, вдали от пристани.

Сухие гипсовые выработки без помех для производства способны были вместить всю крупногабаритную технику не менее, чем трех ракетных полков. Мы оценили и то, что рудник имел хорошие подъезды по железной, шоссейной дорогам, а также водный.

Довольные, мы возвратились в Казань и после предварительного доклада получили приказ выехать в Москву. Дело сделано, выбор места для припрятывания нескольких ракетных комплексов, подлежащих ликвидации, завершился успешно. Об этом наш доклад был направлен в самые высокие инстанции, в том числе и политбюро.

Пришел по договору срок ликвидации ракет и пусковых установок средней дальности, в том числе самых последних СС-20, но горячие головы продолжали вынашивать пресловутую идею обмана американцев. И только, когда с нашей стороны и со стороны США стала активно работать инспекция и по мере усиления в стране «ветра перемен», очередная наша авантюра была отодвинута и возобладал здравый смысл.

Говорят, что Россия во все века отличалась беззаконием и это выдавалось за свободолюбие русских. Этим воспользовался в свое время Ленин. Нарушить закон, порушить традицию, растоптать принципы морали – все это стало нормой в обществе. Обществом правили не законы, а вожди, больше руководствовались неписанными, значит, воровскими правилами. Правила

власть, которая законы издавала не для себя. Конституция всегда была только ширмой державы.

Известно, что Ленин, критикуя немецкую аккуратность, говорил, что, если немцы совершат революцию и решат захватить вокзал, то сначала купят перронные билеты. Видно, к этому комментарию излишни. Немцы законопослушны. В этом их преимущество перед нами. Мы не признаем законов и не имеем традиций. А потому на всякие революции, эксперименты идем бездумно, легко. Не потому ли с нами случилась такая беда. Теория социализма, коммунизма родилась в Германии, а экспериментировать ее стали в России. Получили результат отрицательный, хотя в науке отрицательный — тоже результат. Мы ведь своим экспериментом спасли мир от коммунизма, как в свое время спасли Европу от татаро-монголов, а в двадцатом веке от фашизма.

По другому не могла существовать и армия, как говорят, слепок общества. Всегда были в армии уставы, которые служили основой военного законодательства. Неплохим был устав внутренней службы, регламентирующий взаимоотношения, жизнь и быт военнослужащих. Те, кто отдал армии жизнь, кто прослужил не один десяток лет, могут подтвердить: в редких случаях в частях устав был законом жизни. Легко попирались права солдата, младшего и вообще личности. Униженное положение подчиненного всегда было обычным явлением. В армии укоренилось унижительное правило, когда начальник независимо от его возраста, к своему подчиненному или младшему по званию обращался на «ты» в то время, когда подчиненный отвечал ему на «вы». Особенно это было унижительно, когда в начальники попадал по протекции, молодой, неопытный выскочка.

Особенно это проявилось в ракетных войсках. К 70-м годам повсеместно сложилось так, что, как правило, командир дивизиона был моложе командиров батарей, командиры батарей моложе начальников отделений. В штабах начальники были моложе других работников. Это могло быть оправданным тогда, когда молодой начальник по своим деловым, профессиональным, да и моральным качествам был выше подчиненных. В армейской среде трудно было скрыть бездарность, все было на виду и, конечно, командир или начальник должен был подавать пример.

О жизни военных в нашей стране всегда знали очень мало. Армейская среда, как и общество, была подвержена тем же нетерпимым слабостям: процветает коррупция, взяточничество, не говоря о таких застарелых болячках, как протезирование, семейственность, клановость.

Как хорошо трактует устав внутренней службы: при приветствиях руку для пожатия первым подает старший. Это правильно, ибо рукопожатие всегда считалось знаком уважения, признания равенства, как личности. Это христианский обычай многих народов. В условиях чиновничьей иерархии, невежества этот благородный ритуал опошлен, принял унижительные формы.

Сколько раз приходилось видеть, когда высокопоставленные военные чинуши руку младшим подавали, как милость и при этом не всем присутствующим, избирательно. Как же униженно чувствовал тот, кто на глазах у всех был лишен такой милости. И другое, как стыдно было смотреть на сцену, когда старший чин медленно, вальяжно направляет свою руку в сторону какого-нибудь «ничтожества», и как это «ничтожество» согнувшись, трусцой подбегает к царственной особе, хватая двумя руками милостиво сунутую руку начальственной особы. Откуда это, от наших предков или из дворцовых обычаев ханов, фараонов? Думаю, что нет, это все наше, мы, коммунисты в этом превзошли всех.

Видимо, неправомерно было бы утверждать, что в центральный аппарат Ракетных войск стратегического назначения попадали только по протекции. Руководство все же понимало, что кому-то надо работать, делать то, чтобы выглядеть главным, а не просто штабом. Такую работу могли выполнять люди с умом, инициативой, а лучше с талантом. И таких, в главном штабе было немало. Однако руководящие посты занимали люди не с такими качествами, трудно было видеть на таком уровне яркие личности. Это прежде всего были люди из проверенной номенклатуры, немалую роль отводилась личной преданности, умению встретить и проводить соответствующим образом. Наделенный практически всей полнотой власти над своими подчиненными, такой начальник не особо считался с мнением нижестоящих, тем более с их личным достоинством, честью. Грубость и самодурство не было редкостью. Среди начальников этого уровня считалось модным казаться проще, доступнее, а значит грубее. Разговор, как правило, умачивался отборным матом. Оскорбление, брошенное как бы в шутку, всегда ранило младшего, ибо он не мог ответить тем же.

Хотя много трубили о заботе, внимании к людям. Но на деле командир или начальник были очень далеки от интересов, нужд подчиненных. Близость начальника к подчиненным не ценилась, не только дружеские, но и приятельские отношения между офицерами, генералами, находящимися на разных ступенях чиновничьей лестницы, были не приняты. Вообще считалось, что начальник для подчиненных должен быть всегда загадкой, он всегда должен внушать страх. А снизу его должно было окружать раболепие, подхалимство, низкопоклонство. Многие традиции партии переносились в общество, армию в том числе. Распространенное слово «товарищ» в партийной, армейской среде, превратилось в свист хлыста, к нему прибегали в тех случаях, когда в крике старшего особо подчеркивалось подчиненное положение того, кому бросались эти слова: «Товарищ майор», «Товарищ сержант» и пр. В таких случаях подчиненный далек был от товарищеского понимания этих слов.

Существование партийной верхушки на любом уровне, как и военного руководства, всегда за семью печатями. Мнение и позиция руководства пок-

рыты тайной. В областном масштабе вся атмосфера пропитана таинственностью замыслов и дел первого секретаря, а у нас в армейском – командующего армией. Создается видимость больших дел, большой загруженности, туманность в реакции на происходящее. Таинственность во всем. Она возвеличивает, поддерживает страх. Внешняя видимость, а суть же другая: лицемерие, двуличие, пустота, никаких замыслов и идей.

Мне так кажется, что военный бюрократизм сильнее, изощреннее гражданского. У нас всеилие аппарата на виду, он всемогущ. Латинское слово «аппарат» в переводе на русский означает прибор, приспособление для работы. В советское время, в том числе и в армии, это слово обрело новое содержание, это уже не приспособление, а совокупность работников, преданных одному светиле, это уже что-то в виде организации со своими взглядами, мерками и границами. С тех пор пошли гулять такие понятия, как госаппарат, партаппарат, в армейской среде – центральный аппарат Министерства обороны, а ниже пошли скакать армейский, дивизионный, полковой аппарат. Без аппарата нет организации. Сила аппарата в лице его создавшего. Вот здесь круг, как бы замыкается, аппарат опять становится приспособлением. Главный смысл любого аппарата обслуживание первого лица, в армии – командующего, командира, начальника. К сожалению, большинство таких начальников деятельность подчиненного аппарата сводило к обслуживанию своей личности, к поддержанию своего лица. В армии, начиная с полкового звена, укоренилась практика, когда командир перед подчиненными выступает только по бумажке. Нередко это доходило до курьезов, когда выступающий, не ознакомившись накануне с текстом, при его чтении путался, не знал на чем надо ставить акцент и, как результат, предстал перед людьми таким, каков он есть в действительности.

Мало я знаю начальников, кто пытался сам писать свое выступление; более того редкостью был тот, кто умел править текст, написанный другим лицом. Ну уж если удалось поправить одну-две фразы, или поставить недостающую запятую, то такой начальник «вправе» считал себя автором такого текста. Нередко приходилось слышать, уже работая в центре, от начальников, неспособных сформулировать толком свое же требование, и не получивших своевременно готового текста, паническое заявление, типа: «Доклада нет, придется писать самому». И тогда на глазах подчиненного демонстративно берет чистый лист бумаги и вверху крупно выводит: «Товарищи!». Далее этого дорогого слова фантазии не хватает. Обычно такие начальники на подчиненных смотрят как на свою вещь, принадлежность. И это при том, что даже не скрывают, или не могут скрыть свою ничтожность. Для него все умные, достойные люди только вверху, отсюда авторитет был только должностной, ложный. О таких начальниках ходили различного рода анекдоты, которые мастерски слагались их же подчиненными.

Взаимоотношения начальника и подчиненного строились не на уважении личности и тем более не на доверии, а на должностной, экономической зависимости. Неограниченное господство старшего над младшим. Единственным местом, где начальник расслаблялся в присутствии подчиненного, а это было в основном в войсках, — парилка. Как уважаемый гость, под обожаемыми взглядами окружающих, начальник становился доступным, демократичным, снисходительным. Его тяжеловесные шутки подхватывались, бесконечно повторялись, они казались особо остроумными.

В застойные годы именно бани стали тем местом, где принимались особо важные решения, в том числе по кадрам. Так повелось, что каждый себя уважающий командир, начиная с полкового, первым делом обустраивал такую баню, не жалея сил и средств, видя вокруг примеры того, как парильный фимиам возносил по служебной лестнице явных бездарностей и открытых блюдолизов. Порок всегда был заразительным, тем более, когда он поощряем и так легко доступен.

Нередко по инициативе таких начальников рождались никому не обязывающие и ничего не дающие указания, директивы. Тогда со стороны войск можно было слышать что-то подобное этому: «Вот тут в директиве требуют менять стиль мышления, а на что менять не написали, ... разъясните, пожалуйста...»

В жизни, а также и в армии, худшие получают право командовать лучшими и лучшие это право признают, хотя и без восторга, безропотно подчиняются. Страх правит в стране, страх правит в армии, если этот страх с годами понемногу и улетучивался, но он продолжал сковывать общество. В армии это был страх за свое положение, семью, детей. Подчиненный зависел от начальника, как раб от хозяина. В армии все более становилось привычным, что компетентность была обратно пропорциональной величиной к занимаемой должности. Особенно это наглядным было в ракетных войсках.

Мне несколько пришлось останавливаться на том, что в брежневские, или как их называют застойные годы, штабы всех уровней были, по сути, превращены в статистические учреждения, в канцелярии при командирах. В те времена, когда армию возглавлял один из клевретов Брежнева А.А. Гречко, было негласное распоряжение, чтобы в войсках воздерживались назначать начальников штабов на должности командиров полков, дивизий и выше. Чем руководствовался министр не известно, но то, что это было больше чем, глупость, сомнений не вызывало. Штабы, как правило, возглавлялись наиболее самостоятельными, творческими и волевыми офицерами.

Начальник штаба времен старой русской армии согласно уставу всегда был первым заместителем командира. Единственно, он в любых условиях владел всей полнотой боевой обстановки, под его руководством вырабатывались предложения для принятия решения командиром, через него и под-

чиненный штаб командир руководил боем, сражением. Но, видимо, сегодня это не требовалось, нужда была в людях других качеств.

Штабы постепенно превратились в органы примитивной статистики, видимости контроля. Это стало уделом штабов, как тактического, так и оперативного звена. Большая часть усилий штабов уходила на подготовку простых, пустословных, идеологически заквашенных докладов, выступлений на бесчисленных совещаниях, заседаниях, партийных мероприятиях. Ценились так называемые «писучие» офицеры, умеющие складно написать, много и ни о чем.

Помню, когда я был во главе оперативного отдела штаба армии в Смоленске, на подготовке таких докладов бесменно сидел подполковник Хомяков В.С. Этот офицер в силу своей постоянной «занятости» никогда для работы в войсках не привлекался, в полевых поездках, учениях не участвовал. Его роль сводилась к одному – готовить бесчисленные речи командующего армией. Хомяков к этой специфической работе так приспособился, что мог за короткое время написать доклад на любую тему. Для этого он имел целый набор готовых текстов выступлений на все случаи жизни. При необходимости он ими манипулировал, компоновал в различные комбинации, переписывал другие источники и в указанный срок ложил на стол готовый доклад. Таким образом, командующий всегда имел под рукой «свежий» вариант своей речи. Я должен сказать, что такой офицер считался ценным работником, ибо он в критические минуты высвобождал нескольких офицеров для более нужной работы. В частности, Хомяков бесспорно обладал, если не талантом писателя в полном смысле этого слова, то явными журналистскими наклонностями. Он мог легко украсить «завитушками» любую директиву, постановление и «др», как в те годы было модно, в том числе и в войсках.

Глава четырнадцатая

В ЦЕНТРЕ ВОЕННОЙ БЮРОКРАТИИ

Особой страницей в моей жизни останется работа в центре. Мой переход не был неожиданностью. О перспективе нового назначения я знал со слов командующего за несколько месяцев до этого события в моей жизни. Моя семья была готова к такому повороту, и вот он произошел.

Я быстро освоился с другой обстановкой, новыми обязанностями, или как принято было говорить, с ходу врос в более высокую должность. Этому способствовал опыт работы в штабе армии на двух должностях. Но изменился масштаб. Если территория, на которой размещались ракеты Смоленской армии ограничивалась Белоруссией, республиками Прибалтики, Псковской и Ленинградской областей, то теперь география моих забот вписывалась в границы Союза. Резко изменился характер работы.

Главное направление работы для командующего и штаба армии – полки, дивизии, главком и главный штаб в основном замыкались на высших звеньях управления страны и армии. Повседневным контролем состояния войск, решением различных нужд и запросов снизу занималась только часть аппарата главкома, остальных в войсках никогда не видели. Только с переходом в центральный аппарат я начал понимать, почему, работая командиром полка, начальником штаба дивизии, заместителем начальника штаба ракетной армии, неоднократно задумывался над тем, чем заняты высшие звенья управления и что так отрывало от войск главный, генеральный штабы. Ведь мы их не ощущали месяцами, а то и годами.

Главком и его чрезмерно раздутый аппарат главкомата, как и Генштаб стали жертвами громадной бюрократической неразберихи, которая царилла во всем центре. Коллегии министерства обороны, министерств оборонной промышленности, заседаний в ЦК, в Совете Министров, различные согласования в конструкторских, научно-производственных объединениях, конференциях, собраниях и т. д. и т. п. поглощали вверх все и всех. Громадная машина вертелась, крутилась, напоминая громадного кота, мечущегося за своим хвостом. Вся эта кутерьма виделась нами только по военным вопросам, вокруг оборонного бюджета. Министры большого количества оборонных министерств, генеральные директора конструкторских бюро были слишком далеки от истинных нужд обороны. Напрягаясь изо всех сил они преследовали свои узковедомственные ин-

Показ ракетного комплекса, слева направо:
*Казыдуб – генерал Главного штаба РВСН;
 Илларионов – помощник министра обороны;
 Лисицын – начальник политотдела ракетной дивизии;
 Брежнев – Генеральный секретарь ЦК КПСС;
 Толубко – главнокомандующий РВСН;
 Устинов – министр обороны;
 Хомуло – командующий Сибирским военным округом*

В войсках
 Справа налево: Г.И. Казыдуб, А.А. Топольский

В войсках.

Слева направо: А.А. Мопольский, Г.И. Казыдуб, В.Л. Баранов, В.И. Сучков

В войсках на Украине

Слева направо:

Г.И. Казыдуб – генерал-майор,
В.Л. Баранов – генерал-майор

тересы: натягивая одеяло на себя, рвали оборонный бюджет, требуя все новых вливаний.

Свежему человеку, попавшему в эту круговерть, дико было наблюдать, как открыто под разными соусами проталкивались на военный прилавок образцы вооружения с грубыми отклонениями от ранее согласованных тактико-технических требований. Но уж если удастся протолкнуть, это выставлялось как громадный успех нашей науки и техники, вслед за этим новая мощная вспышка Героев Труда, солидная группа новых лауреатов Ленинских и Государственных премий.

С такой же помпой преподносилось новое поколение пусковых установок на самоходном шасси. Сработанные с отклонениями от согласованных условий в конструкторских бюро, на нашу «радость» они посыпались с заводов с большими недоделками в полки и дивизионы. Легенды о фантастической живучести ракетного комплекса СС-20, родившиеся в тех же стенах, где и проектировался, и, конечно, подхваченные некоторыми военными журналистами, рассыпались в первые часы, когда эта машина выползала на полевые и лесные дороги. Полежав на боку, такая пусковая установка в лучшем случае, могла быть зачислена в разряд учебных, а в основном после опрокидывания ракеты и головные части подлежали лишь утилизации.

Мечта ракетчиков иметь подвижный грунтовой ракетный комплекс с низкой посадкой центра тяжести, так и осталась лишь на бумаге.

Более того, нам буквально был навязан полиатив уже существующего подвижного комплекса с ракетой средней дальности, более массивный и менее маневренный, но уже с межконтинентальной ракетой.

В первой половине 80-х годов в ракетные войска стали поступать первые подвижные пусковые установки с ракетой межконтинентальной дальности СС-25, это зарубежный шифр, мы его звали «Тополь». Свыше 100 тонн весом, на семиосном шасси, это действительно было движущее чудище, «мастодонт» как его стали называть в войсках.

Мы, военные, не успели с разработкой предложений по созданию малогабаритного подвижного ракетного комплекса тоже с ракетой межконтинентальной дальности. И вот, как нас успокаивали, со стапелей пополз злополучный «Тополь». Сегодня, после всех перепитий в стране, он стал основным для всех вариантов базирования.

Нет слов, новый ракетный комплекс «Тополь» обладал некоторыми преимуществами по сравнению с уже существующими подвижными грунтовыми комплексами, но в главных позициях он им уступал. Он потерял главное качество, которое наиболее ценно в подвижных комплексах – маневренность.

Мобильный грунтовой ракетный комплекс несет на себе межконтинентальную, трехступенчатую, твердотопливную ракету, оснащенную одной (договор СНВ-2 ограничивал количество головных частей) боеголовкой.

Это была довольно мощная ракета, способная нести до цели груз весом более тонны, на расстояние более чем 10 тысяч километров.

Семиосное шасси с громадным весом по полю двигалось тяжело, не доставало мощности ходового двигателя. Но ничего другого у нас не было, а после развала Союза мы уже не были способны производить что-нибудь новое. Только бессилие толкает рассматривать эту ракету, как единственную для замены ракет с истекшими гарантийными сроками, в том числе после некоторой модернизации и для размещения в шахты.

В подвижном варианте новшеством было то, что ходовой двигатель пусковой установки был выведен из пускового цикла, подъем контейнера с ракетой в вертикальное положение осуществляется с помощью пороховых двигателей, несколько улучшена автоматика развертывания пусковой установки на марше. Немаловажным было и то, что эта ракета оказалась единственной, которая полностью комплектуется российскими заводами.

Но в наследство от своего родителя «Пионера» «Тополь» сполна получил все его недостатки и, главное, ту же способность легко опрокидываться на любой «кочке». В общем, беда от этого комплекса может настичь самым неожиданным образом. Стоит ли рисковать?

Думаю, что мы как раз подошли к тому, чтобы вместе порассуждать о возможных тенденциях развития стратегических ядерных сил. Такие разговоры велись всегда, в закрытой и открытой печати.

В меньшей степени мне приходилось участвовать в спорах по поводу того, какому оружию, а значит, какому виду вооруженных сил необходимо отдавать предпочтение, за кем остаются приоритеты в будущем. Видимо, такие дискуссии нужны, и в первую очередь затрагиваются интересы Ракетных войск стратегического назначения, военно-морского и воздушного флотов. На уровне Совета обороны, высших штабов такой разговор носит не только теоретический, но и прикладной характер. Может быть, подобные дискуссии было бы полезным развернуть более широко, с привлечением специалистов такой тематики.

Более глубоко и обстоятельно, видимо, нуждается в рассмотрении вопрос соотношения ракет наземного, морского и воздушного базирования. Но не менее важен разговор, касающийся и одних Ракетных войск стратегического назначения. Здесь также соотношение, но только между подвижной и стационарной группировками.

Из-за отсутствия нормального финансирования, а, главным образом, в связи с потерей промышленных мощностей, вынужденная ставка делается на одну ракету СС-25. Разговор о приоритетах, в том числе и в рамках средств наземного базирования, важен и потому, что, без всяких сомнений, в мире будет продолжаться тенденция на сокращение ядерного оружия. Это так или иначе повлечет за собою грядущую, неминуемую реорганизацию Российской армии, и в первую очередь, стратегических ядерных сил.

Вот тут – то и к месту было бы иметь научно-обоснованный вариант, соотношения группировок ракет всех способов базирования, сбалансированный с США.

В главкомате ракетных войск с появлением на вооружении подвижных пусковых установок с межконтинентальными ракетами на борту, возникли различия во взглядах на приоритетность того или иного способа базирования. Бывший главнокомандующий маршал В.Ф. Толубко, несмотря на свое танковое прошлое, был горячим сторонником ракет с шахтными пусковыми установками. Он исходил из того, что они проще и дешевле в эксплуатации, на таких стартах более устойчиво обеспечивается постоянная боевая готовность ракет.

Однако при таком виде базирования с новой силой встает давний, застарелый в зубах, вопрос живучести. Эту проблему, видимо, не решить, не увязав ее со взглядами на характер ракетно-ядерной войны. Трудно или совершенно невозможно определенно утверждать, по какому сценарию будет развязана большая война, как долго она может продолжаться и, наконец, на каком ее этапе будет применено ядерное оружие? Все эти вопросы и бесконечное число других могут встать при рассмотрении этой проблемы. Оценив это обстоятельство, видимо, с массой возможных вариантов, только тогда можно приступить к главному «ритуальному танцу», а именно, определять что же лучше: подвижные или стационарные пусковые установки, а в последнем случае – какими должны быть шахты. Высокозащищенные, дорогостоящие сооружения или же шахты, позволяющие поддерживать заданные параметры для надежности хранения и поддержания в боеготовом состоянии ракет и головных частей?

Все эти рассуждения не новы, но всегда вновь и вновь возникают в связи с изменениями обстановки в мире, в стране, в армии.

В начале 80-х годов наши рассуждения базировались на других возможностях, на другой оценке военного противостояния, на нашем стремлении получить более совершенное, наисовременнейшее средство для перевооружения войск. К этому времени ракета получила на борт вычислительный комплекс, она стала более независимой от местных систем управления. Пусковая установка становилась автономной и управляемой непосредственно из центра. Это подстегивало, возбуждало наши горячие головы, порождая все новые полуфантастические мечты.

Так родилась идея совершенно безлюдного ракетного комплекса со своей автономной энергетической установкой, законсервированной ракетой с высокой степенью боевой готовности. С трудом нам удалось достигнуть согласия конструкторов и руководства страны на разработку тактико-технических требований такого ракетного комплекса. Суть идеи сводилась к тому, что малогабаритная твердотопливная ракета размещалась в сверхпрочный контейнер, снабженный наземными средствами управления и специ-

альными аккумуляторными батареями длительного пользования. Такие контейнеры сбрасывались бы в безлюдных местах Крайнего Севера, прятались в грунт на определенную глубину и ограждались невидимыми средствами охраны.

В таком состоянии они должны были находиться в течение всего гарантийного срока, периодически подвергаясь регламентным работам. По команде с центральных пунктов управления контейнер поднимался в вертикальное положение и производился бы отстрел ракеты. При этом мы лелеяли надежду, что присутствие людей должно быть исключено. Вскоре сторонников этой идеи мы смогли приобрести среди высшего руководства страны. Генштаб успел произвести подсчет количества высвобождаемого личного состава и определить материальный эффект при создании группировки подобных пусковых установок.

В Генштабе эта идея стала обрастать еще более неожиданными предложениями. Так появилось предложение малогабаритные ракеты разместить на водном и даже воздушном транспорте.

Но не долго тешились мы своей надеждой. Промышленность встала на дыбы. Одно дело идея, даже самая приземленная, другое дело – возможности нашей промышленности. Хотя сам новый куш заказа был лакомым куском для Министерства оборонной промышленности, но кишка конструкторских организаций, а тем более производств, оказалась тонковатой. С нашей технологией производства, как высказались по этому поводу конструкторы, невозможно не только серийное производство подобных комплексов, но проблематично выйти на экспериментальный образец. Если ракету с такими характеристиками разработать и пустить в производство все же было реально, то наземное пусковое оборудование могло бы стать неразрешимой проблемой.

И вот промышленность, имея кое-какие наработки и, боясь потерять наш заказ, выходит со встречным предложением, суть которого сводится к тому, чтобы, используя малогабаритную ракету, посадить ее на укороченное четырехосное шасси, таким образом получить малогабаритный «Тополь». Генеральный конструктор А.Д. Надирадзе, заручившись поддержкой Д.Ф. Устинова, начал зондировать почву в ЦК, где тоже находит сторонников. Теперь уже наше мнение не так важно.

Нам ничего не остается, как только соглашаться. Однако мы решили все же сделать попытку несколько улучшить характеристики маленького «Тополя». Мы предложили наряду с той пусковой установкой, которую разработало научно-производственное объединение А.Д. Надирадзе, рассмотреть возможность размещения малогабаритной ракеты на автопоездах, имитированных под рефрижираторы, а также попытаться разработать стационарный вариант, подобие раннее предлагаемого безлюдного комплекса, но с минимальным числом obsługi. Нами были изготовлены макеты предлагае-

мых комплексов настольного масштаба. Наибольшее оживление при демонстрации этих «игрушек», а со стороны промышленников открытые насмешки, вызвал макет малолюдного стационарного комплекса, где был изображен усатый прапорщик с семьей, пятнистая корова перед домиком и стог сена. Такой картинкой мы хотели создать видимость хутора и его жильцов и, тем самым, легендировать позицию пусковой установки. В общем мы напрягались, чтобы хоть чуть-чуть отойти от традиционного внешнего облика подвижных ракетных комплексов, от упрощенной схемы боевых стартовых позиций.

Но здравый смысл наших предложений не победил, сила власти была на нашей стороне. Окончательно были утверждены тактико-технические данные, предложенные промышленностью, и вышло в свет Постановление ЦК КПСС и Правительства по разработке летных испытаний и начале серийного производства нового ракетного комплекса с малогабаритной ракетой. Так родился и начал гулять по кабинетам проект ракетного комплекса под кодовым наименованием «Курьер».

Где-то в феврале 1985 года был разработан эскизный проект. Нас, ракетчиков, он не мог удовлетворить. Генштаб во главе с С.Ф. Ахромеевым и Главное управление вооружения министерства обороны во главе с В.М. Шабановым заняли промежуточную позицию между нами и промышленностью, открыто нас не поддержали. А весь сыр бор разгорелся в связи с тем, что эскизный проект, разработанный промышленностью, не соответствовал ранее утвержденным тактико-техническим характеристикам. На коллегии министерства обороны, где обсуждался предложенный эскизный проект, новый министр Л.С. Соколов, также, как и его предшественник Д.Ф. Устинов, пасовавший перед промышленниками, обвинил ракетчиков в том, что мы мало вникали в ходе разработки этого документа, в его суть. Это было неправдой. Мы с самого начала резко выступили против предложенного варианта эскизного проекта.

Вернемся чуть назад, в те дни, когда мы, находясь в меньшинстве, боролись против навязывания нам полиативных образцов вооружения, в том числе и под вывеской чего-то нового. Мы долго и настойчиво отстаивали последние свои рубежи. Но мы остались без союзников, имея перед собою такого грозного по тем временам противника, как военно-промышленный комплекс. Его целью было покруче представить, главным образом дилетантам из ЦК и Генштаба, урвать как можно больше из бюджета и, в конце концов, выдать легкопроизводимое старье.

Нельзя сбрасывать со счетов и то, что наша позиция, позиция ракетчиков, не всегда была постоянной и устойчивой. Колебания со стороны главкома В.Ф. Толубко быстро улавливались промышленностью и оборачивались против нас. Немало этому способствовало Главное управление вооружения при главкоме, которым руководил А.А. Ряжских. Оно часто вело двойствен-

ную игру, оставаясь на стороне обороны. Свою негативную лепту внес бывший тогда начальник научно-технического комитета В.М. Рюмкин. Вместе с ним мне чаще всего приходилось представлять в ходе бесконечных согласований сторону ракетных войск. Я поражался, когда этот грамотный генерал легко переходил на сторону авторов проекта, начинал давить на меня, чтобы склонить в сторону компромисса.

Все больше важных боевых характеристик терял новый комплекс при разработке эскизного проекта. В МИТЕ (Московский институт теплотехники скрытое название научно-производственного объединения под руководством академика А.Д. Надирадзе) заместитель генерального директора объединения А.К. Виноградов и многие другие теперь уже самоуверенно, в период начала согласования заявляли нам, что уже принято решение на разработку эскизного проекта по их НИОКР (научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы).

Мы не хотели верить, но так это и случилось. Нас же заставили разрабатывать новые тактико-технические требования и готовить новый текст постановления правительства с новыми сроками начала испытаний и серийного производства.

Мне кажется, что это – наглядный пример того, как в те годы промышленность буквально навязывала армии самые худшие образцы вооружения, загребая громадные субсидии. Хотя и военные в таком грязном деле не всегда были чисты. Помню, как мы «единодушно» приходили к единому мнению при обсуждении характеристик этого комплекса в Генштабе, у главного В.Ф. Толубко, выходили на единые претензии к промышленности, но буквально на третий день в нашем присутствии В.Ф. Толубко буквально целовался с А.Д. Надирадзе и безоговорочно принимал все требования. Кстати, целование в те годы было партийным ритуалом и воспринималось, как должное. Но возня продолжалась.

В апреле 1985 года состоялось расширенное совещание у начальника Генштаба С.Ф. Ахромеева. От ракетных войск были приглашены В.Ф. Толубко, В.М. Вишенков, Г.Н. Малиновский, от оперативного управления был я и полковник Курдаев В.Н. Кроме Ахромеева Генштаб представляли В.И. Варенников, В.С. Волошко и др. Это было чисто военное совещание, в задачу которого входило выработка дальнейших шагов по защите армейских интересов в ходе разработки и производства нового ракетного комплекса. Военные не исключали использование благоприятных условий в связи с возникновением конкуренции между двумя основными оборонными министерствами. Министерство общего машиностроения вело главным образом тематику шахтных пусковых установок и ракет межконтинентальной дальности. Остальное вооружение для ракетных войск и других видов вооруженных сил поставляло Министерство оборонной промышленности. Иногда между ними возникало соперничество, но все быстро гасилось сверху.

Так случилось и теперь. Вдруг МОМ, как бы в пику оборонщикам предложило свой вариант малогабаритного ракетного комплекса, также с межконтинентальной ракетой, дав ему кодовое название «Копье». Ахромеев и Толубко создали видимость заинтересованности, между министерствами усилились трения. Немалую роль в этом сыграл бывший министр общего машиностроения О. Д. Бакланов.

С идеей малогабаритного ракетного комплекса мы провозились до 1991 года. Всем известно, что этот год похоронил что-то значительно большее. В нашем распоряжении остался единственный, последний, но уже хорошо освоенный «Тополь».

После того, как возможность убедить вначале Д.Ф. Устинова, а потом Л.С. Соколова была нами упущена и все больше стали понимать, что «Курьер» в том виде, как мы его замыслили, постепенно умирает, В.Ф. Толубко бросил нас на обоснование тех вариантов, с которыми промышленности категорически не соглашались. Но мы видели, что это пустая работа. В.Ф. Толубко требовал спасти, хотя бы один из предложенных нами вариантов. В общем, спохватившись, когда уже не одну лошадь увели из стойла, он срочно бросился навешивать замок на ворота конюшни, чтобы спасти, хотя бы одну из них. Но было очень поздно. Умер не только горячо любимый нами «Курьер», умерла вся перспектива.

Глава пятнадцатая

ПОРТРЕТЫ МОЕЙ КИСТИ

Итак, мы вплотную подошли к главе о личностях, о людях, с которыми пришлось съесть не один котелок каши. Они были разные, не похожие друг на друга, но судьбы их были близки, все они были из армейской среды.

С двойственным чувством я приступаю к описанию портретов людей, с которыми ежедневно встречался в течение многих лет. Не хочу и не имею права становиться в позу судьи этих людей. Я многого не знаю о них, мне не известны тончайшие движения их душ, интимных сторон жизни. Не хотелось бы жестоко ошибиться, присвоив себе это право, опираясь только на собственные чувства. Многих из тех, о которых я взялся рассказать, нет в живых, они уже себя не могут защитить.

Попробую написать то, что сам видел, слышал, о чем всегда размышлял. Это мои мысли, только мои чувства.

Начну с него. Он не принадлежал к моим друзьям, но я не был для него посторонним человеком. Он тепло ко мне относился все те долгие годы, когда я находился под его началом. Нас связывало дело, «общий рабочий стол». Это не был ангел во плоти, но глубоко в душе его сидела доброта. Чаще он бывал крутым, беспощадным, он не подавлял свои вспышки гнева. Он был разный, не как все, к нему трудно было приспособиться.

Таким в моей памяти останется бывший в те годы начальником Главного штаба генерал-полковник Вишенков Владимир Михайлович.

Как и многие из нас, в ракетные войска он был направлен по набору из военно-воздушных сил. В 1961 году после окончания академии Генерального штаба он получил назначение на должность командира дивизии, которая должна была развернуться на Урале, под Нижним Тагилом.

Видимо, по своей природе несколько замкнутый, малообщительный, это был сверх ответственный и очень старательный человек. Но сразу же скажу, что больше действовал он не умом, а «железобетонным» пальцем. Буквально в первые дни, когда я стал работать в Главном штабе, от него приходилось слышать, что подчиненных надо «драть, не жалея», что «...никогда не надо бояться, что перегнешь палку...». Бесспорно, он этому правилу следовал, находясь на всех должностях. Дивизию, корпус, армию он сумел пробежать, как принято говорить в спорте, на одном дыхании.

Сравнительная молодость, полное высшее военное образование, звезда героя и к этому высокая требовательность к себе и людям, выделяли его из той плеяды командиров и командующих, так же пришедших из других видов Вооруженных сил, уже пресыщенных властью, а нередко погрязших в пьянстве, разврате, так и не постигших премудростей ракетного дела. Была задержка становления ракетных войск.

Шли годы, ушли первые командармы, командиры дивизий. На смену подошли молодые, горячие, быстро вникающие в обстановку, в трудности быта и тонкости нового оружия. Среди таких был и В.М. Вишенков. Годы бежали, служба шла – вот он уже и командарм.

Однако назначение его на Главный штаб было ошибочным. Понимал ли это сам Владимир Михайлович, трудно сказать, но в центральном аппарате вскоре убедились многие, в том числе и возвратившийся в ракетные войска после почетного изгнания Толубко В.Ф. Но на таких сверх-номенклатурных постах ошибочных назначений не бывает. Его высокая ответственность, старание и безжалостная требовательность не играли той роли, когда он был командиром. Теперь, кроме штабного опыта, решал природный ум, военная смекалка, хорошая память и организованность в работе. Таких качеств у нового начальника было маловато.

Штабные неудачи ожесточали его требовательность к генералам и офицерам штаба принимали абсурдные формы. Не оценивая сложности возникающих проблем и не учитывая человеческих возможностей подчиненных, он ставил непосильные задачи, надрывал людей и все больше сам же испытывал неудовлетворенность. Как и большинство таких натур, из разряда честных работяг, он не мог самокритично признаться даже себе, что ноша на его плечи взвалена не по его силам, он на что-то надеялся, верил в невозможное.

В последние годы его службы он возненавидел В.Ф. Толубко, иногда открыто высказывал свою антипатию. Толубко это видел, отвечал ему тем же. О главкоме Толубко В.Ф. я попытаюсь сказать несколько ниже. С Вишенковым они выглядели антиподами. В.Ф. Толубко все больше приближал к себе заместителя В.М. Вишенкова – И.Д. Сергеева – открыто значительную часть вопросов, касающихся штаба, решал через него. Это раздражало Вишенкова, хотя он понимал свое бессилие. Теперь он становился все более грубым, бессердечным.

У меня с В.М. Вишенковым всегда были ровные, даже душевные взаимоотношения. Но мне часто приходилось быть свидетелем его грубости, а нередко проявлений прямого самодурства не только по отношению к рядовым работникам штаба, но и к своим непосредственным помощникам.

Был такой случай. Зимой 1985 года мы готовили большие показательные занятия для командующих армиями и командиров дивизий на базе 33-й ракетной дивизии, размещенной в Белоруссии, в районе Мозыря. Длительная

подготовка, которая была связана с большими перемещениями ракетных полков, проводилась под моим руководством. Оставалось несколько дней до сбора участников занятий. Для проверки готовности занятий и, как принято было говорить, проведения генеральной репетиции из центра выезжала группа генералов и офицеров во главе с В.М. Вишенковым. Вылетали своим самолетом из подмосковного аэродрома в Ермолино, где размещалась авиаэскадрилья Главного штаба. Выехали на аэродром утром. Ясная погода, хороший мороз, у всех неплохое настроение. Генерал Ермак С.Н., только что назначенный начальником оперативного управления, тщательно готовился к этой поездке, долго изучал план показа и материал занятий. Полагая, что он останется в дивизии до начала сбора, Ермак вез огромный чемодан, неизвестно чем набитый, белый чехол, под которым был новый повседневный пиджак. Видимо, он хотел перед главкомом и участниками занятий показаться в отутюженном, новом виде.

В.М. Вишенков дал команду на взлет, самолет вырулил на взлетную полосу и начал набирать обороты. В переднем салоне самолета разместился Вишенков и приглашенные генералы, во втором – остальные генералы и офицеры. Как всегда перед взлетом, небольшое оживление, шутики. В этот момент В.М. Вишенков устался на С.Н. Ермака и спросил: «...А ты, почему летишь? Что тебе больше делать нечего? Кто готовит выступления главкома на занятия?». Вопрос был таким неожиданным, что на лице Ермака одновременно отразились растерянность и страх. Он весь был красным и тихо промямлил: «Доклады пишутся и я их уже смотрел».

Вишенков ему в ответ: «Тебе не смотреть надо, а самому писать. Ты чего едешь, нам с Казыдубом не доверяешь?». Я толкнул Ермака в бок и посоветовал выйти. И С.Н. Ермак тут же встал, повернулся к В.М. Вишенкову и по-солдатски бодро спросил: «Товарищ генерал-полковник, разрешите выйти!». В.М. Вишенков, несколько остыв, произнес: «Как хочешь». С.Н. Ермак бросился в кабину пилотов и попросил открыть десантный люк, хватает свой огромный чемодан, белый чехол и по веревочному трапу сползает на взлетную полосу, на крепкий мороз с ветерком. Мы наблюдали за В.М. Вишенковым, и нам казалось, что он доволен тем, что еще раз унизил Ермака, которого не ценил с первых дней появления его в штабе.

После посадки самолета на аэродроме в Овруче, Вишенков подошел ко мне и спросил: «Ну что, больше по пути никто не выходил из самолета?». Видимо, он был доволен своим поступком, не думая, что это грубо и низко.

Когда мы прибыли в Мозырь, я позвонил С.Н. Ермаку. В ответ слышу мат, чертыханье и, конечно, смех. Когда Ермак вылез из самолета, он понял в какое дурацкое положение поставил его начальник. До диспетчерской более трех километров, в руках огромный чемодан, чехол. Это было открытое издевательство, глумление, что-то наподобии «дедовщины», только на генеральском уровне.

Это далеко не единичный случай, когда В.М. Вишенков, пользуясь властью, допускал издевательство и опускался до произвола. Вот только не понятно, почему Вишенков, проявляя деспотические черты своего характера, сам в то же время испытывал бессилие перед старшими по званию, терпел их насмешки, вплоть до оскорблений. Не напрасно говорят, что низкая душа, выйдя из-под гнета – сама гнетет, если его угнетают, он тот час сам ощущает потребность угнетать.

Большие штабы – это скопища разных людей, разных характеров, разных умов и способностей. Даже в одном отделе, управлении собираются люди различных призваний. Один силен в планировании и предвидении, другой прекрасно делает расчеты, третий обладает отличной графикой. Ценятся все, но особое место занимают «писаки», те, кто хорошо может излагать мысли, написать, доклад, директиву, подготовить донесение вверх. Беда в том, что такие силы и возможности не всегда распознаются. Здесь поле командира (начальника), его умение видеть талант каждого, правильно организовывать их работу. Сам начальник хорош тот, который, повелевая, наделен талантом предвидения, умением просто и доступно излагать свои мысли.

Но незавидная участь большинства штабов (вплоть до главного) в том, что возглавляют их, как и большинство управлений, люди, наделенные одним, может быть второстепенным, качеством – повелевать. Военная практика доказала, что тот, кто способен только повелевать, как правило, перерождается в солдафона. А солдафон не только тот, кто горазд грубить и материться, не считаясь с человеческим достоинством подчиненных, но и тот, кто способен сам выносить грубость и оскорбления.

Вот к последним близко примыкает Владимир Михайлович. Главным девизом его было насилие. Но насилие всегда отвратительно. Наша власть всегда была источником насилия, хотя вряд ли возможно, чтобы над человеком не властвовали. Беда не в самой власти, а в злоупотреблении ею. Больше всего от этого страдают люди чести, совести. Власть в руках людей безнравственных душит людей. Думается, что любой деспот, тиран по своей натуре, прикрываясь демократией, марксизмом или чем-то другим, в конечном счете, властью упивается. Особенно благодатна для таких армейская среда: оборвать, оскорбить подчиненного считается в порядке вещей. Здесь быстро растет и лучше приспособливается самый бессовестный, наглый. Где же и почему возникает и живет насилие. Мне думается, что там, где мысль не управляет жизнью, там ключ к познанию того безумия, с которым мы встречаемся в большом и малом.

Сколько в долгой армейской жизни начальников, которые кроме своего «я» и упоения своей властью, ничего вокруг не видели. Такие люди не способны не только видеть вокруг себя более достойных, но и понимать, что есть на земле ум, совесть. Бывало так, что ему говорят, как будто просто, о

нужном, а начальник ждет, скоро ли завершат доклад. Почему он не воспринимает, почему ему не интересно? Видимо по одной причине. Он просто боится всего умного, ему любая инициатива, новшество из уст подчиненного претит. Это, как бы нарушает весь сложившийся порядок, когда умное может исходить от него самого или же старшего его начальника. Он ставит себя выше не только по положению, по чину, но и по уму. Он даже в мыслях не держит, чтобы подчиненный был бы разумнее. Очень мало было таких, кто мог сознавать меру своего ума.

Что удивительно в таких людях, так это способность их проглатывать то же самое в свой адрес. Тот, кто способен унижать, как правило, готов все это испытывать на себе.

Как-то мы с В.М. Вишенковым были на докладе у Ю.П. Максимова, вновь назначенного вместо В.Ф. Толубко на должность главкома. Помню, вопрос был довольно простой, но для Максимова, пришедшего из сухопутных войск, все было новым и не таким простым. В.М. Вишенков, считавший себя старым ракетным волком, видимо, стараясь показать свою осведомленность, докладывал торопливо, но сбивчиво. Ю.П. Максимов неторопливый, скупой на слова, терпеливо слушал, а потом сказал: «Владимир Михайлович, почему вы не следите за своей речью? Ведь ваш язык бежит впереди мыслей. Это что у вас, от авиации?»

Вишенков покраснел, но с ответом так и не собрался, проглотил, парировать не пошел. Герой терпел это явное оскорбление. Выше я сказал, что В.Ф. Толубко недолюбливал Вишенкова В.М., последний отвечал ему тем же. Ю.П. Максимов, более сдержанный, скрытый, терпеливо относился к начальнику Главного штаба, сдержанно слушал его выступления на заседаниях Военного совета и во многих других местах. Но в последнее время, уже перед уходом Вишенкова, он стал более открыто высказывать ему свое неудовольствие. На его проводы из ракетных войск (В.М. Вишенков, как Герой из армии не увольнялся, а переводился в так называемую «райскую группу») так и не пришел. Кстати, в эту группу более двух лет назад был переведен В.Ф. Толубко. В положении об этой группе было записано, что в нее зачисляются пожизненно высшие военачальники за исключительные заслуги.

В армии знали, что эта группа создана по предложению военного руководства и с разрешения ЦК КПСС и правительства для тех, кто дослужился до высших военных должностей. За каждым из этих заслуженных чинов сохранялось денежное довольствие по последней должности, закреплялась служебная машина с водителем и все другие привилегии и блага. История русской армии таких прецедентов не имела. Самые знаменитые фельдмаршалы получали пенсион, назначаемый императором, полностью уходили от дел и не сидели на государственном коште.

Всех генералов центрального аппарата пригласили на торжественную церемонию в честь нашего героя. И надо же такому случиться, процедуру про-

водов поручили возглавить Ю.А. Яшину, перовому заместителю главнокомандующего. С первых дней появления этого генерала в центральном аппарате, он стал на пути начальника Главного штаба. С тех пор они недолюбливали друг друга. И вот теперь Яшину предоставлено право как бы забить последний гвоздь в многолетнюю службу В.М. Вишенкова. Все это происходило 14 сентября 1987 года в учебно-лабораторном корпусе. Как-то все проходило как бы без желания, нехотя. Собрались в 12.30, но оказалось, что не успели закупить памятные подарки для виновника торжества. Сидим в душном зальчике. Наконец-то притащили косилку для стрижки дачной травы и электродрель. Передали, что Ю.А. Яшина задержал у себя заместитель министра обороны Лушев. Не знаю, как на это реагировали другие, но мне было обидно за В.М. Вишенкова. Таких ли проводов заслужил генерал после сорока шести лет непрерывного пребывания в армии и одиннадцати из них – в должности начальника Главного штаба. Почему никто не приехал из Генштаба от Министра обороны. Ждали Ю.П. Максимова, но и тот не нашел для этого времени. Что думал В.М. Вишенков, но уверен, что на душе у него было не так уж хорошо. Все, кто находился в зале, были моложе него, в том числе и сидящие за столом командования. Видимо, ждать всем надоело. На трибуну поднялся генерал-лейтенант Кочемасов С.Г., назначенный вместо Вишенкова. Вообще не принято, чтобы таким мероприятием руководил преемник. Как всегда по традиции – перечисление заслуг с 1940 года, с того момента, когда Владимир Михайлович поступил в школу летчиков, воевал, стал героем, попал в ракетные войска. Стали говорить соратники, сослуживцы, представители войск. Выскочил и необдуманно ляпнул С.Н. Ермак: «Дорогой Владимир Михайлович, у вас не должно быть никаких сомнений в том, что вы так жестко с нас требовали. Мы считаем, что вы делали правильно». Это звучало глупо лишь потому, что у В.М. Вишенкова на этот счет никогда не было сомнений, требовать он любил, и этим он обеспечил себе карьеру. Вместе с тем, в этом еще раз проявилась рабская психология этого генерала. Ведь это было произнесено в присутствии нового начальника, это может означать, что С.Н. Ермак начал демонстрировать свою готовность класть свою голову под новый топор.

Слово осталось за В.М. Вишенковым. Он на любой трибуне не смотрелся, говорил всегда путанно, неуверенно, не обладал он не только талантом оратора, но просто способностью связно подать две-три фразы. Это тогда, когда приходилось говорить по писанному, а тут, вдруг, пришло время сказать что-нибудь свое. И герой остался самим собою, его последнее слово не стало оригинальным. Неожиданно для всех Вишенков, как бы под занавес, рассыпался в словах благодарности в адрес Ю.П. Максимова. Что же его побудило к этому? Видимо заранее он что-то думал, а сейчас, несмотря на то, что Максимова в зале не было, В.М. Вишенков перестроиться не мог. Глупее придумать, чем то, о чем говорил наш бывший начальник, было нель-

зя. Теперь, по его словам, ему осталось передавать своим сыновьям то, чему он научился за эти годы у Ю.П. Максимова. К нашему общему сожалению, Вишенков, используя для каждого прослужившего долгие годы в армии, как бы святые минуты прощания с товарищами по ратному делу, начал мостить подстилку своим отпрыскам, которые и так были устроены на теплые места, в ракетных войсках.

Каким серым, угрюмым, а часто злобным мы его знали, таким же он и показался нам на этом в его честь проведенном расставании.

Но мне не хотелось на такой, может быть несправедливой ноте говорить о заслугах этого человека в Главном штабе. Лично у меня с ним были доверительные, если не сказать больше, теплые взаимоотношения. Он часто в недопустимо для тех дней открытой форме высказывал свое мнение о власти придержащих, в том числе и о руководстве ракетных войск.

В марте 1986 года мне в последний раз пришлось побывать вместе с Вишенковым в войсках. Мы с группой генералов и офицеров проверяли состояние боевой готовности 23-й ракетной дивизии, размещенной в городе Канске, в Красноярском крае. Летели огромным Ил-18, который был специально выделен Генштабом. Самолет был оборудован тремя салонами с наивысшей комфортабельностью. Мы с В.М. Вишенковым разместились в хвостовом, наиболее уютном. Самолет по современным меркам относится к тихоходным. Летели без промежуточной посадки. Монотонный звук двигателей навевал дремоту. Вишенков улегся на диване, я устроился в кресле. Семь часов в воздухе, дремота прерывалась приемами пищи и беседами. Мой собеседник, оторвавшись от ненавистой, как он сказал, чиновничьей суеты, был настроен благодушно и как никогда разоткровенничался.

Его характеристики, данные В.Ф. Толубко, Ю.А. Яшину, А.Д. Мелехину, И.Д. Сергееву и другим были, к моему удивлению, меткими и довольно объективными. Он неплохо разбирался в характерах людей, много знал об интимной жизни этих людей, тонко улавливал их слабости. Многое из того, что я услышал от него являлось новостью, кое-что знал раньше, но так или иначе это помогает мне сейчас писать об этих людях. С В.М. Вишенковым мы еще встретимся, он нужен будет, чтобы поговорить о его подчиненных и начальниках.

Главный маршал артиллерии Толубко Владимир Федорович бесспорно был неординарной личностью. Человек резких контрастов с кучей недостатков, слабостей и скрытых пороков, он являл собою сгусток энергии и незатухающего запала, бурной деятельности, зажигающей эмоциональности. Это человек взрыва, атаки и страстной увлеченности до авантюризма.

В ракетные войска он пришел уже довольно сложившимся военачальником, с должности командующего танковой армией. Где-то он неплохо засветился и был рекомендован первому главнокомандующему ракетными

войсками стратегического назначения М.И. Неделину. Пост первого заместителя главкома был по характеру В.Ф. Толубко. Молодой, взрывной, энергичный, как говорят, страшно коммуникабельный, он стал одним из самых известных в войсках генералов центра. Я верю, что Толубко с первых дней работы на новом посту стал действительно влюбленным в новое для войск дело, превратился в маститого ракетчика. А дел для него, как и для всех, в те годы хватало. В ракетных войсках вставляли на боевое дежурство фактически только две ракетных армии с ракетами средней дальности на западе страны. На востоке же предстояло развернуть семь ракетных корпусов, которые должны вооружаться стратегическими межконтинентальными ракетами, летные испытания которых еще продолжались на полигоне вблизи станции Тюра-Там в Казахстане, или как потом он стал всемирноизвестным под другим названием Байконур. Практически все надо было начинать сначала, как говорят с нуля.

Моя первая встреча с В.Ф. Толубко произошла весной 1963 года на ракетной базе под Томском, где я в это время был в должности командира ракетного полка. Его приезд в этот глухой гарнизон стал памятным не только для меня, но и для всех офицеров, их семей, всего личного состава полка. За те несколько дней, которые он там провел, он сумел глубоко вникнуть во все стороны жизни полка, оценить чрезвычайную обстановку со строительством, особенно жилья для офицеров, с безобразным снабжением и почти полным отсутствием торговли. Военторг округа, несмотря на бесчисленные обещания, бездействовал. Проблем всегда хватало, но в тот период, когда все создавалось заново они крепко держали нас за горло.

Ежедневно в центр, в другие места потоком пошли шифротелеграммы с требованиями немедленного решения больных, перезревших вопросов. Не преувеличивая роли первого заместителя главкома, могу сказать, что он за время своего пребывания в нашем гарнизоне сделал больше, чем начальники всех рангов, бесчисленные комиссии из округа, центра, посетившие полк. Мы были поражены простотой и доступностью этого человека. Без всяких признаков чванства, назидательства, с каким-то участием и вниманием он вступал в контакт с офицерами, членами их семей, солдатами. Слушал и слушал большие и малые жалобы, обиды на несправедливость со стороны властей, в том числе и на командование полка.

В армии я к тому времени прослужил более двадцати лет, но не припомню, чтобы военное начальство такого уровня посещало семьи офицеров. И это тогда, когда в полку не было ни одной квартиры, жены и дети офицеров ютились в бараках бывшего концлагеря или по ближайшим селам. В таких условиях можно было напороться на неприятность со стороны раздраженных, отчаявшихся боевых подруг. Но он шел, иногда вступал в перепалку, шутил, садился за нестроганный стол, пил чай. Был он и в нашей семье, я помню, как расцвела моя жена, когда он похвалил зажаренных ею карасей в сметане.

В моих глазах он не изменился за все долгие годы нашей совместной службы в ракетных войсках. Первое впечатление о нем оказалось безошибочным.

В те годы я не мог знать, что судьба свяжет меня более близко с этим человеком. Последние четырнадцать лет мне посчастливилось работать под его началом, в непосредственной близости и много раз быть с ним в войсках, в старших инстанциях, при контактах с представителями промышленности. Но все это значительно позже, в самый последний отрезок его работы в должности главнокомандующего.

Шли годы, судьба кидала меня с запада на восток и обратно, из одной армии в другую. В жизни В.Ф. Толубко за это время были взлеты, падения, счастливые и грустные моменты. Первым серьезным ударом для него была внезапно оборвавшаяся жизнь первого главнокомандующего ракетными войсками М.И. Неделина. Грубое пренебрежение мерами безопасности, косность старых военных привычек, может быть глупая бравада военачальника в ходе проведения летных испытаний одной из первых межконтинентальных ракет, привело к катастрофе с гибелью более 50 человек и задержке испытаний. По собственной вине стал жертвой в этой катастрофе главный маршал артиллерии М.И. Неделин. Потеря для войск была ощутимой. Это он, Митрофан Иванович, проявил незаурядные способности при формировании ракетных войск и создании нового оружия в нашей стране.

Не лучшим образом воспринималась быстрая смена главкомов после гибели М.И. Неделина. Пришли и быстро ушли известные военачальники К.С. Москаленко, С.С. Бирюзов. Но самым неприятным, надо полагать, был приход в ракетные войска маршала Н.И. Крылова. Не гладко складывались их взаимоотношения. Несмотря на большой военный опыт, незаурядные организаторские способности, Н.И. Крылов был сложной, противоречивой натурой. Увеванный славой активного участника войны, признанный полководец, Крылов к этому времени стал недостижимым, чванливым и жестоким человеком. Более того, он был, если не открытым, то уже закоренелым пьяницей. Вся его деятельность в войсках сопровождалась охотой в широких масштабах и беспробудным пьянством. Ничего нельзя более придумать разлагающего на подчиненных, чем вид мертвеца пьяного начальника. Свидетелями этого были все командующие армиями и командиры корпусов. Не знаю, доходили ли сведения об этих оргиях до министра обороны, руководства Центрального комитета партии, но войска о таких загулах знали не понаслышке.

Все это претило В.Ф. Толубко, который к этому времени стал ярким противником пьянства, курения. Накапливавшееся между ними недовольство постепенно переросло в открытую вражду и личную неприязнь. Им вместе было уже не ужиться. Н.И. Крылов был старше и от своих привычек отказы-

ваться не думал. Излюбленным его местом была Беловежская Пуща, где ему всегда были рады командарм 50-й и командир Пружанской дивизии Б.И. Кадзилов.

Такие угодники и подхалимы, беззастенчиво залезая в карман казны, создавали условия для пьянства и разврата высокопоставленных уродов тех лет. Немало их было в центре и на местах, в армии и в госаппарате. Все помнят очевидцы тех лет из управления Смоленской ракетной армии, в каком состоянии был Ф.И. Добыш, когда пришла недобрая весть о кончине Н.И. Крылова. Наверняка знал Федор Иванович, что дни его на высоком посту командарма сочтены.

Бескомпромиссный в этих вопросах, открытый В.Ф. Толубко не мог дальше быть в такой обстановке. Он обращается с рапортом о переводе его на другую работу. И сегодня мало кого найдешь из старых ракетчиков, кто бы сомневался в том, что его уход для ракетных войск был ощутимой потерей. Он хорошо знал войска, кадровый их состав, пользовался большим уважением и авторитетом. Думаю, что не ошибусь если скажу, что лучшей кандидатуры на смену погибшему М.И. Неделину, чем В.Ф. Толубко, в то время найти было трудно. К нашему сожалению, В.Ф. Толубко был назначен командующим Сибирским, а затем Дальневосточным военным округом. На его место пришел командующий 43-й ракетной армией, размещенной на Украине со штабом в Синице, генерал-полковник М.Г. Григорьев.

Но судьба не только наказывает, но и жалует. После смерти Н.И. Крылова В.Ф. Толубко возвращается в ракетные войска на должность главнокомандующего.

Пробежали годы, сменилось руководство в стране, в Вооруженных силах. Наступила та «прекрасная» пора в жизни страны, которую сегодня принято называть застойной. Коснулось это и армии, в первую очередь ее кадров, не были в стороне и ракетные войска. Однако я бы не сказал, что начался застой в обновлении вооружения и боевой техники. 1967 год, когда были приняты на вооружение новые ракетные комплексы РС210, Р-36, дал толчок массовому созданию в ракетных войсках ракетных комплексов с одиночными стартами. Пусковые установки шахтного типа размещались друг от друга на удалении до 10 километров, тем самым резко возрастала их живучесть в условиях ядерной войны. Это внесло изменения в организационную структуру войск, резко возросло количество ракетных полков и дивизий. Вместо ранее существовавших ракетных корпусов появились ракетные армии.

Ракетные армии включали большое количество личного состава и размещались на огромных площадях. Так, 50-я ракетная армия со штабом в Смоленске, в боевом составе имела девять ракетных дивизий, общей численностью свыше 80 тысяч человек. Ее позиционный район включал почти половину европейской части страны. Боевое управление такой армией было чрезвычайно сложным и могло стать эффективным только с принятием на

вооружение автоматизированной системы боевого управления, новых средств связи и внедрения специального порядка непрерывного несения боевого дежурства на командных пунктах.

В общем, когда в войска возвратился В.Ф. Толубко «застоя» никто не чувствовал, наоборот, росло напряжение в связи с перевооружением и реорганизацией.

В начале 70-х годов были начаты летные испытания первого подвижного грунтового ракетного комплекса РСД-10 (СС-20).

Вскоре этот комплекс был пущен в серийное производство и пошел на замену устаревших жидкостных ракет средней дальности. В.Ф. Толубко сразу же понял перспективность этого совершенно нового направления в развитии ракетных войск. Как бывший танкист, он знал цену маневра на поле боя.

Видимо, было бы неправомерно утверждать, что В.Ф. Толубко стал фанатиком подвижных ракетных комплексов. Бывший общевоинский, он прекрасно осознавал, с какими трудностями предстоит встретиться в ходе их эксплуатации по обеспечению высокой маневренности, скрытности и безопасности, а также в выборе полевых позиций и в поддержании в надежном состоянии дорог.

Вместе с тем он твердо был убежден, что офицеры и генералы, назначаемые на полки и дивизии, вооруженные этим ракетным комплексом, должны обладать более высокими организаторскими способностями, самостоятельностью, решительностью и всем тем, что так необходимо командиру в бою.

В ходе накопления опыта боевого применения этого грозного оружия зрели и мужали командиры и штабы всех звеньев. Было трудно, часто опасно, но именно в таких условиях закалялась воля, росла смелость молодых военных руководителей.

В.Ф. Толубко каждый раз говорил, видимо, больше для своего самоуверждения:

– Григорий Иосифович, я вас уверяю, что те трудности, с которыми мы сейчас встречаемся, во много раз окупятся. Ведь в этих условиях мы растим будущих войсковых начальников, в том числе и для высшего звена, действительно умельцев, профессионалов ракетного дела.

Прошло какое-то время, и начали сбываться предсказания мудрого главного. Уже к концу 80-х и началу 90-х годов из среды командиров частей и подразделений самоходных пусковых установок выросли командиры дивизий, командующие ракетными армиями, выдвигались на руководящие должности в центральном аппарате Ракетных войск стратегического назначения.

Крупным военачальником стал Соловцов Николай Евгеньевич, который прошел путь командира полка, командира дивизии самоходных пусковых установок, командующего ракетной армией, был на посту первого заместителя Главнокомандующего РВСН, а сейчас возглавляет эти войска.

На высокие посты были назначены В.А. Муравьев, В.В. Дремов, С.В. Хуторцев, А.С. Борзенков и многие другие, прошедшие сложный путь становления, получив командную закалку на должностях командиров дивизионов, полков и дивизий с самоходными пусковыми установками «Пионер», а затем и «Тополь».

Не греша истиной, надо сказать, что В.Ф. Толубко оставался приверженцем высокосоциальных пусковых установок с отдельными стартами. Он был противником маневрирования подвижными пусковыми установками в мирное время. Но решения принимались на самом высоком уровне; он как непосредственный организатор этого прилагал немало усилий и энергии для обеспечения главного – полной безопасности и исключения катастроф.

Это были годы пика его бурной деятельности. Он редко появлялся в своем кабинете на втором этаже первого здания, большую часть времени проводил в войсках, непосредственно в полках, дивизионах, на пусковых установках. Мы видели, как он мог глубоко вникать в состояние дел в самых отдаленных гарнизонах. Можно было только удивляться его осведомленностью, казалось, в мелочах армейской жизни, справляться с громадным потоком различной информации, связанной с боевой учебой, строительством, снабжением, бытом солдат и офицеров, и, конечно же, непрерывающимся перевооружением войск. Он не жалел своих сил и сил подчиненных ему генералов для поддержания порядка и дисциплины в войсках. Своеобразный его голос знали телефонисты не только в центре и в штабах ракетных армий, его сразу узнавали в дивизиях и полках.

Большую озабоченность он проявлял к выбору полевых позиций. В Главном штабе ракетных войск были разработаны основные положения о порядке их выбора. Главком проводил многочисленные показательные занятия, где командиры всех рангов учились новому искусству – управлению подвижными пусковыми установками. В.Ф. Толубко лично утверждал каждый полевой район. Он мог в любое время суток вызвать по телефону командира дивизии, потребовать доклад о преимуществах и недостатках каждого нового района. В таких случаях не обходилось без казусов. Любил Владимир Федорович вызвать по засекреченному телефону какого-нибудь командира дивизии и задать ему неожиданный вопрос. В таких случаях командиру приходилось изворачиваться, особенно, когда он не был готов к ответу, нередко главком довольствовался недостоверным ответом, а то просто враньем.

Помню, в один из таких дней, В.Ф. Толубко стал по очереди вызывать командиров дивизий по телефону и требовать доклада некоторых данных по полевым позициям. В числе таких командиров оказался генерал-майор Клочкин В.М., командовавший в то время 4-й ракетной дивизией, позиционный район которой был южнее Читы. После разговора с главкомом он обратился ко мне с просьбой помочь ему выйти из щекотливого положе-

ния, в которое он попал. Из его слов я не мог ничего понять, кроме того, что его о чем-то допрашивал главком. Я вынужден был спуститься на второй этаж главного штаба, в приемную главкома и попытаться разобраться с помощью порученца Э.Н. Кузнецова о сути такой тревоги этого командира. С каким же удовольствием мы смеялись, когда поняли, что произошло. Оказывается, В.Ф. Толубко, сидя в кабинете с картой не столе, а карта эта была прислана из дивизии, которая размещена в Белоруссии, пытал В.М. Клочкова, который сидел тоже в кабинете, но под Читой и без карты. Толубко задает вопросы Клочкову по белорусской карте, а тот ничего не соображая, отвечает наугад. Причем назывались конкретные населенные пункты, водные переправы, названия которых Клочков слышал впервые, но поддакивает и вторит высокому начальнику. Получив конкретные указания о перевыборе ряда районов с незнакомыми названиями, Клочков понял, что не все так, как он докладывал, он не на шутку струсил. Но я ему ничем помочь не мог, посоветовал доложить главкому о том, что произошло недоразумение. В подобных ситуациях бывал не только В.М. Клочков.

С 1978 на 1979 год в Подмоскovie установилась суровая, снежная зима. Газеты стали бить тревогу, в ряде районов Москвы оставались целые кварталы домов без отопления, беда нависла над городом.

На Власихе, как было принято называть это место, в Главном штабе мы жили обычной, не всегда спокойной жизнью. Командировки, показательные занятия в войсках, совещания, «война» с промышленностью – это было повседневной нашей деятельностью.

В один из таких дней из приемной главкома передали, что меня ждет В.Ф. Толубко. Хотя таких вызовов было немало, это считалось нормой для нас – операторов, но каждый раз я хотя бы примерно знал цель моего вызова. В этот же раз ни В.М. Вишенков, ни мой непосредственный начальник В.В. Ляшик ничего определенного мне сказать не смогли.

Захватив кое-какие документы на всякий случай, я отправился на второй этаж. В небольшой комнате, где размещалась приемная главкома, несколько генералов ожидали вызова. Мне сразу же предложили зайти.

Внушительных размеров кабинет обит деревом и устлан огромным пушистым ковром. Кроме большого стола для приемов и письменного для хозяина, особой мебели не было. Над письменным столом в конце зала, склонившись над бумагами, сидит главком. На людях он избегал носить очки и, когда что-нибудь читал, то близко к глазам подносил текст. Так было и теперь, он, конечно, слышал, как открывалась дверь и, более того, знал, кто входит к нему. Когда я подошел к столу и представился, он, как всегда, вышел навстречу и, широко улыбаясь, протянул руку. Но как только он уселся за стол и пригласил сесть меня, его лицо приняло жесткое выражение, и он с каким-то раздражением сказал:

– Григорий Иосифович, сколько можно это терпеть? Когда же мы найдем этого негодяя? Это же чистейшее предательство. Я прошу найди мне его и если я его не повешу, то из армии выгоню тут же.

Все это он произнес, как бы на одном дыхании, не задумываясь, понимаю ли я то, о чем он говорит.

– Мне позвонил Вадим Серафимович Неделин, – продолжал он, – из Архангельского, где он отдыхает, и попросил, чтобы мы для проверки не брали Луцкую дивизию, она, видите ли, в их плане. Я ему в ответ, а откуда, Вадим Серафимович, вам стало известно, что мы берем для проверки эту дивизию? Он замолчал. Я ему опять, назовите мне имя того человека, который вам сказал об этом. Неделин, видимо сообразил, что сказал лишнее, начал юлить, изворачиваться, но имя этого негодяя не назвал. Я хочу спросить у вас, Григорий Иосифович, что же у нас творится? Ведь кроме меня, вас и Вишенкова об этом решении никто больше не знал. Ты может быть меня подзреиваешь? Вишенков тоже, по моему, на это не пойдет. Кто же он такой?

Я знал, что меня он в расчет не берет, он прекрасно знал, что подобная информация просачивается из его окружения, сам он нередко становился ее источником. А эту сцену он разыграл для своего удовольствия, лишний раз показать свою принципиальность и неподкупность.

– Эту дивизию для проверки брать не будем. Я вас прошу за два-три дня подготовить необходимые документы на любую другую дивизию, но из этой же армии. Кроме меня никому документы не показывайте.

Это было начало спектакля, который часто разыгрывал наш главком, где главная роль актера принадлежала ему же. Через несколько дней у меня был готов новый план проверки, теперь я выбрал 53-ю ракетную дивизию из этой же, Винницкой армии. Дивизия размещалась на Украине, в Житомирской области. В то время дивизией командовал генерал-майор Чичеватов И.М., в последствии он был командующим ракетной армии в Оренбурге, в отставку ушел с должности начальника Военно-космического института в Санкт-Петербурге. В те годы этот командир был на неплохом счету и был включен в кандидаты слушателей Академии Генерального штаба.

Для проверки была подобрана группа генералов и офицеров Главного штаба. В группу, кроме меня, был включен В.М. Вишенков. Так случилось, что в дивизии мы познакомились с новым начальником штаба армии генерал-майором И.Д. Сергеевым, будущим главнокомандующим ракетными войсками.

Как я уже говорил, стояла суровая зима, такой же она была и на Украине, условия для полевых работ были довольно сложными. Но никакие погодные условия и другие трудности не могли быть причиной снижения нашей требовательности. Дивизия в плановые сроки боевую готовность не заняла, и мы вынуждены были признать ее небоеспособной. Такой вывод в ракетных войсках был чрезвычайным и, как правило, за этим следовали организационные вы-

воды. Командир дивизии И.М. Чичеватов (это была первая моя встреча с этим генералом), понимая, что плохой результат – это прямая угроза личной карьере, унижительно повел себя, упрасывая каждого полковника из состава комиссии об изменении оценки. Но ничего изменить уже было невозможно. Мы с Вишенковым по-человечески понимали командира, однако делу этим не поможешь, надо было выводить дивизию из провала.

По закрытому телефону мы доложили результаты проверки Толубко, который тут же их утвердил и приказал по возвращении подготовить более подробный доклад. По его тону стало ясно, что В.Ф. Толубко, решил сурово наказать виновных и, в первую очередь, командира дивизии. По приезде в Москву мы с Вишенковым договорились убедить главкома приказ по результатам проверки не издавать, а ограничиться директивой. А это означало, что итоги нашей работы по проверке дивизии доводились до войск, но без оргвыводов.

Но В.Ф. Толубко занял жесткую позицию, на наши доводы, уговоры его ответ был одним: И.М. Чичеватова с должности снять. Мы продолжали обосновывать нашу просьбу, мотивируя тем, что дивизия вооружена старым, изношенным ракетным комплексом, довольно сложные метеоусловия, слишком завышенные нормативы. Но Толубко, конечно, все это прекрасно понимал, однако боялся, как бы это не стало прецедентом для всех войск, соблазном для нерадивых командиров. Наоборот, как он говорил, это должно стать примером для других: снижение боевой готовности не допустимо, спрос за любые ее снижения должен быть жестким.

Все это бесспорно, против этого нельзя было возражать, но мы знали и другое, что твердость Владимира Федоровича была показной, ему нравилось, когда его упрасывали, а он демонстрировал свою непреклонность. Невольно мы включились в эту игру и тоже становились бы актерами.

– Товарищ главнокомандующий! А ведь этот мордвин ничего... – произнес В.М. Вишенков.

– Что? Так этот лодырь еще и мордвин? Нет...снять, нечего меня уговаривать. – Он схватил трубку секретного телефона и вышел на И.М. Чичеватова.

– Товарищ Чичеватов! Вы уже очухались? – спросил Толубко. Мы поняли, что Чичеватов сказал «да».

– Что вы говорите? Я за вас здесь с Владимиром Михайловичем и Григорием Иосифовичем продолжаем после знакомства с вами «чухаться», а вы уже спокойно ждете наград? Мы решили вас с должности снять.

– Разрешите подготовить директиву? – спросил я.

– Хорошо готовьте директиву и приказ, я подумаю – сказал Толубко.

И что же? Чичеватов остался на должности, более того, был направлен в Академию Генерального штаба. Приходилось мне встречаться еще неоднократно с этим генералом, но уже как с крупным военачальником, так по

крайней мере я слышал от него самого, но то первое впечатление оказалось безошибочным.

В.Ф. Толубко всегда был ярким приверженцем внезапных проверок дивизий и полков. По его убеждению, только такой способ позволял наиболее объективно определять состояние войск. Но уж очень трудно было обеспечить полную внезапность. Мы, в оперативном управлении, были уверены, что каждый раз факт подготовки к такой проверке войсками выуживался через самого главкома и его заместителей, особенно заместителя по боевой подготовке генерал-полковника Мелехина А.Д. и его сотрудников. Среди операторов этого мы не замечали. За многие годы совместной службы с полковниками Леоновым А.И. Морозовым И.Ф., Девяткиным В.И. и другими, которые были авторами замыслов учений и проверок войск, я убедился в их высокой порядочности и честности. Но тем не менее, каждый раз войска кем-то осведомлялись, и наши усилия по обеспечению скрытности оказывались тщетными.

Я далек был от мысли, что В.Ф. Толубко сознательно разглашал номера дивизий и сроки внезапных проверок. Это исключалось тем, что он как единоначальник нес персональную ответственность за состояние такого важного вида вооруженных сил, как Ракетные войска стратегического назначения. А то, что внезапность при проверках позволяла наиболее приблизиться к объективности оценки состояния боевой готовности, мы по своему опыту знали прекрасно. В войсках начало процветать очковтирательство, и Толубко стремился беспощадно с этим бороться.

В 1982 году лето было, как никогда знойным даже в Подмосковье. В один из таких дней я был вызван к главкому. Зная его привычки, стиль работы, я захватил с собою карты позиционных районов тех дивизий, которые, как я полагал, могут быть подвержены внезапным проверкам. Второй этаж первого здания, устеленный коврами, блестит чистотой, прохладный и тихий. На нашем, третьем этаже, где размещено оперативное управление, в маленьких, тесных и душных комнатах трудится более 80 полковников, здесь же, на втором всего четыре человека, каждый в громадном кабинете, с приемными и подсобками для обслуги. Здесь и воздух другой. Когда же я попал в кабинет главкома, то после изнуряющей духоты меня охватила такая прохлада, которую можно ощутить в жаркий день на берегу реки или даже при погружении в воду.

Несколько осунувшийся, но как всегда бодрящийся, В.Ф. Толубко подал руку и сразу же начал излагать свой план, опять таки, внезапной проверки. Теперь он не спрашивал меня, какую я считал бы нужным взять дивизию. Он ее назвал сам. Это была одна из тех «таинственных» дивизий, которые давно не проверялись центром, но ежегодно считались лучшими. Наверняка не без очковтирательства. Одной из них была ракетная дивизия, размещенная в Литве. В последние годы она прочно укрепилась на «почетном» месте сре-

ди так называемых маяков. За «целомудренностью» таких соединений ревниво следили политорганы. Армия, как и страна нуждалась в передовиках, их создавали искусственно поддерживали и всех остальных заставляли на них молиться. Что-то подобное было и с этой дивизией. Командиры всех уровней, до командующих армиями, всеми правдами и неправдами стремились скрыть истинное состояние дел. Главным стало показать приемлемый уровень дисциплины, до минимума свести показатели количества происшествий. Для достижения этого все способы были хороши, сумел скрыть – молодец. При этом, что мы считали недопустимым, появились признаки игнорирования состоянием выучки и боевой готовности полков и дивизий.

К этому времени на должности командира дивизии появился С.Н. Ермак. Возьму на себя смелость сказать, что именно эта одиозная личность наиболее отвечала духу того времени. Выросший из числа молодых, которые всегда держали нос по ветру, быстро улавливали его направление и без угрызения совести под него подстраивались. О нем мне хочется сказать больше, знаю, что где-то в глубине души у него сохранилось что-то человеческое, как говорят, он бы мог стать неплохим малым. Но время людей ломало, коржило. И, думаю, что держать нос по ветру у него – не врожденное чувство, а приобретенное.

Мы неоднократно предлагали посмотреть поближе на эту дивизию, как-то получали даже добро, но всякий раз невидимая рука пресекала наши поползновения. Хотя мы догадывались, что это не без политуправления.

Полагаю, что здесь будет к месту несколько уклониться от основного разговора. В.Ф. Толубко, как и большинство высших военных чинов, был сверхполитизирован. Он всегда, особенно на людях, с каким-то восторгом оценивал решения съездов, пленумов ЦК КПСС, директивы вышестоящих инстанций. У него были ровные, а зачастую несколько заискивающие взаимоотношения с партийными работниками, в том числе и с начальником политуправления П.А. Горчаковым. В последние несколько лет между ними возникла неприязнь, которая постепенно переросла в открытую ненависть. Может быть, следствием их отношений всплыло «силовое» решение В.Ф. Толубко о проверке этого соединения.

Как-то нехотя, с уставшим видом, В.Ф. Толубко стал излагать свой замысел для проверки. Но по мере своего монолога он оживал и все более зажигался. Кто его не знал, мог удивиться такому быстрому преображению. Теперь передо мною был помолодевший, энергичный Владимир Федорович, способный увлечь, разжечь целую аудиторию. Под стать своему азарту он рисовал свой план внезапной проверки. Мало дела, больше эффекта, сценичности, актерства. Долго потом наше добросовестное выполнение его плана бродило по войскам в виде анекдотов и баек.

Тщательно подобранная нами группа генералов и офицеров Главного штаба в одно из ближайших воскресений была собрана на Киевском вокза-

ле, куда скрытно были поданы автобусы. Офицеры оперативного управления выступали в роли стражей за каждым шагом собранных офицеров, главком потребовал пресекать малейшую попытку утечки информации о наших действиях. Колонна автобусов с офицерами поочередно обошла все московские вокзалы, так мы старались замести следы на случай, если за нами кто-нибудь устроил слежку. Оставался Белорусский вокзал, к которому мы подъехали буквально за пять минут до отправления поезда Москва – Вильнюс. Наш бессмысленный маневр, продуманный В.Ф. Толубко, как потом нам стало известно, не был понятным лишь его участникам. Почти строем под наблюдением моих офицеров вся группа была рассажена в двух, нами зафрактованных, вагонах.

Но я и не сомневался, что за нами следили. Редко нам удавалось покинуть Москву незамеченными. Не удавалось нам это и при использовании авиации. Запрос на вылет с любого аэродрома становился известным во всех армиях. В последнее время по радио стали передавать о нашем вылете открытым текстом, обычно летела радиограмма следующего содержания: «Внимание! Казыдуб в воздухе!». Коротко, и всем все было ясно.

Толубко было известно об этих безобразиях, поэтому он в своем плане предусмотрел наш переезд по железной дороге. На всех остановках продолжалось наблюдение за каждым выходящим из вагона офицером. Поздно ночью поезд прибыл в Вильнюс. На привокзальной площади уже стояли автобусы из местного военного училища. Я уже говорил, что мы направлялись в дивизию, которая размещалась в районе Каунаса. Но наша колонна взяла курс на Лиду, в Белоруссию, там тоже размещалась ракетная дивизия. Проехав километров сорок, мы резко свернули на запад и, следуя по проселочным дорогам, вышли на автостраду Вильнюс – Клайпеда. К утру мы добрались до военного городка управления дивизии, который размещался в поселке Кармелава, в двенадцати километрах севернее Каунаса.

Перед штабом нас встречал командир дивизии С.Н. Ермак, с удивленным, как-будто перепуганным лицом. Позже мы узнали, что это продолжение той игры, которую параллельно с нами вели войска. За тем, как мы метались между вокзалами, следили во всех армиях. Во время посадки в вагоны на Белорусском вокзале прошла информация во все дивизии смоленской армии. По распоряжению командующего армией Н.Н. Котловцева в Вильнюс к вокзалу со всех дивизий были посланы наблюдатели с коротковолновыми радиостанциями. Рассаживаясь по автобусам на привокзальной площади Вильнюса, мы не могли предполагать, что на нас устремлено много любопытных глаз. Вторая колонна с радиостанциями неотступно шла за нами до тех пор, пока мы не заехали в городок Каунасской дивизии. Сообщение об этом немедленно было передано по радио всем командирам. Вот таким образом, находясь под «колпаком»

своих же войск, мы достигали внезапности по талантливо разработанному плану нашего главкома.

В числе постоянно информируемых был и наш основной объект проверки командир 58-й ракетной дивизии С.Н. Ермак. А удивленная и перепуганная его рожа, которую он скорчил, как бы для нашего удовольствия, было нечто актерское, сработанное по действительно талантливому сценарию войсковых разведчиков.

Конечно же, все наши залегенизированные подвиги напоминали сюжеты из пионерской «Зарницы», но каждый раз мы и особенно главком, наиболее выдающийся мастер таких затей, придумывали все новые и новые способы обдурить самих себя.

А как же отчиталась хваленая дивизия Ермака в этот раз? Штаб дивизии и проверенные полки показали слабую боевую готовность. Можно сказать, что дунул ветер, который не был своевременно схвачен носом молодого командира. Нами было выявлено главное – так ярко горевший маяк при первом же серьезном испытании тут же погас, он оказался дутым. Стремление главкома раскрыть истинное состояние дел в этой дивизии не было напрасным.

В.Ф. Толубко резко выделялся среди военачальников тех лет какой-то приземленностью, человечностью. Он неизменно придерживался своего принципа – первым делом видеть людей, отличать каждого человека. Сам по себе эмоциональный, полный жизненных сил, он любил в людях устремленность, внутреннее горение, заряд бодрости и оптимизма. Толубко не был скуп на похвалы тех, кто ему понравился. В его присутствии многие ободрялись, начинали верить в успех. Это важно было очень для молодых, вновь назначенных командиров.

Мне много раз приходилось бывать в войсках вместе с В.Ф. Толубко. Каждая такая поездка была по своему интересной и памятной.

В 1976 году на боевое дежурство был поставлен первый полк, который получил на вооружение новый ракетный комплекс РСД-10, или как его обозвали на западе СС-20. Это было на белорусской земле, в Петриково. Полком в то время командовал подполковник Доронин А.Г. Не ошибусь, если скажу, что с тех пор главной заботой В.Ф. Толубко стали полки и дивизии с этим комплексом. В 70-е годы в ракетных войсках главную группировку составляли дивизии, вооруженные шахтными, пусковыми установками с межконтинентальной ракетой на жидком топливе. Отдельные старты в те годы были крупным шагом в повышении живучести и боевой готовности войск. На западе страны продолжали оставаться на боевом дежурстве ракеты стратегического назначения первого поколения средней дальности. Хотя такие ракеты, как Р-12, и Р-14 прошли хорошие испытания и показали высокую надежность. Однако они морально устарели (из-за устаревших технологий подготовки их к пуску и архаичных систем боевого управления) и не могли оставаться на вооружении армии. Их надо

было менять, но промышленность мучительно долго «рожала» для этих ракет преемника.

И вот в серию пошли совершенно новые ракетные комплексы на подвижных самоходных шасси. Если на шахтных пусковых установках дежурство на пунктах управления строилось на монотонной, рутинной основе, то на подвижном – личный состав боевых расчетов включался в круговорот действий, связанных с движением, разворачиванием и свертыванием ракетных комплексов на полевых позициях. Для этого нужны были офицеры, владеющие не только знаниями ракетного вооружения, но и имеющие глубокие знания и навыки в организации маршей, знающие местность и владеющие всеми вопросами боевого и материально-технического обеспечения боевого дежурства в полевых условиях. Я должен сказать, что на первых порах это стало одной из главных забот высших звеньев руководства ракетными войсками.

В.Ф. Толубко, прошедший войну в танковых войсках, влюбленный в подвижную технику, мастер вождения автомобилей любых марок, динамичный по своему складу характера, быстро определился при первом же соприкосновении с подвижным ракетным комплексом. Могу уверенно сказать, что он один из немногих, стоящих на высших ступенях власти в ракетных войсках, кто в совершенстве знал это оружие и непосредственно принимал участие в разработке способов его боевого применения. С его подачи был разработан проект специального хранилища пусковой самоходной установки с автоматикой, позволяющей производить из них пуск ракет. И сегодня ничего лучшего не придумано взамен этих сооружений. Его профессионализм и компетентность во всех деталях нового дела выделились на фоне не только центра, но и армейского, дивизионного звена.

Однако его нельзя было отнести к фанатикам каких-то одних пристрастий. Он здраво мыслил и мог глобально оценивать достоинства и недостатки ракетного оружия и подходов их боевого использования.

По мере насыщения войск самоходными пусковыми установками Толубко настойчиво выступил против массового их вывода на полевые позиции. Но силы, противостоящие этому мнению, были более могущественными. Генерального конструктора А.Д. Надирадзе, горячего сторонника полевого варианта несения боевого дежурства этим комплексом, поддержал министр обороны Д.Ф. Устинов. В какой-то степени А.Д. Надирадзе можно было понять, он хотел проверить более полно боевые и эксплуатационные качества своего детища. Но Устинов как министр обороны и член политбюро явно заблуждался. В.Ф. Толубко в своих выводах исходил из того, что массовый вывод подвижных пусковых установок на полевые позиции взбудоражит политики Запада, особенно в Европе, будет поднята общественность. Это были годы, когда наша сторона особенно усилилась выступать в роли миротворца и непреклонного борца за разоружение.

Собственно, в последствии так и произошло. Мы вытянули для обозрения грозные СС-2С, на Западе был поднят шум об агрессивности СССР и всего Варшавского договора. Летом 1978 года по приказу министра обороны в поле были выведены впервые полки, вооруженные самоходными пусковыми установками. В.Ф. Толубко это событие приурочил к оперативному учению с 43-й ракетной армией, дислоцированной на Украине. К этому времени в ее боевой состав была введена 33-я ракетная дивизия с самоходными пусковыми установками. Эта дивизия размещалась в Белоруссии. В ходе учения замыслом предусматривалось вывести на полевые позиции два ракетных полка. В.Ф. Толубко определил меня старшим руководителем учения в эту дивизию, сам же возглавил учение со всей армией и находился с самого начала в Виннице, где размещался штаб и командный пункт армии.

Но к моменту выхода полков 33-й дивизии, он прибыл на ее командный путь. Заслушав короткий доклад командира дивизии генерал-майора Бородунова Е.С., Толубко в моем сопровождении выехал в самый удаленный полк, размещенный на левом берегу Припяти, в Житковичах. Второй полк из состава этой же дивизии размещался в Петриково. В полк мы прибыли поздно вечером. Во всем чувствовалось волнение и какая-то тревога. Понять это было нетрудно. Впервые после нескольких лет дежурства на стационарной позиции полк выводился в поле. Все впервые, никакого опыта. Как поведут себя люди, с чем можно встретиться на марше, при развертывании пусковых установок, что можно ожидать от оружия. Это и многое другое было у всех на устах. Еще больший накал создало присутствие главнокомандующего ракетными войсками.

В.Ф. Толубко волновался не меньше, чем командир полка, для него это тоже было впервые. Его волнение передавалось нам. После короткого знакомства с состоянием полка и степенью готовности к выходу в поле, он вместе с командиром полка выехал, чтобы лично убедиться о состоянии дорог и пригодности полевых позиций. Как будто все было продуманно и учтено. В ожидании сигнала на свертывание полка, который будет передан с центрального командного пункта ракетных войск, В.Ф. Толубко пригласил меня в кабинет командира полка, чтобы еще раз уточнить порядок, теперь уже нашей, работы. Он хотел побольше увидеть своими глазами. Решили, что он на легковой машине-вездеходе будет двигаться с 1-м дивизионом, перемещаясь вдоль колонны. Я в этом же дивизионе буду находиться в машине подготовки ракет к пуску. Собственно в этой машине пункт управления, начиненный средствами связи и управления. Сюда поступают все приказы и сигналы с верхних звеньев управления, отсюда поступает команда на пусковые установки для проведения пуска ракет.

Нам хотелось на опыте этого первого учения разработать рекомендации всем должностным лицам дивизиона и полка, места командира и начальника штаба на марше и в ходе развертывания оружия.

Но вот, наконец, пришел приказ на выход полка на полевые позиции. Объявлена тревога, включены секундомеры посредников, закипела работа на стартовой позиции. Дружно взревев ходовыми двигателями, пусковые установки стали выползать из громадных сооружений и занимать свои места в колоннах дивизионов. Как будто все идет четко, по боевым графикам.

В машине подготовки получен приказ на начало марша, первый дивизион начал движение. Колонна двигалась по прекрасной асфальтированной дороге, но в машине подготовки в креслах непривязанному ремнями усидеть трудно. С увеличением скорости машину бросало из стороны в сторону, создавалось впечатление, что машина опрокидывается. Такое впечатление создавалось из-за огромных размеров машины и очень эластичной подвески. Мне приходилось бывать в подводной лодке, мне казалось, что в ней более просторно и меньше укачивает, чем в этом громадном кунге.

Примерно через час движения колонна остановилась. Причины остановки не были известны, я вышел наружу. Непроглядная темень, все погашено, вплоть до стоп-сигналов на машинах. Изредка между машинами мигают ручные фонари. Немного попривыкнув к темноте, увидел на обочине темные силуэты людей, послышались негромкие голоса. Впереди, видимо, со стороны головы колонны раздаются неразборчивые выкрики, то ли команды, то ли чьи-то доклады. Я пошел в сторону этого шума. Подойдя поближе, я различил непривычно гневный голос В.Ф. Толубко. Оказывается, командир дивизиона прозевал поворот и колонна прошла лишних несколько километров. Теперь надо искать место для разворота большегрузных машин и вновь выходить на свой маршрут.

Толубко так рассвирепел, что не находил себе места. Но этим уже делу не поможешь. Подошел офицер Главного штаба, который ехал на машине вместе с ним, и сказал, что это еще не все. Не могут найти механика-водителя второй пусковой установки, он прапорщик. Но есть подозрение, что он убежал в лес со страху.

А случилось следующее. Во время марша машина, в которой ехал В.Ф. Толубко, большую часть времени двигалась между первой и второй пусковыми установками. На одной из коротких остановок механик-водитель второй пусковой установки выскочил из кабины и, подбежав к легковой машине со стороны старшего в машине, а это был главком, разразился площадной бранью. И он по-своему был прав. При движении его внимание было приковано к стоп-сигналам впереди идущей пусковой установки. Любой неосторожный наезд мог вызвать удар головной частью ракеты, Ракета на пусковой установке своей головной частью, а это ядерный заряд, выдается впереди кабины, это тоже один из недостатков этой конструкции. Механиков-водителей на этот счет постоянно предупреждали. Потом было принято решение между пусковыми установками вставлять бронетранспортеры или

просто бортовые машины. А пока механик-водитель кастил маршала. В.Ф. Толубко терпеливо выслушал крутую брань в свой адрес и без всякой обиды, как бы включившись в игру, в свою очередь и рубанул в ответ трехэтажным матом, давая понять, что он-то не виноват, есть же шофер. Это все для смеха, ведь шофер солдат и он делает то, что приказывает старший.

Все бы на этом и кончилось, если бы на последней остановке механик-водитель, обругавший В.Ф. Толубко не увидел, как тот, которого он обложил матом, ругает командира дивизиона, такого большого начальника для этого прапорщика. А когда он узнал, что это главнокомандующий ракетными войсками, то перепугался не на шутку и драпанул в лес. Когда раздраженный командиром-путаником В.Ф. Толубко узнал, как исчез прапорщик, то это стало для него разрядкой. Вначале он бросил командиру дивизиона упрек в том, что он воспитывает только трусов и больше ни на что не способен, а потом, на удивление всем, громко расхохотался.

Когда я подошел, он стал мне громко говорить:

– Григорий Иосифович! Ну что же это такое, куда мы попали? Ведь дивизионом командует абсолютно безграмотный, неподготовленный человек. Водителями на ракетноносцы посажены трусливые прапорщики. Куда мы смотрим, куда смотрит армейское начальство, командир дивизии?

Я понимал, что Владимир Федорович раздражен, но он уже остыл и начал играть, в нем проснулся актер, в этой роли среди новых людей он как в родной стихии.

Тот первый, самый памятный вывод полков в полевые районы на многое раскрыл наши глаза. Сделанные из этого учения выводы дали толчок к той колоссальной работе, которая проводилась в условиях массового перевооружения и становления дивизий с новым ракетным комплексом. Через несколько месяцев Главным штабом были разработаны «Основы боевого применения полков СПУ (самоходных пусковых установок)», которые стали теоретической базой для развития новых направлений в военном искусстве, а в последующем легли в основу нового «Боевого устава Ракетных войск стратегического назначения. Часть 2». Разрабатывались инструкции по организации боевого дежурства в полевых условиях, по всем видам боевого и материально-технического обеспечения. Главком особое внимание придавал всем вопросам безопасности и охраны ракетных комплексов на маршах и полевых позициях. По его указаниям подверглись пересмотру программы обучения слушателей в высших военных заведениях. Немало в те годы родилось новых кандидатов и докторов наук, которые зачастую беззастенчиво использовали результаты исследований и их выводы, проводимые офицерами Главного штаба. Полковники Главного штаба Леонов А.Л., Морозов И.Ф., Девяткин В.И., Курдаев В.Я. и другие были авторами многих научных трудов, проектов боевых документов, но из-за своей колоссальной загруженности не выкроили времени, чтобы защитить диссертации. Много

раз под давлением сверху они просто эксплуатировались при подготовке таких диссертаций для руководства, их родственников и различного рода протее.

К началу 80-х годов группировка войск с подвижными ракетными комплексами в основном была создана. Таким оружием обзавелись все ракетные армии. Однако все еще значительным пробелом оставалась подготовка командиров и штабов всех уровней в вопросах боевого применения и вождения ракетных полков и дивизий СПУ. Традиционная командирская подготовка не могла его восполнить.

В 1979 году главнокомандующий войсками В.Ф. Толубко организует большой сбор руководства ракетными войсками, армиями, дивизиями на базе 32-й ракетной дивизии в Белоруссии, в районе города Поставы. С целью скрытности и отвлечения внимания агентуры иностранных разведок все участники сбора прибыли в гражданской одежде, на автомобилях были поставлены общесоюзные номера, в общем максимально старались прикрыться. В ходе этого сбора командующим, командирам и начальникам был показан весь объем действий ракетного полка от свертывания на стационарной позиции, совершении марша до подготовки и проведения имитации пуска ракет. На следующий год Толубко проводит подобное занятие на базе 8-й ракетной дивизии в Кировской области. Как можно наглядно и даже театрально, как это любил главком, были продемонстрированы способы преодоления ракетным полком водной преграды, развертывание в населенном пункте, порядок подъема опрокинутой пусковой установки.

В 1981 году по плану министра обороны были проведены крупнейшие за последние годы учения «Восток-81» и «Запад-81». На эти совместные учения впервые широко привлекались Ракетные войска стратегического назначения. На востоке в ходе учения был проведен пуск ракеты с полевой позиции полка севернее Читы. Правда, ракета, хорошо стартовав, на восходящем витке траектории взорвалась. Но, по нашему мнению, этого не увидели многочисленные участники и гости, может быть, кроме ракетчиков и представителей промышленности. Для удобства наблюдения за этим эффектным зрелищем для высшего руководства были выстроены громадные трибуны. Хотя ракета взорвалась через 45 секунд своего полета, в поле видимости всех присутствующих, но мало кто обратил внимания на разлетающиеся куски на громадной высоте. Генерал-полковник В.И. Варенников, в то время начальник Главного оперативного управления Генерального штаба, в мегафон прокричал: «Пуск прошел успешно, через несколько минут мы получим результаты падения головной части на полигоне с Камчатки». Это была ложь, не знаю, заведомая или просто по невежеству этого высокопоставленного генерала. Здесь же возле трибун в больших госпитальных палатках были накрыты столы и Д.Ф. Устинов не замедлил поднять первый тост за успешный пуск и радушного хозяина.

В том же году, но уже на западе, развернулись еще более масштабные учения под кодовым названием «Запад-81». Это было в Белоруссии. Как и на востоке, на учение привлекались ракетные войска, но без пуска ракет. Однако сухопутные войска, авиация привлекались для нанесения огневых ударов на трех больших полигонах. В качестве гостей на учение были приглашены министры обороны стран Варшавского договора, ряда стран Ближнего Востока, Африки, Кубы – как тогда говорили, из стран социалистической ориентации.

Было принято решение, видимо, министром обороны, показать ракетный полк с самоходными пусковыми установками для всех гостей, в том числе и соориентации. Показ должен был сопровождаться докладом главкома и Владимир Федорович усиленно его штудировал. Кое-что он решил на этих учениях испробовать по своей программе. Так, в районе полка была развернута палатка, в которой обосновался какой-то ученый в костюме, напоминающем инопланетянина. Вначале он не привлекал внимания, уединенно возился с какой-то аппаратурой в палатке. На одном из тренировочных занятий проговорился об этом загадочном субъекте сам В.Ф. Толубко. По его словам, это большой ученый, который занимается энергией биополей человека. Каждый взрослый нормальный человек выдает примерно 12–13 импульсов. При проверке у Владимира Федоровича обнаружено было аж целых 17 импульсов, это сказал сам носитель такого запаса, максимум, что может выдать человек. Так что мы должны гордиться, что нами управляет такой феномен. Далее он продолжал, что принял решение пропустить через эту машинку всех генералов центрального аппарата, и тому, у кого показания будут ниже нормы, придется расстаться с креслом. Ну а пока, главком решил испробовать аппаратуру на номерах боевых расчетов полка в тот момент, когда они будут общаться с министром обороны и другими высокими начальниками. Это их состояние может соответствовать тому, какое возможно в момент получения боевого приказа на проведение пуска ракет. Вот так и не иначе главком уверился в этом странном ученом.

Мне не пришлось слышать, чтобы главком исполнил свое решение по проверке генералов, но уже в ходе учения некоторые проявили беспокойство. Помню, ко мне подходил член Военного совета Смоленской армии и просил, чтобы я посодействовал как-нибудь встретиться ему с этим доктором медицинских наук и, если удастся, то и провериться. Не видел я в отчете о проведенном учении результатов проверки боевых расчетов, что-то, видимо, не получилось.

Для нас не было секретом, что В.Ф. Толубко был падок на различного рода сенсации, неординарные поступки, неожиданности. То, что он задумывал самостоятельно, всегда пахивало игрой, налетом авантюризма и, может быть, некоторого риска.

На учениях «Запад-81»

Справа в первом ряду:

Г.И. Казыдуб (второй), И.И. Куринной (третий)

На учениях «Запад-81»

На учениях в Булоруссии

Слева направо:

И.И. Куринной, Г.И. Казыдуб, П.А. Гочаков, И.Т. Сальницкий

Показные учения

Справа налево: *Г.И. Казыдуб, В.Л. Говоров, А.А. Яшин, А.Н. Потапов (представитель ЦК КПСС)*

Как-то еще в годы проведения массовых рекогносцировок по выбору новых позиционных районов ракетных дивизий, а это происходило главным образом в Сибири, В.Ф. Толубко изъявил желание посмотреть лично предполагаемый район размещения дивизии в Красноярском крае. Об этом мне позвонил В.М. Вишенков. Он беспокоился о том, чтобы я успел подобрать компетентную группу генералов и офицеров, которая могла бы вылететь с главкомом. Но непосредственно перед вылетом от порученца В.Ф. Толубко, я узнал, что кроме меня главком с собою никого не берет. Уже перед вылетом на аэродром Э.Н. Кузнецов, порученец главкома, мне сказал, что Владимир Федорович свою полевую поездку совмещает с работой в избирательном округе, как депутат Верховного Совета СССР. Мне он приказал быть в гражданской одежде и на месте выступать в роли работника Госплана, удостоверение личности такого работника у меня осталось после предыдущих поездок. Но В.Ф. Толубко потом сам же меня раскрывал, неоднократно представляя меня, как генерала Главного штаба ракетных войск. Я сам не мог разобраться в сути такого маскарада.

Огромный пассажирский самолет Ил-62, взлетев рано утром с аэродрома Чкаловский, под Москвой, с тремя пассажирами на борту, взял курс на Канск. По работе в центральном аппарате мы знали, что за каждым заместителем министра обороны, а их было ни мало ни много, а целая чертова дюжина – тринадцать военных чинов, был закреплен пересильный самолет (Ил-18, Ил-62 или Ту-154, все в улучшенном комфортабельном варианте). Такой самолет постоянно находился в готовности к вылету по первому требованию. Чтобы поддерживать экипажи в такой готовности, их по крайней мере должно быть не менее четырех. У министра обороны и начальника генерального штаба таких самолетов было три. При вылетах этих лиц все три самолета поднимались в воздух, один шел как прикрытия, второй – с именитым пассажиром, а третий – со средствами связи. Сколько же дорогостоящей авиации было задействовано на обслуживание руководства страны, министров, ЦК КПСС, КГБ и пр. Сверхвеликая держава – сверхмощные расходы.

Наш полет длился около восьми часов. Все это время мы играли в домино, которым до фанатизма увлекался Толубко. После такого перелета с бесконечным щелканьем костяшек домино, в голове оставался невообразимый шум, в глазах было темно. Меня он усадил в напарники, в «противниках» оказался его порученец и бортмеханик самолета. И что интересно, после такого длительного перелета под монотонный гул двигателей самолета, без отдыха, за любимой игрой, В.Ф. Толубко вышел из самолета бодрым, свежим, как будто и не было этого перелета.

В Канске ему предстояло провести с избирателями несколько встреч. Я трудно представлял, как он умудрится найти время, чтобы облететь на вертолете новый район. Меня он заставил сопровождать на всех его высту-
плениях, после каждого из них он непременно хотел услышать мою оцен-

ку его выступления и особенно его ответов на не всегда доброжелательные вопросы людей. К примеру, был и такой вопрос: «Как чувствует себя руководство страны, пребывая на таких ответственных постах в таком преклонном возрасте?» или «Какое отношение вы, Владимир Федорович, имеете к нашему краю?» и др. Я видел, что Толубко было не так просто отвечать. Это далеко не походило на встречи в гарнизонах наших войск.

В.Ф. Толубко, как и все мы, был сугубо военным человеком, говорить с людьми, далекими от нужд армии, ему явно было сложно. Толубко постоянно в разговорах скатывался на военную тему, более того, раскрывал вопросы, содержащие военные и даже государственные секреты. Уже на первой встрече с работниками текстильного комбината он пообещал к весне сотни прекрасных парней-ракетчиков, проблема дефицита женихов в городе будет снята.

В другом месте, в совхозе-птицефабрике, где ему был оказан особо пышный прием с банкетом, подарками, он так разговорился, что начал рисовать фантастические картины размещения на их территории ракетной базы. Везде его сопровождал большой хвост местного начальства, вплоть до краевого. Толубко это не стесняло, обращаясь ко мне, он развивал идеи размещения специальных сооружений с пусковыми установками между птичниками, что, по его мнению, наиболее обеспечит скрытность. Тут же, обращаясь к женщинам, он стал разрисовывать выгоды, которые они могут получить в случае, если территория совхоза станет ракетной базой. На все мои намеки он мало обращал внимания. Я вынужден был отозвать его в сторону и сказать, что разговор с такой откровенностью пока не желателен. Он соглашался, но через некоторое время опять с увлечением обрисовывал будущее этих мест. Мне и, может быть, его порученцу казалось, что все присутствующие, в том числе и руководство края, весь этот разговор воспринимали всерьез, замирали от предчувствия благ, которые посыплются, как из рога изобилия на их совхоз, район и даже край.

Таким увлекающимся человеком был наш главком. Он любил, чтобы все было необычным, он мог так увлечь, что любой скептик начинал верить. Но интересно, что через некоторое время он сам признавался, что то, о чем он говорил, несколько преувеличено и даже нелепо.

Его авторитет в войсках, несомненно, был очень высок. Он был узнаваем не только старшими командирами, в штабах, но и в массах солдат в самых отдаленных гарнизонах ракетных войск.

Мне трудно говорить о его взаимоотношениях с высшим руководством армии, государства и партийной верхушкой. Но, думаю, что с Устиновым они были близки. От нас не ускользало то, что с начальниками Генерального штаба, а они сменялись чаще главкомов, по крайней мере ракетных войск, у В.Ф. Толубко были взаимоотношения натянутые. Он ревниво защищал престиж войск и постоянно стремился к тому, чтобы не только главная

военная инспекция, но и Генеральный штаб были бы лишены права на их проверку. И это ему удавалось, пока на посту министра находился Д.Ф. Устинов. Все основные вопросы по войскам главком решал непосредственно через министра, оставляя нам право сношения с Генштабом и главками министерства обороны. Видимо, Толубко пользовался правом посещения министра в любое время, легко общался с ним по телефону.

Но так было не всегда. Могу утверждать, что еще до Д.Ф. Устинова у Толубко были подчеркнута официальные отношения с министром обороны А.А. Гречко, не были близкими у него отношения и с Соколовым, который сменил Устинова.

Хочу в подтверждение сказанного привести следующий эпизод, свидетелем которого пришлось мне быть.

В 1974 году под руководством А.А. Гречко проводились всеармейские командно-штабные учения на базе Группы войск в ГДР, в Вюнсдорфе. На учение были привлечены все виды вооруженных сил, в том числе Ракетные войска стратегического назначения (от каждого вида войск – по одному управлению армии). В.Ф. Толубко, тогда еще молодой главком, на учение привлек управление 50-й ракетной армии в составе семи человек – командующий К.В. Герчик, я выехал в роли начальника штаба армии, член военного совета Хренов С.М. и др.

Учение проводилось в помещениях управления группы, каждый штаб разместились в апартаментах руководства группой. Каждый проигрыш задуманной ситуации заканчивался грозным заслушиванием со стороны все сильного министра. Собственно нас Толубко прихватил на эти учения с одной целью, чтобы мы в ходе таких заслушиваний помогли ему убедить министра обороны. Дело в том, что в те годы А.А. Гречко обуюла бредовая идея окопать всю боевую технику и тем самым повысить ее защиту в случае внезапного удара со стороны противника. По его директиве все должно быть зарыто в землю: танки, самолеты, зенитные установки. Этого потребовал он и от В.Ф. Толубко. В ракетных войсках на западе преобладали ракетные комплексы с ракетами средней дальности на жидких топливах Р-12 и Р-14 конструкции М.К. Янгеля. Они имели подвижное оборудование и могли со стационарных позиций выводиться в поле. Старты таких ракет А.А. Гречко приказал обваловать.

Толубко же исходил из того, что если Генштаб в случае опасности не прозеваает и своевременно оповестит войска, то ракетчики смогут покинуть стационарные позиции до ракетно-ядерного удара. Обвалование же значительных по площади стартовых позиций потребует громадных затрат людских ресурсов и материальных средств. Миллионы кубометров грунта надо будет переместить в районы позиций. Чтобы это выполнить, надо прекращать всю боевую учебу войск. Исходя из этого, В.Ф. Толубко положился на нас, что в ходе учения мы сможем убедить министра в бессмыс-

ленности и даже вредности этой затеи для ракетных войск.

К.В. Герчик вместе с нами приступил к подготовке таких обоснований. В один из дней учения было назначено заслушивание министром нашей армии. Нас разместили в просторном кабинете какого-то высокого чина. Здесь же, напротив нас, загодя уселись заместители министра, начальники главков, видимо, олицетворяли публику, ведь предстояло увидеть опять что-нибудь веселое или драматичное. Там же, среди этой публики находился В.Ф. Толубко. Он-то ожидал не веселья, а серьезного разговора. Посреди комнаты большой письменный стол – может быть, свидетель времен Гинденбурга и Людендорфа – ожидает советского министра. Стены увешаны нашими картами и схемами.

Чуствуем, что К.В. Герчик чересчур разволновался, в таком состоянии он не боец, так оно и вышло. На нашей стороне – напряженная тишина, напротив – смех, громкий разговор. Для нас впереди испытание, пытка, Голгофа, для тех, кто напротив, – очередной спектакль, шоу.

Вдруг и в группе руководства стало тихо, и тут же за открытой дверью раздали шаркающие шаги. Мы поняли, идет А.А. Гречко. Высокий, худой, на полусогнутых ногах в узких генеральских брюках, почти не отрывая ботинок от пола, на нас двигался Гречко в сопровождении двух незнакомых мне генералов. Все встали, но никто не выходил к нему с докладом. На этот счет указаний нам не давали, а по уставу в таких случаях должен докладывать старший из присутствующих. Все они были напротив нас, но там – тишина. К.В. Герчик, как потом он сам сказал, не вытерпел напряжения и произнес: «Управление 50-й ракетной армии». А.А. Гречко остановился посреди комнаты, посмотрел в нашу сторону и тихо произнес: «А я думал здесь какой-то колхоз».

Это было начало нашего провала. Первым был мой доклад как начальника штаба: общая оперативная обстановка, состав и боевая готовность войск армии. Вторым докладывал главный инженер армии генерал-майор Любимов Д.П. Наши доклады у А.А. Гречко эмоций не вызвали. Видно, еще не настало время решающего удара. Для доклада вышел К.В. Герчик. В самом начале его доклада А.А. Гречко тихим, еле слышным голосом произнес: «Какой эллипс поражения у ваших ракет?». Я точно знал, что К.В. Герчик этой цифры не помнил, подсказка по-школярски исключена. Что скажет Герчик? В комнате – мертвая тишина. И, вдруг, голос Герчика: «Одиннадцать километров».

Нам видно, что у министра на столе лежит лист бумаги, наверняка вопросы и ответы. Почему нам об этом не сообщили, кто же готовил ему эти данные? Герчик ответил неправильно, но Гречко, как ни в чем ни бывало произнес: «Продолжайте». Но опять его прерывает и задает новый вопрос: «А какой заряд несет ваша ракета и какие размеры площади сплошного поражения?». Это еще покруче, такие вопросы не для командарма. Штаб армии и командарм в планировании боевого применения войск участия не принима-

ли, более того, Главный штаб в полном объеме эту задачу не выполнял. Это была прерогатива Генерального штаба, он назначал цели в зависимости от этих данных. Но министру было все равно, он читал текст и задавал вопросы. Герчик что-то невнятно произнес, но министр его не слушал, он опять приказал продолжать. И в этот момент К.В. Герчик обратился с просьбой, чтобы министр разрешил привести ракеты в пятиминутную готовность до пуска.

А.А. Гречко, конечно же, этого понять не мог, в его тексте явно этого не было. Но он поставил встречный вопрос: «А где ваши ракеты, все еще на бетоне, вы их окопали, как я приказывал, или чего-то ждете?». Бедный К.В. Герчик вместо того, чтобы сразу же доложить о готовности полков к выходу на полевые позиции, вяло произнес: «Так точно, товарищ министр, все еще не окопали». Это конец, это то, чего так боялся В.Ф. Толубко. Гречко, повернувшись в сторону Толубко: «Так что же вы ждете, Владимир Федорович, сколько вам нужно времени, чтобы окопать этот ваш бетон?». Для Толубко вопрос тоже неожиданный, видимо посчитав лишним всякие другие обоснования, он ответил: «Три года, товарищ министр!». Гречко спокойно и очень тихо: «Хорошо, я жду вашего доклада о выполнении в сентябре этого года». А эти события происходили в июне, оставалось не три года, а три месяца. Идея В.Ф. Толубко с нашей помощью окончательно была похоронена.

Но мне надо вернуться к тому, с чего я начал, о взаимоотношениях В.Ф. Толубко с высшим руководством. Этот эпизод очень наглядно просветил степень близости этих двух военачальников, министра и его заместителя. Надо сказать, что Гречко не только Толубко, но и остальных своих заместителей держал на значительной дистанции от себя. В те годы он был недостижим и не только для военных, но и для оборонщиков. Мне приходилось слышать об этом неоднократно, в частности от министра общего машиностроения Афанасьева: неделями ему приходилось добиваться приема у А.А. Гречко. Член политбюро всемогущий фаворит и близкий друг Л.И. Брежнева, в армии создал свой культ, нанес немало вреда, особенно в кадровой политике.

Толубко, может быть, побаивался этого сатрапа, но что наверняка, зайти к нему и свободно обосновать свои возражения, он не мог, отсюда и появилась надежда на профессионализм команды Герчика. Но он ошибся и этого не простил. В разъяренном виде, не стесняясь своего мата, он обрушил на нас всю свою злость. В конце он буквально погнал нас домой. Он приказал нам лететь отсюда в любую дивизию, за две недели выполнить весь объем по обваловке стартов и доложить. С этой оплеухой, завершив свой визит в дружественную ГДР, через три часа мы оказались в родной Белоруссии, в Поставах, где размещалась 32-я ракетная дивизия со старыми ракетами средней дальности.

С этого дня две ракетные армии (в составе каждой 8–9 дивизии) прекратили боевую учебу и занялись земляными работами. Вокруг каждого старта

росли громадные земляные валы, которые образно были названы «могильниками Гречко».

Видимо, не лучшим образом складывались взаимоотношения Толубко и с другим министром обороны – Соколовым С.Л. Это было хорошо заметно уже по тому, что ракетные войска как главный вид Вооруженных сил были приравнены ко всем войскам. Теперь дивизии были наводнены контролерами из Генштаба, Главной военной инспекции, которые возглавлялись всегда выходцами из сухопутных войск.

Любил ли стукачество В.Ф. Толубко в чистом его виде, сказать трудно. Думаю, это лучше всего знает самый приближенный к нему генерал-майор Моторин А.Ф. Эта одиозная личность памятна не одному поколению командиров и начальников. Насколько его приспособленческие свойства были живучи, можно судить хотя бы по тому, что он сумел быть самым близким лицом двух совершенно не похожих людей, взаимоотношения Крылова Н.И. и Толубко В.Ф. всем известны. Не могу утверждать, но и трудно не согласиться, что вряд ли А.Ф. Моторин не имел своей сети, через которую собирал нужные сведения. Люди об этом знали, генералы и офицеры центрального аппарата сторонились Моторина, но были и такие, кто, не ведая чести и совести, втирались к нему в доверие, всячески угождали. Конечно, его боялись, но больше ненавидели. Не скрывал этого прямой, честный В.М. Вишенков.

Был ли он стукачом, не знаю, но такие фигуры не могли не быть в поле зрения служб безопасности. В.М. Вишенков тогда в самолете говорил, что когда в аппарат прибыл Ю.А. Яшин, уже тогда имеющий связи с оборонкой, Академией наук и вообще в высших сферах, В.Ф. Толубко предупреждал его, чтобы он особо не доверял А.Ф. Моторину и держался от него подальше.

Жизнь военных всегда была в крепких объятиях спецслужб. Так было и со мной. За границей, в Австрии, мы были под ее неусыпным надзором. Думаю, что я находился в графе тех, которым особо доверять нельзя. Всем было известно, что я сын «врага народа». Недремлющее око особого отдела я ощущал всегда. Потом военная академия, Ракетные войска стратегического назначения, центральный аппарат министерства обороны, и всегда понимал, что я под наблюдением, но надо сказать, что это делалось весьма деликатно. Телефон был под прослушиванием, за мною нюхали штатные и платные, но провокаций или явных выходов на меня не было. Одна незначительная стычка случилась в Смоленске, о чем я писал. Я уже был в номенклатурной обойме, за мной не только следили, но уже и оберегали.

Но близким к себе они меня никогда не считали. Ни я их, ни они моими услугами не пользовались, значит не доверяли. Среди своего окружения вычислить их было несложно. Немало их было в центральном аппарате. Думаю, что наиболее заметным из них был первый порученец В.Ф. Толубко.

Темные, интимные стороны жизни Владимира Федоровича так или иначе связаны с этим человеком. Вишенков прямо говорил, что Толубко дал себя опутать этому подлецу.

В те годы особенно модным было всем «известным и достойным» людям заниматься литературной деятельностью. Такие упражнения стали уделом многих военачальников. Многие из них, видно, под влиянием признания их творческих «талантов», успели написать не только свои воспоминания, но и художественные опусы. Для этого привлекались журналисты, начинающие писатели и офицеры, обладающие писательским талантом.

В.Ф. Толубко тщеславный и самолюбивый, о себе был высокого мнения, и понятно, что отстать от тех, кто пытался таким образом себя увековечить, он не мог. Писательские лавры военных и политических деятелей побуждали, да и сейчас волнуют деятелей всех рангов. Книжные полки, лишенные достойной литературы, были заполнены такими книжками, похожими друг на друга. Всегда было как-то не по себе, когда, вдруг, мемуары написаны действующим политиком или военным деятелем, еще большее возмущение вызывало, когда такие книги навязывали, чуть ли не в принудительном порядке. Магазины военной книги были завалены такой макулатурой, они годами пылились на полках. Я не против мемуаров. Вообще-то это нужный, бывает, что и интересный жанр. Но мне кажется такие книги должны писаться людьми на склоне своих лет вдали от дел, когда все мелкое, личное уже ушло, когда никого не надо опережать, когда человек становится ближе к истине.

В.Ф. Толубко начал писать с возвращением в Москву, в расцвете своих сил и на вершине власти. Вначале это были небольшие брошюры, которые издавались в типографии Главного штаба, но мы знали, что он начал работать над большой, фундаментальной книгой о первом главкоме М.И. Неделе. Книга так и называлась: «Первый главнокомандующий». Конечно не обошлось без писателей, привлекались к этому генералы и офицеры штаба. Так, общими усилиями создавался этот научно-исторический труд, единоличным автором которого выступал В.Ф. Толубко. Но мне бы не хотелось упрекать в этом одного нашего главкома. Этим пользовались многие, находящиеся у власти. Но славы тем, кто их писал, мемуары не прибавляли.

Венцом всеобщей погони за литературными лаврами стали небезызвестные книжки Л.И. Брежнева. Припоминается первая конференция по его книгам, организованная для офицеров центрального аппарата политуправлением ракетных войск. Однажды, еще до этого события в моем кабинете раздался телефонный звонок начальника управления кадров ракетных войск генерала К.М. Воробьева.

– Григорий Иосифович, нам известно, что на фронте вы служили в 18-й армии, где начальником политотдела был Леонид Ильич Брежнев. Очень бы хотелось, чтобы вы выступили с воспоминаниями на предстоящей конференции.

– Так я же был всего-навсего солдатом – ответил я ему, – ничего хорошего об этом времени у меня не сохранилось.

– Вот и хорошо, это тем более будет интересным, – сказал Ворбьев.

Я потом был рад, что мое выступление не состоялось, ограничились воспоминаниями двух генералов из политуправления, которые не были не только в этой армии, но и вообще не воевали. Наверное кто-то сообразил, что на широкую дискуссию такой деликатный вопрос пускать не безопасно, люди стали более открыто говорить о властях, о состоянии дел в стране, в партии.

В.М. Вишенков о Толубко В.Ф. как о человеке был самого плохого мнения. В нашем совместном полете в Канск он рассказывал о том, как небезызвестный порученец доставлял ему женщин, которым после таких встреч в Москве предоставлялись квартиры. Во все времена квартирный вопрос для офицеров был самым болезненным и острым. В полках, дивизиях, в центральном аппарате всегда до половины офицеров были бесквартирными. Хотя этот вопрос как бы оставался в поле зрения командования, но квартирный кризис не прекращался. Уже в те годы вокруг строительства жилья, его распределения сосредотачивался армейский криминал. Посулы, взятки позволяли обходить очередников, улучшать жилищные условия всякого рода жуликам и проходимцам, которых и в армии всегда было достаточно. Но то, что творилось в центре не поддавалось здравому смыслу. Не был в этом чист и Толубко. А то, о чем рассказывал начальник главного штаба, было отвратительным и грязным.

Бедствовали, ютились по частным или коммунальным квартирам преподаватели и адъютанты ведущей академии ракетных войск им. Ф. Дзержинского. Это были именно их квартиры, которые поставлялись начальником академии Тонких Ф.П., как и продажные женщины, поставляемые другим подручным для удовольствия их общего начальника В.Ф. Толубко. Прослужив плановые и неплановые сроки в «сладкой» должности, Ф.П. Тонких был уволен в престарелом возрасте только с уходом В.Ф. Толубко. Моторин А. пребывал в каком-то третьем мире. Он считал, что в мире все бесконечно, как и его, непонятная для нормальных офицеров, служба. Как сказал В.М. Вишенков, ему было все мало, в войсках для В.Ф. Толубко хапал двумя руками, не забывая половину тянуть себе.

Но все приходит и уходит. Так пришел день, когда уходил на отдых В.Ф. Толубко. Пробыв в Ракетных войсках стратегического назначения с небольшим перерывом более 25 лет, уходил как бы по возрасту, с положенным по должности почетом, в «райскую группу». Но уход есть уход, он всегда безрадостен.

В 14.00 часов 17 июля 1985 года мне по прямому телефону раздался звонок от В.Ф. Толубко. Я приглашен, чтобы уточнить боевой состав войск, как сказал он сам: «Я готовлю новому главкому справочную тетрадь, ведь ему вначале будет нелегко...»

В приемной помощники главкома. Долго и верно они служили старому главнокомандующему. Наступило грустное время его ухода, а для них оставление теплого гнезда, перемещение, а может быть и увольнение в запас. Сегодня им не до дежурных улыбок, натянутые лица, тревожные взгляды, односложные ответы.

Прохожу через две двери и попадаю в знакомую прохладу огромного кабинета. Вдали за массивным письменным столом какой-то необычно маленький, даже жалкий главком. Много раз мне приходилось бывать в этом кабинете. Личные вызовы, участие в совещаниях, в обсуждении всяческих проблем. Каждый раз, верный себе, Владимир Федорович вставал из-за стола, широко улыбаясь, протягивал руку и называл вошедшего по имени, отчеству. Всякое было за многие годы: и хорошо обоснованные предложения, и скоропалительные наскоки, и полуфантастические идеи на эмоциональном заряде. Но всегда в его присутствии царила непринужденная, рабочая обстановка, он поощрял спор на равных по самым принципиальным вопросам.

– Григорий Иосифович, я решил сам для нового главкома сделать справочную тетрадь, давай кое-что уточним.

Надо отдать должное, Толубко лично вел все свои тетради по учету дивизий, полков, их вооружения, состояния поставок. Видно, он полагал, что и новый главком с такой же скрупулезностью и аккуратностью будет вести свои записи. Так мы с ним уточнили сведения по всем дивизиям, по дежурным силам, по всем плановым годам ввода в боевой состав новых пусковых установок. В это время зазвонил телефон, Толубко схватил трубку, но никто не ответил.

– Представляешь, что за люди, – сказал он, – проверяют, думают, что я все бросил и не вышел на работу.

Заметны перемены в этом человеке. Уход с такой должности не может быть бесследным. Вся жизнь до последнего дня связана с армией, ракетные войска родились и окрепли на его глазах, все начиналось с нуля. Последние годы были особо трудными, но это не было связано с работой. Все больше прогрессировала страшная болезнь, давали о себе знать и годы, нарушался и постепенно ломался режим, сказывались не всегда ровные взаимоотношения с министром обороны, с промышленностью. Все подсказывает, что надо уходить, а многолетние привычки, внутри все сопротивлялось.

Во второй половине дня в зале заседаний Военного совета собрались заместители главкома, начальники управлений, служб, генералы центрального аппарата. На кафедре Владимир Федорович с дрожью в голосе обращается с прощальной речью. Многие понимают, что не так просто старому, эмоциональному человеку, каким мы привыкли видеть Толубко, сдержаться в такой обстановке. Но он овладел собой и смог сказать, что хотел. Это была речь, которую он готовил сам, без нашей помощи. Рассказав о всех эта-

пах развития ракетных войск, он дал оценку Главному штабу, политуправлению, главкам. Чувствовалась в его словах искренность, душевность и даже образность. Отдал должное трудолюбию В.М. Вишенкова, неутомимости В.В. Коробушина, молчаливости, но высокой дельности И.Л. Сергеева. Тепло отозвался о А.А. Дмитриеве, Г.И. Казыдубе, В.Н. Малашенкове, неплохо-го работника приобрел главный штаб в лице В.М. Михайленко, отметил каждого начальника главка, службы. Голос его креп и как всегда закончил на высокой ноте.

Вести это необычное мероприятие вызвался И.А. Горчаков. Он предоставил слово В.М. Вишенкову. Было интересно, что скажет этот человек, но и теперь он остался верен себе, добросовестно прочитал приветственный адрес от генералов офицеров Главного штаба. Своими словами он ничего добавить не смог, или он их не находил, или он и в этот момент не мог подавить в себе неприязнь к этому человеку. Я помню ту нашу совместную поездку, когда В.М. Вишенков, давал всем заместителям главкома характеристики, о Толубке добавил: «Тебе не приходилось замечать во время своих докладов главкому, когда он, как будто слушая, медленно подводил глаза под лоб? Ведь он опасно болен, это связано с психикой. Я дал команду дежурным генералам на центральном командном пункте быть осторожными при получении указаний от Толубка: если поступит его команда на вскрытие шифров, то не выполнять. Я понимаю, что превышаю свои права, но условия безопасности не терпят, я ведь тоже отвечаю за документы Генштаба».

Вишенкова можно было понять, его взаимоотношения с главкомом всегда были натянутыми. Но те, кто говорил после него, не все были искренними. За годы службы немало встречалось людей, которые могли быстро меняться в зависимости от обстановки. Это свойство человека всегда омерзительно, особенно в офицерской среде. Более всего это было заметно при смене командиров, вообще руководства, тогда, когда зависимость снижается или вообще исчезает. Как говорят, лев ослаб – лапы его не страшны.

Так было и теперь. Сколько раз приходилось быть свидетелем картин открытого подхалимажа, когда захлебываясь, друг перед другом эти же люди в глаза восхваляли В.Ф. Толубко, восхищались его смелыми решениями, были горды тем, что удавалось воздать должное таланту и высоким человеческим качествам этого человека. Наиболее в этом преуспевали П.А. Горчаков, Г.К. Воробьев, В.В. Коробушин, Ю.В. Терентьев, не упускал такого момента Ю.А. Яшин.

Где же вы, такие преданные и близкие? Сегодня другой случай. В.Ф. Толубко уходит, уходит в тень, ему можно без страха сказать все, что угодно, сказать если не правду, то ближе к ней, хотя и это неприятно.

Взволнованно и искренне, как всем показалось, прозвучали слова одного лишь Г.Н. Малиновского. По его словам, В.Ф. Толубко был и остается для него отцом. – Все звезды, которые я получил, даны вами, товарищ главно-

командующий! Владимир Федорович, я так вас называю впервые, вы можете помнить свой первый приезд в город Неман Калининградской области в 1959 году, когда ставились первые стратегические ракеты на западе страны. С того момента вся моя жизнь, моя судьба стала связанной с вами, – видимо, из уст этого человека прозвучала правда.

П.А. Горчаков говорил длинно и путанно: – Шел партийный актив в Советской группе войск в Германии (СГВГ). Мне пришлось на этом собрании представлять главпур. Слово предоставили молодому, красивому командующему 1-й танковой армии Толубко Владимиру Федоровичу. В те годы продолжалась травля Г.К. Жукова; вместе с тем пошел слух, что он может возвратиться в группу войск на должность главкома. Так вот по этому поводу Толубко с трибуны произнес: «Мы не знаем никакого Жукова, у нас есть свой Жуков!». Намек был очень прозрачным, речь шла о главкоме Якубовском. Но Толубко не забыли, вскоре он был назначен на самую большую армию в группе – 8-ю, а вслед за тем первым заместителем главнокомандующего Рaketных войск стратегического назначения. Позже он был удостоен чести командовать Сибирским, а с началом серьезных событий на Дальнем Востоке – Дальневосточным военным округом. Последние 13 лет мы вместе, рука об руку трудимся в главном виде вооруженных сил в Рaketных войсках стратегического назначения...

Всем было видно, с какой ехидностью и иронией все это произносит П.А. Горчаков, но в обычной своей манере, как бы человека преданного и дружелюбного. Это слушать в такой обстановке было более, чем неудобно. Толубко склонил голову, в ответ ничего не высказал. Видимо, Горчакову казалось, что он нанес последний, самый тяжелый удар тому, с кем последнее время вообще не разговаривал, в ком, как он считал, ошибся. Но не прошло и года, как П.А. Горчаков вслед за Толубко получил «вольную» и пошел на поклон к своему бывшему недругу, уж очень хотелось попасть в «райскую группу».

Слово Ю.А. Яшину, у этого всегда нос по ветру, теперь не надо опускаться до лести, не надо восхвалять того, кто теперь никто, сработала врожденная восточная хитрость. Огласил адрес от Военного совета ракетных войск, почти копию того, что перед этим огласил В.М. Вишенков.

На трибуне вновь главком. Проявляя скромность, сказал, что все, что здесь было произнесено далеко не по заслугам, это что-то в виде аванса. Решил в войсках не показываться не меньше года, чтобы не помешать новому главкому. Но то, что обещал, выполняю, мол, за счет своего отпуска, выеду на 4-й ГЦП (государственный центральный полигон в Капустином Яре, под Волгоградом) и приму участие в утилизации ракет. В свое время В.Ф. Толубко уступил оборонной промышленности и все работы по уничтожению снимаемых по договору ракет СС-20 были возложены на войска, чем вызвал неудовольствие министра обороны С.Л. Соколова. В завершение

главком не удержался и, как будто ничего не случилось, начал ставить задачи, одной из которых было, завершение создания в Главном штабе расширенного аппарата разведки, куда должны войти структуры по борьбе с диверсионно-разведывательными группами противника. Это уже было давление в пользу своего фаворита.

Подоплеку этого вопроса знал каждый офицер Главного штаба. Бывший порученец главкома А.Ф. Моторин, назначенный начальником разведки Главного штаба, этот генерал продолжал оставаться глазом и ухом Владимира Федоровича. Не прослужив в войсках ни одного дня, хитрый и честолюбивый, наделенный качествами царедворца, он несколько недооценил факт ухода своего хозяина и прозевал опасность, которая нависла со стороны заместителей главкома. Для них настал тот долгожданный момент, когда они смогут просто вышвырнуть ненавистного холуя. В последний год до ухода В.Ф. Толубко Моторин навязал ему идею сосредоточения в одних руках разведки и охраны. Хитрый «разведчик» бился не о деле, он искал способ поднять генеральскую категорию на своей должности, повысить свой чин. Толубко же воспринял это со свойственной ему непосредственностью и горячо принялся проталкивать эту мысль в Генштабе. Но при первом же приближении сразу же бросалась ущербность этого предложения, которое вело лишь к увеличению аппарата и повышению категории должности начальника разведки. Понятно, что эта идея не нашла поддержки в Генштабе, а сам автор ее вслед за Толубко был уволен из армии.

Но речь идет не о нем, мы провожаем Владимира Федоровича. Это тот, кто в войсках с первого дня их создания, с его именем многое связано. Его хорошо знают полки, дивизии. Тринадцать последних лет он надежно держал в своих руках главный штурвал управления одним из мощных видов Вооруженных сил. По-человечески было жаль, что он уходит, это испытывал не я один. Его слабости, которые мы хорошо знали, были присущи и особенно видны у таких сильных, неординарных личностей каким был Владимир Федорович Толубко.

Через два дня состоялись окончательные проводы В.Ф. Толубко и представление нового главкома. Опять же в зале Военного совета были собраны генералы центрального аппарата. Немного возбужденная обстановка в ожидании приезда министра обороны и двух главкомов.

В зал вошли маленького роста министр С.Л. Соколов, и двое плотно сбитые, одинакового среднего роста улыбающийся В.Ф. Толубко и пока незнакомый, серьезный, несколько хмурый Ю.П. Максимов.

Первым, как и положено, заговорил С.Л. Соколов:

– Я прибыл к вам с одной задачей. Ваш главком Толубко Владимир Федорович обратился к нам, в ЦК КПСС и политбюро с запиской о том, чтобы его по состоянию здоровья освободили от обязанностей главкома. В своем рапорте он с чувством личного достоинства и долга указал, что его здоровье

не позволяет ему работать так, как он работал раньше. Я лично, как военный, понимаю какое надо иметь мужество, чтобы так поступить. Это было оценено генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Горбачевым М.С. Владимир Федорович за время своей службы внес большой вклад в развитие Вооруженных сил, ракетных войск, которые обеспечивают безопасность родины. Под его руководством было решено много сложных задач, в том числе по модернизации вооружений.

Все это было сделано в период его работы главнокомандующим.

Центральный комитет, политбюро и лично М.С. Горбачев выразили ему благодарность и высказали надежду, что он еще много сделает полезного для обороны страны. Решением политбюро ЦК КПСС вместо Владимира Федоровича назначен генерал армии Максимов Юрий Павлович. Я сразу же хочу сказать, что до меня доходили слухи о том, что мы неправильно поступаем, назначая на ракетные войска человека извне. И говорю я это для того, чтобы такие разговоры прекратились. Ракетные войска стратегического назначения – это не только ракеты, это сотни тысяч людей. Наряду со стационарными пусковыми установками у вас появились подвижные, и мы идем на увеличение их количества. Поэтому мы сочли необходимым, чтобы РВСН, как и раньше, продолжал бы возглавлять общевойсковой командир, который имеет большой опыт работы с людьми, обладает хорошими организаторскими качествами.

Достаточно хорошо зная ваш коллектив, а мне со многими приходилось встречаться, когда я был членом ВПК. Я надеюсь, что вы правильно поймете это решение. Коллектив у вас крепкий, сплоченный, вы должны помочь своему новому главнокомандующему в том, чего он не знает. Ваш вид Вооруженных сил непосредственно ответствен перед ЦК КПСС. Нам надо постоянно работать над повышением боевой готовности войск.

Это я вам хотел сказать. Считаю своим долгом сказать о Владимире Федоровиче Толубко, о ваших задачах.

Владимир Федорович, я вас не ограничиваю по времени, сделайте все, что находите нужным, помогите Ю.П. Максиму. Хочу пожелать всем вам успехов.

Наше внимание – на нового главкома. Ю.П. Максимов своим внешним видом напоминает мужичка средней полосы России. Широкое плоское лицо, русые жидкие волосы, светлые, небольшие глаза в глубоких впадинах под нависшими кустистыми бровями. Спокоен, не суетлив, может быть разумы. Говорит тихо, невыразительно, без интонации. В общем, почти прямая противоположность В.Ф. Толубко.

Слушаем первые его слова: – Я участник войны. В годы войны командовал взводом, ротой, батальоном. После войны прошел все командные и штабные должности. На штабных работах был начальником штаба полка, начальником оперативного отделения дивизии, начальником штаба дивизии, за-

местителем начальника управления Генштаба. Дважды был военным советником в Северной Корее и в Алжире, принимал участие в событиях в Венгрии, Северном Йемене и около шести лет в Афганистане. В 1950 году закончил Военную академию имени Фрунзе, в 1965 – Академию Генштаба.

Это назначение оцениваю как большое доверие и ответственность. Безусловно, свои обязанности я смогу выполнять только с помощью аппарата главнокомандующего. Мне потребуется какое-то время, чтобы изучить, разобраться с вопросами боевой готовности войск, с проблемами перспективы, познакомиться с кадрами. Естественно, что в этот период жизнь должна идти своим чередом, и я бы просил, чтобы установленный режим и распорядок не нарушался. Сразу же скажу, что никаких других изменений не предусматривается, каждый должен выполнять свои обязанности так, чтобы это не сказывалось на состоянии боевой готовности войск. Я, безусловно, буду опираться как в целом на главкомат, так и на каждого генерала, офицера в отдельности. Не будем опасаться за свой авторитет, я знаю мало и прошу докладывать мне честно, не стесняясь, все, как есть.

У любого властелина, большого или малого масштаба, всегда есть приближенные, были такие, кто находился если не в опале, то в тени. Так всегда было в центральном аппарате, как любил говорить Толубко, или главкомате, как его по общевоинскому обозвал Максимов. Высокие должностные лица, такие как В.М. Вишенков, П.А. Горчаков и другие, не были среди тех и других, они просто были не в милости старого главкома, особенно в последние годы. Поэтому они не скрывали своего торжества в связи с уходом В.Ф. Толубко. Но это длилось недолго.

Вскоре П.А. Горчакову пришла замена с тех же мест, откуда к нам свалился Максимов. В.М. Вишенкову пришлось пережить кризис до полного отторжения его от любимого дела и далеко не почетного ухода. После первых же встреч с Ю.П. Максимовым эйфория работы с новым главкомом сменилась «скисанием». Как и раньше, при докладах слабое владение вопросом сопровождалось неуверенным тоном, суетливостью, сумбурностью и, как правило, в конце его ожидал провал. Он все более убеждался, что с новым главкомом работать еще труднее. Все чаще в присутствии подчиненных от него можно было слышать: «Хватит, надо уходить, работайте сами...»

Ю.П. Максимов, как и В.Ф. Толубко все больше стал по вопросам штаба обращаться к И.Д. Сергееву. Естественно, что В.М. Вишенкова это еще больше раздражало, количество его ошибок возрастало. Так на наших глазах таял и затухал этот старый штабной волк. Уход Вишенкова был предрешен.

Но я все же продолжу разговор о той памятной для меня совместной с ним поездке в Канск, когда Владимир Михайлович с непривычной откровенностью и словоохотливостью давал характеристики близкому окружению Толубко.

Заместитель главнокомандующего Ракетными войсками стратегического назначения генерал-полковник Мелехин Алексей Дмитриевич был прост и доступен. На прием к нему легко было попасть любому офицеру центрального аппарата. Когда же приходил офицер оперативного управления, он без всякой очереди приказывал пропустить к нему. На первый взгляд казалось, что Мелехин был очень рад его приходу. Скушающий до этого, он оживленно расспрашивал о планах, идеях, рождаемых в недрах Главного штаба. Старался втянуть посетителя в полемику, каждый раз подчеркивая, что тот или иной вопрос у него прорабатывался и сейчас уже есть по нему определенное мнение и довольно интересные задумки. Редко случалось, чтобы офицер Главного штаба не получал его визы на проекте любого документа.

Однако, надо сказать, что А.Д. Мелехин обладал одним из наиболее важных для любого военачальника качеством: он умел подбирать себе в помощники талантливых, знающих военное дело людей, умелых учителей и воспитателей.

Коллектив управления боевой подготовки комплектовался, как правило, офицерами из войск, из числа наиболее опытных и грамотных командиров полков, командиров и начальников штабов ракетных дивизий. Офицеры управления наиболее плотно сотрудничали с оперативным управлением главного штаба РВСН, активно участвовали в разработке способов боевого применения войск, боевого управления, боевого дежурства, главным образом, в звене ракетный дивизион – полк. Заслугой офицеров и генералов управления был стабильно высокий уровень подготовки командного звена частей и подразделений.

На многочисленных учебных сборах, показательных занятиях, войсковых учениях при активном участии генералов Маркитана Р.В., Архипова А.А., Регентова Ю.П., полковников Чижова В.Н., Щербакова А.В., Татарина А.Н., Гусева В.З., Барышева В.И., Кривошеева Э.П. и других разрабатывались программы обучения, положения по организации боевой подготовки, нормативы и критерии оценки подготовки войск.

Войска ежегодно получали грамотно разработанные управлением боевой подготовки организационно-методические указания, которыми детально определялось количество тактико-специальных учений, комплексных занятий, учебно-боевых пусков ракет.

С принятием на вооружение ракетными войсками ракетных комплексов с самоходными пусковыми установками, способными проводить пуски ракет не только со стационарных сооружений, но и с маршрутов патрулирования и полевых боевых позиций, остро встала проблема освоения этого оружия, умения действовать в полевых условиях.

В составе управления появились офицеры, имеющие опыт командования полками, дивизионами с подвижными ракетными комплексами. Одним из них был полковник Дмитриенко В.Д., успешно командовавший до

этого ракетным полком СПУ. По его инициативе и при личном участии в управлении боевой подготовки был создан специальный отдел из опытных, хорошо подготовленных офицеров, знающих новое оружие и способы его применения. В войска стали поступать квалифицированные указания по организации боевой учебы в полках и дивизионах, вооружаемых новыми ракетными комплексами «Пионер» (СС-20), а позже «Тополь» (СС-25).

Генерал Мелехин А.Д. высоко оценивал труд и способности подчиненных офицеров и без ошибки можно сказать, что в отличие от других заместителей ГК РВ, в том числе и В.М. Вишенкова, он проявлял о них заботу, растил и способствовал продвижению по службе.

Неоднократно мне приходилось с ним работать в войсках и всегда его присутствие мало ощущалось, он, как никто другой, умел играть второстепенную роль, избегая брать на себя лишнюю ответственность. Казалось, что его удовлетворял маленький, уютный мирок управления боевой подготовки, где ему было все привычно, послушно, мирно, где не вспыхивали споры, отсутствовали противоречия, где не было места страстям. Это видел и понимал В.М. Вишенков. Но, по его словам, это только так казалось. А.Д. Мелехин был не так прост и однотонен, как это казалось. И Вишенков это тонко подмечал.

А.Д. Мелехин не был соперником Вишенкову по складу своего характера, какой-то русской сонливости, податливости, он всегда оставался за кадром, в тени. Хотя опасность для себя В.М. Вишенков со стороны А.Д. Мелехина не видел, но и своим союзником он его не представлял, ибо тот был многолик и непредсказуем.

В те годы в фаворитах могли быть не только «счастливые» личности, но и целые коллективы, а в армии это – полки, дивизии. Долгое время сладкое первенство безраздельно принадлежало западным соединениям, вооруженным первыми стратегическими ракетами Р-12. Шло время, менялись люди. Отгремела старая слава, не смену шли новые «маяки». Первой дивизии, которая начала перевооружение на подвижные пусковые установки была 33-я ракетная дивизия, размещенная в Белоруссии. Сменились командиры, вместо рассудительного, но чуть-чуть зазнавшегося Е.С. Бородунова, пришел «многообещающий» чванливый, с налетом наглости и высококого самомнения полковник И.И. Моложаев. Но ко всему этому, он еще превращается в родственника главкома, чей племянник женится на дочери молодого комдива.

Вот теперь и карты в руки, кто еще может быть более достойным «маяком». На базе этой дивизии опробываются новые идеи, проводятся показательные занятия, сборы руководящего состава войск. И слава дивизии не заставила себя ждать. Рос по службе племянник главкома, купался в славе и матерел его тесть. Подхалимы всех мастей, многочисленные блюдолизы готовы на

руках нести на пьедестал славы этих двух «достойных» людей. Немало масла подливал и сам главком. Часто, спекулируя на своей демократичности, он беззастенчиво восхвалял тех, кто сомнительными способами втирались ему в доверие. У неразборчивого, а иногда доверчивого Владимира Федоровича среди таких проскальзывали родственники и приближенные.

Как-то главком зашел в небольшой зал столовой, где обедали генералы Главного штаба и наигранно громко стал представлять незнакомого подполковника, награждая его красочными эпитетами. Это был В.Ф. Толубко, племянник главкома, зять И.И. Моложаева, будущий командир дивизии. Толубко не был исключением из того, что процветало, родня не подведет, на родню легче опереться.

Слава первой дивизии росла пропорционально росту связей и количеству протекций нового родственника.

Однажды в той же столовой, куда В.Ф. Толубко любил приходить, когда там обедало наибольшее число генералов и где в такие минуты он любил информировать о важных решениях в руководстве страны и армии, он высказывал свое искреннее возмущение. И вот по какому поводу. По итогам года ракетные войска, как и другие виды Вооруженных сил, представили кандидатов для награждения правительственными наградами. И вот документы, подписанные Толубко В.Ф. на присвоение И.И. Моложаеву звания «Героя Социалистического Труда» вернули назад. По существующим канонам такой кандидат до этого «важного» события должен быть награжден орденом «Ленина». Наш кандидат таким орденом обзавестись еще не успел. Что оставалось делать присутствующим, кроме как понутив головы выслушивать эти прозрачные претензии. Все, в том числе и В.Ф. Толубко, понимали цену и достоинства претендента на высокое звание, но Толубко хотел убедить в обратном.

Вместе с тем дела в дивизии находились не в лучшем состоянии. Росло количество происшествий, снижалась выучка боевых расчетов пуска, хуже стала маршевая подготовка. Три года дивизия, числясь в самых передовых, не проверялась комиссиями главкома и Генштаба. Ежегодно при подведении итогов главком отмечал эту дивизию как лучшую, а ее командир И.И. Моложаев награждался военным советом или правительством. В Главном штабе осознавали щепетильность такого положения, но все было подвластно главкому, никто без его решения не мог подвергнуть проверке это соединение.

Понимая, что дальше так продолжаться не может, потому что дивизия в ракетных войсках стала «притчей во языцех», В.Ф. Толубко утверждает план учения и к нему – план проверки этой дивизии. Возглавить эту проверку главком поручил мне. Дивизия проверялась в составе армии, в Виннице при командарме старшим был назначен А.Д. Мелехин.

Вот мы и вернулись к начатому разговору об этом генерале.

Учение с дивизией было начато в ходе проверки. По команде главкома с центрального командного пункта в войска были переданы сигналы «ДП-64», что означало начало учения, и вслед за этим – учебно-боевые приказы по автоматизированным средствам боевого управления. Дивизия поднята по тревоге.

Так всегда начинаются бессонные ночи и беспокойные дни учений в ракетных войсках. Рев тяжелых ракетноносцев, привычный, въевшийся запах соляра теперь будут преследовать на дорогах, в населенных пунктах, в хвойных лесах гомельщины.

Летят и летят новые приказы, гудят сирены, гудки телефонов, радиостанций. Командиры на боевых постах, как эстрадные певцы, не выпускают из рук микрофонов. Может быть, так для ракетчиков будет выглядеть страшное начало ядерной войны, для которой все это создано и поддерживается в высокой степени боевой готовности.

Дивизия по всем основным параметрам боевой готовности провалилась, большая часть нормативов не была выполнена, ракетный полк, размещающийся в Петрикове своевременно не вышел на переправу через реку Припять. Случай довольно печальный, но результаты говорят сами за себя. Проверяющие во главе с генерал-майором Казыдубом Г.И. оказались в сложном положении. Мы отдавали себе отчет в том, что нам предстоит объявить дивизию небоеготовой и, что это, в свою очередь, вело к соответствующим организационным выводам. Доклад о небоеготовой ракетной дивизии – это больше, чем чрезвычайное происшествие, должен быть направлен Министру обороны. Под угрозой оказался не только Моложаев, но военный совет ракетных войск, решением которого еще накануне эта дивизия была представлена министру как одна из лучших.

Мелехин А.Д., находящийся в это время в штабе армии, в Виннице, почувствовав для себя опасность, срочно вылетел к нам. Я ожидал тяжелого разговора, понимая, что Мелехин А.Д. будет настаивать на пересмотре результатов проверки и изменения наших выводов.

Однако то, что мне пришлось услышать, поразило: генерал-полковник Мелехин А.Д. униженно, полуплаксиво стал упрашивать меня оценить дивизию не ниже «хорошо». Мог ли я пойти на эти уговоры? Ведь оценивался большой коллектив, далеко не один И.И. Моложаев, да и оценивал не я один: вместе со мной работала многочисленная группа высококвалифицированных офицеров и генералов. Согласившись с этой просьбой, я бы поступил не только своей совестью, но сознательно пошел бы на нарушение требований инспектирования, что попахивало воинским преступлением. А.Д. Мелехин свои доводы строил на том, что нам, ракетным войскам, нечего будет докладывать министру обороны по итогам учебного года. Какую теперь дивизию можно считать передовой, если не эту, чем мы можем мо-

тивировать такой резкий спад боевой готовности дивизии, которая вооружена первоклассными ракетами последнего поколения?

Все это так. Но истина дороже, обратное – очковтирательство.

Чувствую, как трудно и как не хочется А.Д. Мелехину выходить к главкому с такими результатами. Вся боевая служба этого генерала определялась попечительством В.Ф. Толубко. В ракетные войска он был направлен тоже из группы войск, находящихся в Германии, с должности командира танковой дивизии. Все эти годы Толубко помогал ему расти в должностях и званиях и, наконец, возвел его на пост своего заместителя.

В.М. Вишенков оценивал его по-своему. Он видел за его внешней простотой и кажущейся демократичностью гиперамбициозность и самовлюбленность, свойственные честолюбивым натурам. «Если бы я не сделал той оплошности, что дал согласие перевестись в ракетные войска, то в своих сухопутных – я сегодня, как минимум, был бы главнокомандующим». Такие слова произнес этот, на первый взгляд, скромный генерал в кабинете начальника штаба ракетных войск. И в подтверждение этому один небольшой эпизод.

В начале 70-х годов А. Д. Мелехин занимал должность командующего 43-й ракетной армией в Виннице. В то время по приказу министра обороны А.А. Гречко развернулись работы по окапыванию стартовых позиций жидкостных ракет среднего радиуса действия с наземным оборудованием. Вначале такие работы были проведены в 32-й ракетной дивизии Смоленской армии, в Поставах. В.Ф. Толубко, чтобы ускорить эти работы, принял решение показать их организацию всем командирам дивизий, вооруженных такими ракетами. Прибывший в Поставы Мелехин с подчиненными командирами дивизий еще до того, как ознакомиться с существом дела, заявил, что у него в армии эти работы уже выполнены и по качеству значительно лучше того, что здесь хотят показать. Это было явной ложью, рожденной разгоряченной головой честолюбивого генерала. Видимо, А.Д. Мелехин не комфортно себя чувствовал, попав в ученики такого же командарма, более того, с которым у него были не лучшие взаимоотношения.

Также как и В.М. Вишенков, А.Д. Мелехин через некоторое время после прихода Максимова Ю.П. был уволен из армии. Не знаю его настроения и мыслей в то время, но, бесспорно, он был не удовлетворен таким быстрым исходом.

Из числа десяти заместителей Главнокомандующего РВСН два руководили подготовкой офицерских кадров и, в целом, боевой подготовкой войск. Заместитель Главнокомандующего РВСН по ВУЗам имел в подчинении две академии и шесть высших военных училищ. Он отвечал за организацию профессиональной подготовки профессорско-преподавательского состава в высших учебных заведениях, учебно-методической работы, подготовку слушателей и курсантов в них, проще говоря – ковал офицерские кадры. Долгое время на этой должности находился генерал-полковник Не-

делин Вадим Серафимович, замечательный человек и верный товарищ.

Заместитель Главного командующего РВСН по боевой подготовке имел более широкий круг обязанностей. Он, в целом, отвечал за подготовку войск, а именно – за организацию общевойсковой подготовки офицерского состава, сержантов и солдат, боевой учебы в тактическом звене и подготовку младших военных специалистов.

В Вооруженных Силах уже давно существовала система подготовки младших командиров, основу которой составляли полковые школы. Но еще до создания Ракетных войск в период формирования и становления первых ракетных бригад особого назначения резерва Верховного Главнокомандования, а это по сути весь период до 1959 года, появилась острая необходимость в более тщательной подготовке младших военных специалистов из числа военнослужащих по призыву. Это обуславливалось тем, что на вооружение формируемых бригад поступала все более совершенная ракетная техника, новые подвижные средства и различного рода вспомогательные агрегаты. И вся эта техника должна была эксплуатироваться и обслуживаться только высоко подготовленными младшими специалистами.

Для этого требовалось создание принципиально новых специальных учебных частей с хорошей учебно-материальной базой, вооружением и техникой, аналогичным тем, которые поступали в войска. Так в составе РВСН появились специализированные учебные центры и военные школы младших специалистов центрального подчинения по переподготовке офицеров, подготовке сержантов и солдат-специалистов. Такие учебные центры были созданы в 1960 году: в городе Острове Псковской области – 47 учебный центр, городе Котовске Одесской области – 80-й, ст. Борзя Читинской области – 98-й (позднее – пгт Мышанка), городе Павлограде Днепропетровской области – 82-й. Спустя год в городах Переславль-Залесский и Котовске формируются 90 учебный центр и 39-я вшмс соответственно.

Здесь в сжатые сроки готовили специалистов электротехнического, подъемно-транспортного и заправочного оборудования, связистов, водителей многоосных шасси и инженерных машин. Кроме того, для более углубленного изучения ряда специальностей осуществлялась их подготовка на предприятиях народного хозяйства. Главным образом, на предприятиях военно-промышленного комплекса.

Однако время показало, что часть учебных центров целесообразно было подчинить командующим армиями и их органам боевой подготовки. Это мера позволила организовать подготовку необходимых младших военных специалистов для нужд соединений и воинских частей, непосредственно заинтересованных в повышении качества их обучения. Так 47 и 98 учебные центры вошли в состав 50-й Ракетной армии, 80 учебный центр – в состав 43-й Ракетной армии.

Мелехин А.Д., генерал

Цыганков И.И., полковник

Себекин В.И., полковник

Аппарат командующих армиями осуществлял динамичный контроль за учебным процессом, состоянием правопорядка и воинской дисциплины. Значительно обновился командно-преподавательский состав. Из войск в учебные центры были направлены лучшие методисты и умелые воспитатели. Учебные центры по праву стали кузницей младших специалистов для соединений и воинских частей, необходимость в которых, особенно в первые годы создания РВСН, все более возрастала.

В конце 70-х годов в связи с принятием на вооружение новых серийных ракетных комплексов и резким увеличением числа ракетных соединений и воинских частей, требования к уровню обученности младших специалистов значительно возросли, соответственно и усложнились задачи по их подготовке в учебных центрах. И в аппарате Боевой подготовки РВСН был создан специальный отдел, непосредственно организующий это сложное и ответственное дело. Заместитель Главного командующего РВСН по боевой подготовке генерал-полковник Алексей Дмитриевич Мелехин, талантливый организатор боевой подготовки Ракетных войск, верный своим принципам, подбирал в отдел офицеров из войск – высоко подготовленных профессионалов. Отдел учебных центров и военных школ младших специалистов возглавил полковник Цыганков И.Н., а позже, сменивший его, полковник Себекин В.И. Оба высокие профессионалы своего дела и умелые организаторы учебно-воспитательного процесса в учебных частях, они много труда вложили в разработку новых курсов, положений и программ для подготовки младших командиров и солдат-специалистов, что незамедлительно сказалось на повышении их уровня обученности и существенно повлияло на улучшение состояния дисциплины и внутреннего порядка в учебных центрах.

Большую заботу об учебных центрах проявил заместитель Главного командующего РВСН по бое-

Муравьев В.А.,
генерал-полковник

вой подготовке генерал-полковник Владимир Александрович Муравьев. Высоко эрудированный генерал и замечательный организатор, он продолжил дело генерал-полковника Мелехина А.Д. На его плечи легла большая и сложная задача по передислокации учебных батальонов 80, 82 и 98 учебных центров, 39 вшмс с территории Украины и Белоруссии на фонды 4 Государственного центрального полигона МО РФ и 1 Государственного испытательного космодрома МО РФ. Под его руководством были положительно решены вопросы размещения личного состава, создания необходимой учебной материальной базы, разработки учебных и методических пособий.

Леонов Н.Н., полковник

Итоги подготовки младших специалистов за последние годы показали, что в учебных частях РВСН создана мощная и современная учебная материально-техническая база, которая позволяет готовить для войск высоко квалифицированных младших командиров и солдат-специалистов. Много труда в это дело вложили начальники отдела полковники Леонов Н.Н. и Бессонов С.А. Необходимо отметить организаторские способности Леонова Н.Н., внесшего большой личный вклад в решение задачи по переходу на региональную систему подготовки младших специалистов и создания первых межвидовых региональных учебных центров в РВСН.

Бессонов С.А., полковник

В декабре 1999 года Постановлением Правительства РФ № 1362 был введен в действие «Перечень профессий начального профессионального образования», в котором были жестко определены сроки обучения и квалификационные требования к специалистам этого уровня образования. Действие этого постановления распространялось и на выпускников учебных центров РВСН. Возникла острая необходимость пересмотра всей системы военного начального профессионального образования в РВСН. Здесь проявились организаторские способности и талант полковника Бессонова С.А., профессионала высокой пробы. Он был

инициатором и автором внедрения в РВСН системы лицензионного обучения младших специалистов в рамках единых требований Государственных образовательных стандартов начального профессионального образования Министерства образования РФ. Так впервые в истории Вооруженных Сил Российской Федерации всем учебным центрам РВСН был придан статус «Государственных образовательных учреждений начального профессионального образования» и выданы лицензии Министерства образования РФ на ведение подготовки специалистов, отвечающих требованиям Государственных образовательных стандартов, что дало право выдавать выпускникам учебных центров РВСН дипломы государственного образца.

Уверен, что глубоких причин для той неприязни, которую испытывали друг к другу два честных, трудолюбивых генерала – В.М. Вишенков и И.Д. Сергеев не существовало. Решающую роль в этом сыграли не особенности каждого из них, а та интрижная обстановка, которая была создана вокруг них главкомом.

В.М. Вишенков о И. Д. Сергееве был невысокого мнения и говорил об этом с явно выраженной недоброжелательностью. Нет сомнения, что начало этому было положено в те годы, когда В.Ф. Толубко всевозможными приемами хитрого управленца постоянно выставлял прямотушного, тугодумного начальника Главного штаба как человека случайного в центральном аппарате. Надо было удивляться долготерпению и стойкости этого человека, который не согнулся, но и не восстал против чинившихся козней. Всем памятна штабная тренировка под руководством Толубко, которая была превращена в открытую травлю В.М. Вишенкова. В роли «борзой охотничьей собаки» выступил только что назначенный на должность первого заместителя главкома молодой генерал Ю.А. Яшин, роль «зайца» была предназначена для В.М. Вишенкова. Толубко прекрасно знал «мертвую хватку» коварного, хитрого и жестокого своего заместителя, удачно выбрал момент, чтобы спустить его на старого, но неугодного ему начальника Главного штаба. Глубоко под землей, на центральном командном пункте, был разыгран бесчеловечный спектакль, режиссером которого был В.Ф. Толубко. В зал, где по традиции происходили заслушивания участников учений, тренировок, были приглашены генералы и офицеры, представляющие управления и службы. Первые доклады об обстановке на театрах военных действий, непосредственно в войсках были прослушаны вяло, с небольшим интересом, так как оглашались второстепенными лицами. С последним докладом вышел Вишенков. В кресле мнимого главкома – Яшин. Толубко специально затерялся в задних рядах среди генералов и офицеров. Яшин, хорошо и быстро ориентирующийся в обстановке, прекрасно знающий оружие и способы его боевого применения, понимал, что от него хотят: он коршуном вцепился в жалкого, беззащитного Вишенкова. Всем сидящим, кроме, конечно, автора такой игры, да может быть небольшой приближенной к нему кучки подхали-

мов, стыдно было быть свидетелями этой сцены. Толубко не скрывал своего удовольствия.

В.М. Вишенков оставался в одиночестве. По-моему это участь тех, кого притесняют и кто сам угнетает. В нем победила психология раба. В ту пору, когда в его заместителях находился волевой, самостоятельный В.В. Ляшик, Вишенков имел твердую опору и надежный заслон от нападков. Но тяжелая, прогрессирующая болезнь не позволила этому талантливому человеку оставаться на должности с большой нагрузкой, он вынужден был уйти.

Не знаю, из какого количества кандидатов был избран И.Д. Сергеев, но думаю, что выбор был сделан правильный. Сергеев пришел на должность начальника оперативного управления Главного штаба вместе В.В. Ляшика. В.Ф. Толубко, видимо, планировал недолго держать И.Д. Сергеева в штабе, он его готовил для войск. Однажды в моем присутствии Толубко втолковывал В.М. Вишенкову, почему кандидатура И.Д. Сергеева предпочтительнее. Тогда я понял, что В.Ф. Толубко рассчитывал Сергеева в аппарате поддерживать не более двух лет, после чего назначить командующим одной из армий. В.М. Вишенков, продолжая упорствовать по неизвестной для меня причине, возражал по-своему: «Товарищ главнокомандующий! Да он ведь только через три года поймет, в какую дверь надо стучаться». Конечно, Вишенкову временщик не нужен на такой ответственной должности. Но назначение было предreshено, и вскоре Сергеев занял стол начопера.

Впервые моя встреча, а по словам Вишенкова для него она тоже была первой, состоялась зимой 1978 года в Белокоровичах, где комиссией главного проверялась ракетная дивизия.

Чуть ниже среднего роста, с широкими плечами, сутулый, Сергеев действительно был немногословен. На обратном пути в Москву, уже в самолете, В.М. Вишенков с какой-то недоброжелательностью выразил свое удивление тем, что И.Д. Сергеев за все время проверки так ничего и не высказал в защиту дивизии, проявил полное безразличие, в то время как был привлечен к проверке, чтобы как-то помочь командованию дивизии.

Видимо, это первое впечатление Вишенкова было ошибочным. Правда в том, что И.Д. Сергеев действительно лаконичен, не любит много говорить. Но это лишь подчеркивает его деловитость и умение дорожить главным в работе – временем. Более того, несмотря на его кажущуюся замкнутость, он прекрасный рассказчик, наделен искрящимся юмором, способностью подмечать у людей находчивость, здоровую смекалку, присущую простым и непосредственным натурам.

В свое время, на заре создания войск, Сергеев М.Д., молодой морской офицер, оказался в числе первых ракетчиков. Из того романтического времени он вынес много смешных и грустных историй, которые умело мог рассказать.

Вот одна из них.

Однажды часть, в которой служил Сергеев, была подвергнута проверке комиссией из центра. Возглавлял ее генерал из управления боевой подготовки Л.С. Гарбуз. В одном из классов учебного корпуса проверялись командиры стартовых батарей, в то время это были люди, прошедшие хорошую армейскую закалку, но, по понятным причинам, недостаточно знающие новое оружие. Однако в смекалке и находчивости им не отказать. Проверяющий полковник обращается к одному из сидящих и просит рассказать о работе пневмогидравлической системы ракеты с момента срабатывания контактов подъема.

– Я начну, товарищ полковник, с самого начала. По тревоге с командного пункта я поднимаю батарею, – начал свой доклад комбат.

– Простите, товарищ майор, я прошу по существу, – прервал его проверяющий.

– Хорошо, буду по существу. Подаю команду «Тревога!»...

– Да нет, вы меня не поняли, я прошу доложить о работе системы...

В это время в класс входит генерал – председатель комиссии. Выслушав рапорт, он поинтересовался:

– Ну, как идет проверка, как подготовлены командиры?

– Хорошо, товарищ генерал, знания неплохие! – ответил полковник.

И тут экзаменуемый майор смекнул и, обращаясь непосредственно к генералу, заорал во все горло:

– Товарищ генерал, разрешите идти?

– Да, идите, – произнес, не разобравшись, генерал. Майор четко повернулся через левое плечо и был таков. Сергеев сопровождал свой рассказ мимикой всех участвующих лиц, с серьезным, как бы озабоченным лицом. Это вызывало смех.

С первых же дней взаимоотношения Вишенкова и Сергеева стали натянутыми, недоброжелательными. В.М. Вишенков грубил, сыпал оскорбления, прерывал всякие попытки возражений. И.Д. Сергеев безропотно и терпеливо выслушивал незаслуженные обвинения в свой адрес. Естественно в новой обстановке ему было нелегко, и это еще более усиливалось недоброжелательностью непосредственного начальника. Но, к своему удовлетворению, он нашел хорошую поддержку со стороны слаженного, работоспособного коллектива управления. Опытные, высококвалифицированные генералы и офицеры работали самостоятельно. Генералы А.А. Дмитриев, В.Н. Малашенков и другие высокоэрудированные штабные работники подставили плечо молодому начальнику.

Для Сергеева это было лишь начало, главные испытания оказались впереди. В.Ф. Толубко искусственно создавал разногласия в среде заместителей, между главками и службами. Он не гнушался наущничества, кто этим страдал, сами становились жертвами ловкого и коварного интригана. Не избежали хитро расставленных сетей и эти два честных, трудолюбивых ге-

нерала. Постепенно шаг за шагом В.Ф. Толубко подогревал в Вишенкове ненависть к своему заместителю и ближайшему помощнику. Мне приходилось бывать невольным свидетелем того, как В.Ф. Толубко, слушая доклад начальника Главного штаба, незаметно включал коммутиратор громкоговорящей связи с кабинетом И.Д. Сергеева и тут же склонял ничего не подозревающего В.М. Вишенкова к негативным высказываниям о Сергееве. Нет сомнения, что подобным образом он поступал и с Сергеевым. Толубко при этом испытывал своего рода наслаждение.

Не могу сказать, что и Ю.П. Максимов использовал такие же коварные методы для поддержания вражды между своими помощниками, но та глубокая пропасть, которая пролегла между Вишенковым и Сергеевым при нем не была устранена. Более того, Максимов, может быть без умысла, подогревал существующую рознь. Было очевидным, что Ю.П. Максимов с первых дней своей работы в главкомате ракетных войск, не воспринял Вишенкова В.М., терпел его как второе лицо в войсках лишь потому, что понимал – кадровые перестановки в таком масштабе ему рано производить. Однако в работе он все больше опирался на И.Д. Сергеева, практически переложив на него все обязанности начальника Главного штаба. Сергеев добросовестно и исправно нес чужую ношу, хорошо понимая свое двоякое положение. В силу своей безконфликтности, порядочности он верно служил делу, безропотно делал работу. В.М. Вишенков же постепенно угасал как начальник Главного штаба, пребывал в одиночестве, стараясь не отстать от происходящих событий.

В силу бюрократичности и рутинности кадровой политики Сергеев не был назначен начальником Главного штаба после ухода Вишенкова. Видимо, в ту пору еще не до конца выветрился дух А.А. Гречко: генерал, не прошедший армейского звена, не имеющий за плечами опыта командования ракетной армией, не мог быть назначен на такой пост. Главный штаб возглавил С.Г. Кочемасов, несколько флегматичный, инертный, но прошедший ступень командующего армией и, более того, схвативший первые бюрократические уроки в аппарате Генерального штаба.

Но к чести Ю.П. Максимова, он Сергеева не забыл и, вскоре назначил его заместителем главнокомандующего ракетными войсками по боевой подготовке вместо А.Д. Мелехина, просидевшего на этом комфортном месте более 15 лет.

Хочется еще сказать о связке двух военных трудяг – Вишенкове В.М. и Сергееве И.Д., которые, к сожалению, так и не поняли друг друга. Сергеев не мог простить бесчисленных обид со стороны Вишенкова, а Вишенков, в свою очередь, продолжал верить, что Сергеев сознательно его выживает, дискредитирует, бесчестно карабкается вверх, опираясь на его все более слабеющие плечи. Трудно было развеять длительные напластования многих недоразумений, тем более, когда за ними стояло кресло главкома. Немалую роль в этом сыграла вишенковская бескомпромиссность и мальчишеская горделивость.

Они не простили друг другу, ибо каждый считал себя правым. Обстоятельства оказались сильнее их, они же проявили слабость, не сделав решительных шагов навстречу друг другу. Это, конечно, взгляд со стороны и, боюсь, что довольно упрощенный, подход к описанной ситуации.

...Мы летим на восток. Авиалайнер Ил-18 тихоходен и бесшумен. В полете до Канска есть время и для отдыха, и для беседы. В.М. Вишенкову захотелось высказать все наболевшее. Не так уж много людей, которым, он считает, можно довериться, с которыми можно поделиться самым сокровенным мыслями, которые не дают покоя. И сейчас еще не могу понять, почему он меня отнес к тем людям, которым можно верить.

В ходе разговора мне казалось, что круг его обид, сомнений и накопившейся неудовлетворенности охватывает в основном ту сферу, в которой присутствует аура вождя, в данном случае – главкома. В этой сфере, с находящимся в ее центре ненавистным для моего собеседника главкомом, вращались его заместители, включая начальника политуправления П.А. Горчакова. Именно здесь рождались и созревали козни, направленные друг против друга, здесь не утихала скрытая от глаз грызня. Невероятно трудно ощущал себя в этой обстановке прямолинейный, со своим мужицким характером Вишенков В.М. Воспринимая многое непосредственно, с открытыми глазами, он постоянно натывался на невидимые сети, не мог понять, где их начало, в чем их смысл. Вначале он не хотел думать, что концы таких сетей держал один паук, в роли которого выступал В.Ф. Толубко, а потом перехвативший инициативу еще более коварный и хищный его заместитель Ю.А. Яшин. Всякий, кто встречался с этим человеком впервые, глубоко ошибался в нем. Неизменная, как бы приклеенная улыбка на его лице внушала не доверие, а тревогу, глаза его были колючими и цепкими. Горе тому, кто этого не смог понять, его неизменно настигал неожиданный удар сбоку и даже в спину. Таким был этот человек. В.М. Вишенков все это знал, безотчетно вступал с ним в схватку, но никогда не выходил победителем, каждый раз попадая в скрытую, заранее подготовленную ловушку.

Я думал, что довольно хорошо знаю В.М. Вишенкова. Но в этом полете он раскрылся для меня с совершенно другой стороны. Я увидел в нем тонкого психолога, знатока характеров и даже самых сокровенных сторон окружающих его людей. Кратко, но предельно точно он создавал портреты людей, представлявших для него интерес. Не преминул он несколькими жирными мазками дать характеристики своим ближайшим помощникам, уделив особое внимание начоперу.

Три начальника оперативного управления прошли под его началом. Всего же с момента создания ракетных войск до самого его ухода в отставку на этой должности пребывало четыре генерала. Самого первого, Попова А.Я., он не застал. На его смену пришел тот, которого Вишенков знал много лет по совместной работе во Владимире. В.М. Вишенков был командующим ар-

мией, а Владимир Владимирович Ляшик возглавлял штаб армии. О нем Вишенков говорил эмоционально, красиво, расхваливал, не скупясь в оценке. Я полностью разделял его точку зрения. Действительно В.В. Ляшик был незаурядным, в высшей степени эрудированным генералом, это человек с большой буквы. Говорят, что у человека талант проявляется в чем-то одном. Талант В.В. Ляшика был многогранным. Как специалист военного дела он обладал широким знанием теории оперативного искусства и способами боевого применения ракетных войск. Высоки были его организаторские способности, он был мастером преодоления бюрократических рогаток в военном ведомстве и оборонных отраслях промышленности.

С его приходом на этот важнейший пост, Главный штаб ракетных войск постепенно занял лидирующее положение как в строительстве войск, так и в руководстве их повседневной деятельностью.

Ляшик В.В. был интересен, как человек, как личность, с его слабостями и сильными чертами характера. В нем напрочь отсутствовали такие отрицательные черты, как чванство, грубость. Он легко овладевал любой аудиторией, покоря логичностью и прямоотой своих суждений, искрящимся юмором, глубоким знанием дела, постоянно ровным отношением к людям.

Период его работы в главном штабе – это непрерывный поиск простых, но необходимых истин, полное отсутствие шаблона и догматизма. С ним легко было работать тем, кто обладал разумом, аналитическим складом ума, деловитостью и высокой работоспособностью. Сам он работал упорно, много и всегда достигал успеха. В силу этого, он никогда ничего не делал впустую. Любой большой и малый вопрос основательно прорабатывался, ставилась ясная цель, после чего решалась задача. Он решительно осуществлял задуманное.

Беда в том, что такие люди быстро сгорают. Так произошло и с этим человеком. Он ушел из жизни в полном расцвете своего дарования.

В.М. Вишенков был влюблен в своего ближайшего помощника, беспрдельно верил ему. Здесь не отнять его заслугу в том, что он обладал способностью видеть качества и достоинства людей.

Думаю, что И.Д. Сергеева, до его назначения в Главный штаб он не знал. Помню, однажды мне пришлось работать вместе с В.М. Вишенковым в одной из ракетных дивизий, размещенной в Белоруссии. Из Винницы в качестве представителя ракетной армии приехал генерал-майор И.Д. Сергеев. Это и была их первая встреча. Позже В.М. Вишенков говорил об этом: «Не понимаю я этого человека, ни одного слова в защиту дивизии я от него так и не услышал, хотя ракеты Р-12 он кажется знает...»

По позиционному району дивизии мы разъезжали вместе: Вишенков, Сергеев и я. И.Д. Сергеев молча сидел рядом со мной на заднем сидении автомашины. Иногда односложно отвечал на вопросы начальника. С тех пор у меня к нему было двоякое отношение. С одной стороны, смущало то,

что он сравнительно быстро поднимался вверх по служебной лестнице, с другой – подкупала его высокая работоспособность, деловитость, в нем было что-то располагающее. В Главном штабе он появился тихо, незаметно. На первый взгляд он был прямой противоположностью В.В. Ляшика, однако он обладал такими же качествами, как напористость, интуитивное видение главного, умение сосредотачивать усилия исполнителей. Не ошибусь, если скажу, что И.Д. Сергеев заметно отличался своей скромностью, даже застенчивостью, честностью. Вместе с тем, как никто другой, он был скрытен.

Первого своего начопера Вишенков В.М. обожал, второго – ненавидел.

Появление в Главном штабе Ермака С.Н., сменившего Сергеева И.Д., можно отнести к тем явлениям, которые считают восьмым чудом.

Сам по себе он не представляет интереса. Но он является представителем того «гордого» поколения военных руководителей, рождению которых обязана эпоха министра А.А. Гречко. Пресловутые его шесть канонов подбора и расстановки кадров дали дружные всходы, когда в стране установилась тишь и благодать в годы брежневского застоя. Выросшее на умение не быть, а казаться, они ловко приспосабливались к «нуждам» верхушесидящих. И вот подошло время, когда они стали заполнять верхние эшелоны военной власти. Из этой среды выросли командиры дивизий, командующие армиями и военными округами. Последние годы до конца обнажили дилетантство многих генералов, массовую коррумпированность, продажность и алчность высших военных чиновников.

Не первой ласточкой этого нового поколения военных руководителей в центральном аппарате ракетных войск предстал генерал-майор Ермак Станислав Николаевич. Такие военные, как Ермак С.Н. – явление наше, родное, появившееся в конце 70-х и начале 80-х годов, это, если можно так сказать, были совковые баловни судьбы.

В Главном штабе ракетных войск он появился по недоразумению, в первую очередь, самого же В.М. Вишенкова. Позже он не раз пытался убедить других, да видимо и себя, что выбирать было не из кого. В этом есть доля правды. С.Н. Ермак прошел, казалось бы неплохую армейскую школу. Он успел побывать на всех командных должностях, до командира дивизии включительно, прошел через Академию Генерального штаба, а перед назначением в центр исполнял должность начальника штаба ракетной армии в Чите. Такое, на первый взгляд, прекрасное прохождение службы не могло быть у случайного человека.

В.М. Вишенков познакомился с ним на армейском учении, где С.Н. Ермак, как показалось Вишенкову В.М., выглядел вполне думающим и толковым генералом. В это верить можно, ибо Ермак С.Н. умел пустить пыль в глаза. Как бы то ни было, молодой, энергичный, полный сил генерал оказался в кресле начальника оперативного управления Главного штаба. Но со време-

нем все более становилось очевидным, что в Главный штаб залетела по меньшей мере белая ворона. Время шло, колеса и колесики тяжелой неповоротливой махины Главного штаба продолжали вертеться, каждый на своем месте делал дело. Роль начальника оперативного управления постепенно теряла свое организующее начало, ее значимость резко снизилась. Теперь Ермаку все трудней было скрыть то, чем он не был на самом деле. Все больше обнажалась его никчемность, пустота и пустозвонство.

Ему никогда не удавалось делать что-нибудь одно, тем более свое. Отвлечь его мог звонок телефона, стук в дверь, случайно брошенное кем-то слово. На него сваливались одновременно большие и малые вопросы, и естественно, ни один из них он не знал, как решать. И тогда выручала его собственная изворотливость. Он все больше стал понимать, что не так уж и важно вникать во всю глыбу навалившихся дел, достаточно быстро поймать исполнителя. Так из руководителя он превращался в диспетчера, что ему удавалось, так как управление состояло из офицеров и генералов высокой квалификации. Безусловно, С.Н. Ермак не был так уж прост. Он умел быстро приспосабливаться к новым условиям, если требовалось, он не жалел себя, тем более подчиненных. На новом месте, понимая, что ничем другим он отличиться не сможет, взял себе за правило появляться в штабе первым, покидать свое рабочее место позже всех. В любое время, будь то выходной день или праздничный, С.Н. Ермак – на своем рабочем месте, у телефонов. Это нравилось В.М. Вишенкову, ценилось в Генеральном штабе. И так изо дня в день. На большее его, увы, не хватало.

Но дело не только в этом. Таких, как С.Н. Ермак, было немало. Беда еще в том, что вся его карьера строилась на отвратительной лжи, на сплошном очковитательстве и просто на обмане. Он всецело был предан этим всемогущим, спасительным «ценностям», только это вымостило ему дорогу в номенклатурную корзину. Такие особы – явление застойного времени. Для них все, что сверху – свято, все, что ниже – подло. «Друзьями» могут быть только те, кто может помочь, кто вертится в высших кругах. Везде ложь, лесть, обман. Такие работать не могут, в любом деле они никчемны. Но они изворотливы, шустры, умеют ловить случай, умеют выгодно провести время с нужными людьми, одарить, угостить их, помыть в комфортной бане. Такие, как правило, рано захватывают роскошные кабинеты, обязательно с двойной дверью.

Двойная дверь в кабинете начальника – это величайшее «изобретение» бюрократов, в том числе и военных. Обычные люди привыкли к тому, что в комнату ведет всегда одна дверь. А тут, вдруг, две, одна за другой. Говорят, что это придумано для исключения подслушивания но для этого есть другие, более простые способы, есть защитные материалы. Нет, соль этого изобретения в другом. Когда заходишь по вызову в кабинет высокого начальника, вначале открываешь одну дверь, потом закрываешь ее, еще не открыв вто-

рой. И вот тут на какое-то мгновение попадаешь как бы в мешок или тюремную камеру без света, с недостатком воздуха. Ты чувствуешь себя каким-то ничтожеством, с дрожью, судорожно ищешь ручку второй двери и в таком смятенном, униженном состоянии предстаешь перед хозяином большого кабинета. Если ты не сломан, то хорошо обескуражен. Именно в этом суть этого устройства. Всем, наверное, приходилось видеть, что при входе более высокого начальника обе двери распахиваются настежь, мешок не для него. Такие двери появились в те же годы, как и люди, верившие в свое всеисилие.

С.Н. Ермак командовал в свое время дивизией, которая размещалась в Литве, в районе Каунаса. Длительное время она считалась передовой не только в составе своей, Смоленской армии, но и во всех ракетных войсках. Уже в те годы, когда я работал в штабе этой армии, все знали, что показатели состояния боевой готовности в этой дивизии были дутыми. Дивизия показала слабую готовность при первой же внезапной проверке, проведенной комиссией из центра. Секрет был в том, что командир дивизии С.Н. Ермак не скупился в одаривании высоких начальников и в то же время не гнушался открытого вранья и очковтирательства. Сам Ермак полностью уверился во всеисилие такого начала, всю свою последующую службу строил исходя из такого искаженного понимания морали и чести.

Помнится, при подведении итогов состояния боевой готовности войск в те годы, когда Ермак С.Н. успел побывать в роли начальника штаба армии. В.М. Вишенков возмущился, прослушав доклад о состоянии дел в Читинской армии. Он тогда выразился примерно так: «Только Чита всегда докладывала честно, но с появлением там Ермака и из этой армии стали поступать дутые доклады...»

Но тем не менее, С.Н. Ермак рос по службе и был уверен, что впереди его ждет прекрасная перспектива и он еще себя проявит. Я не раз удивлялся его открытым, наивным, как будто честным, глазам. Он умел врать, не испытывая угрызения совести. Он начисто был лишен этого чувства. В своей жизни мне приходилось иметь дело и с совестливыми, и бессовестными людьми. Обман у нас был и будет всегда. Мы привыкли ко лжи в больших, государственных масштабах. Недаром говорят: «Не согрешишь, не покаешься». Это по-нашему. А вот другое изречение: «Жить не по лжи» – это у нас не приживается. Ложь нас окутала во всем. Ею была пропитаны все средства информации, официальные доклады, повседневная жизнь, работа. Мы так привыкли к ней, что разучились различать, где правда, а где ложь. На Руси правда всегда прикидывалась ложью.

Кто у нас говорил правду?

В давние времена шуты, юродивые, блаженные. Им это прощалось, нормального человека за это убивали. Так было всегда, и при царях, и при большевиках, и сегодня. Люди хотят знать правду, ищут ее. А с ложью живут. Отсюда, наверное, наша двойственность, двуличие. С.Н. Ермака не беспокоило

истинное состояние дела. Его тревожило лишь одно: как об этом скажут его начальники. Что можно было скрыть, извратить – он на это смело шел. У него напрочь отсутствовали нравственные, этические преграды. Он был лишен обычного в таких случаях простого страха. Ему всегда все сходило с рук, а он оставался уверенным в своей непогрешимости. Я уже говорил, что у таких людей сильно развито чувство приспособленчества, у них хорошо развит нюх на хозяина, на его прихоти, его слабости. Ермак ловко этим спекулировал и достигал того, чего другие добросовестным трудом достичь не могли.

Мне неоднократно приходилось слышать отзывы об Ермаке от начальников в бытность его командиром дивизии, таких, как К.В. Герчик, С.М. Хренов, а потом И.И. Куринный. Особенно симпатичен он был И.И. Куринному, начальнику политического отдела армии. Это люди одного выводка. У них совместные «друзья», единые взгляды. Они одинаково наделены изворотливостью, умением извлекать выгоду. Они самовлюблены, им не ведомы свои недостатки им все возможно. Они постоянно неудовлетворены: им всегда мало, хочется большего не зависимо от их возможностей, тем более, от способности, они руководствуются только личной выгодой.

Большинство нормальных людей знают и видят меру своего ума, границы своих возможностей. По сути, чем Бог наделил нас, тем мы можем распоряжаться. При этом плохо себя и недооценивать.

Этих качеств наш герой не имел.

Пишу это не для того, чтобы помочь тем, кто считает, что среди военных большинство дилетантов и даже тупиц. Истина, видимо в том, что армия, несмотря на свою закрытость, все же больше на виду. Думаю, что не только в армии, но и в науке, искусстве, среди чиновного люда непрофессионализма всегда было предостаточно. Более того, таких немало, казалось в невозможной для этого среде писателей, художников, музыкантов. Но в армейский огород легче камни бросать, это стало модным, да и безнаказанным. Не все те, кто критикует военных, желает лучшего. Армия такова, какая есть, не лучше и не хуже самого общества. Вместе с тем, армия это особый инструмент государства. Чтобы ее хорошо знать, надо побывать в шкуре военного. А шкура эта не из легких. Думать, а тем более говорить по другому – это уже дилетантство пишущих и говорящих, но не армейцев. Как говорят, в футбол лучше играет тот, кто сидит на заборе.

С.Н. Ермак, как и все пораженные бюрократической бациллой, страстно обожал всякого рода тайны: служебные, личные и особенно кадровые. Признано, что основным условием существования бюрократа является тайна. Бюрократ силен тем, что он якобы что-то знает, чего, допустим, не знает человек, который ниже чином. Он всегда думает о себе как об исключении, что он чем-то поднят, отличен, вхож туда, куда не допущены остальные, он отделен ото всех, кто ниже его.

После показательных учений. Командование РВСН,
командующие армиями, начальники ВУЗов

Юбилей 43-й дивизии

Напускная таинственность положения бюрократа создает видимость его значимости. В такой среде бюрократ процветает, размножается. И Ермак постоянно стремился поддерживать такую таинственность.

Это, в первую очередь, стало проявляться в том, что он становился недоступным для рядовых офицеров, все больше допускал грубости, постоянно подчеркивал, что занят какими-то важными делами, что у него нет времени на какие-то пустяки.

Грубить С.Н. Ермак начал, не пробыв в должности и года. Необузданность, самодурство его не имели границ. Все это лихорадило людей, накалялась обстановка, тревожные сигналы выходили за пределы, но Ермак не всегда пытался это погасить, играя роль эдакого решительного, удалого малого, хотя по своей натуре был трусоват и осторожен.

Такие люди, как Ермак, не становятся, ими рождаются. Они неисправимы, конечно, в его положении был где-то выход, и он мог бы рассчитывать на какое-то снисхождение. Нельзя исключить того, что его грубость, некоторое самодурство являлись защитной реакцией. Нам было известно, что С.Н. Ермак, как никто другой, ежедневно проглатывал не только разного рода колкости, но и грубые оскорбления от своих начальников. Принимал он это со своей неизменной улыбкой на лице, хотя знаю, оставаясь наедине с собою, он тяжело переживал, мучился из-за своего бессилия. Сам по себе С.Н. Ермак был мягок и, как я сказал раньше, не без трусости. Защитить себя он не мог, пойти же на прямой конфликт с тем же В.М. Вишенковым ему не позволяла его рабская натура.

Таких, как Ермак, было немало. Быстро по служебной лестнице прыгали подобные ему, не имея для этого личных качеств и заслуг. В одно время, когда он еще командовал дивизией, начальник политуправления П.А. Горчаков, в глаза ему бросил: «На Руси просто так фамилии не появлялись...» Но это ему не помешало стать военачальником. Другим, не менее ярким типом таких военных был И.М. Чичеватов. О нем я уже упоминал в своем рассказе о В.Ф. Толубко, Неимоверно чванливый и высокомерный генерал с довольно посредственными способностями, прокомандовав армией, ушел начальником военного института имени Можайского, считал, что его звезда засветится в Москве. В то время он открыто высказывался в адрес таких, как Вишенков: «Досидятся они там в центре, что потом и выносить нечего будет». Он сам претендовал на должность заместителя главкома.

Беда армии и в целом общества в том, что подобные люди настырно влезают во все властные структуры. Мне кажется, что наше общество еще долго будет под влиянием того времени, которое обозвали застойным. Оно негативно сказывается теперь через людей, прошедших его школу, пораженных нахальством, нечестностью, нечистоплотностью в делах и мыслях. Это они сегодня позабывали коридоры, кабинеты в высших органах власти и

продолжают эксперименты по выводу страны в никуда. Видно, долго еще будут слышны ностальгические вздохи по тому времени, живет мнение, что никакого застоя не было, что люди трудились, жили, рожали. Всем было спокойно, сытно и даже радостно. Что получили взамен? Нищету, криминал, развал всего, вплоть до государства. Правда в этом есть, но не вся. Бурный переход к новому, непривычному, при традиционной нашей лени, при постоянных надеждах на посулы властей, а то и просто на «авось» – все это вызвало у людей обратное действие, неприятие, отторжение всего пришедшего, как организм отторгает чужую ткань. Жить своим умом, плодами своего труда надеяться только на самого себя мы не умеем, мы будем долго и мучительно всему этому учиться.

Был еще один человек, к которому В.М. Вишенков испытывал в высшей степени неприятные чувства. Это был Юрий Алексеевич Яшин, заместитель главнокомандующего ракетными войсками.

В.М. Вишенков пришел в центральный аппарат в 1975 году. К этому времени В.Ф. Толубко ракетными войсками командовал уже более трех лет. Кроме самого В.Ф. Толубко, Вишенкову пришлось иметь дело с первым заместителем главкома генерал-полковником М.Г. Григорьевым. Оба, эти генералы до перевода в центр командовали ракетными армиями. Но если для В.М. Вишенкова ракетные войска были новым видом (до этого он служил в авиации), то Григорьев был коренным ракетчиком. Он из тех, кто начал свой ракетный путь с гордых «катюш». Для М.Г. Григорьева ракетные войска были родной стихией. Да и в центральном аппарате он успел прослужить к этому времени более десяти лет. К тому же Григорьев был незаурядной личностью. Безусловно, что после смерти бывшего главкома Н.И. Крылова, он был одним из первых претендентов на этот пост. Он располагал целым рядом преимуществ по сравнению с другими кандидатами, в том числе и с В.Ф. Толубко. Он имел за плечами богатую школу командования ракетными соединениями и объединениями. Везде его отличали высокий профессионализм, блестящие организаторские способности.

Однако в высших государственных сферах думали по-другому. Оказывается, Григорьев не прошел такой общевойсковой ступени, как военный округ и не укладывался в шаблонную схему подбора кадров. В связи с этим В.Ф. Толубко оказался более предпочтительной кандидатурой. Как и следовало ожидать, между этими двумя военачальниками сложились, по меньшей мере, прохладные взаимоотношения. В последние годы совместной работы они с трудом терпели друг друга. Лишь по этой причине М.Г. Григорьев был удален из ракетных войск. Однако между Вишенковым и Григорьевым сложились доверительные, даже близкие отношения. В.М. Вишенков как молодой начальник главного штаба с первых дней получил у М.Г. Григорьева профессиональную и моральную поддержку. Сыграло, видимо, и то, что Григорьев к этому времени находился как бы в изоляции и

с охотой вступил в контакт с новым человеком, а Вишенков, в свою очередь, всегда был далек от всякого рода интриг.

Уход М.Г. Григорьева для В.М. Вишенкова был если не ударом, то значительной неприятностью. Дело в том, что вместо М.Г. Григорьева был назначен Ю.А. Яшин. Для всех, в том числе и в войсках, это было полной неожиданностью. Хотя факт трений между главкомом и его заместителем вышел далеко за рамки центра, и это долго продолжаться не могло: кто-то должен был уйти, а свято место не бывает пусто. Но это не значит, что его должен занять именно Ю.А. Яшин. Надо сказать, что Ю.А. Яшин из тех молодцов, которые по службе продвигаются легко и быстро, но в данном случае его назначение было далеко за рамками возможного. Он, сдав командование Плесецким полигоном, только что принял Смоленскую армию, явно не мог быть в числе первых кандидатов.

Помню, в эти дни, а это была осень 1981 года, я с группой офицеров работал в Красноярске, в 10-й ракетной дивизии, где изучалась возможность перевооружения этой дивизии на подвижный ракетный комплекс. В это же время там находился командующий Читинской (33-й) армией генерал Котловцев Н.Н. Весть о назначении Ю.А. Яшина была для него так же неожиданна, как и неприятна. В тот день он просидел в своем гостиничном домике. Позже мне стало известно, что Николай Никифорович в числе всех возможных кандидатов считал себя наиболее вероятным. Несомненно, что через такие же переживания прошли и другие кандидаты, уж очень «теплым» было это место.

О Яшине Вишенков отзывался противоречиво. Вначале его слова звучат отрывисто и негативно, вслед за этим он восхищается его умением попасть в нужную струю, его энергией и напористостью, а потом вновь и вновь возмущения его изворотливостью, непостоянством, вплоть до открытого предательства людей, его поддерживающий. Там, где была личная выгода, он ни перед чем уже не останавливался, действовал в зависимости от сложившейся в данный момент конъюнктуры.

В.М. Вишенкова не покидала мысль, что Ю.А. Яшин может вернуться, к этому времени он работал в Министерстве обороны, в ракетные войсках — после ухода Ю.П. Максимова и поэтому до последних дней он осторожничал в оценке этого человека, он явно его боялся.

И тем не менее в нашей длинной беседе он коснулся Ю.А. Яшина.

Впервые Яшина я увидел где-то в конце лета 1978 года, когда был направлен на 51-й НИИП (ракетный полигон в районе Плесеца) во главе комиссии главкома для проверки одного из управлений полигона. В то время наша сторона усиленно прятала 36 подвижных пусковых установок с межконтинентальной ракетой на твердом топливе 8К642. Это были первые такие пусковые установки научно-производственного объединения, которое возглавлял академик Надирадзе А.Д., будущий прообраз знаменитых

СС-20 («Пионер»), СС-25 («Тополь»). На полигоне была скрытно сформирована ракетная дивизия, которой в то время командовал генерал-майор Базылюк Ж.И., которая легендировалась под управление полигона. Вот такую необычную дивизию предстояло нам проверять.

Ю.А. Яшин, как непосредственный начальник и лицо, ответственное за состояние боевой готовности этого необычного соединения, приложил все мыслимые и немыслимые усилия для того, чтобы оценка дивизии была только положительной. Опыт в таком деле он, видимо, имел немалый. На полигон он был назначен с должности командира дивизии, из Йошкар-Олы. У трапа самолета, как только мы прилетели, он сразу же предложил свой план работы комиссии, который сводился к знакомству с городом Мирным (жилой городок ракетчиков), объезду стартовых позиций опытных ракет, присутствию на пуске твердотопливной ракеты из шахтной пусковой установки (8К97) и как главный компонент – массу развлекательных мероприятий – бани, пикники, пирушки и даже посещение на самолете полуострова Канин с целью охоты на диких гусей. Все это было предложено с серьезным, деловым видом в довольно навязчивой форме. В общем, его план оставлял на нашу основную работу несколько часов. Мог ли я согласиться с явно провокационными предложениями этого генерала. Совесть не позволяла идти на явную сделку.

Работу мы провели по плану, утвержденному главкомом. Хотя, не кривя душой, Ю.А. Яшину все же удавалось кое-где повлиять на работу проверяющих офицеров и генералов. Кое-кто из них под хорошо организованным прессингом начальника полигона пассивал и шел на уступки. Все более мне становились невыносимы встречи с этим генералом, полным идей и различного рода задумок, главным образом по украшательству и «марафету» военного городка, по организации различных игр и конференций, той же нашумевшей в свое время «Зарницы». Мы поражались хитрости и ловкости этого человека, его неумной энергии и жгучему желанию выглядеть как можно лучше.

Были у меня с ним встречи и позже, когда он непродолжительное время командовал Смоленской армией. Он тогда уже не скрывал, что для него Смоленск – промежуточная станция. Уже тогда многие знали, что у него была основательная поддержка, сам же он для достижения поставленной цели никакими способами не брезговал.

Бесспорно, писать о людях всегда нелегко. А тот, о ком мне приходится говорить сам по себе был не прост. Если бы можно было сказать о нем одним словом, то наиболее подходящим было бы «человек-маска». Он всегда скрыт, по его лицу, глазам и вечно приклеенной улыбке невозможно предугадать его настроение, а тем более мысли. Слащавая его улыбка скрывала агрессивный оскал человека жестокого, безжалостного, бескомпромиссного, готового на все ради личного успеха престижа. Он всегда оставался

ровен и безлик. На его лицо смотреть было неприятно. Мне никогда не приходилось видеть его раздраженным, слышать от него в чей-нибудь адрес грубость. Предельно вежлив, тактичен.

Но вместе с тем могу с уверенностью сказать, что мало знаю таких людей, которые бы после общения с ним были удовлетворены. Его вежливость, подкупающая улыбка были обманчивы. Если следить за его лицом, то бросалась в глаза быстрая метаморфоза, когда после первых же произнесенных им слов, улыбка повисала, лицо, и особенно глаза, приобретало хищное выражение.

В войсках офицеры всегда избегали встреч с ним. Особенно неприятны были его заслушивания, которые стали модной принадлежностью любых учений, военных игр и обычных посещений войск. Свои вопросы он задавал не с целью уяснить суть дела, вникнуть в существо доклада заслушиваемого офицера или генерала. Наоборот, он все сводил к тому, чтобы сбить, запутать того, кому адресовался вопрос, тут же показать его слабость и даже ничтожество. Это унижало людей, оскорбляло их, хотя внешне все выглядело корректно и порядочно. Обычно после такого заслушивания у присутствующих возникал вопрос один и тот же: что же в конце концов хотел выяснить этот высокопоставленный генерал?

Кто с ним общался чаще, работал ближе, тот всегда познавал хитрость и коварство его натуры. В аппарате главкома иногда возникали разногласия по различным вопросам жизни и боевой деятельности войск, особенно при В.Ф. Толубко, который не только допускал те или иные дискуссии, а постоянно их сам навязывал. Особенно горячо разгорались споры о перспективах развития оружия, о способах его боевого применения. Как правило в таких спорах Ю.А. Яшин пока еще было не ясно, на чьей стороне окажется перевес, умело уклонялся от прямых высказываний, старался быть в стороне. И только, когда обозначалось окончательное решение, он активно включался в дискуссию, твердо уже зная, где перевес, где обозначится главком.

В одно время, еще в годы командования В.Ф. Толубко, возникла идея создания единой системы боевого дежурства в ракетных войсках в целом. К этому времени боевой устав ракетных войск имел две независимые части: первая – для дивизий и полков ОС (с отдельными стартами), вторая – для дивизий и полков РСД (с ракетами средней дальности). Естественно, подход к организации боевого дежурства был разный. Это было оправданно значительными различиями и в организационной структуре, и в способах боевого применения этих двух родов войск. Особенно разгорелись споры по продолжительности несения боевого дежурства дежурными боевыми расчетами. Они вылились в принципиальную, непримиримую форму дискуссии. Сторонниками семисуточного боевого дежурства между сменами выступали, в основном, выходцы из ракетных соединений ОС. Их

доводы были довольно квалифицированными и всесторонне обоснованными. Противной стороной, приверженцами войск РСД, выдвигалась идея трех- и четырехсуточного боевого дежурства. Казалось бы, на первый взгляд, большой разницы в этом не было. В действительности же разный подход диктовался целым рядом различий, в том числе и в порядке размещения воинских частей, традициями и, наконец, самим укладом жизни и быта войск.

В дивизиях ОС на организацию смены уходило не менее суток, что было связано с удаленностью боевых стартов от жилого городка (в некоторых дивизиях – более 100 километров). Люди перевозились автотранспортом или вертолетами, в обоих случаях это очень осложнялось в зимних условиях, когда возникали сильные снежные заносы, ухудшалась погода. В войсках РСД проблем с организацией самой смены дежурства было меньше. Но уже испытанное семисуточное несение боевого дежурства тянуло за собою длительный отрыв офицеров и прапорщиков от жен и детей, негативно сказывалось на прочности семей, усиливало напряженность в гарнизонах и т.п. В общем и та и другая сторона опиралась на весомые доказательства в пользу своих предложений.

В Главном штабе и других главках пролегла четкая разграничительная линия между сторонниками каждого способа организации боевого дежурства.

Ю.А. Яшин в этой ситуации сумел занять выжидательную позицию, хотя главнокомандующий требовал от всех управлений и каждого заместителя определенного мнения. Только на этапе принятия окончательного решения о переходе на трех-, четырехсуточное боевое дежурство Ю.А. Яшин стал его ярким сторонником.

Особенно он был осторожным и держался до поры до времени в стороне, когда возникали спорные вопросы по принципиальным позициям между ракетными войсками, генштабом и оборонной промышленностью. Главные конструкторы, представители промышленности всеми силами стремились привлечь его на свою сторону, и, как правило, он выражал их интересы. В личном плане это всегда было беспринципно. Многие оказывались в дурацком положении, добиваясь от него согласия, как правило устного, так как от визирования любых документов он уклонялся.

Интересно, что всегда всем своим видом, поведением он умел создать образ чрезвычайно занятого человека. Его невозможно было увидеть среди участников какого-либо неслужебного разговора, а тем более слушающим или рассказывающим анекдоты. Более того, очень редко он обедал в столовой вместе с генералами Главного штаба, поэтому старался посещать столовую, как правило, после общепринятого времени. Этим он лишний раз показывал свою занятость и уходил от праздных разговоров в непринужденной обстановке. Таким он старался быть, однако бывая в войсках, он не

уклонялся и от выпивки, и мог позволить это в изрядной дозе. Мне самому приходилось много раз бывать в такой обстановке. Яшин пил не меньше других, но никогда не был пьяным. Лицо его наливалось, оставаясь с приклеенной улыбкой, сидел он прямо и только кивком головы давал согласие на новый тост.

Однажды в составе комиссии мы ехали с ним по Волге на теплоходе начальника Волжского пароходства. Нас обильно угощали стерляжьей ухой и другими речными деликатесами. К столу, естественно, была подана водка и другие напитки. Выпито и съедено было немало, но в рюмки не уставали подливать. И каждый раз Ю.А. Яшин не отказывался и не пытался прекращать эту затянувшуюся попойку. К ее концу он был одним из немногих, кто самостоятельно поднялся из-за стола.

Как-то вместе с ним я был на проверке Читинской ракетной армии. Я был старшим по проверке штаба армии. Не помню, чтобы хоть один прием пищи не сопровождался выпивкой, а вечерами за столом засиживались допоздна. Но кроме этого были запои, связанные с посещением бани, охоты или просто по настроению. После одной такой попойки командующий армией В.Ф. Егоров зашел ко мне в кабинет с красными глазами от бессонной ночи: «Григорий Иосифович, спасай, я уже больше не могу. Сколько же можно? Вдвоем выпили огромную бутылку водки «Золотое кольцо». А он пьет и пьет и, гад, не пьянеет. Но я не железный. Как хочешь, но спасай». Я, конечно, ничего в этом помочь бедному командарму не мог. «Дорогой Вячеслав Федорович, – ответил я, – неси эту тяжелую ношу теперь уж до конца, если хочешь своей армии достойную оценку».

Однако надо отдать должное Ю.А. Яшину: в каком бы он ни был состоянии, контроля над собою не терял. Он всегда прекрасно знал обстановку во всех ее деталях. При этом не ограничивался знанием обстановки в ракетных войсках, он всегда был осведомлен о всех изменениях в Генштабе, в высших военных сферах и особенно в научных кругах. Поскольку у него был большой круг знакомств, он хорошо разбирался во всех хитросплетениях военной бюрократии, ловил каждый слух об интригах в высоких государственных и партийных кругах.

Выросший в семье высокопоставленного советского чиновника, он с детских лет знал и хорошо ориентировался кто есть кто в высшем свете. Плюс к тому незаурядные личные способности, цепкий ум и неумное стремление к власти.

Знакомства у него были действительно в самых высших эшелонах. Я был однажды свидетелем шумного недовольства В.Ф. Толубко, когда ему стало известно, что Ю.А. Яшин, будучи командующим Смоленской армией и не имея прав по своему положению, пригласил президента академик наук СССР Александрова Н.Н. в войска, возил его по дивизиям, показывал стартовые площадки, места дежурства боевых расчетов пуска. Вполне вероятно

но, что как и многие другие, эта поездка сопровождалась торжественными встречами, приемами и попойками.

В.Ф. Толубко возмущался, но, думаю, что это было наигранным и ограничивалось нашим кругом. В действительности, его недовольство было вызвано не причиной нарушения командармом режима секретности, а тем, что ловкий подчиненный перехватил у него инициативу. В то время Толубко, мечтая о звезде маршала, сам нуждался в союзниках, такого масштаба. Ведь от Александрова многое зависело, он был близок и вхож к генеральному секретарю ЦК КПСС и статус имел выше главкома.

Ю.А. Яшин все это прекрасно понимал, без страха наблюдал за бессилием главкома, чувствовал еще большую свою независимость. Уже тогда можно было видеть, что В.Ф. Толубко опасался этого человека, он ничем ему не мог противостоять. За плечами Ю.А. Яшина были силы, которые и вынесли его в заместители главкома, не по воле Толубко.

В.М. Вишенков в той нашей памятной беседе неоднократно возвращался к мысли о том, что Толубко не просто пассивал перед Яшиным, он его боялся. Уже в первые дни, сказал Вишенков, после назначения Яшина в центр В.Ф. Толубко пригласил его к себе на дачу, которая была в Николиной Горе, вблизи главного штаба. Дача к этому времени у В.Ф. Толубко уже была не правительственная, он ее успел «выкупить». Сам Толубко любил повторять, что преднамеренно ушел с госдачи, надоели разные упреки. Купил себе домик, сразу стало спокойно. Ни для кого не было секрета, что на месте бывшего домика вырос загородный дворец со всеми удобствами. Слух о его злоупотреблениях в ходе строительства этого дома гулял не только в его аппарате. Чтобы еще несколько себя обезопасить, Толубко повез Яшина к себе в гости. Вполне понятно, что он при этом старался убедить Яшина в том, что все это сделано за счет личных средств. Вишенков не знал, как на это среагировал Яшин, но в последствии он ему говорил, что тогда же, при посещении дачи, Толубко, видимо, по своей же наивности доверительно предупредил Ю.А. Яшина, чтобы он остерегался А.Ф. Моторина, ибо тот связан с КГБ.

В.Ф. Толубко ушел в так называемую «райскую группу», но, увы, вопреки всем прогнозам Яшин не был назначен главкомом. На его место пришел абсолютно не компетентный в этом виде вооруженных сил представитель Сухопутных войск Ю.П. Максимов. Приход этого генерала уже через непродолжительное время стал обростать слухами: то о возможном его уходе на должность начальника Генерального штаба вместо С.Ф. Ахромеева, то вдруг стали муссироваться слухи о назначении Ю.П. Максимова министром обороны в связи с уходом С.Л. Соколова. Такие разговоры не прекращались и после назначения министром обороны Е.И. Шапошникова. Кстати, это назначение долго не могли взять в толк в войсках, в советские годы никогда летчик не попадал в министры, в России на этот пост не назначались и моряки, держава все же была сухопутной.

Велись разговоры и о возвращении в ракетные войска Ю.А. Яшина. Такой слух подогревался возросшей активностью самого Яшина. Но и на этот раз слухи оказались пустыми.

Но Яшин не был бы самим собою, если бы в этой обстановке не сумел найти себя. Как по мановению волшебной палочки, в Министерстве обороны открывается новая должность заместителя министра по безопасности. И Яшин назначается на эту должность. Невероятные «блага» буквально сыпятся на его голову. Без традиционной научной защиты он вдруг становится доктором технических наук и усиленно зондирует возможность заполучить звание члена-корреспондента Академии наук. Старые связи в научных кругах, широкие знакомства среди руководства оборонки продолжают оставаться надежными и делают свое дело. В короткие сроки он создает аппарат заместителя министра по безопасности, завязывает его на все отрасли оборонной промышленности и приспособливает новый орган под эгидой Совета министров.

Раскрученная его кипучая деятельность внезапно была прервана событиями августа 1991 года. Несмотря на всю свою осторожность, умение ориентироваться, приспособливаться, он где-то оступился и оставил след. Об этом трудно судить, но Ю.А. Яшин, корнями сидевший в той системе, вскормленный ею, познавший сладость той власти, сын советского времени, бесспорно оставался на стороне старого режима. Но и другое, с его беспринципностью, в некоторой степени аморальностью, вряд ли могут быть сомнения в том, что, зная наперед, где успех, он бы, не задумываясь, поступил всеми бы своими «святыми» идеями и догмами. Но в той обстановке даже такой изощренный и всегда информированный человек, как Юрий Алексеевич, встал не той ногой и провалился. Ю.А. Яшин ушел из армии, но не потонул и не растворился. Через некоторое время он находит новую нишу, друзья помогают. Кто не видел по телевидению, как тот же Ю.А. Яшин во главе международной комиссии руководит пуском ракеты «Тополь» со спутников. Я помню, каким ярким противником этой ракеты он был, поддерживая В.Ф. Толубко. Мы все тогда были «заражены» малогабаритной ракетой и высокоманевренным ракетным комплексом «Курьер». Сейчас он пел дифирамбы в честь старого «Тополя», ибо лучшей у ракетчиков просто нет.

Как будто вчера было то время, когда меня окружали все эти люди. Но все, что произошло за эти годы, словно воздвигло стену, и все мы оказались в другом мире. Как-то в один из тех редких дней, когда на старую Власиху съезжаются ветераны, бывшие начальники и подчиненные, съезжаются, чтобы излить раздражение по поводу нового режима, поплакаться ухудшающимся здоровьем, встретился В.М. Вишенков. И вид, и его бурчание, его тяжелая, усталая походка - все говорило, что это уже далеко не тот Владимир Михайлович, с которым пришлось съесть не один котелок каши. «Раз-

валили, убили, слов нет...что произошло...» Вот все его слова, этого и в молодости немногословного человека.

Не знаю, может быть, сейчас стало просто модным всем плакаться, но думаю, что у таких, как В.М. Вишенков причин для этого нет.

Развалился Советский Союз. Видимо, из этого трагедию строить просто бессмысленно. Этот развал закономерен, он был инициирован в самые первые годы своего зарождения. А сегодня то, что плохо, далеко не по этой причине. Пройдет время, все устроятся поудобней. Глядишь, начнут сблизяться, кто потеснее, кто останется в сторонке. Распад произошел тихо, безболезненно. В те дни, когда это происходило не все понимали, что происходит, чью сторону держать. Выжил и больше ухватил тот, кто проявил осторожность и терпение. Таким оказался Ю.П. Максимов.

О Максимове Вишенков долго оставался высокого мнения. С первых дней он не мог им нахвалиться. Чего стоили, по его мнению, регулярные ежемесячные совещания по объявлению планов работы главкома. Он оставался в восторге от того, что главком с точностью до дня объявлял порядок своей работы. Это напрочь, как говорил В.М. Вишенков, устраняло тот хаос и бестолковщину, которые процветали последние годы. Имелось, конечно, в виду время командования В.Ф. Толубко. Но время шло. То, что так методично делал Ю.П. Максимов становилось нудным, безжизненным. Планы срывались, многое из того, что планировалось, переносилось из месяца в месяц. Кроме того, у Вишенкова остались личные проблемы. Как и при старом главкоме, Сергеев по-прежнему был номинальным начальником главного штаба. Ю.П. Максимов все больше показывал свою неприязнь к В.М. Вишенкову.

Вообще-то появление Максимова в главкомате не стало заметным событием, хотя, казалось бы, смена двух совершенно противоположных по характеру людей на самом высоком кресле в ракетных войсках должна была бы дать толчок каким-нибудь новшествам.

Видимо, для этого было несколько причин, но думается, две из них были более реальными. Первая, если можно так сказать, имела объективный характер. Ю.П. Максимов всю армейскую жизнь был общевойсковиком. Показать талант крупного военачальника, если он был, в условиях незнакомого вида вооруженных сил было проблематично. Для него все было ново, ибо уже давно каждый вид вооруженных сил жил своей самостоятельной жизнью. А ракетные войска вообще были загадкой, куда никто из других видов не проникал, где были ограничены права даже Генштаба. Ракетные войска по своей сути были инженерным видом вооруженных сил, насыщенные сложнейшей ракетной техникой, электроникой. Для работы на оружии надо было пройти капитальную подготовку, а чтобы всем этим руководить – иметь хороший опыт. Офицерский состав сплошь имел инженерное образование, чего в других видах, особенно в Сухопутных войсках никогда не было. Чтобы работать с такими людьми, нужна была высокая квалификация и

компетентность. Всего этого у Максимова не было. Уже при его представлении министр обороны С.Л. Соколов прямо сказал, что назначение чело- века как бы со стороны диктовалось одним, а именно тем, у Ю.П. Максимо- ва есть большой опыт работы с людьми. Вот и вся соль. Надо было пони- мать, что ракетные войска получили «дядьку», который будет присматри- вать за дисциплиной и порядком. Основой боевой готовности войск всегда была подготовка людей и состояние вооружения. В этих двух главных ком- понентах Ю.П. Максимов за все время пребывания в ракетных войсках так и не смог ничего внести существенного. Боюсь, что именно в силу своего лич- ного пробела в этом, а отсюда недопонимания чрезвычайной важности тех- нической подготовки, в первую очередь офицерского состава, он, если не пренебрегая ею, то ошибочно ставил в подчиненное положение от обще- войсковой подготовки войск, непомерно раздувая первостепенную важ- ность некоторых видов боевого обеспечения. Может быть, в этом и не было бы беды, если бы главное оставалось на своем месте.

Вторая причина, субъективного характера, коренилась в личных качест- вах самого Ю.П. Максимова. По своему характеру, взглядам, привычкам он отличался завидным постоянством, он был не склонен к быстрым перемена- м, поискам нового, что далеко от импульсивного, взрывного Толубко. В нем всегда таилась сверх-осторожность, боязнь неизвестности. Вначале это, может быть, было оправдано. Ему надо было, изучить, освоиться с но- вой обстановкой и только потом думать о каких-то нововведениях. Но вре- мени ему не хватило, хотя у руля ракетных войск он пробыл больше, чем каждый из предшествующих главкомов, кроме, может быть, В.Ф. Толубко.

Уже в первом своем слове при представлении по случаю назначения он недвусмысленно выразил эту мысль так:

– Видите я генерал армии. Участник Великой Отечественной войны, в хо- де которой командовал взводом, ротой, батальоном. После войны прошел все командные и штабные должности...

Перечислив все периоды своей службы, он в конце прямо сказал, что «...никаких изменений не предусматривается, будем жить, как жили...»

Эти слова отражают всю его сущность, полную противоположность пред- ставленнику. В.Ф. Толубко любил и жил новым, охотно выслушивал любые предложения, жил мечтой. Ю.П. Максимов же был другим и это естественно. Но за свою службу мне мало приходилось встречаться с подобной су- хостью и закрытостью, которые постоянно демонстрировал Максимов. Прожженный аппаратчик, он всецело полагался и верил в силу директивы, резолюции отданного приказа. Иезуитский его характер исключал любые эмоции и, казалось, даже обычные человеческие радости. Ему был чужд смех, юмор, он не терпел это в своем присутствии. С его приходом стиль нашей работы, традиции, порядок повседневного общения с начальника- ми – все это резко изменилось. Максимов не обещал перемен, но складом

своего характера, поведением все изменил с первых же дней. В его кабинет теперь были вхожи только непосредственные подчиненные, заместители, начальники главков и некоторых служб. Принимал он в строго определенное время. Теперь в приемной главкома никто не толпился, вокруг была тишина.

В обращении с людьми – предельная вежливость, чиновничья чопорность, тихий, ровный голос подчеркивали постоянную озабоченность, в общем с годами он выработал портрет высокопоставленного военного бюрократа. Первые его начинания в аппарате свелись к учреждению специального поста на втором этаже первого здания штаба, где размещался его кабинет. Тем самым был перекрыт свободный до этого проход к нему генералов и офицеров центрального аппарата. Я уже писал о том, как В.Ф. Толубко всегда старался обедать в столовой вместе со всеми. По распоряжению Ю.П. Максимова была оборудована специальная столовая под охраной, там же на втором этаже штаба.

Все это на первый взгляд мелочи, не относящиеся к делу, но именно они характеризуют те новшества, которые ввел вновь назначенный главком. Нельзя забыть и второго нововведения, настойчиво внедряемого Максимовым. Он был фанатиком планов, пленником своих же наметок. По сути он был догматиком. К разработке планов питал особое пристрастие, процесс планирования он превращал в какое-то священнодействие. В конце каждого месяца этому он отводил несколько дней. Стало незыблемым и святым ежемесячное заслушивание начальников управлений и служб об итогах прошедшего месяца и объявление мероприятий на следующий. Внешне как-будто в планировании участвовали все заинтересованные подразделения главкомата, но по сути это был специально придуманный самим же Ю.П. Максимовым ритуал, где всем приглашенным отводилась пассивная роль.

Нельзя исключать значительных усилий Ю.П. Максимова по обеспечению безопасности в войсках. Видимо, в ЦК КПСС и у министра он на этот счет получил строгие указания. И это было оправдано. Поля продолжали бороздить подвижные пусковые установки с ядерными зарядами на бортах. Были недели, когда по таким крупным городам, как Нижний Тагил, Иваново, Иркутск, Барнаул, Новосибирск, не считая городов районного значения, совершали марши до 60-70 пусковых установок одновременно. Чернобыльская трагедия стала грозным предупреждением, но и это не охладило горячие головы больших руководителей страны и армии. Здесь Ю.П. Максимов сыграл положительную роль, сосредоточив усилия главного штаба и командующих на безопасности передвижения ракетных дивизионов и полков. Надо полагать, что немалой его заслугой было то, что в смутные дни и месяцы 1991 года ракетные войска не были втянуты в происходящие события, обеспечили установленный порядок боевого дежурства.

Глава последняя

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Мне всегда нравилось красивое слово, умная речь. Видимо, это такой же дар природы, как и талант музыканта, певца, художника. И такой талант проявляется уже в детстве. Я знаю умных, достойных людей, не умеющих просто, а тем более образно, выразить свою мысль. Меня всегда тянуло к хорошо звучащей фразе, к складному письму. Но говорить о себе как о человеке, способном писать, неловко и трудно. В этом я не профессионал. И если я пишу, то это не зов природы, а необходимость, нужда в каких-то записях.

Я мог бы стать художником и, возможно, неплохим, скульптором, а может быть и писателем, хотя наверняка рожден был для крестьянского труда в простой казацкой семье. Будучи выходцем из крестьян, я всегда близко ощущал природу, мир диких и домашних животных, степные запахи, душевные песни на языке наших предков казаков-кочевников.

Но волею судьбы я оказался там, где все было чуждо моей натуре, моему характеру и врожденным началам. Во мне рано проснулся протест против насилия, гнета и зла. За все свои годы неоднократно переживал себя и ученым, и философом, и учителем. При этом всегда ощущал в себе гуманитарное начало, видимо, генное следствие мечтательных корней моих родителей, особенно матери. Выросшие в патриархальных устоях черноморских казаков, на незабываемости традиций, трепетном почитании родителей и старших и мать, и отец были брошены злой судьбой в водоворот событий двадцатого века, века неслыханной жестокости, несправедливости и хаоса. Слияние их нежных душ произошло в юные годы, когда захваченные вихрем событий гражданской бойни они потеряли родителей и близких. В те грозные годы рушилась вера в людей, в их справедливость. Страх и безнадежность постепенно сковали их вольнолюбивые натуры, лишили завтрашнего дня. Люди превращались в бессловесных рабов, уподоблялись скотам, их образу жизни, довольствовались самым малым, возможностью дышать и носить в голове свои сокровенные, невысказанные мысли.

Это была среда того далекого детства, когда мы еще очень мало понимали суть происходящего, но ощущали угнетенное состояние родителей. Так было дано начало противоречивому восприятию действительности, которое в будущем переросло во внутренний неразрешимый протест всей нашей жизни.

Вырос я, как и мои братья, в колхозе. Колхоз был домом, кабалой, тюрьмой. Сколько сказано, сколько пережито в связи с этим ленинско-сталинским творением! Колхозы убили крестьянина, разорили страну. Но именно колхозы оказались наиболее живучи. Идет приватизация, все более наступают рынок, но колхозы держатся и грозно напоминают о возможности реставрации. Сегодня можно слышать, что колхозы кормят страну. Это большая нагрузка. Сегодня они сами себя накормить не могут. Для тех, кто знает колхозы изнутри, смешными выглядят доводы о жизненной необходимости сохранения колхозов. Правдой остается то, что Русь всегда была общинной, и даже колхозной. Гитлер, оккупировав почти всю европейскую часть СССР, советских колхозов не тронул, прекрасно понял их выгодность. Сегодня твердят, что это ли не доказательство того, что это единственная и наиболее выгодная форма хозяйствования на селе. Выходит, что Гитлер, как и Сталин, оказались «радетелями» сельских труженников. Видимо, с этих позиций можно согласиться, что колхоз – лучшая форма. Но Гитлер понял главное, что колхоз – это удобная форма для выколачивания из людей на земле наибольшей прибыли для себя. Так думал и Сталин. Колхоз удобен для поддержания рабской зависимости людей от правящих надсмотрщиков, удобен для эксплуатации.

В колхозе мы были нищими и забытыми. Жили мы бедно. Бедным было не только наше детство. Первую свою личную обувь, сапоги, я надел, будучи студентом педагогического техникума. Сапоги и пальто из полусукна я получил из рук директора техникума. Были у меня одни штаны и одна рубашка. Сапогами я очень дорожил, берег, постоянно чистил до блеска. Но перед тем, как идти в техникум, я их немного вымазывал грязью, как-то было стыдно появляться в таких роскошных сапогах. Ребята, мои товарищи, тогда считали зазорным в чем-либо щеголять. Да и красоваться особенно не в чем было. Все одевались не то что скромно, просто бедно. Но среди всех я был самым бедным. Существовал на мизерную стипендию, одет был во все казенное. Такой была наша молодость. Другой жизни мы не видели и не знали. Среди нас еще витали законы сурового Запорожья, где казаки считали позорным хорошо быть одетым. Скучность породила закон бедности, изгнав всякие излишества в пище и роскошь в одежде. Случалось в их среде, когда после какого-нибудь удачливого набега, казак появлялся в богатом турецком или польском костюме, по обычаю, прежде чем явиться в курень, он должен был погрузиться в бочку с дегтем для того, чтобы шикарное платье, надетое поверх грубой и грязной рубахи, потеряло всякое изящество. Память о том времени жила и передавалась из поколения в поколение.

Долго еще среди черноморских казаков витал дух вольной Сечи. Когда в 1775 году по указу царицы Запорожская Сечь прекратила свое существование, Екатерина Вторая предложила казакам землю от реки Кубани до Азова. Часть казаков ушла за реку Дунай, к туркам. Основная же их масса (свыше 30

тысяч) с семьями, своим нехитрым скарбом переплыли море и высадились в Тамани и на Ейской косе. Тогда же родилась песня, которую пели и мы, их потомки: «...Катырына, ридна маты, шо ты наробыла...»

Клейноды (войсковые регалии – знамена, бунчуки, трубы, литавры, печать и т.д.) Войска Запорожского были вывезены в Москву. И вот теперь раздаются голоса с требованиями возврата этих регалий Украине. А ведь сечевые казаки не остались на Украине. Они ушли, главным образом, на Кубань. Кому же теперь должны принадлежать их клейноды? Думаю, что это серьезный вопрос, но решать его должны не сегодняшние националисты.

«Катырына, ридна маты», не могла тогда знать, сколько молитв и проклятий будет послано казаками, потомками запорожцев, но значительно позже, в двадцатом веке. Большевистский переворот, и особенно гражданская война, разметали черноморцев по всему свету. Многие оказались на чужбине не по своей воле, там они и погибли, вдали от семей и родных станиц.

«...За что ты так покарал нас, Бог, чем мы провинились, чем мы так прогневляли тебя, Боже, какая же мука казаку жить и умирать в чужом краю...» такие слова неслись со всех тех мест, где нашли прибежище эти люди. Среди них немало наших станичников. По рассказам стариков, вначале они попали в Турцию, потом в Грецию, на неизвестный остров Лемнос, были их следы в Югославии, Болгарии. Но на Кубань они не вернулись. Кто знает, где теперь лежат их кости?

А разве тем, кто остался на Кубани, в России было лучше? Над ними измывались, морили голодом, мучили в тюрьмах, в сталинских ГУЛагах. Везде казачий люд терпел муки, страдания, лишения. А за что? Можно ли это забыть?

Казачество наиболее жестоко преследовалось и репрессировалось. Если кабардинцев, чеченцев, татар переселяли, то казаков уничтожали. Причем репрессиям они подверглись в числе первых, в первые годы советской власти. Еще в 1919 году по директиве ЦИК, подписанной Я. Свердловым, одним из ближайших подручных Ленина, начались повальные расстрелы казаков на Дону, Кубани и в других местах. Темная туча накрыла вольную Кубань. Вскоре эту цветущую область России нельзя было узнать. Люди таяли, как снег. Так повернулась жизнь для всей страны. Считают, что человеку Богом отпущено жить до ста лет, а страданий дано на целую тысячу.

Легкой жизни я просил у Бога.

Легкой смерти надо бы просить...

Так пели теперь на Кубани. Нет вольной Кубани, нет казачества. Живут там другие люди. Что же произошло с людьми. Массовая эпидемия самодурства, вседозволенности, недоверия друг к другу, вражды. Может заработал старый закон – в хаосе, бесконтрольности, из человека вылезает зверь. И это закономерно. В каждом из нас еще с детства создавалась необходимая

в том обществе система запретов. Это насаждалось в школах, на производстве, в целом в государстве.

Раздвоенность наших душ была заложена всем укладом той жизни. Мы все жили не так, как хотели, мы делали не то, что думали. Мы не выбирали, и нас не спрашивали. Мы, как щепки, вылетевшие из-под топора времени, были разбросаны по всей стране. Как и наши родители, мы превращались в бессловесных тварей, судьбы которых были в чьих-то невидимых руках. Так мы росли, мужали без надежды и радости. Нашей верой стали вымышленные постулаты новой религии, самой жестокой, самой бесчеловечной. Мы стали частью массы, которая использовалась далеко не бескорыстно. Нас называли коммунистами, но мы не были ими. Вряд ли, было отличие массы коммунистов от беспартийных. Партии не было, как и не было «великого учения» Маркса – Ленина. Партия не могла быть монолитом, как это преподносилось, а потому не могло быть в ней никакого раскола. Ее организация строилась не на единстве. Ленин делил ее на узкую кучку революционеров-профессионалов и массу рядовых членов. Так она и просуществовала, имея уже не кучку профессионалов-революционеров, а громадный аппарат и ту же послушную массу рядовых партийцев. Могла ли такая организация быть сильной, единой, монолитной. Это подобно тому, как давно треснувшая чашка, стоящая без употребления, внешне выглядит вполне целой. Но сдвинь ее с места, употреби по назначению, и трещина вмиг обозначится, чашка потечет, а то и развалится в руках.

Не то ли произошло в памятном 1991-м. Вот это действительно был колосс на глиняных ногах.

Перестройка – звучно и обнадеживающе. Но она была превращена в театр абсурда. Страна катилась к краху, появились явные признаки наступающей агонии. А руководители государства и партийная верхушка успокаивают людей, что так и должно быть, перестройка необратима, альтернативы ей нет. Страна продолжала втягиваться в хаос, разруху, а руководители рожают постановления, указы, разъезжают по другим странам, в общем делают вид, что в стране ничего особенного не происходит. Растут цены на товары первой необходимости при пустых прилавках. Театр живет, иногда меняются артисты.

У всех в памяти указ, запрещающий митинги и демонстрации в пределах Садового кольца, милого «зеркальца» властей. И не смешно ли это было слышать тогда, когда на самой запретной Красной площади среди ошеломленных москвичей, изумленного Генштаба, возглавляемого небезызвестным С.Ф. Ахромеевым и всего руководства Вооруженных сил садится на своем самолетике немецкий хлопчик, как его прозвали «аэроцыпленок». Это произошло на той площади, где столько лет существует еще один абсурд: в ожидании человеческих похорон лежит самый «почитаемый» в России человек, у которого отобрали право лечь в могилу по славянскому обычаю.

Мы просто слепцы и не замечаем того, что над нами смеется все здорово-

мыслящее человечество. Нет границ удивления тому, как можно было в стране, в недрах которой – несметные богатства всей системы Менделеева, громадных плодородных земель, бескрайних лесов, при наличии самой дешевой рабочей силы, довести народ до нищенского состояния. Истинные причины тому так и не названы. Все еще шумим о какой-то коммунистической перспективе. Может быть, при Ленине народ можно было легко обмануть, мало кто знал, что такое социализм, многие поверили фанатикам и лжецам. Но сегодня люди не те, глаза у многих стали открытыми, хотя и сегодня многие еще безропотно подставляют шею в ярмо очередного эксперимента с новыми вождями, с новыми партиями.

К концу восьмидесятых годов, в разгар перестройки, партия так ослабела, что уступила главную для себя статью Конституции, шестую, которая закрепляла единоличную ее власть. Более того уступки были такими неслыханными, как безропотное разрешение плюрализма, гласности и даже появление других партий в обществе.

Что же случилось, что происходило в обществе?

Безусловно, партия дряхла, хотя оставалась еще достаточно сильной, чтобы удерживать все экономические рычаги в своих руках. Шло невиданное заигрывание с людьми, неприкрытое лицемерие со стороны верхушки партии и государства. М.С. Горбачев, безраздельный глава государства и партии, создавая видимость приверженца свободной прессы, занимал недвусмысленную позицию, оставался предан, как он сам говорил, «ценностям социализма». Его лицемерие завершилось танками против безоружных людей. Таким был, таким и оставался язык этого режима, язык насилия, язык крови. Но насилие воспроизводит насилие.

Зловещий понедельник августа 1991 года. Радио передает тревожные слова, вся полнота власти в стране переходит в руки государственного комитета по чрезвычайному положению, в отдельных районах страны вводится чрезвычайное положение. В составе комитета лица, известные своими крайними взглядами. Непонятно, зачем эта затея, если власть у них и так была. Но все более власть стала ускользать, нужны были более крутые меры. Все эти подходы знакомы, они из архивов сталинских времен. Действия грубые, неприкрытые, упор на силу армии, КГБ и МВД.

Тревога все нарастает. Я с семьей на даче в районе Кубинки. Через каждые три минуты на ближайшем аэродроме садятся тяжелые самолеты, к Москве стягиваются силы. Минское и Можайское шоссе забиты войсками. Но обо всем этом информация только из-за рубежа. Демократические государства осудили действия властей Советского Союза, квалифицировав их как переворот.

Решил ехать в главный штаб ракетных войск, чтобы выяснить обстановку. Заварушка довольно серьезная, чувствуется, что те, кто на это решился, уже не остановятся, все больше чувствуется запах крови. Москва на чрез-

вычайном положении. Горбачев в Крыму помалкивает. То, что он автор сценария этого спектакля, сомнений нет. Теперь он выжидает, как будут развиваться события, куда склонится чашка весов. В Москве орудуют его единомышленники, но как бы без его согласия. Для Запада он остался чистым. Все довольно мрачно, зловеще, непрекращающийся гул самолетов. На второй день забавная пресс-конференция Янаева с трясущимися руками. Все отчетливее тень Горбачева. По радио классическая музыка, как бы предвещает похоронную, по телевидению – непрекращающийся балет, любимое диво властей.

И вот крах. Заговорщики арестованы, КПСС запрещена, народ ликует. Кто мог такое предвидеть, кто мог предсказать? Все так неожиданно и неприглядно, что просто пугает. Рабы на свободе, но они ее боятся. Как жить, что делать, как поступить с этой незнакомой свободой? Произошло что – конец застоя, конец перестройки, конец тоталитаризма? Как все это осознать. Одно несомненно: старое уходит безвозвратно. Но не так все просто.

Начало распада империи зла.

Первой расторгает «брак» Литва, хотя литовцы отвергают факт его заключения. Эстония, Латвия рвутся вслед за нею. Такой выход для себя ищут Грузия, Молдавия. Москва не в состоянии играть мускулами.

Союз был крепок только на силе, а сила ушла. Распад неизбежен. Другого пути просто нет. Теперь уже нет «брака» не только по любви, но и по расчету. Решает не сила, а разум. Не знаю, но, может быть, и разумно разойтись, а потом, в других условиях, сойтись, действительно, добровольно, с экономической выгодой для всех, как это демонстрирует Европа.

Одна мудрая бабушка учила внука одевать штанишки, сначала застегнуть верхнюю пуговицу, ибо нижнюю некуда будет девать и пуговица может оказаться лишней. Так, видимо, надо поступать и в большом. Признать желание всех, и верхней пуговицей оказалась Прибалтика.

Вдгонку распада слышатся голоса, что в жилы и громадину тела Союза проникла какая-то духовная отравка, губительный яд. Этим ядом оказались так называемые демократы. Чтобы вылечить гиганта есть только одно средство – беспощадное отсечение новой заразы, а потом уже идейная пропаганда и обращение к «разуму» и «совести» народа. Это, действительно, большевистки.

Так продолжает думать оппозиция, те, кто был вышелеблен из своих мягких кресел.

Как же ко всему этому надо относиться?

Весь мой род, род простых казаков, был буквально вытравлен уходящей системой. Дед мой Афанасий, старший урядник казачьего Кубанского Войска покончил собою выстрелом в висок под Новороссийском, когда понял, что ждет родную Кубань. Он не захотел быть соучастником грядущего. Дядя Константин вместе с остатками армии Врангеля ушел в Турцию, и его следы,

как и сотни тысяч других, таких же простых русских людей, затерялись в пучине событий. Другой дядя Афанасий – был замучен в годы сталинской коллективизации, третий – Михаил – погиб в лагерях ОГПУ. Судьба же отца оказалась самой страшной. Чем можно оправдать все это?

Они не дожили до наших дней. Родились они свободными, но жили без нее. Мы же со свободой не знакомы, она нас тревожит, пугает.

Мы были свидетелями, как нас обманывали, как нам лгали. То небольшое оживление первых лет перестройки быстро погасло. Преобразования свыше оказались липовыми, номенклатура их только провозгласила, но проводить всерьез не собиралась. Никто власть делить не хотел. В номенклатуре главным было – власть, не собственность, а именно власть. Буржуазия была имущим классом, а номенклатура классом господствующим, а потому и имущим.

Хрущев в свое время заявлял, что можно всем пресытиться – едой, женщиной, даже водкой. Но власть такая штука, чем больше ее имеешь, тем больше ее хочется. Джилас, один из руководителей Югославии времен Тито, назвал власть высшим наслаждением.

Но произошло то, что должно было произойти. Рухнул Советский Союз, ослабли связи между бывшими его республиками, люди встретились с совершенно незнакомыми явлениями, свойственными другому незнакомому миру: свободой, собственностью, безработицей, рынком и пр.

Естественно, отношение у всех к этому разное.

Ю.П. Максимов, бывший главком ракетных войск, склонен винить в этом тех, кто не захотел совершенствования политического и экономического состояния общества, а также административного устройства государства, и в первую очередь – М.С. Горбачева. Будучи руководителем государства и партии, он, по его словам, за неполные шесть лет своего правления, позволил взорвать изнутри столь мощную политическую систему и идеологию и ничего не сделал для исключения распада нашего государства. Это позиция ортодокса, не сумевшего видеть более глубинных причин случившегося, продолжающего верить в заскоружные догмы большевизма.

В.М. Вишенков, бывший начальник главного штаба ракетных войск, считает виновниками всех и вся. У него в одной куче и Горбачев и Ельцин, и демократы, и коммунисты. Ему еще более трудно осмыслить происходящее. Он видит, что все стало не так, все непривычно. Видимо, это характерно для многих людей, если не для всего общества. Одни, типа Ю.П. Максимова, всеми силами стремятся воспрепятствовать новому, прогрессивному, но понимая, что открытое противостояние безнадежно, приспособливаются и ждут своего часа. Другие неосознанно, а лишь в силу своей приверженности, ностальгии по молодости, не воспринимают перемен, открыто выступают против и тем самым создают иллюзию сил, способных все повернуть вспять, вернуть свои годы и надежды.

Мы жили и продолжаем жить с закрытыми глазами. Мы не хотим видеть и признавать истину. В прошлом, девятнадцатом веке известный русский мыслитель и общественный деятель Чаадаев говорил, что мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку и у нас нет традиций ни того, ни другого. Сказано очень современно. Так и остались мы на этой пресловутой границе. То малое, что еще оставалось, окончательно было растоптано за последние 70 лет. Мы всегда пытались выставить свой патриотизм. Тот же Ю.П. Максимов призывает возвратиться к проверенному «нравственному» постулату патриотизма, который на всех перепадах нашей истории помогал сплотиться, выстоять и победить. Так, ли уж это верно.

Еще в прошлом веке прогрессивные русские писатели Л. Толстой, А. Чехов обозначили всемирную цель – идти, освобождаясь от рабьего, к всеобщему, всемирному рабству. Л. Толстой называл иных патриотов рабами деспотизма. Он полагал, что искусство должно объединять народ, а не разъединять. «Патриотизм – это рабство». Это было произнесено более чем 100 лет назад.

Однако то, что представлялось Льву Николаевичу отодвинулось теперь за девятый горизонт. Был ли прав Толстой? Можно ли его судить за это сегодня? И да и нет. Концепция патриотизма спорной была всегда. Вряд ли можно сокрушить Эверест толстовским человеколюбием. Созвучны с этим слова того же Чаадаева: «...Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с закрытыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее, я думаю, что время слепых влюбленных прошло».

Сейчас, как и тогда, говорунов много, в том числе и выдающих себя за патриотов. Как правило, во всем они видят происки Запада. Так себя именуют свежие коммунисты. Они не вдумываются в старые партийные лозунги. В 1914 году Ленин изумил всех «смелостью» своего лозунга – «поражение в войне своего правительства». Как это резало по патриотизму, а сегодня это выставляется за русскую идею.

Об этой идее забеспокоились многие, в том числе и власти. Во что должна верить Россия. Оказывается, Россия, одна из древнейших цивилизаций, оказалась бездуховной. Может быть. Другие считают, что Россия – страдальческая страна. Предполагают, что Бог в свое время отдал своего сына Иисуса на страдания, а Россию – дьяволу. Поэтому считается, что наш народ, богоизбранный, предназначен так же, как и сын божий, искупить грехи всего человечества. Но богоизбранность понимается по-разному: державники, соборники утверждают, что мы призваны и избраны, чтобы сказать миру какое-то особое слово, которое потрясет его. Отсюда мы должны стать «третьим лицом», мы народ-богоносец, «всемирная душа». Нет никакого сомнения, что здесь явно просматриваются клыки национализма, в этом видна неприкрытая национальная гордыня. А ведь по Писанию это и есть тот самый страшный грех.

Другие, по-моему, более здравые, полагают, что Бог отдал Россию на страдания во имя искупления грехов всего человечества, как и своего сына. Но сына Бог взял к себе и тем самым вырвал его из рук сатаны. Так может быть, это должно произойти и с многострадальной Россией: Бог протянет к ней руки и вырвет нас из объятий дьявола.

А не происходит ли это сегодня, в последние годы. Россию Бог отдирает от дьявола, народ стонет, он привык к другому, он не хочет света, он по-рабски довольствуется малым, но знакомым и родным. Дьявол еще не выпустил свою жертву, он только ослаб. И хочется думать, что Бог вырвет народ, которому он определил роль мученика, страдальца. Мы можем быть свидетелями того, что придет посланец Бога, новый Мессия, которому поверит народ и выведет его так же, как вывел Моисей иудеев из Египта.

Империю зла и светлую Русь соединить уже нельзя. Народ должен уйти от своей гордыни, от какого-то мифического третьего пути, ибо этот путь в никуда, в пропасть. Нам нужно всеобщее покаяние и смирение. Кто-то должен произнести: «Смирись, гордая Россия!». И видимо это должно прозвучать не словом, а стоном, тяжкий стон народа, от которого отвернулся Бог.

Находясь в лапах дьявола, мы хотели разлить коммунизм по всему свету. Теперь всем стало ясно, что это зло всей планеты, насаждаемое силой. В этом сатанинский замысел и его воплощение. Мы продолжали гордиться тем, что мы избраны, а теперь видим, что давно на крючке у дьявола.

Русского коммунизма люди на земле бояться будут еще долго. Но и сегодня он живет, его вожди трубят, угрожают, пугают Западом. Нами придумана странная сентенция по Тютчеву: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить...». Причем это мы продолжаем утверждать тогда, когда сами, без чьей либо помощи, прожить не можем. Послевоенную помощь без гордыни приняли немцы и японцы, работая не покладая рук, добились того, что можно действительно считать седьмым чудом. Мы все эти годы отвыкали от труда, да и любую помощь способны только проесть. Любая помощь нам исчезает, как в «черной дыре».

Сомнительно верить в существование особой русской души, как, видимо, особой души польской, немецкой, бразильской. Бог не делил души по географическому, этническому или другому признаку, у него души общечеловеческие. Но мы, русские, всегда проявляли рабскую покорность. Зло в нас самих, это наибольший наш враг и нам это надо признать. В природе каждая личность феномен. Каждый из нас, взятый в отдельности почти всегда знает, как надо жить, как хорошо заработать. Найти же рецепт для всех, для всего народа, для целой страны куда сложнее.

И не потому ли частная инициатива позволяет почти мгновенно ликвидировать любой дефицит, который возникает на рынке. В общественной же атмосфере не может родиться частная инициатива. Более того, у нас нет атмосферы общественного признания людей, способных что-то самостоя-

тельно делать или организовывать. Тем не менее, выдающие себя за коммунистов продолжают утверждать, что в России социализм изжить невозможно, ибо наш народ общинный, коллективистский. Хотя и у них появились намеки на признание многоукладности экономики, т.е. они допускают частную собственность, а значит и рынок. Но всем известно, что социализм с рынком не совместимы. Это понимал и Маркс. Он считал, что социализм будет возможен, когда капитализм себя исчерпает. Но, видимо, Ленину и большевикам не хватило терпения, чтобы дождаться такого момента. Кому нужна была власть? Говорят, что Ленин это понимал, но несколько увлекся и позже вообще осудил свои действия и призвал к нэпу. Может быть и так, хотя в его трудах вряд ли возможно найти упоминание об этом. И сегодня от социализма у нас не отказались, стыдятся, ищут аналогии на Западе. Беда в том, что с распадом КПСС настоящие демократы к власти не пришли. Часть номенклатурщиков, перекрасившись, образовали партию власти, ортодоксы и не успевшие усесться в руководящие кресла, возродили КПРФ. Истинные демократы к власти могут придти тогда, когда будет создан слой собственников, когда земля будет отдана людям. Именно в этом сейчас: главный вопрос общества. Пока же сохраняется то, что создал Ленин. Он отобрал у крестьян землю и тем самым сохранил за собою власть. Пока в Думе, в структурах правительства бывшие номенклатурщики, пока земля в руках чиновников, основа власти будет в их руках. Ни аренда, ни что-либо другое дела не решат. Только собственность, собственность личная, частная. Только она должна быть провозглашена главенствующей.

Со всех трибун продолжают грозить Западом. Не понятно почему Россия не стала Западом. Не достаточно ли ее загонять на Восток. Ведь Россия часть Европы, для Востока она всегда была Западом. Стоит только бегло взглянуть на историю Руси, как сразу же становится ясным, в те периоды, когда связь между Россией и Западом прерывалась или ослаблялась, надо признать худшим временем русской истории. Это и татаро-монгольское иго, и боярщина, и, наконец, большевистский беспредел. Были эти периоды долгими, но не вечными. И то, что провозглашали вожди большевизма на все времена и века, рухнуло в одночасье, за несколько дней, потому что строилось на насилии. Слишком уверенными были эти прогнозы, а потому и не долговечными.

Уинстон Черчилль говорил, что легко делать прогнозы, но гораздо труднее объяснять, почему они не сбылись. И это правильно, пророчества строились на песке.

Шумим о реформах. О них на Руси всегда любили говорить. Истории известны начинания многих, но не было у них завершения. Сегодня мы опять с реформами. Можно ли изменить нереформируемое. Не хотелось бы, но, видимо, и эти реформы ожидает провал. Надо видеть, как вяло они проводятся, они не радикальны. Постоянно делается курс на административно-эко-

номические, налоговые, ценовые и другие государственные меры. До настоящего времени кардинально не решен вопрос о собственности. Собственников мало, по-прежнему главным собственником остается государство, господствуют естественные монополии. Цены устанавливаются не на рынке, не конкурирующими собственниками. Их держат государственные монополии. Не завершена приватизация, частной собственности в чистом виде остается малый процент, превалирует арендная кабала с чиновничьим надзором, они вмешиваются в торговлю, сферу услуг и пр. Прекращена конверсия ОПК, о которой так много шумели. Наконец, земля не является частной собственностью. Пока земля в руках государства, чиновничьей рати, ни о какой демократии речи быть не может. Естественный распад совхозно-колхозного строя еще долго будет агонизировать. В этом основная угроза прекращения не начатых по-настоящему реформ.

Но существует еще одна, не менее опасная, угроза. Это массовая коррупция, продажность государственного аппарата. Русь всегда славилась воровством. И причин тому было предостаточно. Здесь и вечная нищета, и слабость людей на всякие искушения, и изворотливость ворующих, уходящих от наказаний. Так еще Петр Первый своему посольству по прибытии в Европу повелел защитить карманы, чтобы, упаси Господь, чего-нибудь не украли.

Николай Первый, принимая министра внутренних дел Чернышева, спросил: «Ну что продолжают ли воровать чиновники?». На что тот ответил: «Воруют Ваше величество». Николай Первый сказал, что он еще раз убеждается в том, что в России не ворует один человек, это царь.

С тех давних пор надо полагать неверующих в России увеличилось вдвое. Об этом на всю страну объявил президент Б. Ельцын, принимая первого заместителя премьера правительства Б. Немцова. Именно себя и бывшего нижегородского губернатора Б. Ельцын определил чистыми чиновниками.

Проблема искушения – это вечная проблема. И речь идет не только о желании стащить у соседа мешок картошки или позариться на чужой карман. Речь идет о вере и неверии, о нарушении миропорядка, заповеданного Богом. Однажды поддавшись искушению, человек подвергается страшным испытаниям. Если искушение массовое – это приводит к ужасным последствиям. На Руси все бунтовщики назывались ворами. Такими же ворами стали авторы Октябрьского переворота. Но эти воры уже не прикрывались божьим именем, как это было до этого. Они объявили несуществующим самого Бога и отбросили все нравственные заповеди: не убий; не укради; не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего; не желай дома ближнего твоего, не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего. Не сказано «не возьми» а именно «не желай». Ибо желание то, что непосредственно связано с искушением.

Мы же за все эти годы впали в грех, стали вне христианства, вне религии. В свое время Христос пришел к народу богоизбранному и тогда этот народ уже знал заповеди, знал, что нельзя посягать на чужое. Мы же долго жили и продолжаем жить в «доме рабства», где нет места божьим заповедям.

Может быть, что сегодня Господь Бог с трудом выводит нас из этого «дома рабства». Но, не вернувшись к его заповедям, мы не вырвемся из объятий дьявола. А без заповедей мы не познаем чистой, вечной Свободы.

Трудно верить в то, что в ближайшее время у нас будет лучше – это или сверхфантазия, или сон наяву. Одно безошибочно – пока это мечта. Мы все еще остаемся в плену прошлого, что, видимо, это оправдано тем, что на фоне сегодняшнего дня это – действительно наши «голубые дни». А потому слова «большевик», «коммунист» де стали препятствием для всех, часть наших соотечественников опять выходит на улицы со старыми знаменами и лозунгами. Хотя уже наверняка старое не возвратишь, прошлому не бывать. Будем надеяться, что черные дни большевизма стали достоянием горестной истории России,

Пока же Россия болеет, она немощна, бессильна. Власть неуверенна, иногда ее нет. Колесницу России тянут лебедь, рак и щука. Поэтому трудно надеяться, что что-нибудь в скором времени произойдет позитивное. И беда в том, что все выше поднимают голову силы, из рук которых выпала власть. Эти силы обретают надежду на реванш. Всегда в такие периоды истории плохое еще более обнажается. Идеалы животного довольства становятся на первое место. Убить человека и не ответить за это стало привычным явлением. В печати – ложь, клевета, сорочье стрекотание, трудно найти правду.

Мы легко, бездумно идем на перемены, мы всегда склоны к мятежам. Видимо, в наших душах заложен этот мятежный, ломающий вся и все дух, дух перемен, дух разгрома, дух чего-то даже непонятного, не ясного, но нового. Мы с замиранием ждем новых известий, перемен, ломок, А не потому ли наша страна остается необустроенной, неудобной, неуютной для жизни. С завистью смотрим на Запад, но с удивительным постоянством отрицаем все западное, ждем оттуда угрозу.

Странное желание русского человека стать европейцем, особенно начиная с Петра Первого, вызывает все парадоксы, нелепости и загадки в нашей жизни.

Знаменитый историк Ключевский В.О. писал, видимо, не без иронии: «...Родившись русским и решив, что русский не европеец, как сделаться европейцем?...».

И причины этому все-таки есть, из истории известна жестокая расправа царской власти с церковью еще в XVI веке (Аваакум, боярыня Морозова, старообрядцы...). Свободная православная церковь перестала существовать.

Но порабощена была не только церковь, вместе с нею – и основы свободной духовной жизни. А это вело, так или иначе, к обреченности русского государства. С тех пор народ был обречен на несамостоятельность, с постоянной оглядкой на Европу. Был еще один этап – убийство Александра Второго. Причем был убит не в результате дворцового заговора, как это чаще всего было при русском дворе. Это было слепое чувство народа, чувство какой-то зловещей мести. С этого момента началась трагедия русской государственности.

И если проследить историю России до Николая Второго, то и его убийство стало ее поворотным этапом, закрепившим безумие в нашей стране. На Руси все шло к этому, к захвату власти большевиками, к кровавой гражданской войне, к диктатуре, к новому рабству.

И вот эта система рушится – теперь можно все. И у части наших сограждан из глубины души вылезает все самое низменное. Люди становятся еще более лживыми, выдают желаемое за действительное. В общем, наступило то, чего боялось каждое здоровое общество, – вседозволенность.

Как, например, можно нацеплять на себя незаслуженные награды? А это стало повсеместно модным. И даже современные казаки в этом погрелись. Многие надевают погоны, присваивают сами себе звания.

Я помню, как было постыдно прицепить на погоны лишнюю звездочку или примерить мундир старшего по званию. Это считалось в офицерской среде неприличным. А если бы тогда, кто-то надел чужие ордена, его бы отправили в психушку. Сегодня это стало обычным явлением. Не спорю, бывает с одним человеком что-то не нормально, а то ведь у многих, как говорят, крыша поехала или перекосилась.

Президент бывшей Чехословакии В. Гавел, а позже Чехии писал о том, что люди, выросшие при социализме напоминают зверей из зоопарка, если бы их выпустили на волю. Они почти все стали бы обреченными на гибель. Это потому, что они не приспособлены к нормальным условиям жизни, не смогут самостоятельно добывать пищу, защитить себя от врагов. Как это похоже на наших людей, которые только охают, жалуются – от старушки-пенсионерки до федерального министра. Кругом одни стоны, чаще беспричинные.

Что же такое современная Россия? Как теперь понимать такие высокие категории, как честь, родина. Надо ли в них верить, ведь они всегда были корпоративны (честь дворянская, офицерская, партийная и т.п.). Думаю, что честь может быть только личной, индивидуальной. Есть большое сомнение, что именно в советское время родина стала главной ценностью. Честь и Родина. Мы, офицеры, присягали, но кому? Родине ли? Видимо, честь дороже этой присяги. Понятие чести включает приверженность к справедливости. Отсюда в суждениях о родине критерий справедливости обязателен. Это было не всегда. Вместе с тем патриотизм не может нас

уводить за границы строгой справедливости. Вот теперь уместен вопрос – была ли великая Родина? Она развалилась. Интересно, что относительным большинством людей это воспринято довольно равнодушно. Никто не схватился за оружие, чтобы воспрепятствовать этому. Хотя ностальгия по вчерашнему остается.

У древних евреев, когда они вышли из Египта, возникла ностальгия, особенно, когда в пустыне проголодались, вспомнили фараонову пайку. У нас это больше коснулось тех, кто что-то потеряли. А это те, кто правил, обслуживал их, охранял, подавал, съедал остатки с роскошного стола. Ведь и отмена крепостного права не всех осчастливила. Толпы дворовых, недурно живших «за баринком», имея дом, стол и, вдруг, решайте все сами, иметь или не иметь.

Сейчас мы часто ищем аналогов в истории. И это занятие становится довольно привлекательными. Часто можно слышать, что тот, кто развалил державу ответит. Но история бескомпромиссна. А ведь «мину» под державу подложили Ленин со Сталиным, когда ликвидировали империю и упразднили территориальное деление, создав автономии. Это искусственно подогрело националистические настроения. После этого «державу» держалась только на силе. Когда эта сила ослабла держава расползлась. Это должно было произойти, раньше или позже. Национальная элита Украины, Кавказа, Средней Азии жаждали неограниченной власти. Республики в составе Союза уже давно были самостоятельны и как только мирно почил КПСС, так вслед за Литвой суверенитет объявили остальные.

Случилось то, что должно было случиться и теперь с этим надо считаться. Если оценивать прошлое и настоящее, то несомненно, сейчас человек свободней и никогда в истории Россия не было времени, когда любой в ней живущий мог настолько самореализовываться. Но власть как и всегда, остается верной себе, она по сути противостоит интересам людей, не позволяет развиваться самым активным из них. И долго придется ждать, когда она будет обеспечивать свободу каждого, гарантировать устойчивость социальной жизни и общества, отвечая за безопасность всех. А для этого, по-моему, необходимо одно из важнейших условий – свободная, сильная экономика, развивающаяся на основе частной собственности, равной конкурентной борьбы. Видимо, только она способна будет произвести селекцию, отсеять наносное и временное и обеспечить успех тем, кто обладает способностями, талантом саморазвития и получения прибыли, как от природной ренты, так и справедливого распределения ее в интересах всей нации.

Мы зашли в тупик, а вокруг нас мир двигался вперед. И чтобы с ним сравняться, нам надо обрести новое качество. Это будет, когда придут либералы-практики как во власть, так и в экономику. Видимо, это не так скоро, да это и не все еще. Мы должны найти в себе такую духовную силу, которая могла бы держать общество в целом и каждого человека в отдельности.

Потеряла свой блеск и всесилие марксистско-ленинская идеология. Хотя отвыкнуть от нее оказалось не так просто. Я уже говорил, что все больше раздаются крики о каком-то третьем пути России, об особой духовности русского народа, прямо-таки, хоть давить от зависти всему остальному, что живет на земле. Кроме как бредом это не назовешь. Кричат о государственной идеологии. И кажется, что, создав ее, как автомобиль или компьютер, мы двинемся верной столбовой дорогой, вот только куда? А что будет, если кто не согласится? Опять насилие, перевоспитание. Но человек рождается свободным, он не может зависеть от государства, общества. Он обязан жить по законам этого общества, но без насилия.

А.С. Пушкин в последний год своей жизни тосковал о той идеальной жизни, где может процветать человек частный, от государства независимый. Тогда же он произнес свою знаменитую фразу: «На свете счастья нет, но покой и воля...» Может быть, свободная жизнь частного человека и могла быть той исконной государственной идеологией. Но сегодня россияне вряд ли ее воспримут. Это, наверное, в будущем. Сегодня наш человек в такой свободе не всегда нуждается. Он привык ничего своего не иметь, даже страстей. Продолжаем жить на всем чужом, а потому с новой идеологией соваться рано.

Крути – не крути, а на сегодняшний день в нашем обществе живут, по крайней мере, две концепции, которые и претендуют на право быть идеологией.

Первая – это концепция модернизации общества, продукт технократической элиты. А вторая – это так называемая патриотическая идеология. От первой она отличается прежде всего открытой апелляцией к национальному чувству русскоязычного населения. Возможно, поэтому эта идея оказалась наиболее массовой. К ней стремятся пристроиться всякие партии и движения, в том числе и посткоммунистические силы, особенно на волне социальных потрясений.

Но, видимо, любая попытка нового коммунистического прорыва канула в Лету. Коммунистическая империя ушла в небытие и можно полагать она была последней. Время безоглядных разрушений должно закончиться и теперь человек, как никогда, должен возратить свое творческое начало.

Хотелось бы сказать о покаянии. Об этом мы много говорим, мало понимаем, ничего не делаем.

У людей существует мнение: «...С какой стати я буду каяться, я не виноват...». Это в первую очередь изрекают бывшие безгрешные, кто никогда не винулся, они любили ходить в победителях.

А ведь попросить прощения, признать себя виноватым – это удел сильного человека, человека с сильными чувствами. Мы продолжаем самообманываться, надеемся на чудо, вдруг, все переменится. Вряд ли такие надежды будут жить в свете того, что происходит сегодня.

Опять одна надежда на Бога, мольба о своей следующей жизни. Но может быть Богу все это неудобно. Забыты его заветы и одна из них, самая трудная:

«...Возлюби ближнего, как самого себя...». Но через себя мы не можем преступить, каждый думает о спасении только своей души. И в этом наша корысть.

Мы всегда жили и живем в обществе, где люди разделены на врагов и героев, мы далеки от милости к падшим. Мы еще «белые» и «красные», русские и немцы. У нас одни победы, нет поражений. А потому, о каком покаянии может идти речь?

Чувство собственной вины – это всегда было свойственно людям, способным к самосовершенствованию. Тот, кто может чувствовать свою вину, а тем более ее признать, – он сугубен со своей душой, шире, человечнее, жалостливее. Хотелось бы, чтобы мы такими стали.

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
<i>Глава первая</i>	
РАКЕТЫ ВМЕСТО ХЛЕБА	5
<i>Глава вторая</i>	
ГОЛОДНЫЙ СТОН КУБАНИ ЖАТВА СКОРБИ	17
<i>Глава третья</i>	
РАКЕТЫ НА КОСТЯХ ЗЕКОВ	27
<i>Глава четвертая</i>	
ОТ ФАУ ДО СТРАТЕГИЧЕСКИХ	55
<i>Глава пятая</i>	
РАКЕТЧИКИ БЕЗ МИРНЫХ БУДНЕЙ	67
<i>Глава шестая</i>	
В ВЕНСКИХ ЗАСТЕНКАХ КГБ	73
<i>Глава седьмая</i>	
ГИМН КУБАНСКИХ КАЗАКОВ В ЛЕСАХ БЕЛОРУССИИ	94
<i>Глава восьмая</i>	
ГУЛАГ – МОГИЛА ОТЦА	111
<i>Глава девятая</i>	
«МОЗГ» АРМИИ С ОДНИМ ПОЛУШАРИЕМ	132
<i>Глава десятая</i>	
В КРУГОВЕРТИ ГОНКИ ВООРУЖЕНИЙ	158
<i>Глава одиннадцатая</i>	
СТРАНИЧКА ИЗ «ЗАСТОЯ». «ЦАРСКИЙ» ПОЕЗД ПЬЯНОГО ГЕНСЕКА	180
<i>Глава двенадцатая</i>	
СИБИРЬ НЕ ЕВРОПА. МЕСТА ХВАТИТ	200
<i>Глава тринадцатая</i>	
СЕКРЕТ, ЗАВЕРНУТЫЙ В ТАЙНУ	209
<i>Глава четырнадцатая</i>	
В ЦЕНТРЕ ВОЕННОЙ БЮРОКРАТИИ	240
<i>Глава пятнадцатая</i>	
ПОРТРЕТЫ МОЕЙ КИСТИ	250
<i>Глава последняя</i>	
РАЗМЫШЛЕНИЯ	321

1. The first part of the report deals with the general situation of the country and the results of the survey.

2. The second part of the report deals with the results of the survey in the different regions.

3. The third part of the report deals with the results of the survey in the different districts.

4. The fourth part of the report deals with the results of the survey in the different villages.

5. The fifth part of the report deals with the results of the survey in the different households.

6. The sixth part of the report deals with the results of the survey in the different families.

7. The seventh part of the report deals with the results of the survey in the different groups.

8. The eighth part of the report deals with the results of the survey in the different communities.

9. The ninth part of the report deals with the results of the survey in the different organizations.

10. The tenth part of the report deals with the results of the survey in the different institutions.

11. The eleventh part of the report deals with the results of the survey in the different departments.

12. The twelfth part of the report deals with the results of the survey in the different provinces.

13. The thirteenth part of the report deals with the results of the survey in the different states.

14. The fourteenth part of the report deals with the results of the survey in the different countries.

РЕДАКЦИЯ приносит свои извинения автору
и читателям книги за допущенные опечатки

	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>
Две́тная вкле́йка 1, 2	арте́рии	артилле́рии
Две́тная вкле́йка 3	политическое	политические
Страница		
64	Махоненков К.И.	Малоненков К.И.
65	Добыш Ф.И.	Добыш Ф.И.
128	начальник управления	начальник направления
128	из Майково	из Тейково
225	А.А. Мопольский	А.А. Топольский
37 (первая строка)	перовому	первому
257	П.А. Гочаков	П.А. Горчаков
57	8КБ1	8К51
64	P42	P12
86	пемял	понял
101	Лобыш Ф.Ш.	Добыш Ф.И.
150	МОМ (министерство общего машиностроения)	МОП (министерство оборон- ной промышленности)
150	МОМ сосредоточил	МОП сосредоточил
151	МОП оказался	МОМ оказался
152	тон задавало МОП	тон задавало МОМ
153	здание МОМ	здание МОП
207	С.А. Яшин	Ю.А. Яшин
280	вместе В.В. Ляшика	вместо В.В. Ляшика
285	выросшее	выросшие

Формат 60x90 ¹/₁₆. Офсетная печать
20,0 п.л. + 1,375 п.л. вклейка.
Заказ № 10897

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

За легендами и мифами, сложившимися в связи со сверхсекретностью и полной закрытостью Ракетных войск стратегического назначения, скрыта истинная правда об истории их зарождения и становления как главного вида Вооруженных Сил.

Автор книги, сам испытывавший несладкую жизнь ракетчика, открыто и довольно правдиво рисует картины формирования войск, строительства ракетных баз в глухих уголках Сибири, Урала, пишет о тяжелой, почти страдальческой участи людей, связавших свои судьбы с грозным оружием, обладающим колоссальной разрушительной силой.

Книга написана простым, доступным языком. Правдивость сюжета, своеобразная манера изложения наряду с актуальностью и важностью поднятых вопросов делает ее интересной для широкого круга читателей.

